

Т. 10, № 4 • 2025

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия Общество. История.
Современность

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издаётся с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 10 № 4 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://journals.omgtu.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgtu.ru/
general_information/
media_omgtu/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Семина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 10.12.2025 г.
Дата выхода в свет 19.12.2025 г.

Формат 60x84 1/8.
15,58 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1–100).

Заказ 90
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сущко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
Астана, Республика Казахстан

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартишина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
путей сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
«Society. History.
Modernity»

Published since July 2016
4 Times per Year

Volume 10 No. 4 2025

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
«Omsk State Technical University»

Mass Media Registration Certificate
ПМ No. TY55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://journals.omgtu.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgtu.ru /
general_information/media_omgtu/
journal_of_oms_k_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_oms_k_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
«Omsk Scientific Bulletin»
Series «Society. History.
Modernity», OmSTU

Signed in Print 10.12.2025
Date of Publication 19.12.2025

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 15,58. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1-100).

Order 90
Open Price

EDITORIAL BOARD

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law,
M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkova Aleksandra Sergeevna,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadiyevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Н. А. Беляева, И. А. Гудков. Проекты учреждения Хлебной биржи во Владивостоке на заключительном этапе Гражданской войны	5
Н. А. Заяц. «Гвардия Комуча»: добровольческие части Уфимского фронта в октябре 1918 – январе 1919 гг.	12
А. К. Потапов. Основные этапы деятельности Интердвижений в Эстонии в годы перестройки	20
М. М. Стельмак. «Случай обнаружения прокламации, трактующей о необходимости прекратить войну»: антивоенная революционная деятельность в Омске в 1914 – 1917 гг.	26
Д. А. Малюченко. Советская часть органов управления Китайско-Восточной железной дорогой и Северная Маньчжурия в 1925 – 1931-х гг.: был ли регион советской колонией?	35

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Н. Д. Ростов, Д. И. Петин. Подготовка резервов для кавалерийских частей действующей армии в Сибирском военном округе в годы Великой Отечественной войны	44
Н. А. Шабельникова. Легендарная профессия: Амурская милиция в годы Великой Отечественной войны	50
Н. В. Лидер. Формы и методы партийно-политической работы в Красной армии в годы Великой Отечественной войны (анализ опыта 65-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии сибиряков)	56
Н. В. Ляскина. Деятельность советской школы по предупреждению детской безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на примере Дальнего Востока)	64
П. А. Орлов. Исторический формуляр отдельного дивизиона бронепоездов как источник для проведения микроисторического исследования	72
С. Н. Третьяков. Решение проблемы восполнения кадров в сельском хозяйстве Алтайского края в годы Великой Отечественной войны	78

ФИЛОСОФИЯ

Е. В. Борисов. Темпоральное измерение неозеноновских парадоксов	85
Р. Л. Кочнев. Сознание как проблема: современное картезианство	89
М. С. Сысоев. О соотношении проблем в философии сознания и методологических ошибках	99

IN MEMORIA CLASSICA

С. В. Левшин. Гилберт Райл как критик феноменологии	106
С. А. Федоров. И все-таки критиковал ли Райл Декарта?	113

ЭКОНОМИКА

А. С. Горда. Цифровая трансформация бизнес-моделей предприятий в сфере розничной торговли	120
Э. Р. Аблитаров, А. О. Каминская, М. Ю. Дементьев. Векторы ускорения смарт-индустриализации предприятия	127

CONTENTS

HISTORY

N. A. Belyaeva, I. A. Gudkov. Projects for establishing the Grain Exchange in Vladivostok during the final stage of the Civil War	5
N. A. Zayats. "Komuch's Guard": volunteer units of the Ufa Front in October 1918—January 1919	12
A. K. Potapov. Main stages of the activities of the Intermovements in Estonia during the years of the Perestroika	20
M. M. Stelmak. "The case of detecting the proclamation, interpreting about the need to stop the war": anti-war revolutionary activity in Omsk in 1914—1917	26
D. A. Maliuchenko. Soviet part of the governing bodies of the Chinese Eastern railway and Northern Manchuria in 1925—1931: was the region a Soviet colony?	35

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. D. Rostov, D. I. Petin. Training reserves for cavalry units of the active army in the Siberian Military District during the Great Patriotic War	44
N. A. Shabelnikova. Legendary profession: the Amur militia during the Great Patriotic War	50
N. V. Lider. Forms and methods of party and political work in the Red Army during the Great Patriotic War (analysis of the experience of the 65th Guards Riga rifle division of Siberians)	56
N. V. Lyaskina. The Soviet School's efforts to prevent child neglect during the Great Patriotic War (based on the example of the Far East)	64
P. A. Orlov. Historical Logbook of the Separate Division of armored trains as elementary point of the historical study	72
S. N. Tretyakov. Solving the problem of staffing in agriculture of the Altai Territory during the Great Patriotic War	78

PHILOSOPHY

E. V. Borisov. Temporal dimension of new-Zeno paradoxes	85
R. L. Kochnev. The problem of consciousness: Recent Cartesianism	89
M. S. Sysoev. On the relationship between problems in the philosophy of mind and methodological fallacies	99

IN MEMORIA CLASSICA

S. V. Levshin. Gilbert Ryle as a critic of phenomenology	106
S. A. Fedorov. Did Ryle criticize Descartes after all?	113

ECONOMY

A. S. Gorda. Digital transformation of business models of enterprises in the retail sector	120
E. R. Ablitarov, A. O. Kaminskaya, M. Yu. Dementyev. Vectors for accelerating enterprise smart-industrialisation	127

ПРОЕКТЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ХЛЕБНОЙ БИРЖИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Н. А. Беляева, И. А. Гудков

Дальневосточный федеральный университет,
Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о-в Русский, пос. Аякс, 10

Статья посвящена актуальной проблеме экономической истории Дальнего Востока — инструментам включения региональной экономики в систему международной торговли и мореплавания. В центре внимания авторов — разработанные в конце Гражданской войны проекты реанимации показавшего свою эффективность в довоенный период маньчжурского транзита через создание Хлебной биржи во Владивостоке. Представлена борьба биржевого комитета с попытками поставить под контроль транзитные операции иностранного капитала. Работа выполнена в рамках микроисторического подхода. В ее основе документы Владивостокского биржевого комитета из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В результате исследования авторы приходят к выводу о важности изучения как реализованных, так и нереализованных проектов, позволяющих оценить степень использования советскими управленцами разработок досоветского периода для решения важных экономических задач.

Ключевые слова: региональная экономика, порт Владивосток, маньчжурский транзит, Хлебная биржа, биржевой комитет, иностранный капитал.

Для цитирования: Беляева Н. А., Гудков И. А. Проекты учреждения Хлебной биржи во Владивостоке на заключительном этапе Гражданской войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 5—11. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-5-11. EDN: QOBSBO.

© Беляева Н. А., Гудков И. А., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

PROJECTS FOR ESTABLISHING THE GRAIN EXCHANGE IN VLADIVOSTOK DURING THE FINAL STAGE OF THE CIVIL WAR

N. A. Belyaeva, I. A. Gudkov

Far Eastern Federal University, Vladivostok,
Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, 10, 690922

The article is devoted to an urgent problem of the economic history of the Far East — the tools for integrating the regional economy into the system of international trade and navigation. The authors focus on projects developed at the end of the Civil War to reanimate the Manchurian transit that proved effective in the pre-war period through the creation of the Grain Exchange in Vladivostok. The article shows the struggle of the exchange committee against attempts to put transit operations under the control of foreign capital. The work is carried out within the framework of a micro-historical approach. It is based on documents of the Vladivostok Stock Exchange Committee from the Russian State Historical Archive of the Far East. As a result of the study, the authors come to the conclusion that it is important to study both implemented and unfulfilled projects, which make it possible to assess the extent to which Soviet managers used developments from the pre-Soviet period to solve important economic problems.

Keywords: regional economy, Vladivostok port, Manchurian transit, Grain Exchange, Stock Exchange Committee, foreign capital.

For citation: Belyaeva N. A., Gudkov I. A. Projects for establishing the Grain Exchange in Vladivostok during the final stage of the Civil War. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 5–11. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-5-11. EDN: QOBSBO.

© Belyaeva N. A., Gudkov I. A., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Уникальность развития дальневосточного региона в первой четверти XX в. заключается в том, что ему дважды пришлось входить в единое экономическое пространство страны. Первый раз — после окончательной отмены режима порто-франко в 1909 г., второй — после завершения Гражданской войны в 1922 г. Этот процесс происходил в разных социально-политических условиях, с разной системой приоритетов и противоположными идеологическими установками. Однако и в том, и в другом случае важное место в поиске путей этого перехода отводилось транзиту маньчжурских грузов, благодаря которому Владивосток превращался в центр международной торговли и мореплавания, локомотив региональной экономики.

История крупнейшего логистического проекта в истории российского Дальнего Востока, известного как «маньчжурский транзит», все еще остается малоизученной проблемой историографии. Его дореволюционный этап в контексте российско-китайских экономических связей рассматривала Г. Н. Романова [1]. В свое время один из авторов данной статьи анализировал практику взаимодействия таможенного ведомства и железной дороги в организации транзита через Владивостокский порт в начале XX в. [2]. Проблемы движения маньчжурских грузов через Владивосток в период Гражданской войны нашли отражение в публикациях О. А. Устюговой [3]. Значение транзита для обеспечения конкурентоспособности Владивостокского порта в 1920–1930 гг. затрагивала в своих исследованиях С. М. Стасюкевич [4, 5]. Меньше внимания исследователи уделяли условиям обеспечения маньчжурского транзита через Владивосток — Эгершельд¹, одним из которых стало создание особой хлебной биржи. В связи с характеристикой работы Владивостокского торгового порта в 1920-е гг. об этом упоминает Л. М. Медведева [6, с. 85]. Н. А. Троицкая дает краткий экскурс в историю возникновения Хлебной биржи во Владивостоке в рамках развития биржевой деятельности в целом на Дальнем Востоке в первые три десятилетия XX в. [7]. Необходимо отметить, что документы, связанные с организацией Хлебной биржи, вошли в сборник документов и материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), посвященный внешнеэкономическим связям дальневосточного региона со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) [8, с. 487–490, 495–505].

Упоминания о деятельности Хлебной биржи во Владивостоке, названной Эгершельдской по наименованию района порта, где перерабатывались транзитные грузы, чаще всего связаны с деятельностью Транзитной части Владивостокского торгового порта, учрежденной декретом Совнаркома в декабре 1924 г. Именно в развитие этого декрета Дальневосточный революционный комитет (Дальревком) в мае 1925 г. создает специальную комиссию по организации акционерного общества

«Эгершельдская товарная биржа» (окончательное название «Эгершельдская транзитная хлебная биржа») [8, с. 487]. Таким образом, «Хлебная биржа» становится важным элементом организации «маньчжурского транзита».

Однако проекты создания особой биржевой структуры, которая бы способствовала развитию транзитных операций со следующими из Маньчжурии через Владивосток соевыми бобами, появились еще до завершения Гражданской войны и установления советской власти. Свои проекты использования транзитного потенциала Владивостокского порта предложили российские и иностранные предприниматели. Таким образом, изначально создание Хлебной биржи проходило в острой конкурентной борьбе.

Цель статьи — показать предысторию Эгершельдской транзитной хлебной биржи, ее развитие от идеи до конкретных проектов, представленных на рассмотрение органов власти и управления на заключительном этапе Гражданской войны. Исследование выполнено на основе комплекса документов Владивостокского биржевого комитета (РГИА ДВ, Ф. 252), позволяющих проследить раннюю историю Хлебной биржи как экономического феномена и показать ее через два вектора противостояния — конкуренцию российских и иностранных предпринимателей, пытавшихся поставить под контроль важный логистический центр региона, и противоречия между частной инициативой и государственным регулированием грузопотоков, которые в итоге разрешились установлением государственной монополии внешней торговли и ликвидации Владивостокского биржевого комитета в 1923 г. Данное исследование продолжает серию публикаций авторов, посвященных развитию Владивостокского торгового порта как важного центра экономической жизни региона [9, 10].

Основная часть

Маньчжурский транзит представляет собой сложную систему взаимодействия субъектов экономической жизни региона: транспортных предприятий в лице железной дороги и морского торгового порта; таможенных служб России и Китая; торгующего во Владивостоке российского и иностранного купечества. До Первой мировой войны, благодаря выстроенной системе взаимодействия всех звеньев транзита, Владивосток смог успешно конкурировать с быстро развивавшимся японским портом Дайрен (бывший русский порт Дальний). Накануне Первой мировой войны именно через Владивостокский порт шёл основной поток (85 %) транзитных грузов из Маньчжурии, большую часть из которых составляли следовавшие на европейский и японский рынки соевые бобы. Первая мировая война, в условиях которой порт стал обрабатывать преимущественно военно-технические и казенные грузы военного назначения, и последовавший за ним длительный период интервенции и Гражданской войны привели к утрате портом роли центра транзитной торговли

и торгового мореплавания: в 1917 г. через Владивосток следовало лишь 66 % соевых грузов, а в 1920 г. этот показатель упал до 12 % [5, с. 359]. Именно с возрождением грузоперевозок через Владивосток местные предприниматели связывали развитие экономики региона, важнейшей частью которой были внешнеэкономические операции. Инициатором движения за учреждение Хлебной биржи стал Владивостокский биржевой комитет.

Выход из создавшейся ситуации виделся руководителям биржевого комитета в применении проверенных временем моделей экономической деятельности, которые позволили бы выйти из затянувшегося кризиса и вернуть Владивостоку утраченные позиции. Именно здесь совпадали интересы государства и частного бизнеса.

На основе всестороннего анализа экономической ситуации биржевой комитет предложил способ превращения «сонного и безжизненного Владивостока» в мировой торговый центр, успешно конкурирующий с «теперешним кипучим и цветущим Дайреном». Таким «волшебным средством» должно было стать перенесение во Владивосток из Харбина и Дайрена оформления транзитных сделок для соевых грузов через открытие здесь особой (хлебной) биржи. Это позволило бы защитить бизнес-интересы не только российских предпринимателей, но и маньчжурских экспортеров. Основные контуры проекта обозначились еще осенью 1921 г., когда во Владивостоке у власти находилось Временное Приамурское правительство.

В отчете Владивостокского биржевого комитета за 1921 г. возможность развития экспорта через Эгершельд была названа главным вопросом деятельности Биржевого комитета в год его двадцатилетия. Вопрос о путях решения этой проблемы был поставлен уже на первом заседании Биржевого комитета 17 марта 1921 г. Первоначально казалось, что главными препятствиями в привлечении транзита была опасность не прекращавшихся реквизиций и конфискаций грузов, а также высокая стоимость их перевалки в порту из-за роста оплаты труда таможенной артели с 1 руб. 50 коп. в довоенное время до 20 руб. в 1921 г. [11, л. 3-3 об.]. Однако попытки добиться принятия закона, гарантирующего экспортные грузы от любых реквизиций и конфискаций, как и переговоры с союзом грузчиков относительно снижения расценок, оказались безуспешными. На заседании 15 июня 1921 г. старшина Владивостокского биржевого комитета — директор Коммерческого агентства Китайско-Восточной железной дороги во Владивостоке П. А. Баранов — впервые высказался о необходимости учреждения Хлебной биржи под контролем Биржевого комитета. На первых порах было решено ограничиться сбором информации о хлебном рынке Маньчжурии и заинтересованности экспортеров в открытии Хлебной биржи во Владивостоке [11, л. 4-4 об.].

Однако в открытии Хлебной биржи были заинтересованы не только российские, но и иностранные предприниматели. Уже в сентябре 1921 г. во Владивосток прибыла китайская делегация для переговоров с местным торгово-промышленным сообществом по вопросу об учреждении здесь «Владивостокского биржевого акционерного общества по покупке и продаже зерна и зерновых продуктов» (Хлебной биржи). Общество планировалось учредить «в видах проведения экспорта исключительно через Владивостокский порт и в целях сосредоточения во Владивостоке мирового рынка

по покупке и продаже различного рода зерна, бобов, бобовых жмыхов, муки, масел и прочего» [12, л. 3]. Предполагалось, что акционерное общество будет выступать как посредник в совершении сделок по покупке и продаже зерновых продуктов, прежде всего соевых бобов. Однако подписанный пятнадцатю китайскими купцами-учредителями проект Устава был отвергнут на стадии экспертизы [12, л. 3-6 об.]. В заключение юрисконсульта Владивостокского биржевого комитета Н. А. Малаховского отмечалось, что виденье биржевой деятельности, отраженное в Уставе акционерного общества, расходится с тем, что традиционно понимается под ней в России [13, л. 42-42 об.]. Вместе с тем Владивостокский биржевой комитет высказал заинтересованность в совместных действиях с предпринимателями Харбина в деле создания Хлебной биржи.

Явная заинтересованность иностранных купцов подвигла Владивостокский биржевой комитет к более активным действиям. На заседании 21 декабря 1921 г. была создана комиссия в составе трех его членов (П. А. Баранов, И. Д. Кацман, И. Н. Морин) при участии юрисконсульта для выработки Положения об особом «хлебном отделе (бирже)» при Владивостокской бирже [11, л. 5 об.]. Комиссия разработала «Правила и обычаи Хлебной биржи», в основу которых была положена проверенная многолетним успешным опытом практика Одесской биржи.

Однако полностью взять за образец деятельность хлебных отделов Одесской биржи не представлялось возможным, поскольку та не работала со специфическими транзитными грузами, следовавшими на рынки Европы и Японии через российский Владивосток (Эгершельд) и японский Дайрен. А поскольку не только Одесская, но и другие российские биржи не имели дела с соевыми бобами и жмыхами, Биржевой комитет озабочился получением уставных документов тех бирж, которые успешно осуществляли подобные операции. Один из них — Устав Дайренской биржи в русском переводе — был передан Биржевому комитету инспектором Уссурийской железной дороги Сигетора Киюта² [13, л. 89].

Впрочем, представленные на утверждение ведомства торговли и промышленности Временного Приамурского правительства «правила и обычаи» вплоть до лета 1922 г., как писала газета «Голос Родины», «вылеживались в недрах ведомства» [14, л. 13 об.]. Главную причину близкие к Биржевому комитету журналисты видели в том интересе, который к этому времени проявили к созданию Хлебной биржи во Владивостоке японские предприниматели, обратившиеся в Правительство с ходатайством о разрешении учредить во Владивостоке японское биржевое общество с целью содействия товарообмену зерновыми продуктами и некоторыми другими товарами [14, л. 13 об.]. Инициатива японских предпринимателей была поддержана депутатами японского парламента. Информация об этом была размещена в газете «Владиво-Нишпо» 16 июля 1922 г. [14, л. 13], однако ее подтверждение пока не найдено в выявленных нами архивных документах.

Торгово-промышленный класс Владивостока в лице Торгово-промышленной палаты и Биржевого комитета категорически высказался против учреждения иностранного биржевого общества, указывая, что во Владивостоке оно существует уже более 20 лет и членами его могут стать в том числе и иностранные фирмы [14, л. 13 об.].

Столкнувшись с серьезным противодействием Владивостокского биржевого комитета, японцы предложили создать частное коммерческое предприятие — акционерное общество «Владивостокская биржевая компания». Проект Устава общества был представлен на рассмотрение ведомства торговли и промышленности Временного Приамурского правительства японскими предпринимателями Васитаро Сайто и Ясухиро Тэцука. Известное своими прояпонскими настроениями, Правительство не могло, однако, игнорировать местное биржевое общество. Устав был направлен на заключение Биржевого комитета и с многочисленными исправлениями и вставками сохранился среди его документов [12, л. 7–41].

Обратимся к содержанию этого примечательно-го документа. Первое, что бросается в глаза, — его нацеленность отнюдь не на решение утилитарной проблемы возвращения Владивостоку маньчжурского транзита, «отклонившегося» от него на Дайрен в годы Гражданской войны. Цель создаваемого общества формулировалась более широко, чем предлагали, например, Харбинские коммерсанты, — содействие нормальному товарообмену продуктами сельского хозяйства Приморья, Японии и Маньчжурии (бобового масла, бобов, жмыхов, пшеницы и других зерновых продуктов, сахара, разных наименований круп, бумаги, джута, хлопка и т. д.), — то есть в принятии на себя гарантии в точном исполнении сделок, заключаемых как при участии общества на Владивостокской бирже, так и помимо ее. Соответственно с поставленной целью, определялись конкретные задачи: 1) способствовать взаимным отношениям русских и иностранных фирм и коммерсантов по купле-продаже означенных выше продуктов; 2) вступать в сделки на коммиссионных началах по операциям с указанными продуктами и выполнять на различных основаниях подряды этих продуктов и товаров; 3) принимать на себя гарантию в точном исполнении сторонами сделок по купле-продаже вышеуказанных продуктов и товаров, заключаемых при участии общества, как на Владивостокской бирже, так и помимо ее; 4) предоставлять кредит фирмам и коммерсантам по сделкам на обозначенные продукты и товары и выдавать под сделки ссуды; 5) продавать и покупать русскую и иностранную валюты [12, л. 8].

О размахе предполагаемой деятельности говорит п. 2 Устава, согласно которому Обществу предоставлялось право (с соблюдением действующих законов и постановлений, а также прав частных лиц) приобретать в собственность, устраивать и арендовать промышленные и торговые заведения, в том числе магазины, зернохранилища, склады, амбары, элеваторы, пристани, механические приспособления для загрузки и выгрузки товаров, рельсовые пути частного пользования; иметь для перевозки своих грузов собственные пароходы, теплоходы, парусные суда, баржи и другие перевозочные средства; вступать во всякого рода договоры и обязательства и отвечать на вопросы в суде. При этом указывалось, что движимое и недвижимое имущество приобреталось только с санкций правительства.

Обращает на себя внимание и тот факт, что на выборные должности в новом акционерном обществе (председатель, половина кандидатов в члены правления) избирались русские граждане (п. 33). Служебный и технический персонал, а также бухгалтеры и кассиры во всех расположенных на русской территории предприятиях общества (конто-

рах, агентствах и т. д.) набирались из числа русских граждан или свободно владеющих русским языком [12, л. 19].

Сохранившиеся в рабочем экземпляре Устава многочисленные исправления позволяют увидеть уступки, на которые пришлось пойти японской стороне под нажимом биржевого комитета. В первую очередь, это касается банка, обслуживающего вновь образуемое Акционерное общество. В изначальной редакции Устава все операции Общества должны были проводиться через японский Чосен-банк, филиал которого с 1919 г. успешно действовал во Владивостоке [15, с. 133]. В окончательной же редакции Устава было зафиксировано, что Общество должно вести операции через одно из русских кредитных учреждений. При этом страховой капитал общества должен был храниться исключительно в Русском государственном банке [12, л. 13, 18].

Местные предприниматели в лице Владивостокского биржевого комитета не возражали против учреждения подобной частной компании, но при условии ее тесных контактов и соблюдения правил Владивостокской биржи. Выплаты из страхового капитала общества, гарантирующего совершение сделок, могли производиться только после рассмотрения арбитражной комиссией при Владивостокской бирже вопроса о соблюдении сторонами ее правил и обычаев.

К августу 1922 г. вопрос об открытии Хлебной биржи во Владивостоке вошел в завершающую стадию. На заключение юрисконсульта были переданы последние разработанные биржевым комитетом документы, регламентирующие деятельность присяжных маклеров Владивостокской зерновой и масляничной биржи; заведующего лабораторией при бирже; формы сертификатов и актов осмотра зерна [13, л. 133].

На начало сентября было назначено частное совещание Владивостокского биржевого комитета с заинтересованными в создании хлебной биржи компаниями. В сохранившемся среди документов биржевого комитета списке приглашенных — российские, китайские и японские фирмы, ведущие внешнеторговую деятельность во Владивостоке, а также действовавшие во Владивостоке четыре банка, три из которых иностранные. К персональному приглашению прилагался «для ознакомления» экземпляр «Правил и обычаев Владивостокской биржи для производства торговли зерновыми и масляничными продуктами на Владивостокском рынке» [14, л. 5]. Открытие биржи ожидалось в сентябре 1922 г.

Казалось, теперь вопрос, наконец, должен быть решен. Однако в дело вмешались политические обстоятельства: сначала крах Временного Приамурского правительства, а затем и эвакуация японцев из Владивостока и вступление в город частей Народно-революционной армии Дальневосточной Республики (НРА ДВР). На этот раз смена власти изменяла не только политические, но и экономические условия функционирования проектируемой Хлебной биржи.

Выводы и дискуссионные проблемы

Биржевой комитет некоторое время действовал по инерции. Определенные надежды давали противоречивые заявления первых советских руководителей. Л. Н. Долгов со ссылкой на документы Государственного архива Приморского края писал о «многообещающих заявлениях» Главкома

и военного министра Дальневосточной Республики И. П. Уборевича на встречах с представителями деловых кругов Владивостока, в частности, о проведении в крае «капиталистической и даже ультракапиталистической политики» [16, с. 335]. Однако эти заявления оказались частным мнением высокопоставленного советского военачальника.

Теперь вся биржевая деятельность строилась на основе законодательства Советской России. Постановлением Совета труда и обороны от 23 августа 1923 г. «О товарных биржах» устанавливался строгий порядок открытия товарных бирж, которые находились в ведении Совета труда и обороны в лице учрежденной при нем Комиссии по внутренней и внешней торговле, а на местах действовали под контролем губернских экономических совещаний [17]. Это означало полное изменение условий прохождения проекта Хлебной биржи во Владивостоке и замедляло процесс ее организации. Следующим шагом, существенно снижавшим значение инициативы Владивостокского биржевого комитета, стало постановление Дальневосточного революционного комитета от 16 января 1923 г., распространившего на все вошедшие в состав Советской России после самороспуска ДВР территории, государственной монополии внешней торговли и лицензионной системы [15, с. 336].

С этого момента инициатива в развитии маньчжурского транзита перешла всецело в руки Советского государства. Уже в сентябре 1923 г. при реорганизованной на новых началах Владивостокской товарной биржи была создана секция содействия экспорту и импорту через Владивосток. Одна из подкомиссий секции занималась непосредственно вопросами «транзитного маньчжурского зернового экспорта» [18, с. 29].

Создание такой структуры можно рассматривать как шаг назад по сравнению с выработанными Владивостокским биржевым комитетом проектами 1921–1922 гг., поскольку развитие транзитных перевозок рассматривалось теперь как одна из довольно узких народнохозяйственных задач. Ситуация изменилась лишь после принятия постановления Совнаркома «О транзитной перевозке иностранных товаров через Владивостокский порт» [8, с. 459–462]. С этого момента организация «Эгершельдской биржи транзитных хлебных товаров» будет тесно увязана с функционированием учрежденной этим постановлением Транзитной части Владивостокского торгового порта. Однако эта часть ее истории требует дальнейшего исследования.

К числу проблем, которые необходимо решить, чтобы в полной мере раскрыть эту страницу экономической истории Дальнего Востока «раннесоветского периода», отнесем проблему использования или неиспользования советскими управленцами опыта Владивостокского биржевого комитета; степень преемственности проектов, разработанных в досоветский период и проектов, воплощенных в жизнь в 1925–1926 гг. в связи началом функционирования той самой Хлебной биржи, в борьбе за создание которой столкнулись в конце Гражданской войны интересы иностранных и российских предпринимателей.

Примечания

¹ Эгершельд — район порта на полуострове Шкота, на территории которого велись основные транзитные опера-

ции, располагались склады Китайско-Восточной железной дороги, предназначенные для хранения соевых грузов. Назван по географическому названию мыса Эгершельд.

² Сохранено написание документа.

Список источников / References

1. Романова Г. Н. Роль транспортных коммуникаций Дальнего Востока России — Северо-Восточного Китая в развитии торговли // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 54–61. EDN: LASZSR.
Romanova G. N. Rol' transportnykh kommunikatsiy Dal'nego Vostoka Rossii — Severo-Vostochnogo Kitaya v razvitiit torgovli [Role of transport communications between the Russian Far East and Northeast China for the trade development]. Vestnik DVO RAN. Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 1. P. 54–61. EDN: LASZSR. (In Russ.).
2. Беляева Н. А. Опыт взаимодействия таможенного ведомства и железной дороги в организации «маньчжурского транзита» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 4 (4). С. 119–125. EDN: MICVIV.
Belyayeva N. A. Opyt vzaimodeystviya tamozhennogo vedomstva i zheleznoy dorogi v organizatsii «man'chzhurskogo tranzita» [Interaction experience between the customs department and the railway for the “Manchurian transit” organization]. Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke. The Humanities and Social Studies in the Far East. 2004. No. 4 (4). P. 119–125. EDN: MICVIV. (In Russ.).
3. Устюгова О. А. Дальний Восток России в системе внешнеторговых связей накануне и во время революций 1917 г. // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 25–35. EDN: ZFTZMN.
Ustyugova O. A. Dal'niy Vostok Rossii v sisteme vneshnetorgovykh svyazey nakanune i vo vremya revolyutsiy 1917 g. [The Russian Far East in the system of foreign trade relations before and during the Revolutions of 1917]. Rossiya i ATR. Russia and the Pacific. 2017. No. 3 (97). P. 25–35. EDN: ZFTZMN. (In Russ.).
4. Стасюкевич С. М. Конкурентная борьба на хлебном рынке Северной Маньчжурии в 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 125–137.
Stasyukevich S. M. Konkurentnaya bor'ba na khlebnom rynke Severnoy Man'chzhurii v 1920-kh gg. [Competitive struggle in the grain market of Northern Manchuria in the 1920s]. Voprosy Istorii. 2010. No. 9. P. 125–137. (In Russ.).
5. Стасюкевич С. М. Японские фирмы на хлебном рынке Северной Маньчжурии в 1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 358–363. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-358-363. EDN: YRZEVV.
Stasyukevich S. M. Yaponskiye firmy na khlebnom rynke Severnoy Man'chzhurii v 1920-kh gg. [Japanese firms on the Northern Manchuria grain market in the 1920s]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Izvestiya of Saratov University. History. International Relations. 2017. Vol. 17, no. 3. P. 358–363. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-358-363. EDN: YRZEVV. (In Russ.).
6. Медведева Л. М. Владивостокский порт в 20-е годы XX века // Россия и АТР. 2000. № 3. С. 83–88.
Medvedeva L. M. Vladivostokskiy port v 20-e gody XX veka [Vladivostok port in the 20s of the 20th century]. Rossiya i ATR. Russia and the Pacific. 2000. No. 3. P. 83–88. (In Russ.).
7. Троицкая Н. А. Биржа во Владивостоке в первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 22–29. EDN: NCBQRZ.
Troitskaya N. A. Birzha vo Vladivostoke v pervoy treti XX veka [Vladivostok commodity exchange in the early 20th century]. Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke. Humanities Research in the Russian Far East. 2010. No. 2. P. 22–29. EDN: NCBQRZ. (In Russ.).

8. Для пользы и процветания: из истории экономических связей российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1856–1925 гг.: документы и материалы. Владивосток: Дальнаука, 2012. 592 с.

Dlya pol'zy i protsvetaniya: iz istorii ekonomicheskikh svyazey rossiyskogo Dal'nego Vostoka so stranami Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. 1856–1925 gg. [For benefit and prosperity: from the history of economic relations between the Russian Far East and the countries of the Asia-Pacific Region. 1856–1925]. Vladivostok, 2012. 592 p. (In Russ.).

9. Гудков И. А. Владивостокский торговый порт в первой половине 1920-х годов: экспортная конкуренция и межведомственные противоречия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 63–76. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-1-6. EDN: MKKLDX.

Gudkov I. A. Vladivostokskiy torgovyy port v pervoy polovine 1920-kh godov: eksportnaya konkurentsia i mezhdovedstvennyye protivorechiya [Vladivostok commercial seaport in the first half of the 1920s: export competition and interdepartmental contradictions]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki. IKBfu's Vestnik. Series: Humanities and Social Science. 2023. No. 1. P. 63–76. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-1-6. EDN: MKKLDX. (In Russ.).

10. Беляева Н. А., Гудков И. А. Транзитная часть Владивостокского торгового порта: роль и значение в экономике региона, 1920-е гг. // Историко-экономические исследования. 2022. № 4. С. 717–740. DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(4).717-740. EDN: OOUIMN.

Belyayeva N. A., Gudkov I. A. Tranzitnaya chast' Vladivostokskogo torgovogo porta: rol' i znachenie v ekonomike regiona, 1920-e gg. [The transit part of the commercial port of Vladivostok: its role and significance in the Region's economy, the 1920s]. Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya. *Journal of Economic History and History of Economics*. 2022. No. 4. P. 717–740. DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(4).717-740. EDN: OOUIMN. (In Russ.).

11. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 252. Оп. 1. Д. 128.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV) [Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE)]. File: 252/1/128. (In Russ.).

12. РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 136.

RGIA DV [RSHA FE]. File: 252/1/136. (In Russ.).

13. РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 132.

RGIA DV [RSHA FE]. File: 252/1/132. (In Russ.).

14. РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 135.

RGIA DV [RSHA FE]. File: 252/1/135. (In Russ.).

15. Киселев А. Л. К вопросу об открытии отделений японских банков на Дальнем Востоке в период иностранной интервенции в 1918–1919 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2019. Т. 9, ч. 1. С. 130–137. EDN: ILVGQD.

Kiselev A. L. K voprosu ob otkrytii otdeleniy yaponskikh bankov na Dal'nem Vostoke v period inostrannoy intervetsii v 1918–1919 gg. [On the issue of opening branches of Japanese banks in the Far East in the period of foreign Intervention in 1918–1919]. *Rossiya i Kitay: Istoriya i Perspektivy Sotrudnichestva*. Blagoveshchensk, 2019. Vol. 9, Part 1. P. 130–137. EDN: ILVGQD. (In Russ.).

16. Долгов Л. Н. Частный капитал в условиях советизации Дальнего Востока (ноябрь 1922–1923 г.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций (Пятые Крушановские чтения): сб. тр. конф. В 2 т. Владивосток: Дальнаука, 2008. Т. 1. С. 334–341.

Dolgov L. N. Chastnyy kapital v usloviyakh sovetizatsii Dal'nego Vostoka (noyabr' 1922–1923 g.) [Private capital in the context of the Sovietization of the Far East (November

1922–1923)]. *Tikhookeanskaya Rossiya v Istorii Rossiyskoy i Vostochnoaziatskoy Tsivilizatsiy (Pyatyye Krushanovskiy Chteniye)*. In 2 vols. Vladivostok, 2008. Vol. 1. P. 334–341. (In Russ.).

17. Постановление Совета труда и обороны. 684. О товарных биржах. 23 августа 1922 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196033147&empire=1 (дата обращения: 14.06.2025).

Postanovleniye Soveta truda i oborony. 684. O tovarnykh birzhakh. 23 avgusta 1922 g. [Resolution of the Labor and Defense Council. 684. On commodity exchanges. August 23, 1922.]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196033147&empire=1 (accessed: 14.06.2025). (In Russ.).

18. Бонч-Осмоловский А. Текущие вопросы экспорта и импорта Приморья // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1923. № 1. С. 27–29.

Bonch-Osmolovskiy A. Tekushchiye voprosy eksporta i importa Primor'ya [Current issues of export and import in Primorye]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. 1923. No. 1. P. 27–29. (In Russ.).

БЕЛЯЕВА Наталья Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), г. Владивосток.

SPIN-код: 2729-4310

AuthorID (РИНЦ): 273245

ORCID: 0000-0002-7446-5519

ResearcherID: AAU-3134-2020

Адрес для переписки: minava204@rambler.ru

ГУДКОВ Илья Артурович, кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ, г. Владивосток.

SPIN-код: 8701-6231

AuthorID (РИНЦ): 1062808

ORCID: 0000-0002-2967-4354

ResearcherID: ABT-3983-2022

Адрес для переписки: gudkov.ia@dvfu.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 17.09.2025.

BELAYEVA Natalia Anatolyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the History and Archeology Department, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

SPIN-code: 2729-4310

AuthorID (RSCI): 273245

ORCID: 0000-0002-7446-5519

ResearcherID: AAU-3134-2020

Correspondence address: minava204@rambler.ru

GUDKOV Ilya Arturovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History and

Archeology Department, School of Arts and Humanities,
Far Eastern Federal University, Vladivostok.
SPIN-code: 8701-6231
AuthorID (RSCI): 1062808
ORCID: 0000-0002-2967-4354
ResearcherID: ABT-3983-2022
Correspondence address: gudkov.ia@dvfu.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 28.07.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 17.09.2025.

«ГВАРДИЯ КОМУЧА»: ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ЧАСТИ УФИМСКОГО ФРОНТА В ОКТЯБРЕ 1918—ЯНВАРЕ 1919 гг.

Н. А. Заяц

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4

Исследование, проведенное на основе архивных документов Белой армии, мемуаров и советских донесений с применением историко-реконструктивного и сравнительного методов, впервые комплексно анализирует малоизученные добровольческие формирования эсеровской ориентации (1-й Русско-Чешский полк, батальон имени Учредительного собрания, отряд Б. К. Фортунатова), созданные в 1918 г. при поддержке Комуча и чехословаков. Установлено, что инициатива создания исходила от чешского командования для пополнения фронта. Несмотря на революционную риторику, они показали ограниченную боеспособность. Попытки эсеров использовать их против колчаковского переворота провалились из-за нейтралитета чехов и аполитичности добровольцев. В январе 1919 г. формирования были расформированы, что подтверждает несостоятельность «демократической альтернативы» в Гражданской войне. Исследование вносит вклад в понимание механизмов формирования белых армий и роли политических факторов в их эволюции.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Комуч, эсеры, антибольшевистское движение, «демократическая контрреволюция».

Для цитирования: Заяц Н. А. «Гвардия Комуча»: добровольческие части Уфимского фронта в октябре 1918—январе 1919 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 12—19. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-12-19. EDN: LBDWDF.

© Заяц Н. А., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

“KOMUCH'S GUARD”: VOLUNTEER UNITS OF THE UFA FRONT IN OCTOBER 1918—JANUARY 1919

N. A. Zayats

Moscow Aviation Institute, Russia, Moscow, Volokolamskoye shosse, 4, 125993

The study, based on archival documents of the White Army, memoirs and Soviet reports, using historical-reconstructive and comparative methods, for the first time comprehensively analyzes the little-studied volunteer formations of Socialist-Revolutionary orientation (the 1st Russian-Czech Regiment, the Constituent Assembly Battalion, the B. K. Fortunatov Detachment), created in 1918 with the support of the Komuch and the Czechoslovaks. It is established that the initiative to create them came from the Czech command to replenish the front. Despite the revolutionary rhetoric, they demonstrated limited combat effectiveness. Attempts by the Socialist-Revolutionaries to use them against Kolchak's coup failed due to the neutrality of the Czechs and the apolitical nature of the volunteers. In January 1919, the formations were disbanded, which confirms the failure of the “democratic alternative” in the Civil War. The study contributes to the understanding of the mechanisms of the formation of the White armies and the role of political factors in their evolution.

Keywords: Civil War, White movement, Komuch, Socialist Revolutionaries, anti-Bolshevik movement, “democratic counter-revolution”.

For citation: Zayats N. A. “Komuch's Guard”: volunteer units of the Ufa Front in October 1918 — January 1919. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 12—19. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-12-19. EDN: LBDWDF.

Введение

История Белого движения на Востоке включает в себя много необычных военных частей. Так, в конце 1918 г. в попытках удержать фронт самарским правительством был создан ряд добровольческих частей проэсеровской ориентации: 1-й Русско-Чешский добровольческий полк, батальон имени Учредительного собрания и Самарский конный отряд Б. К. Фортунатова. Они очень мало изучены исследователями, хотя нередко упоминаются в литературе и источниках, например, в воспоминаниях начальника штаба Самарской группы войск генерал-майора С. А. Щепихина [1], генерал-квартирмейстера группы полковника П. П. Петрова [2], участников эсеровского движения [3]. Увы, литература по этому вопросу страдает неполнотой и неточностями [4]. Между тем этот сюжет представляет ценность для понимания чешского влияния на Белое движение, влияния политических факторов военного строительства 1918–1919 гг., а также для изучения периферийных акторов Гражданской войны, открывая новые перспективы в осмыслении этого периода. Таким образом, целью статьи является полное воссоздание появления, развития и роли этих частей.

Источниковой базой исследования помимо существующей литературы по истории Гражданской войны послужили документы белых штабов, материалы Комуча по формированию данных частей, мемуары участников событий, а также донесения советской разведки, которые изучены на основе историко-реконструктивного и сравнительного методов, что позволило восстановить хронологию событий и провести сопоставительный анализ данных из различных источников.

Основная часть

В октябре 1918 г. в Уфе антисоветские силы Востока России сформировали Директорию, принявшую функции Всероссийского временного правительства. Однако она представляла неустойчивый компромисс между эсеровским Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч) и реакционным Сибирским правительством. После потери Самары Директория уехала в Омск, где обладала весьма слабой властью. Совет управляющих ведомствами Комуча же уехал в Уфу, приняв полномочия краевого правительства. Там эсеры начали формирование добровольческих отрядов.

Щепихин писал, что глава ведомства внутренних дел П. Д. Климушкин «формировал по образу большевицкому свои партийные части; один батальон имени Учредительного собрания был готов, но на фронт посылать его не собирались. Эта гвардия Комуча предназначалась для личной охраны «Совета»... Без личного приказа Климушкина никто распорядиться этим батальоном не смел. Затем по указу Совета и [с] согласия чешских верхов приступлено было к формированию русско-чешских частей». По его словам, это не нравилось военным, однако командующий чехами генерал С. Чечек поддержал начинание. «...Русско-Чешский полк, далеко не полного состава (всего в тысячу штыков), был наконец сформирован, но обоим я ему не давал, пока не получил заверения, что этот полк поступит в полное оперативное распоряжение моего штаба» [1, с. 135–136]. У Щепихина вообще красной нитью проходит тезис, что части делались эсерами не для боев, а для защиты от правой реакции в тылу. Такой же взгляд представлен во многих других трудах. На-

пример, то же писал С. П. Мельгунов, активно ссылаясь на слова эсера Н. В. Святыцкого [5, с. 241].

Все эти обвинения появились уже задним числом. На самом деле, как говорит сводка белого агента военной разведки, начало русско-чешскому полку положил сам С. Чечек совместно с Францем Эрбеном, который работал в Военной комиссии при Чешском национальном совете. Это было вызвано отсутствием у чехов резервов и желанием иметь часть по чешскому образцу. Предполагалось позже все части сделать по такому типу. По словам сводки: «В формировании русско-чешских частей также заинтересован генерал Войцеховский» [6, с. 555]. Генерал-лейтенант С. Н. Войцеховский 18 октября в Уфе стал командующим Самарской группой. Петров объяснял, что он пошел на это, чтобы дать пополнения фронту [2, с. 57]. Что идея шла от чехов, говорят и другие данные, например, листовка уполномоченного Чешского национального совета Антона Влашека [6, с. 537]. Более того, Эрбен пытался создать русско-чешский полк еще в августе 1918 г. в Самаре, и в тех же выражениях выступал в печати [7, с. 75]. Члены Комуч П. Д. Климушкин и И. М. Майский также вспоминали, что эту идею еще в Самаре выдвинули чехи, однако она провалилась из-за саботажа офицеров [4, с. 219].

Таким образом, инициаторами были чехи, хотя эсеры энергично их поддерживали. Планы использовать эти части в политической борьбе появились, похоже, позже. 5 ноября в разговоре между Уфой и Омском член Совета М. А. Веденяпин сообщал В. М. Зензинову именно об их вынужденном характере: «Развал в армии произошел полный, ее почти нет, она рассыпалась. Это заставило Центральный Комитет призвать всех членов партии под ружье, и тут мы это осуществили и вместе с чешским командованием, вопреки приказам Болдырева создали добровольческие части, которые держат фронт. В наших частях с офицерства берется подписка не носить погон и кокард, только при таких мерах приходится что-либо делать. Нами предприняты шаги совместно с чехами к широкому формированию добровольцев» [8, с. 23].

14 октября 1918 г. Совет постановил: «Признать целесообразным и необходимым в настоящий момент формирование русско-чешских добровольческих полков, причем в первую очередь должен быть укомплектован добровольцами первый русско-чешский полк» [4, с. 219]. Тогда же эсеры создали батальон имени Учредительного собрания. Советская агентура сообщала, что он якобы создан Фортунатовым из расформированных частей полковника Махина [9, с. 104]. Действительно, при отступлении от Самары в арьергарде Ф. Е. Махина шли эсеровская дружина защиты Учредительного собрания — 120 чел., чехо-русский отряд — 80 чел. и конный отряд Б. К. Фортунатова — 120 чел. [10, с. 432]. Видимо, они и стали основой новых частей. По крайней мере, П. П. Петров и В. М. Зензинов прямо писали, что дружина была развернута в этот батальон [2, с. 51; 3, с. 66]. У эсеров были и другие мелкие части для охраны: Симбирская дружина, отряд из 150 чел. в подчинении В. К. Вольского, а в Екатеринбурге для Съезда членов Учредительного собрания — отряд из 87 чел. и 3-х офицеров [6, с. 554].

Вербовкой занимался агитационно-вербовочный отдел Совета под управлением Д. И. Басманова. 16 октября им были разосланы группы уполномоченных: уфимская, бирская, стерлитамакская, златоустовская, челябинская, екатеринбургская

(от 5 до 21 сотрудников каждая). Им была дана инструкция по агитации. Сообщалось, что выплата добровольцам составляет 50 руб. в месяц, пособие их семьям — 100 руб. (имеющим от 3 детей — 150 руб.). Вербовка шла при редакции газеты уфимских эсеров «Народ». Формировало части «военное совещание» (оно же «подотдел») Совета под председательством В. В. Нотбека — это был генерал-лейтенант, перешедший в Самаре на сторону Комуча от красных. Штаб полка временно стоял в Уфе на 5-м Софроньевском пути в вагонах, хотя планировалось его перевести. На следующий день вербовка в Уфимской губернии была возложена на Уфимское губернское отделение Совета. Вскоре появились и другие группы: бузулукская, бугурусланская, уральская, оренбургская. Масштабы набора разрастались. 28 октября два стрелка русско-чешского полка, Крангачев и Трибунский, были отправлены для набора в район Ижевского завода [11, л. 8—8 об., 7, 6]. В Уральск был отправлен капитан Головин для приема добровольцев бывшего 33-го Николаевского полка [12, л. 5].

Все финансирование набора и частей Совет взял на себя. Деньги хранились в выделенном 9 ноября сейфе, который охранялся караулом русско-чешского полка. В средствах Совет не стеснялся. Так, 11 ноября военное совещание приняло от него 1 млн руб. [13, л. 2—3]. По обвинениям Г. К. Гинса, всего на военные цели эсеры истратили тогда 15 млн руб., из них агитационному отделу ушло 4,6 млн руб. — причем эсеры брали деньги любыми способами вплоть до реквизиций [14, с. 39]. Другое дело, что выпускаемые ими банкноты Директории имели хождение, да и то ограниченное, только в Уфе.

Для вербовки были учреждены на местах чешские коменданты, например, на станции Екатеринбург-I. Сводка упоминает, что «на заводы в окрестностях были отправлены целые группы «военных агитаторов»... Справка: через коменданта ст. Екатеринбург-I — по записи добровольцев прошло свыше 500 чел.» [6, с. 555]. Поступить в полк желали даже некоторые женщины, как сообщал вербовщик, но им было отказано. Однако на запрос, можно ли брать желающих 17 лет и без медосвидетельствования, В. В. Нотбек написал резолюцию: «Можно принимать всех, кто по наружному виду способен быть солдатом» [15, л. 2—3, 10 об.].

Как уже было сказано, формирование получило одобрение белого командования. 30 октября приказом С. Н. Войцеховского было разрешено формирование русско-чешских полков из лиц, «не подлежащих мобилизации» [16, л. 73 об.]. В тот же день военный подотдел получил приказ начальника штаба Самарской группы. По нему в русско-чешский полк принимались добровольцы для создания батареи и инженерной роты, призывались кавалеристы в отряд Фортунатова и русско-чешский эскадрон, а также добровольцы, «назначенные в Сибирь» [11, л. 14]. Однако далеко не все командиры шли навстречу вербовке. Так, вербовщик из Златоуста сообщал 1 ноября, что штаб 6-й дивизии ее приостановил до получения «распоряжений высших инструкций Сибирской армии» и штаба 1-го Уральского корпуса [15, л. 11—12]. В связи с такими случаями военное совещание запросило помощь командующего чехами Я. Сырового [17, л. 11].

Русско-Чешский полк создавался по чешскому образцу — 3 батальона по 3 роты в 175 штыков, а также конный, артиллерийский и инженерный диви-

зионы. Формирование шло при запасном батальоне 3-го Чешского полка, стоявшего в Уфе в распоряжении С. Н. Войцеховского. Занимался им командир батальона капитан Чила, одновременно командир русско-чешского полка. О службе В. В. Нотбек сообщал: «...условия как [в] Народной Армии срок победный конец офицеры принимаются стрелками повышение по заслугам» [12, л. 11]. В итоге были созданы только два батальона, обоз и хозяйств, конный дивизион, батарея и пулеметная команда из 8 чел. О составе полка сводка пишет: «Большей частью русские, единичные случаи чехов, доминирующее положение занимают гимназисты, реалисты, студенты, офицеры, «сливки рабочих» и чуть ли не вся городская дума г. Оренбурга. Инструкторский отдел и командный — чехи. Дисциплина, как в чешских частях, — братская». То же было с конным дивизионом в 500 человек: «Состав: офицерство, студенчество, добровольцы (но последних мало)» [6, с. 554]. Полковник П. П. Петров также писал, что состав полка был целиком русским, чехи были только на командных должностях [2, с. 60]. Служивший в полку телеграфистом, будущий советский писатель В. А. Итин вспоминал, что «полк представлял собой смесь из люмпен-пролетариата и эсеровско-меньшевистской интеллигенции» [18, с. 184]. Известно, что для полка была установлена и особая кокарда: равнобедренный треугольник вершиной вниз, где нижняя половина — георгиевских цветов, а верхняя — бело-красных. Георгиевские цвета носились в Народной армии Комуча, бело-красные — у чехов. Непонятно, правда, насколько она была распространена. По словам Итина, чинов и знаков отличий не было, так что, по его оценке, полк являлся не столько регулярной частью, сколько «гвардией Комуча» [18, с. 184]. В то же время сводка сообщала про конный дивизион: «На фуражке две ленточки: георгиевская и чешско-национальная» [6, с. 555].

Положение о «Батальоне имени Всероссийского Учредительного Собрания» было издано, видимо, тогда же. В нем сказано, что он создан для защиты Учредительного собрания и находится в подчинении президиума Съезда его членов, который назначал командира. Батальон делался «по образцу русско-чешских полков», все стрелки были равны, вместо офицеров были инструкторы, которые коллективно решали вопрос о производстве в должности. Инструкторы именовались по должности: «гражданин ротный, гражданин взводный»: так эсеры желали уйти от напоминаний о старой армии. Положение требовало дисциплины и в то же время товарищеского единства. Указан и временный штат эскадрона при батальоне: четыре взвода, командир с помощником, четыре младших офицера, два чиновника, сто солдат, три писаря, два фельдшера и четыре мастеровых [19, л. 1—3 об.]. Похоже, состав батальона был аналогичен Русско-Чешскому полку. Известно, например, что в него хотела перейти комендантская команда при штабе войск Хвалынского района — 78 чел., в основном офицеры и унтер-офицеры [20, л. 176—176 об.].

Увы, батальон оставил мало следов в документах. Судя по ним, его командиром был штабс-капитан Осмольский. Позже начал формирование второй, запасной батальон в Уфе, для чего 18 ноября унтер-офицеру Полковникову поручалось создать «походно-вербовочное бюро». 22 ноября командиру предписывалось начать организацию «отставших от своих частей солдат, а также и разрозненных

остатков частей, прибывающих с Бирского и Ижевского фронтов» [21, л. 7, 9]. Исполняющим должность командира запасного батальона был поручик Гадалин [13, л. 3]. Об отличиях батальона ничего не известно, разве что в нем, очевидно, не носили погон и кокард. Есть упоминания, что в конце ноября батальон озаботился теплой одеждой. Поручик В. Н. Взоров сообщал батальону: «Капитан Петров выехал около недели с семейными деньгами и обмундированием точка Приняты срочные меры для постройки и приобретения наушников и валенок точка Провизия высылается с батальонным каптенармусом 29 ноября». На следующий день военное совещание запросил через «Женский союз помощи армии» изготовление наушников, перчаток и валенок на 1000 чел. [21, л. 17, 19]. Цифра показывает, на какую численность рассчитывали эсеры при развертывании батальона в полк.

Процесс формирования шел быстро. Ночью 4 ноября на фронт отправился 1-й батальон русско-чешского полка, созданный на основе роты из под Самары. Приказом Войцеховского в Уфе для 2-го батальона был оставлен необученный добровольческий состав [22, л. 7 об.]. Связано это было с тем, что даже первый батальон был не вполне обучен, и Войцеховский рекомендовал Каппелю «его лучше поддержать несколько дней [в] резерве». За пару часов до выезда Петров сообщил Каппелю об отправке ему и батальона Учредительного собрания в 375 штыков [23, л. 56 об., 118].

Однако добровольцы быстро кончились. Вербовка шла, похоже, только в городах и полностью провалилась в деревне. Уже 10 ноября на Бирском уездном съезде районных организаторов выяснилось, что в одном из городов в русско-чешский полк записалось всего 18 чел. Вербовщик Грицкевич пытался это объяснить близостью к фронту и поведением «отдельных» чинов Народной армии. Организатор в Стерлитамакском уезде Кречетов тоже докладывал, что в полк записалось всего 3 чел. из города, и тоже по тем же причинам: «Беспорядочная в пьяном виде порка невинных людей, скандалы в общественных местах с мордобоями, ругань, бесчинства контрразведки, беспрепятственный свист нагайки разных волостных комендантов-офицеров и многое другое, что наблюдается в Стерлитамаке и о чем с горечью приходится молчать...» [24, с. 307].

Поэтому в части быстро стали вливать мобилизованных. 19 ноября советская разведка сообщала: «Против нас действуют Башкирский батальон; батальон Учредительного собрания; русско-чешский полк, в ряды которого входят русские солдаты, командные же должности замещены чешскими офицерами; 1-й и 2-й чехословацкие полки. Все перечисленные полки состоят из добровольцев, в ряды которых в последнее время стали вливать и мобилизованных». По донесениям от 30 декабря русско-чешский полк составлял всего 100–150 штыков добровольцев при 4 трехдюймовых орудиях. На следующий день сообщалось: «Опросом в штадиве пленных выясняется, что против 26 дивизии действуют первый батальон Учредительного Собрания в составе 4 рот при 8 пулеметах, всего около 300 штыков...». Со слов пленного, в отряде Фортунатова было 3 эскадрона: в первом и втором — по 60 сабель, в третьем — 15 при двух пулеметах: «Формировался отряд в Уфе исключительно из добровольцев, при этом третий эскадрон сформировался в половине ноября месяца, второй и третий эскадрон дрались под Белебеем» [25, л. 40 об., 85,

87, 93]. По точным данным белого штаба, на 10 ноября 1-й батальон русско-чешского полка составлял 465 штыков и 12 пулеметов, батальон Учредительного собрания — 404 штыка и 17 пулеметов [26, с. 72]. К этому надо добавить отряд Фортунатова из 135 конных. Итого, с огромного уральского региона при всех стараниях эсеры наскребли всего тысячу человек.

Все эти части в ноябре–декабре 1918 г. воевали в Самарской группе в составе Сводного корпуса полковника В. О. Каппеля. На фронт был отправлен и польский отряд полковника К. Ю. Румши: полк в 1000 чел., эскадрон в 20 шашек, 20 пулеметов и два орудия [26, с. 72]. Также к Каппелю прибыла французская батарея, которую не удалось задействовать, бронепоезд с английской командой и орудием, и только в декабре стали поступать первые регулярные части из тыла. 10–13 ноября Каппель и Войцеховский смогли отбить красных от Белебея, направив силы с левого фланга и семь чешских батальонов для окружения с севера. Красные понесли потери и прорвались к Бутульме. Судя по всему, в этих боях «части Комуча» из-за небольших размеров в основном использовались для закрепления территории. Так, доклад бригады, отступавшей через д. Байраки, сообщал, что в ней были квартиры поляков, чешский батальон, четырехорудийная батарея и сотня казаков. Ожидали главные силы: 100 поляков, батальон чехов, отряд Учредительного собрания и конный эскадрон [27, л. 132]. В начале декабря красные оправились и стали наступать, но с помощью польского полка Каппель смог временно отогнать их под Белебеем и севернее. В этих описаниях Щепихин и Петров тоже не говорят об активности «эсеровских» частей. Впрочем, Петров отмечал, что они были куда устойчивее мобилизованного уральского пополнения [1, с. 162; 2, с. 60–61]. К счастью, имеются подробные воспоминания стрелка русско-чешского батальона Валентина Виждала, подробно описывающие хронологию сражений. После отхода из д. Байраки батальон, получив 280 добровольцев, успешно вел бои: оборонял деревню Спасская, штурмовал Козелку и Козай-Максимова, а также победил 1-й Пензенский полк под Приютово. Правда, мемуары тоже требуют критического отношения. За бравурным тоном заметно, что успехи во многом обеспечены поддержкой опытных частей и артиллерии. Да и автор не отличается полнотой информации: не говорит о боях на других участках фронта и умалчивает, что батальон в основном был русским [28, с. 97–99].

К тому времени эсеры постепенно встали в конфронтацию к Директории, рассчитывая на «свои» части. Видимо, поэтому чехи решили их ограничить. 8 ноября по приказу Сырового командиром русско-чешского полка был назначен капитан 3-го чешского полка Гайда. Приказ гласил: «Полк считать прикомандированным к Чешкословацкому корпусу и на все виды довольствия Чешкословацкому интендантству. Вся вербовка новых добровольцев на пополнение полка сосредотачивается в руках командира полка, который является ответственным как за предназначенных для этой цели агентов, так и за новых добровольцев. Полк должен быть сформирован на строгих началах дисциплины иерархической лестницы без выборного начала и без комитетов» [29, л. 73; 20, л. 1]. Войцеховский в тот же день получил сообщение вербовщика капитана Добросмыслова, желавшего развернуть в Стерлитамаке чешский отряд, и наложил резолюцию: «Совет

управляющих распоряжений о формировании да-
вать не может» [30, л. 126]. Штаб Самарской группы
тоже сообщил Совету, чтобы без указаний Ставки
и Войцеховского формирования не проводились
[17, л. 6]. Совет не стал спорить, но нашел лазей-
ку, приказав Добросмыслову передать дело вербов-
ки агитационному отделу. Русско-чешским полком
стал временно командовать чешский капитан Карел
Мейстржик [14, л. 7, 10].

Щепихин в воспоминаниях объясняет эту враж-
дебность тем, что якобы эсеры не хотели лишаться
«своих» частей и препятствовали их выходу
на фронт: «Подкладка истинная была та же, т. е.
нежелание Совета расставаться с преданными ча-
стями. Командир батальона Чила почему-то этой
идее покровительствовал». По словам Щепихина,
именно за это Чила и был смещен Войцеховским,
который сам не доверял этим частям, как и вер-
ховное командование, поэтому «поступил очень по-
литично. Он распорядился вооружать и снабжать
лишь те части, которые выдвигались на фронт»
[1, с. 151–152, 148]. Это подтверждается эсером
С. Н. Николаевым: «...под предлогом, что стоящим
в тылу частям нет нужды иметь надлежащее воору-
жение. В их распоряжении были оставлены лишь
берданки, и то в недостаточном количестве, и не-
сколько дрянных пулеметов» [8, с. 29].

Действительно, к частям плохо относилась
и верховная власть — Уфимская директория и глав-
нокомандующий генерал-лейтенант В. Г. Болдырев.
Несколько раз они приказывали распустить эти
отряды. Так, 3 ноября Ставка сообщила, что Бол-
дырев подтвердил приказ о недопущении форми-
рований без его разрешения [17, л. 8]. Зензинов
писал: «Только после протеста и заявления о том,
что проведение в жизнь этого требования уничто-
жит фронт, Директория согласилась проводить эту
реформу не так скоропалительно» [3, с. 70]. Тем
не менее 17 ноября снова было приказано «ввиду
финансовых затруднений» расформировать добро-
вольческие части, батальон русско-чешского пол-
ка отправить на укомплектование войск Каппеля,
а солдат Латышского батальона в Троицке пере-
дать в 7-й кадровый полк [16, л. 93]. Этого, однако,
сделать не успели — эсеры выполняли приказ отка-
зались, а на следующий день грянул колчаковский
переворот, Директория была арестована, Болдырев
вызван в Омск и смещен.

Эсеры решили энергично противостоять перево-
роту. Совет управляющих взял на себя всю власть
в своем регионе и издал воззвание, в котором при-
звал население вступать для защиты демократии
«в ряды Русско-Чешских имени Учредительного
Собрания Полков, отряда Фортунатова и добро-
вольческих отрядов Народной Армии». Однако
снять войска с фронта не решились, о чем писа-
ли эсеры Николаев и Святицкий. Это же сообща-
ют переговоры членов Совета М. А. Веденяпина
и В. Н. Филипповского с Екатеринбургом 18 ноя-
бря: «Оставили все наши части на фронте. Батальон
Учредительного собрания вызываем [в] Уфу» [31,
с. 154]. Климушкин также в воспоминаниях приво-
дит выписку из журнала заседаний, по которой сна-
чала Совет предполагал войск с фронта не снимать
[3, с. 79].

О реальной роли частей в этих событиях доку-
ментов нет, а воспоминания эсеров крайне проти-
воречивы. По версии Зензинова, именно он должен
был отправиться на фронт в батальон Учредитель-
ного собрания, который якобы был под его личным

командованием, а его коллега Нестеров — «под-
нять» русско-чешский батальон. Однако Войцехов-
ский и чехи обещали, что не пропустят колчаковцев,
и уговорили отправить батальон на фронт, чтобы
не сдать Уфу. Когда делегаты частей приехали в го-
род для защиты Совета, Зензинов с Власеком лично
их отправили назад. По громкому заявлению Зен-
зинова, «части дрались как львы, получив задание
взять Самару, где открыть работы Учредительного
собрания» [3, с. 74–75]. Еще масштабнее описание
Климушкина. С фронта якобы был приведен для
охраны Совета отряд Фортунатова. А утром 21 ноя-
бря появились делегаты и сообщили, что в Уфу едут
части для ареста Совета. Узнав об этом, батальон
Учредительного собрания якобы в полном соста-
ве «при 4 пушках и 30 пулеметах снялся с фронта
и прибыл в Уфу», но был задержан Войцеховским
у моста через р. Белую. Делегаты советовали ехать
на фронт под их защиту, что эсеры якобы и хоте-
ли сделать, но пришедший Власек с представителем
штаба Войцеховского их переубедили. После дол-
гих уговоров батальон вернулся на фронт, а русско-
чешский батальон — в казармы [3, с. 90–94]. Труд-
но понять, что из этого правда, но все же батальон
с позиций действительно ожидался в Уфе 19 ноя-
бря [32, л. 6]. Косвенно подтверждает свидетель-
ства Щепихин, который тоже упоминает отправку
войск на фронт. Хотя и здесь описывает противо-
положное — будто Совет этого не хотел и угова-
ривал его, на что он не поддался: «Личная охрана,
безопасность членов Совета достаточно обеспечена
чешским гарнизоном Уфы, и иметь в столь тяжкое
время для фронта какие-то охранные части в тылу
было бы непростительной роскошью» [1, с. 149].

Но в целом воспоминания эсеров ненадежны:
они старались преувеличить и численность сво-
их частей, и их значение, и свою популярность
в них. При этом они называли самые разные циф-
ры. Так, по словам С. Н. Николаева, русско-чешский
полк насчитывал 400–450 штыков, батальон Учре-
дительного собрания — 1000 штыков на фронте
и 250 в Уфе, отряд Фортунатова — 100 сабель [8,
с. 49]. Климушкин тоже писал, что батальон на-
считывал 1000 чел., 30 пулеметов, 4 орудия, отряд
Фортунатова — 200 чел., батальон русско-чеш-
ского полка и «добровольческие части Самары»
1 500 штыков, а также в Уфе — запасной батальон
Учредительного собрания, его эскадрон в 120 чел.,
3 батальона русско-чешского полка (видимо, пу-
тает с батальоном 3-го чешского полка) — всего
1000 чел. Также в их полном распоряжении яко-
бы были башкиры, оренбургские части, ижевцы
и воткинцы, «Татарское правительство» (кото-
рого на самом деле не было, было Башкирское), так
что Климушкин высчитывал таким образом 50–
60 тысяч штыков [3, с. 102–103]. Эсеры бахвали-
лись, будто их влияние в этих частях было без-
размерным. По версии Николаева, в день перед
арестом Совета отряд Фортунатова в Уфе был
приведен в боевую готовность и верхом прождал
до утра, офицеры русско-чешского батальона так-
же ждали сигнала — но запасной батальон Учре-
дительного собрания был окружен войсками, которые
перехватили эмиссаров Совета, и сигнала не после-
довало [8, с. 25–29].

На самом деле, как мы видели выше, вся числен-
ность этих частей составляла около 1000 чел. Даже
если эсеры добились приезда делегатов и баталь-
она, положение определялось не этим. Безопас-
ность эсеров зависела исключительно от воли «со-

юзников» — чехов. Однако те уже переменили симпатии. Все их заверения о надежности защиты были обманом. В ночь на 3 декабря ряд эсеров был арестован при попустительстве чехов и Войцеховского и отправлен в Омск.

Вопреки опасениям фронт отнесся к этим событиям сдержанно, включая набранных эсерами добровольцев. Похоже, даже там у них не было влияния. Так, сводка военного агента упоминает, что командиры русско-чешского полка были недовольны соседями из батальона им. Учредительного собрания: «В их рядах дисциплины никакой — это банда». А в русско-чешском конном дивизионе отношение к Комучу было и вовсе отрицательным [6, с. 555]. Щепихин утверждал, что «на фронте партийный дух сильно выветривался, и части Комуча подпадали иным влияниям; они уже были не опасны» [1, с. 149]. Единственное упоминание о протестах есть у Виждала: он говорит о «возмущении» русско-чешских стрелков, которые «честно сражались на фронте, а в тылу происходили перевороты». «По решению других командиров» начальник 3-го полка отправился в Челябинск к Сыровому за инструкциями [28, с. 99]. О результатах Виждал не говорит, но, надо полагать, командование приструнило недовольных. Как видим, и здесь подтверждается, что все определялось чешским командованием, а симпатий к эсерам нет. Холодное же отношение фронта к внезапному перевороту неудивительно, о нем свидетельствует тот же Щепихин [1, с. 185]. То, что эсеры зря надеялись на эти части, которых надежно держали в подчинении командиры, признал даже эсер Святицкий [5, с. 423].

Несмотря на враждебность колчаковской власти в Омске, части еще долго были на фронте, так как из-за саботажа чехов после конца мировой войны заменить их было нечем. Использовались в это время они как арьергард отступления. 25 ноября Войцеховский сообщил: «В изменение всех ранее отданных приказаний приказываю вашей группе в составе оставшихся у вас чешских частей и батальонов русско-чешского и Учредительного собрания перегруппировать свои части так, чтобы в течение двух суток 26 и 27 ноября удерживать район ст. Глуховская — дер. Мелеуз/Москва. Город Белебей можете очистить» [33, л. 157]. 6 декабря сводка сообщала, что красные отбиты от ст. Приютово к Абдулино, причем командир русско-чешского батальона поручик Раскатный доносил про «героическое самопожертвование частей отряда, работавших при сильном морозе против превосходящих сил красных», что вполне согласуется с воспоминаниями Виждала [34, л. 233]. 29 декабря Каппель доложил: Самарская бригада занимала район Куровки — Сирова — Дмитриев, а «Русско-чешский полк с отрядом есаула Черепанова и батальоном Учредительного собрания задерживают продвижение противника на линии Ст. Дема — Шестаковка. Уфу решено сдать, потому что все полки, кроме русско-чешского, батальона Учредительного собрания и отряда Каппеля оттянуты в район Тавтиманова и силы в Уфе ее защитить не могут» [35, л. 279 — 280 об.]. 31 декабря красные действительно взяли Уфу. Войска ушли на восток, где с 1 января были переформированы в Западную армию генерал-лейтенанта М. В. Ханжина. Каппелевцы, переименованные в 1-й Волжский корпус, отошли в тыл на переформирование. В частности, их русские винтовки стали изымать для фронта, а взамен давались японские.

Недоверие к «эсеровским» частям привело к их ликвидации. 8 января Ханжин приказал расформировать русско-чешский полк, батальон Учредительного собрания, эскадрон Фортунатова и другие мелкие отряды, передав личный состав в Волжский корпус, а чехов — в Чехословацкий. Имущество приказывалось отдать в 6-й Уральский корпус. Неповинующих — предавать военно-полевому суду. Польский отряд с 4 января тоже сосредоточился в заводе Миньяр и по приказу Войцеховского занимался его охраной. 5 января русско-чешский полк с батальоном имени Учредительного собрания и отряд есаула Шеина (4-й Оренбургский казачий полк) перешли на Балашевский завод, где стояли с Казанской бригадой и штабом Волжского корпуса. Командиру Русско-Чешского полка в тот же день был послан приказ об отправке батальона в тыл на ст. Аргаяш для осмотра и передачи военного имущества [36, д. 135 — 135 об., 174, 219, 241]. Как видим, в Аша-Балашевской и Аргаяше стояли два разных батальона русско-чешского полка.

Лояльность частей не вызывала сомнений каппелевцев. 12 января начальник штаба корпуса капитан И. Ф. Ромеров послал в штаб армии телеграмму, где возражал против их разоружения и сослался лично на Каппеля: «Комкор просит доложить, что это явление может вызвать много недовольства, тем более что все эти части исключительно добровольческие». Каппель просил разрешить им получить японские винтовки на общих основаниях, ведь части, «доблестно сражавшиеся в течение нескольких месяцев с общим врагом, вправе рассчитывать на это». Однако командование на это не пошло. По его плану, оружие передавалось в 44-й и 46-й полки корпуса. Генерал-квартирмейстер полковник А. Я. Нарышкин сообщал: «Комиссия заканчивает работы, уже грузит конных разведчиков...» [35, л. 1, 111 — 112 об., 128 — 128 об.]. По сводке штаба армии на 10 января, части насчитывали: «...русско-чешский полк (2 батальона, 30 офицеров, 648 унтер-офицеров, 14 пулеметов) и батальон Учредительного собрания (1 эскадрон, 1 батальон, 22 офицера, 223 унтер-офицера, 43 штыка, 9 пулеметов)» [37, л. 83].

По плану реорганизации они должны были составить 32-й полк 8-й Волжской дивизии Волжского корпуса [29, л. 8 об.]. Но 13 января 1919 г. по Волжской дивизии вышел новый приказ. Батальон Учредительного собрания был передан в Самарскую бригаду, 2-й батальон Русско-Чешского полка — в Казанскую, 1-й батальон, его пулеметная рота, полковой околотов, комендантская команда, а также конные разведчики батальона им. Учредительного собрания — в Симбирскую. В итоге, например, 1-й батальон стал 3-м батальоном 12-го Бугульминского полка [26, с. 72]. Сохранился только дивизион Фортунатова. Партизанские настроения и эсеровские симпатии в нем, однако, остались, и позднее в 1919 г. дивизион самовольно уйдет от колчаковской армии, чтобы попытаться продолжить партизанскую борьбу.

Выводы

Изучение «частей Комуча» позволяет скорректировать принятые в источниках и историографии оценки. Прежде всего, инициаторами их создания были чехи, желавшие сохранения фронта. Из тех же соображений их набор осуществляли эсеры. Несмотря на лозунги «братской дисциплины» и борьбы «за демократию», эсеровского контроля

в них практически не было, и отбор осуществлялся среди любых желающих. Движение за изрядно потухнувшие идеи Учредительного собрания собрало около тысячи человек, чего хватало в основном для второстепенных целей — занятия взятой у красных территории, а потом прикрытия отступления. Эсеры, однако, были уверены в значимости своих частей и пытались использовать их в противодействии перевороту Колчака, но оказалось, что добровольцы и чехи настроены не в их пользу, так что они практически никак не выступили за поддержку Комуча. Несмотря на это, со стороны новой власти к частям сохранилось недоверие, и они были влиты в корпус Каппеля, тем самым продолжив борьбу уже за колчаковскую диктатуру. Слабость данных частей лишний раз подтверждает распространенную оценку слабости «демократической контрреволюции» в Гражданской войне.

Список источников / References

1. Щепихин С. А. Воспоминания 1918–1920 гг. / под ред. А. В. Ганина. Москва: Фонд «Связь Эпох», 2024. 976 с. ISBN 978-5-907396-34-0.
Shchepikhin S. A. Vospominaniya 1918–1920 gg. [Memories of 1918–1920s] / Ed. by A. V. Ganin. Moscow, 2024. 976 p. ISBN 978-5-907396-34-0. (In Russ.).
2. Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1930. 250 с.
Petrov P. P. Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh [From Volga to the Pacific Ocean in whites' ranks]. Riga, 1930. 250 p. (In Russ.).
3. Петрушева Л. И., Теплова Е. Ф. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / отв. ред. Г. А. Трукан. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1995. 443 с. ISBN 5-201-00582-9.
Petrusheva L. I., Teplova E. F. Rossiya antibolshevistskaya: Iz belogvardeyskikh i emigrantskikh arkhivov [Anti-Bolshevik Russia: From the white guard and emigrant archives] / Ed. by G. A. Trukan. Moscow, 1995. 443 p. ISBN 5-201-00582-9. (In Russ.).
4. Салдугеев Д. В. К вопросу формирования русско-чешских полков в период Гражданской войны в России // Социально-экономические, институционально-правовые и культурно-исторические компоненты развития муниципальных образований: сборник трудов IX Научно-практической конференции. Миасс: ООО «Абориген», 2012. С. 218–220.
Saldugueyev D. V. K voprosu formirovaniya russko-cheshskikh polkov v period Grazhdanskoy voyny v Rossii [On the formation of Russian-Czech regiments during the Civil War in Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye, Institutsional'no-pravovyye i Kul'turno-istoricheskiye Komponenty Razvitiya Munitsipal'nykh Obrazovaniy*. Miass, 2012. P. 218–220. (In Russ.).
5. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Москва: Вече, 2017. 592 с. ISBN 978-5-4444-5391-9.
Melgunov S. P. Tragediya admirala Kolchaka. Iz istorii Grazhdanskoy voyny na Volge, Urale i v Sibiri [Tragedy of Admiral Kolchak. From the history of the Civil War on Volga, Urals and Siberia]. Moscow, 2017. 592 p. ISBN 978-5-4444-5391-9. (In Russ.).
6. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. Москва: Кучково Поле, 2018. 1024 с. ISBN 978-5-9950-0934-4.
Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy [Czech-Slovak (Czechoslovakian) corps. 1914–1920s. Documents and materials. In 2 vols. Vol. 2. Czechoslovakian Legions and the Russian Civil War. 1918–1920s]. Moscow, 2018. 1024 p. ISBN 978-5-9950-0934-4. (In Russ.).
7. Голуб П. А. Белый террор в России (1918–1920 гг.). Москва: Изд-во Патриот, 2006. 477 с. ISBN 5-7030-0951-0.
Golub P. A. Belyy terror v Rossii (1918–1920 gg.) [White terror in Russia (1918–1920s)]. Moscow, 2006. 477 p. ISBN 5-7030-0951-0. (In Russ.).
8. Ганин А. В. Адмирал А. В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противостояние в ноябре–декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37.
Ganin A. V. Admiral A. V. Kolchak i partiya sotsialistov-revolutsionerov: voyenno-politicheskoye protivoborstvo v noyabre–dekabre 1918 g. [Admiral A. V. Kolchak and the Socialist Revolutionary party: the military-political confrontation in November–December 1918]. *Voyennyy Kommentator. Voyenno-istoricheskiy Al'manakh (Ekaterinburg)*. 2009. No. 1 (8). P. 21–37. (In Russ.).
9. Залунина К. Н., Казаков А. Я. О работе подпольных большевистских организаций Сибири (1918–1919 гг.): документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Исторический архив. № 2. 1962. С. 96–119.
Zalunina K. N., Kazakov A. Ya. O rabote podpol'nykh bolshevistskikh organizatsiy Sibiri (1918–1919 gg.): dokumenty Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS [On the work of subterranean Bolshevik organizations in Siberia (1918–1919): documents from the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU]. *Istoricheskiy arkhiv. Historical Archive*. No. 2. 1962. P. 96–119. (In Russ.).
10. Петров А. А. Оставление Сызрани и Самары Народной армией Комуча (20 сентября–20 октября 1918 г.) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2014. С. 425–438. ISBN 978-5-7937-1082-4. EDN: AKOTVH.
Petrov A. A. Ostavleniye Syzrani i Samary Narodnoy armiiyey Komucha (20 sentyabrya–20 oktyabrya 1918 g.) [Abandonment of Syzran and Samara by the Army of Komuch (September 20–October 20, 1918)]. *Voyna i Oruzhiye. Novyye Issledovaniya i Materialy*. Saint Petersburg, 2014. P. 425–438. ISBN 978-5-7937-1082-4. EDN: AKOTVH.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 1.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archives of the Russian Federation (SARF)]. File: P–670/2/1. (In Russ.).
12. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 4.
GARF [SARF]. File: P–670/2/4. (In Russ.).
13. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 13.
GARF [SARF]. File: P–670/2/13. (In Russ.).
14. Колчаковщина. Из белых мемуаров / под ред. Н. А. Корнаковского. Ленинград: Изд-во «Красная Газета», 1930. 240 с.
Kolchakovshchina. Iz belykh memuarov [Kolchakshchina. From the White Memoirs] / Ed. by N. A. Kornatovsky. Leningrad, 1930. 240 p. (In Russ.).
15. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 7.
GARF [SARF]. File: P–670/2/7. (In Russ.).
16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39624. Оп. 1. Д. 2.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 39624/1/2. (In Russ.).
17. ГАРФ. Ф. Р–670. Оп. 2. Д. 5.
GARF [SARF]. File: P–670/2/5. (In Russ.).
18. Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке: сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 181–208. EDN: UXZAZV.
Teplyakov A. G. «Ya ne chinovnik i ne trus»: sud'ba Viviana Itina [“I am not an official and I am not a coward”: the fate of

Vivian Itin]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Power and Society in Siberia in the 20th Century*. Novosibirsk, 2015. Issue 6. P. 181–208. EDN: UXZAZV. (In Russ.).

19. РГБА. Ф. 39568. Оп. 1. Д. 1.

RGVA [RSMA]. File: 39568/1/1. (In Russ.).

20. РГБА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 35.

RGVA [RSMA]. File: 39548/1/35. (In Russ.).

21. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 10.

GARF [SARF]. File: P-670/2/10. (In Russ.).

22. ГАРФ. Ф. Р-4370. Оп. 1. Д. 17.

GARF [SARF]. File: P-4370/1/17. (In Russ.).

23. РГБА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 14.

RGVA [RSMA]. File: 39500/1/14. (In Russ.).

24. Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии: 1917–1919 гг. Уфа, 1966. 483 с.

Aminev Z. A. *Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Bashkirii: 1917–1919 gg.* [October Socialist Revolution and Civil War in Bashkiria: 1917–1919]. Ufa, 1966. 483 p. (In Russ.).

25. РГБА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 946.

RGVA [RSMA]. File: 185/3/946. (In Russ.).

26. Симонов Д. Г. К истории формирования 1-го Волжского армейского корпуса генерала В. О. Каппеля // Власть и общество в Сибири в XX веке: сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2015. Вып. 6. С. 68–82. EDN: UVQSDV.

Simonov D. G. K istorii formirovaniya 1-go Volzhskogo armeyskogo korpusa generala V. O. Kappelya [On the history of the formation of the 1st Volga Army Corps of General V. O. Kappell]. *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Power and Society in Siberia in the 20th Century*. Novosibirsk, 2015. Issue 6. P. 68–82. EDN: UVQSDV. (In Russ.).

27. РГБА. Ф. 169. Оп. 2. Д. 1с.

RGVA [RSMA]. File: 169/2/1s. (In Russ.).

28. Brno v boji za svobodu: sbornik vzpomínek. Druhý svazek. Brno, 1935. 156 s.

Brno v boji za svobodu: sbornik vzpomínek. Druhý svazek. [Brno in the fight for freedom: a collection of memories]. Brno, 1935. 156 p. (In Czech).

29. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 8.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/8. (In Russ.).

30. РГБА. Ф. 39554. Оп. 1. Д. 11.

RGVA [RSMA]. File: 39554/1/11. (In Russ.).

31. Плотников И. Ф. Окончательная гибель Всероссийского Учредительного собрания. Сентябрь–декабрь 1918 г. // Исторический архив. № 4. 1999. С. 141–172.

Plotnikov I. F. *Okonchatel'naya gibel' Vserossiyskogo Uchreditel'nogo sobraniya. Sentyabr'–dekabr' 1918 g.* [Final collapse of the All-Russian Constituent Assembly. September–

December 1918]. *Istoricheskiy arkhiv. Historical Archive*. No. 4. 1999. P. 141–172. (In Russ.).

32. ГАРФ. Ф. Р670. Оп. 2. Д. 2.

GARF [SARF]. File: P670/2/2. (In Russ.).

33. РГБА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 15.

RGVA [RSMA]. File: 39500/1/15. (In Russ.).

34. РГБА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 16.

RGVA [RSMA]. File: 39500/1/16. (In Russ.).

35. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 4.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/4. (In Russ.).

36. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 3.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/3. (In Russ.).

37. РГБА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 84.

RGVA [RSMA]. File: 39624/1/84. (In Russ.).

ЗАЯЦ Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры «История» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва.

SPIN-код: 8404-6016

AuthorID (РИНЦ): 959848

ORCID: 0009-0008-3265-2456

Адрес для переписки: nikza91@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 03.09.2025.

ZAYATS Nikolai Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the History Department, Moscow Aviation Institute, Moscow.

SPIN-code: 8404-6016

AuthorID (RSCI): 959848

ORCID: 0009-0008-3265-2456

Correspondence address: nikza91@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 03.09.2025.

УДК/UDC 94[47].084.9+94[474.2]
DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-20-25
EDN: MLPCNI
Научная статья/Original article

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРДВИЖЕНИЙ В ЭСТОНИИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

А. К. Потапов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55А

Статья посвящена основным вехам общественно-политической деятельности Интердвижения в Эстонии в 1988–1991 гг. Целью работы является определение основных этапов деятельности Интернационального движения трудящихся и Объединенного совета трудовых коллективов Эстонской ССР. Задачи — определить предпосылки к возникновению, а также проследить основные направления деятельности и программные установки Интернационального движения трудящихся и Объединенного совета трудовых коллективов Эстонской ССР. Автор приходит к заключению, что указанные организации возникали как реакция национальных меньшинств Эстонии на формирование и деятельность Народного фронта республики и на набравшие политический вес крайние националистические группы, движения и организации, такие как Партия национальной независимости Эстонии и Конгресс граждан. В результате деятельность Интердвижений не способствовала остановке развития национализма, более того, она выступила детерминантом для консолидации националистов.

Ключевые слова: Народный фронт, перестройка, Эстония, Интердвижения, Объединенный совет трудовых коллективов, сепаратистские устремления, политическое развитие.

Для цитирования: Потапов А. К. Основные этапы деятельности Интердвижений в Эстонии в годы перестройки // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 20–25. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-20-25. EDN: MLPCNI.

© Потапов А. К., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

MAIN STAGES OF THE ACTIVITIES OF THE INTERMOVEMENTS IN ESTONIA DURING THE YEARS OF THE PERESTROIKA

A. K. Potapov

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk, Mira Ave., 55A, 644077

The article is devoted to the main milestones of the Intermovement's socio-political activity in Estonia in 1988–1991. The purpose of the work is to identify the main stages of the activities of the International Workers' Movement and the United Council of Labor Collectives of the Estonian SSR. The objectives are to identify the prerequisites for the emergence, as well as to trace the main activities and program guidelines of the International Workers' Movement and the United Council of Labor Collectives of the Estonian SSR. The author concludes that these organizations arose as a reaction of the national minorities of Estonia to the formation and activities of the Popular Front of the Republic and to extreme nationalist groups, movements and organizations that gained political weight, such as the Estonian National Independence Party and the Citizens' Congress. As a result, the activity of the Inter-Movements did not contribute to stopping the development of nationalism. Moreover, it acted as a determinant for the consolidation of nationalists.

Keywords: Popular Front, Perestroika, Estonia, Intermovements, United Council of Labor Collectives, separatist aspirations, political development.

For citation: Potapov A. K. Main stages of the activities of the Intermovements in Estonia during the years of the Perestroika. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 20–25. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-20-25. EDN: MLPCNI

Постановка проблемы

Проблема негражданства в Эстонии до сегодняшнего дня остается одной из актуальных в социально-политическом развитии этого государства. От её решения зависит дальнейшая консолидация всего эстонского общества, людей разных национальностей. Данная проблема напрямую связана с отказом властей Эстонии пойти после обретения независимости по пути «нулевого» варианта и предоставить гражданство всему постоянно проживающему в республике населению. Эстонскими властями был выбран довольно сложный процесс натурализации для представителей национальных меньшинств, приехавших в республику после 1940 г., и их потомков. Совсем недавно эту проблему подняла министр образования и науки Эстонии Кристина Каллас, которая призвала ликвидировать институт негражданства за 10 лет: «Нам важно начать решать этот вопрос. В течение следующих 10 лет мы должны стремиться исключить эту категорию и свести ее к нулю, чтобы больше не было людей с неопределенным гражданством. Сегодня в Эстонии продолжают рождаться дети с этим статусом, то есть мы снова создаем эту категорию. Поэтому нужно как можно скорее прекратить выдачу таких паспортов детям, рождающимся в Эстонии» [1]. В связи с этим проблема имеет особую актуальность и может быть экстраполирована как территориально (за рамки Эстонской Республики), так и темпорально (за пределы исторического периода).

К проблеме деятельности Интернационального движения трудящихся (Интердвижения) и Объединенного совета трудовых коллективов (ОСТК) Эстонской ССР в годы перестройки в своей монографии обращался Р. Х. Симонян, давая довольно противоречивые и не всегда корректные оценки их роли в общественно-политических процессах республики. Так, Р. Х. Симонян справедливо отмечает, что первоначально (до ноября 1988 г.) деятельность Интердвижения вполне соответствовала тем перестроечным тенденциям, которые характерны для всей страны, а затем стала, по его мнению, приобретать откровенные консервативные черты [2, с. 155]. При этом Р. Х. Симонян практически никак не пытается объяснить, какие причины такой эволюции Интердвижения после ноября 1988 г., позволяя себе не совсем корректные утверждения насчет общего интеллектуального уровня участников этой организации, которые ему напоминали не очень грамотных, но напористых деятелей времен Гражданской войны [2, с. 161]. Также исследователь обращается к ещё одной проблеме, вызвавшей опасения у русскоязычного и части эстонского населения республики, связанной с функционированием предприятий и сохранением рабочих мест. Р. Х. Симонян вынужден согласиться, что обретение независимости привело к резкому сокращению производства и увольнению огромной массы людей, которые, по его мнению, приехали из других республик СССР. Об этой опасности постоянно говорили лидеры Интердвижения и ОСТК Эстонской ССР и их прогноз в целом оказался верен. К этому также добавились националистические и сепаратистские тенденции.

Данные тенденции напрямую были связаны с деятельностью Конгресса граждан, которые проявились в республике на рубеже 1980–1990-х гг. В связи с таким развитием событий именно представители Интердвижения и ОСТК Эстонии высказывали по этому поводу свои опасения, используя

различные трибуны, в том числе и Съезд народных депутатов СССР, но союзное руководство практически никаких шагов не предпринимало.

Как известно, перестроечные процессы, начавшиеся в СССР с приходом к власти М. С. Горбачева, привели к существенным коррективам в общественно-политических процессах не только в союзном Центре, но и в других республиках. Исключением не стали и прибалтийские республики, в которых на первых этапах перестройки стали формироваться движения и группы, в состав которых входили оппозиционно настроенные к советской власти деятели. Однако подобные организации не пользовались популярностью у местного населения, так как считались довольно радикальными. Но вскоре ситуация изменилась, на политическую арену республик Прибалтики вышли новые институты, в основе которых лежало стремление сплотить на фоне национального подъема большинство коренного населения, — Народные фронты Латвии и Эстонии, «Саюдис» в Литве.

Проблемам формирования и деятельности Интердвижений в Эстонии, в отличие от Народного фронта республики, посвящено крайне мало исследований. Среди них выделяются работы Р. Х. Симоняна [2, 3], С. Кинки [4], И. В. Никифорова [5].

Целью работы является определение и описание основных этапов деятельности Интердвижения и ОСТК Эстонской ССР.

Для достижения поставленной цели в статье использовались следующие исторические источники: нормативно-правовые акты, принимаемые как на общесоюзном, так и на республиканском уровнях, и влиявшие на общественно-политические процессы в Эстонии; программные, уставные и директивные документы партий и общественно-политических организаций, которые представлены программными документами Интердвижения Эстонии; периодические издания (газеты и журналы), в которых отражены основные события и процессы периода перестройки в Эстонской ССР.

Основная часть

В рамках деятельности Интердвижения и ОСТК Эстонии следует выделить три основных этапа:

Первый этап. Май 1988 — март 1989 гг. — происходит формирование Интердвижения и ОСТК Эстонии и их организационное оформление (например, Учредительный съезд Интердвижения в начале марта 1989 г.).

Второй этап. Март 1989 — март 1990 гг. — активное участие Интердвижения и ОСТК Эстонии в политической жизни республики, организация и проведение забастовок, попытки привлечения внимания союзного Центра к негативным тенденциям, происходящим в республике.

Третий этап. Март 1990 — август 1991 гг. — изменение положения Интердвижения и ОСТК Эстонии после принятия Верховным Советом республики постановления «О государственном статусе Эстонии» и до запрета этих организаций после августовских событий в Москве.

Начало *первого этапа* напрямую связано с формированием Народного фронта Эстонии (НФЭ) в апреле 1988 г., который уже к лету 1988 г. представлял собой серьезную политическую силу, способную выводить на улицы десятки тысяч человек. Важным аспектом деятельности Народного фронта было дальнейшее пробуждение национального самосознания эстонцев. Для достижения перво-

начальных целей в выступлениях на митингах и демонстрациях стали использоваться националистические призывы и оскорбления в адрес так называемых «мигрантов» и «оккупантов». Именно с лета 1988 г. в республике началось формирование новых организаций и движений, выступавших против националистических и сепаратистских устремлений многих представителей НФЭ и Партии национальной независимости Эстонии (ПННЭ).

Именно такое развитие событий и положило начало формированию Интердвижения Эстонии. Инициативный комитет Интердвижения был создан в июле 1988 г. группой таллинских инженеров, работавших в основном на предприятиях союзного подчинения. Изначально движение имело название «Интерфронт» (Интернациональный фронт трудящихся Эстонской ССР), но уже осенью 1988 г. было принято решение о переименовании в Интернациональное движение трудящихся Эстонской ССР, во главе которого стал Е. В. Коган — заведующий лабораторией охраны труда ПО «Эстрыбпром». Серьезные позиции в этой организации занимали В. Яровой, А. Сай, В. Лебедев и экономист К. Кикнадзе [6, с. 56].

По мнению Т. Х. Ильвеса, возникновение Интердвижения Эстонии было ответом на национальное пробуждение Эстонии и принятие парламентом республики нормативно-правового акта об использовании национального сине-черно-белого флага [7, с. 72].

Интердвижение Эстонии с момента своего возникновения выступало за паритетное развитие коренной нации и национальных меньшинств, а также против сепаратистских устремлений Народного фронта Эстонии и некоторых представителей власти в республике — Верховного Совета Эстонской ССР, ЦК Компартии Эстонии. Одной из первых крупных акций Интердвижения стал протест против Указа Президиума Верховного Совета Эстонской ССР «О провозглашении Дня независимости Эстонии» от 17 февраля 1989 г. В соответствии с ним 24 февраля было объявлено Днем независимости, а на башне «Длинный Герман» вместо государственного флага Эстонской ССР был поднят национальный сине-черно-белый флаг Эстонии [8]. В ответ на такое решение парламента республики Интердвижение 23 февраля 1989 г. в преддверии подъема национального флага Эстонии и в День Советской Армии провело в Таллине митинги, на которых выступающие заявляли о попытке государственного переворота в Эстонии мирным путем.

Учредительный съезд Интердвижения состоялся 4–5 марта 1989 г. в Таллине. В ходе его проведения в выступлениях ораторов поднимались острые вопросы общественно-политической жизни Эстонской ССР. Среди них были проблемы межнационального характера, принятие нормативно-правовых актов, направленных на суверенизацию Эстонии и т. д. [9].

По итогам работы I съезда Интердвижения были приняты Общая Программа, Резолюция и два Обращения [10–13]. В соответствии с программными установками, Интердвижение — «добровольное общественное движение, созданное по инициативе трудящихся» [10, с. 116–117].

Движение поддерживало требование о реализации статуса суверенитета республики, но лишь в составе СССР [10, с. 117].

В сфере межнациональных отношений Интердвижение Эстонии выступало против ущемления

в любой форме интересов русскоязычных граждан Эстонской ССР.

Следует отметить, что Интердвижение Эстонии все основные мероприятия начиная с 1989 г. проводило совместно с ОСТК Эстонской ССР, поэтому необходимо также рассмотреть основные аспекты становления этой организации.

История ОСТК Эстонской ССР начинается с инициативы таллинского завода «Двигатель», который выступил в мае 1988 г. с идеей объединения предприятий союзного подчинения в республике. В сентябре 1988 г. представители восьми предприятий подписали договор о создании Объединенного совета производственных коллективов (ОСПК). К концу ноября 1988 г. в ОСПК было принято более 100 предприятий, в основном с преобладанием представителей русскоязычного населения. Лишь в ходе обсуждения основных целей и задач новой организации, а также привлечения в него не только представителей промышленных предприятий, но и непромышленной сферы, решено было остановиться на другом названии — Объединенный совет трудовых коллективов.

Формирование ОСТК Эстонской ССР произошло осенью 1988 г. под влиянием усиливавшейся напряженности в межнациональных отношениях, деятельности НФЭ и других движений националистического толка. ОСТК — организация советов трудовых коллективов, прежде всего, крупнейших предприятий союзного подчинения. Данные советы трудовых коллективов, соответственно, контролировались директорами этих предприятий. Д. Е. Фурман напрямую отмечает, что «...ОСТК в какой-то мере — «Совет директоров», во главе него — директор крупнейшего таллинского завода «Двигатель» С. Яровой» [6, с. 59]. Учредительная конференция ОСТК Эстонской ССР прошла 30 ноября 1988 г., на нее были приглашены все советы трудовых коллективов, но прежде всего ответили советы русскоязычных предприятий. Для НФЭ данное объединение представляло серьезную опасность, т. к. могло в недалеком будущем сплотить представителей трудовых коллективов не только русскоязычных предприятий, но и эстонских организаций. Соответственно, такое положение дел руководство НФЭ явно не устраивало, в итоге деятельность движения теряла смысл, потому что массовую эстонскую организацию не получилось бы создать только из представителей интеллигенции. С целью предотвратить такое развитие событий руководство НФЭ решило мобилизовать директоров предприятий местной и легкой промышленности и создать параллельную структуру. В результате сформировался «эстонский» Совет трудовых коллективов Эстонии (СТКЭ), под руководством Ю. Нугиса, ориентированный на НФЭ. Важным моментом, отличающим ОСТК и СТКЭ, был принцип подчиненности — союзный или местный, а также национальному составу участников. В ОСТК участвовали в основном представители национальных меньшинств, прежде всего русскоязычные, в СТКЭ — эстонцы [14, с. 87].

Второй этап в деятельности Интердвижения и ОСТК Эстонской ССР начинается с марта 1989 г., когда эти организация объединяют свои усилия для отстаивания прав русскоязычного населения республики. Не совсем верно интерпретирует эти процессы Р. Х. Симонян, который, обращаясь к заметке в газете «Советская Эстония» за февраль 1989 г., экстраполирует данный момент

в сотрудничестве двух организаций на весь дальнейший период их деятельности [2, с. 162 – 163]. Несмотря на то, что первоначально ОСТК Эстонской ССР отказывался от поддержки совместных митингов и пикетов с Интердвижением, последующие события свидетельствуют об обратном. Уже 14 марта 1989 г. Интердвижение совместно с ОСТК Эстонской ССР провело общереспубликанский многотысячный митинг. В ходе проведения данного мероприятия с резкой критикой и руководства Эстонии, и сторонников НФЭ выступил генеральный директор объединения «Двигатель» С. Яровой, который обвинил их в обострении межнациональных отношений в республике [15].

В рамках второго этапа в истории Интердвижения и ОСТК Эстонской ССР важными стали события июня – августа 1989 г., когда Верховный Совет республики вынес на обсуждение Закон о выборах в местные Советы. В соответствии с данным нормативно-правовым актом, русскоязычные граждане Эстонии лишались возможности участия в голосовании в ходе проведения выборов в местные Советы. Исходя из такого положения дел, 21 июля 1989 г. Интердвижение и ОСТК Эстонской ССР организовали митинг, состоявшийся у Таллинского Горхолла [16].

На этом митинге были приняты основные требования к руководству республики [16], в случае невыполнения которых предполагалось организовать политическую забастовку в республике. Официальные власти республики проигнорировали все требования, принятые на митинге Интердвижения и ОСТК Эстонской ССР. В ответ на такое бездействие властей на предприятиях стали организовываться забастовочные комитеты. С целью координации их дальнейших действий был создан Совет забастовочных комитетов Эстонской ССР под руководством М. И. Лысенко.

С 24 июля 1989 г. Совет забасткомов Эстонской ССР организовал масштабную политическую забастовку, в которой к 13 августа 1989 г. участвовало 47 предприятий и организаций Эстонии [17]. В своем Обращении Совет забасткомов говорил о необходимости руководству республики начать диалог с протестующими [18].

Следует отметить, что ни забастовки, ни митинги, организованные Интердвижением, ОСТК Эстонской ССР и забастовочным комитетом, не поспособствовали поиску консенсуса и нахождению компромиссов в решении данной проблемы. Верховный Совет Эстонской ССР, несмотря на протесты и забастовки русскоязычного населения 8 августа 1989 г., всё-таки принял Закон о выборах в местные Советы. Забастовки на ведущих предприятиях Эстонии продолжились с новой силой. Попытки властей остановить их успеха не имели [19].

Лишь приезд Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета национальностей Верховного Совета СССР под председательством Г. С. Таразевича из Москвы поспособствовал снижению накала страстей в республике. На основании выводов данной комиссии Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О выборах в местные Советы народных депутатов Эстонской ССР» [20] от 16 августа 1989 г. В Указе подчеркивалось требование привести в соответствие с Конституцией СССР и нормами международного права некоторые статьи о выборах в местные Советы.

Следует отметить, что данный Указ не оказал должного воздействия на Верховный Совет Эстонской ССР. Выборы депутатов местных Советов было решено провести 10 декабря 1989 г. в полном соответствии с принятым законом. Интердвижение и ОСТК ЭССР призвали к бойкоту выборов в местные Советы и возрождению институтов власти, соответствующих общесоюзным законам и основам государственного управления СССР [21].

Третий этап неразрывно связан с проведением выборов в Верховный Совет Эстонской ССР и принятием 30 марта 1990 г. Постановления «О государственном статусе Эстонии», в соответствии с которым в республике начинался переходный период к независимости. Ввиду таких действий эстонского парламента, направленных на выход из состава СССР, 15 мая 1990 г. около Верховного Совета республики вновь по инициативе Интердвижения Эстонии и ОСТК состоялся митинг русскоязычной части населения, в результате которого произошли столкновения со сторонниками эстонского парламента.

После проведения данной акции активность Интердвижения и ОСТК Эстонской ССР начала падать ввиду широкого противодействия их деятельности со стороны нового руководства республики, отсутствия поддержки у общесоюзного центра, а также противоречий внутри этих организаций по поводу стратегии и тактики дальнейших действий. Так, например, в Интердвижении Эстонии в 1991 г. шли процессы раскола организации, о чем свидетельствовало проведение в феврале и апреле второго съезда Интердвижения. Причем в апреле 1991 г. по сообщению Президиума координационного совета Интердвижения Эстонии не планировалось проводить никаких подобных мероприятий [22].

Кроме того, предпринимавшиеся попытки противостоять сепаратистским устремлениям и представителей НФЭ, и большинству депутатского корпуса Верховного Совета Эстонии не имели успеха. Именно в таких условиях в феврале 1991 г. прошёл II съезд Интердвижения Эстонии [23].

Заключение

Таким образом, в общественно-политическом пространстве Эстонии в годы перестройки возникли движения и группы различного политического спектра и направленности. С одной стороны, сформировались НФЭ и ПННЭ, которые вскоре сумели согласовать общую цель и выступить единым фронтом в борьбе за достижение независимости, с другой — были созданы Интердвижение Эстонии и ОСТК, целью которых было противодействие сепаратистским устремлениям указанных выше организаций, защита прав национальных меньшинств в республике, составлявших около 35 % её населения.

Однако попытки консолидировать эту часть жителей Эстонской ССР не увенчались успехом в силу разных причин и обстоятельств. Во-первых, участие небольшого числа представителей национальной интеллигенции (в отличие от НФЭ); во-вторых, отсутствие поддержки от союзного Центра и республиканской Компартии, которая почти полностью перешла на сторону НФЭ; в-третьих, эффективное противодействие Интердвижению со стороны пришедших к власти в республике представителей НФЭ в 1990 г.; в-четвертых, августовские события 1991 г. в СССР послужили серьезным поводом для

окончательного устранения с политической арены Интердвижения и ОСТК.

После признания независимости Эстонии в сентябре 1991 г. представители некоренных национальностей в полной мере ощутили на себе весь размах дискриминационных мер, предпринятых властными структурами республики, которые были направлены на исключение из многих сфер общественной жизни (в том числе политической) русскоязычного населения.

Поэтому события конца 1980 — начала 1990-х гг. оказывают серьезное влияние на общественно-политические процессы, происходящие в современном эстонском обществе. Недавние заявления отдельных политиков позволяют предположить, что в перспективе возможно разрешение этой многолетней проблемы и преодоление раскола общества, который наблюдается на протяжении почти 35 лет.

Список источников / References

1. Министр образования Эстонии призвала упразднить институт «негров» // РИА Новости — события в Москве, России и мире сегодня. URL: <https://ria.ru/20250117/estoniya-1994137600.html> (дата обращения: 22.01.2025).

Ministr obrazovaniya Estonii prizvala uprazdnit institut «negrov» [Estonian education Minister calls for abolition of "negro" institute]. *RIA Novosti — sobytiya v Moskve, Rossii i mire segodnya*. URL: <https://ria.ru/20250117/estoniya-1994137600.html> (accessed: 22.01.2025). (In Russ.).

2. Симонян Р. Х. Эстония. Обретение второй независимости. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2016. 320 с. ISBN 978-5-7567-0883-7. EDN: XRTUHN.

Simonyan R. Kh. *Estoniya. Obreteniye vtoroy nezavisimosti*. [Estonia. Gaining the second independence]. Moscow, 2016. 320 p. ISBN 978-5-7567-0883-7. EDN: XRTUHN. (In Russ.).

3. Симонян Р. Х. Надежды и разочарования «Интердвижения» // Проблемы политической социализации личности. Москва: Институт социологии АН СССР, 1990. С. 5—41. EDN: ZGXNQB.

Simonyan R. Kh. *Nadezhdy i razocharovaniya «Interdvizheniya»* [Hopes and disappointments of the "Intermovement"]. *Problemy politicheskoy sotsializatsii lichnosti*. Moscow, 1990. P. 5—41. EDN: ZGXNQB. (In Russ.).

4. Кінка С. Інтернаціональні рухи в Країнах Балтії (1988—1991): виникнення, діяльність, історичне значення // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2012. № 15. С. 81—89. EDN: RTLCHF.

Kinka S. *Internatsional'ni rukhi v Kraïnakh Baltiï (1988—1991): viniknennya, diyal'nist', istorichne znachennya* [International movements in the Baltic States (1988—1991): emergence, activity, historical significance]. *Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitn'oi istorii*. 2012. No. 15. P. 81—89. EDN: RTLCHF. (In Ukr.).

5. Никифоров И. В. Эстония между I и III республикой (1988—1992): опыт инклюзивной реконструкции исторического нарратива // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 1 (8). С. 122—156. EDN: YHQGZL.

Nikiforov I. V. *Estoniya mezhd I i III respublikoy (1988—1992): opyt inkluzivnoy rekonstruktsii istoricheskogo narrativ* [Estonia between the 1st and 3rd Republics (1988—1992): an experience of inclusive reconstruction of historical narrative]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 2017. No. 1 (8). P. 122—156. EDN: YHQGZL. (In Russ.).

6. Фурман Д. Е. Становление политической организации в современной Эстонии. Выпуск 4. Москва: Аналитический центр по проблемам социально-экономического и научно-технического развития, 1991. 204 с.

Furman D. E. *Stanovleniye politicheskoy organizatsii v sovremennoy Estonii* [Establishment of a political organization in modern Estonia]. Issue 4. Moscow, 1991. 204 p. (In Russ.).

7. Toomas Hendrik Ilves. Reaction: the Intermovement in Estonia. *Toward Independence: The Baltic Popular Movements*. Boulder, Colorado and San Francisco: Westview Press, 1991. P. 71—83.

8. Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР «О провозглашении Дня независимости Эстонии» // Советская Эстония. 1989. 22 февраля. № 45. С. 3.

Ukaz Prezidiuma Verkhovnoy Soveta Estonskoy SSR «O provozglašenii Dnya nezavisimosti Estonii» [Decree of the Presidium of the Supreme Council of the Estonian SSR "On the proclamation of the Independence Day of Estonia"]. *Sovetskaya Estoniya*. 1989. February 22. No. 45. P. 3. (In Russ.).

9. Советская Эстония. 1989. 10 марта.

Sovetskaya Estoniya. 1989. March 10. (In Russ.).

10. Общая Программа Интернационального движения трудящихся Эстонской ССР // Советская Эстония. 1989. 14 марта. № 61. С. 4.

Obshchaya Programma Internatsional'nogo dvizheniya trudyashchikhsya Estonskoy SSR [General Program of the International movement of workers of the Estonian SSR]. *Sovetskaya Estoniya*. 1989. March 14. No. 61. P. 4. (In Russ.).

11. Резолюция I съезда Интернационального движения трудящихся Эстонской ССР по общественно-политической ситуации в республике // Советская Эстония. 1989. 14 марта. № 61. С. 4.

Rezolyutsiya I s"yezda Internatsional'nogo dvizheniya trudyashchikhsya Estonskoy SSR po obshchestvenno-politicheskoy situatsii v respublike [Resolution of the 1st Congress of the International movement of workers of the Estonian SSR on the socio-political situation in the Republic]. *Sovetskaya Estoniya*. 1989. March 14. No. 61. P. 4. (In Russ.).

12. Обращение делегатов I съезда Интердвижения трудящихся Эстонской ССР // Советская Эстония. 1989. 14 марта. № 61. С. 4.

Obrashcheniye delegatov I s"yezda Interdvizheniya trudyashchikhsya Estonskoy SSR [Appeal of the delegates of the 1st Congress of the Intermovement of workers of the Estonian SSR]. *Sovetskaya Estoniya*. 1989. March 14. No. 61. P. 4. (In Russ.).

13. Обращение делегатов I съезда Интернационального движения трудящихся Эстонской ССР к трудящимся СССР, коммунистам и беспартийным, партийным и советским органам, ветеранам войны, вооруженных сил, воинам-интернационалистам, воинам Вооруженных Сил СССР // Советская Эстония. 1989. 14 марта. № 61. С. 4.

Obrashcheniye delegatov I s"yezda Internatsional'nogo dvizheniya trudyashchikhsya Estonskoy SSR k trudyashchimsya SSSR, kommunistam i bespartijnym, partiynym i sovetskim organam, veteranam vojny, vooruzhennykh sil, voïnam-internatsionalistam, voïnam Vooruzhennykh Sil SSSR [Appeal of the delegates of the 1st Congress of the International Movement of Workers of the Estonian SSR to the workers of the USSR, communists and non-party, party and Soviet bodies, war veterans, armed forces, internationalist soldiers, soldiers of the Armed Forces of the USSR]. *Sovetskaya Estoniya*. 1989. March 14. No. 61. P. 4. (In Russ.).

14. Титма М. Эстония. Что у нас происходит? Таллин: Периодика, 1989. 144 с. ISBN 9785797903321.

Titma M. *Estoniya. Chto u nas proiskhodit?* [Estonia. What is happening here?]. Tallin, 1989. 144 p. ISBN 9785797903321. (In Russ.).

15. Советская Эстония. 1989. 15 марта.

Sovetskaya Estoniya. 1989. March 15. (In Russ.).

16. Советская Эстония. 1989. 22 июля.

Sovetskaya Estoniya. 1989. July 22. (In Russ.).

17. Размах политической стачки // Интердвижение Эстонии. 1989. № 7. С. 1.

Razmakh politicheskoy stachki [The scope of the political strike]. *Interdvizheniye Estonii*. 1989. No. 7. P. 1. (In Russ.).

18. Молодежь Эстонии. 1989. 27 июля.

Molodezh' Estonii. 1989. July 27. (In Russ.).

19. Постановление Президиума Верховного Совета Эстонской ССР «О мерах по обеспечению законности и правопорядка в республике» // Советская Эстония. 1989. 11 августа. № 185. С. 3.

Postanovleniye Prezidiuma Verkhovnogo Soveta Estonskoy SSR «O merakh po obespecheniyu zakonnosti i pravoporyadka v respublike» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On elections to local Councils of People's Deputies of the Estonian SSR"]. *Sovetskaya Estoniya*. 1989. August 11. No. 185. P. 3. (In Russ.).

20. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выборах в местные Советы народных депутатов Эстонской ССР» от 16 августа 1989 г. // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1989. 23 августа. № 11. С. 380.

Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR «O vyborah v mestnyye Sovety narodnykh deputatov Estonskoy SSR» ot 16 avgusta 1989 g. [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On elections to local Councils of People's Deputies of the Estonian SSR" of August 16, 1989]. *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. 1989. August 23. No. 11. P. 380. (In Russ.).

21. Интердвижение Эстонии. 1989. № 9. Спецвыпуск.

Interdvizheniye Estonii. 1989. No. 9. Special edition. (In Russ.).

22. Советская Эстония. 1991. 30 апреля.

Sovetskaya Estoniya. 1991. April 30. (In Russ.).

23. Советская Эстония. 1991. 5 февраля.

Sovetskaya Estoniya. 1991. February 5. (In Russ.).

ПОТАПОВ Александр Константинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Отечественная история и историография» Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 9006-6277

AuthorID: 734548

ORCID: 0000-0001-5890-9987

AuthorID (SCOPUS): 58513416200

ResearcherID: GLR-3420-2022

Адрес для переписки: oalexk2187@yandex.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 01.10.2025.

POTAPOV Alexander Konstantinovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History and Historiography Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 9006-6277

AuthorID: 734548

ORCID: 0000-0001-5890-9987

AuthorID (SCOPUS): 58513416200

ResearcherID: GLR-3420-2022

Correspondence address: oalexk2187@yandex.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 01.10.2025.

«СЛУЧАЙ ОБНАРУЖЕНИЯ ПРОКЛАМАЦИИ, ТРАКТУЮЩЕЙ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ»: АНТИВОЕННАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОМСКЕ В 1914–1917 гг.

М. М. Стельмак

Исторический архив Омской области, Россия, 644024, г. Омск, ул. Иртышская набережная, 9

Российский социалистический пролетариат
не ждет освобождения России ни от победы Вильгельма II,
ни от победы Николая II.
Ю. О. Мартов [1, с. 1]

В данной публикации рассматривается деятельность революционеров в Омске в 1914–1917 гг., являющихся противниками Первой мировой войны. Несмотря на обширное количество работ в советской и постсоветской историографии о сибирских большевиках в предреволюционные годы, отдельного исследования, полностью затрагивающего антивоенную деятельность оппозиционных сил, нет. Данная проблема рассматривалась в основном фрагментарно. Основой для наработки, выстроенной по теоретической формуле, сочетающей антропологический подход и историко-системный метод, послужили материалы делопроизводства жандармерии, выявленные в фондах Исторического архива Омской области, опубликованные и неопубликованные воспоминания членов Российской социал-демократической рабочей партии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на различные трудности и противодействие со стороны жандармерии, омские революционеры уделяли немало времени в своей деятельности антивоенной агитации, хотя её масштаб не следует преувеличивать.

Ключевые слова: большевики, меньшевики, эсеры, антивоенное движение, Первая мировая война, Отдельный корпус жандармов, революционное движение, Омск.

Для цитирования: Стельмак М. М. «Случай обнаружения прокламации, трактующей о необходимости прекратить войну»: антивоенная революционная деятельность в Омске в 1914–1917 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 26–34. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-26-34. EDN: MFXLBP.

© Стельмак М. М., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

“THE CASE OF DETECTING THE PROCLAMATION, INTERPRETING ABOUT THE NEED TO STOP THE WAR”: ANTI-WAR REVOLUTIONARY ACTIVITY IN OMSK IN 1914–1917

M. M. Stelmak

Historical Archive of the Omsk Region, Russia, Omsk, Irtyshskaya Embankment St., 9, 644024

This publication considers the activities of revolutionaries in Omsk in 1914–1917, which are opponents of the First World War. Despite the extensive number of works in the Soviet and post-Soviet historiography about the Siberian Bolsheviks in the pre-revolutionary years, there is no separate study that completely affects the anti-war activity of the opposition forces. This problem is considered mainly fragmented. The basis for developing, built according to the theoretical formula, combining the anthropological approach and the historical and system method, was the materials of the paperwork of the gendarmerie, identified in the funds of the historical archive of the Omsk region, published and unheated memoirs of members of the Russian Social Democratic Labour Party. The author concludes that despite various difficulties, opposition from the gendarmerie, Omsk revolutionaries devoted a lot of places in their activities of anti-war agitation, although its scale should not be exaggerated.

Keywords: Bolsheviks, Mensheviks, Socialist-Revolutionaries, anti-war movement, First World War, gendarmes, revolutionary movement, Omsk.

For citation: Stelmak M. M. "The case of detecting the proclamation, interpreting about the need to stop the war": anti-war revolutionary activity in Omsk in 1914–1917. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 4. P. 26–34. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-26-34. EDN: MFXLBP.

© Stelmak M. M., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Изучение истории революционного движения в Сибири во время Первой мировой войны продолжает занимать важное место в отечественной историографии. За минувшую четверть века на данную тему опубликовано немало трудов [2–7]. С советского периода в ряде работ нередко затрагивалась и антивоенная деятельность революционеров, но в основном рассматривались только мероприятия большевиков [8–9]. В постсоветское время эта тема продолжала вызывать интерес исследователей [10–13]. При этом должного внимания была лишена антивоенная агитация или ее попытки со стороны революционеров всех направлений (социал-демократов, эсеров, анархистов) в Омске с момента возникновения Первой мировой войны и до начала Великой Российской революции (1917–1922).

Цель данной статьи — реконструировать антивоенную работу в Омске членов социалистических политических партий, выступавших за революционное преобразование общества в 1914–1917 гг.

Основная часть

Начавшаяся Первая мировая война расколола участников революционного движения на её сторонников и противников. Не избежала этого и омская организация Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Один из её лидеров, К. А. Попов (1876–1949), с началом данного мирового конфликта становится меньшевиком-интернационалистом [14, с. 9]. Его позиция во многом совпадала с отношением к войне одного из лидеров меньшевиков Ю. О. Мартова. Хотя столь драматичные мировые события поставили перед революционерами очень острые вопросы, найти выход из которых зачастую без серьёзных споров с соратниками не представлялось возможным. Как писал в дневнике большевик, депутат IV Государственной думы Г. И. Петровский: «... война ... всё перепутала, отодвинула, деморализовала и дезорганизовала» [15, с. 10].

Важно подчеркнуть, что в дореволюционный период в Омске РСДРП являлась единой, в нее входили большевики и меньшевики. Несмотря на некоторые имеющиеся противоречия, они выступали за единую социал-демократическую партию и совместную работу. В феврале 1913 г. на подпольном собрании омские большевики и меньшевики отправили письмо газете большевиков «Правда» и газете меньшевиков «Луч» с благодарностью за их работу, но вместе с тем с порицанием за их взаимную вражду [11, с. 70].

Отметим, что летом 1914 г. по омской организации РСДРП был уже нанесён серьёзный удар. Были проведены обыски у ряда ее членов, во время которых удалось обнаружить запрещённые из-

дания, вынудив многих отказаться от подпольной деятельности [10, с. 81–82]. Согласно воспоминаниям другого лидера омских социал-демократов А. Н. Гладышева (1884–1972), в начале войны в городе располагали довольно смутными представлениями о положении в партии [16, л. 38]. Примерно осенью или в конце 1914 г. в Омск социал-демократам доставили изданную в Париже книгу Г. В. Плеханова «О войне: ответ товарищу З. П.», в которой излагались оборонческие взгляды. По мнению Плеханова, войну в России ведёт сам народ, вопреки царской власти [17, с. 176]. Классовая борьба должна отойти на второй план ради победы над немецким милитаризмом. Вскоре данную книгу дважды переиздали в Петрограде [18, с. 166].

На подпольных собраниях Гладышевым и его соратниками обсуждались и взгляды В. И. Ленина на войну, резолюции антивоенной Циммервальдской конференции. Как вспоминал А. Н. Гладышев, меньшевик Д. А. Лиознер хоть и активно поддерживал войну, но именно он доставил в Омск соратникам материалы с разъяснением позиций не только оборонцев, но и пораженцев [16, л. 38].

Уже с осени 1914 г. жандармерией в Омске фиксировались отдельные выступления против войны. В донесении начальнику Омского жандармского управления полковнику Н. Н. Козлову (1859–1920) от 19 сентября 1914 г. сообщалось об обойщике в железнодорожных мастерских П. Н. Сяярове, который «придерживается левого направления», в разговорах заявляет, что императоры Николай II и Вильгельм II начали войну с целью избежания в своих странах революций [19, л. 191]. 10 октября начальник Омского отделения жандармского управления Сибирской железной дороги подполковник Н. И. Бенкович сообщал Н. Н. Козлову, что по полученным нелегальным сведениям в Омске на улице Степной в доме Машинского по вечерам проходят собрания, на которых присутствуют солдаты и ведется агитация против войны [19, л. 192]. 16 октября 1914 г. на собрании членов ссудно-сберегательной кассы железнодорожников председатель собрания токарь И. И. Евтеев выступал против ассигнования денег на нужды войны. Его поддержали монтер токарного цеха, прапорщик запаса инженерных войск Н. П. Галанин, конторщик главной конторы С. Дмитриев, слесарь И. Дубов, бригадир-медник И. Будаев [19, л. 193]. Согласно жандармскому донесению в разные годы, Евтеев, Дмитриев, Дубов были связаны с забастовками, движением за права рабочих или являлись лицами «сомнительной благонадежности». Вместе с тем Дубов «в начале войны начал себя вести непатриотично» [20, л. 30].

Против войны выступал и большевик В. И. Шамшин (1885–1919), занимавшийся революционной деятельностью в омском подполье. В 1912 г. он бежал из ссылки, нелегально находился в Омске,

под другой фамилией работал у К. А. Попова письмоводителем [21, л. 31], а летом 1913 г. после ареста жандармами был приговорен к каторжным работам в марте 1914 г. [22, с. 107]. Ему удалось отправить письмо (от 7 октября 1914 г.) единомышленникам в Омск (правда, оно было перехвачено жандармами). Из текста письма следует, что он писал не наугад, точно осознавая, что его мысли встретят поддержку. Приведем отрывки: «То, что теперь пролетариат мира пошёл как-то вразброд, не значит ещё, что он навсегда изменил своим заветам. Этот развал Интернационала и патриотизм скоро пройдут в среде пролетариата, и тогда он с ещё большей энергией возьмётся за работу по созданию социализма. Я убеждён, что он, пролетариат, в самом скором времени от патриотизма повернёт к интернационализму и вместо участия в войне станет бороться с ней и теми, кто её вызвал и кому она нужна, всеми силами» [8, с. 83]. Он считал, что социалисты должны противодействовать войне [8, с. 83]. Шамшин с сожалением отмечал, что многие наблюдаемые им социалисты (хоть и не все) стали на путь поддержки войны [23, с. 291].

8 февраля 1915 г. омским жандармам было доставлено секретное сообщение из Донского областного жандармского управления. В нём говорилось, что недавно было перехвачено отправленное в Ростов-на-Дону письмо депутата Государственной думы социал-демократа Н. С. Чхеидзе. Из письма следовало, что думская социал-демократическая фракция, «стоящая в настоящее время во главе петроградских меньшевиков», думает использовать некоторые обстоятельства для борьбы с правительством. Одним из них значился суд над пятью депутатами-большевиками, арестованными за антивоенное воззвание. Меньшевики предлагали вести пропаганду против кадетской партии, поддерживающей войну, также и против правительства «в смысле отказа в дальнейших кредитах на войну и, вообще, против намерения оккупировать завоёванные страны и ввести там самодержавный строй». Среди главных пунктов по организации пролетарских масс в перехваченном письме фигурировал и Омск [24, л. 33]. По данным жандармерии 17 мая 1915 г. в Омске прошло собрание отдельных «партийных лиц», на котором шла речь о том, что необходимо воспрепятствовать сборам средств на цели войны [25, с. 158].

Известно, что в августе 1915 г. члены омской РСДРП провели ряд совместных с эсерами партийных собраний с целью «обсуждения вопроса о взаимном реагировании на переживаемые события». На одном из таких собраний планировалось выпустить воззвание, посвященное войне, но это не смогли осуществить [10, с. 82]. Во второй половине августа 1915 г. в Омск прибыл бежавший из Нарымской ссылки эсер В. К. Мнох. Им были устроены несколько подпольных совещаний эсеров при участии и некоторых социал-демократов. На одной из этих подпольных встреч 8 сентября 1915 г. поставили вопрос о печатании нелегального воззвания антивоенного содержания. Одному из присутствовавших на совещании поручили добыть шрифт, В. К. Мнох вызвался составить проект воззвания. Ряд социал-демократов отнеслись к такой акции сдержанно, поскольку она, по их мнению, могла вызвать «напрасные жертвы», но уже 15 сентября 1915 г. В. К. Мнох был арестован, и воззвание не появилось. Но сохранился текст его проекта, попавший к жандармам. В нем осуждалась война,

звучали призывы к рабочим организоваться «под знаменем эсеров» и лозунгами свержения самодержавия, установления демократической республики, проведения всеобщей политической амнистии и заключения мира на основе сохранения «самостоятельности России и ее союзниц» [26, с. 116]. В декабре 1915 г. омские эсеры намеривались выпустить листовку, посвящённую борьбе с дороговизной и тяжёлому положению жен запасных солдат и ратников из-за незначительного размера пособия, но и эту акцию реализовать не удалось [26, с. 117].

13 декабря 1915 г. в стенах здания омского общества «Просвещение» состоялись горячие дебаты, расколовшие собравшуюся публику из 200 человек на два лагеря. На них К. А. Попов выступил с осуждением войны, призвал всемерно стремиться к миру, отрицательно высказался по поводу участия в военно-промышленных комитетах. С Поповым вступил в спор видный деятель кадетской партии в Омске В. А. Жардецкий. Точку зрения Жардецкого поддержали латыш Рутцель, некий рабочий и помощник присяжного поверенного Д. А. Лиознер. На стороне Попова выступили бывший присяжный-поверенный А. В. Спекторский и еще один рабочий. После них антивоенную речь произнес социал-демократ И. А. Смотров, ссылаясь на Л. Н. Толстого. Горячие прения в обществе, доклады спикеров, выступивших за и против позиции К. А. Попова, наглядно продемонстрировали раскол в обществе по отношению к войне. 13 января 1916 г. К. А. Попов был арестован жандармами, но в силу разных причин, включая поддержку со стороны общественно-политических сил, 9 февраля 1916 г. он оказался освобожден [13].

Отметим лишь, что, несмотря на негодование полковника Н. Н. Козлова на закрытый характер, собрание не было тайным. Ещё в номере от 11 декабря 1915 г. «Омский вестник» сообщал о проведении закрытого вечера в обществе «Просвещение», на котором К. А. Попов прочтет реферат о войне и связанных с нею задачах, а далее последуют прения [27, с. 2].

На следующий день после освобождения Попова Козлов в сообщении в Департамент полиции МВД характеризовал неблагонадежных жителей города: «Лица вольных профессий, между ними были так называемые «пораженцы», им нужен другой строй, они мечтают о республике, и главным проводником таких взглядов был присяжный поверенный и гласный думы К. А. Попов» [28, л. 14]. На наш взгляд, это показывает серьезное распространение среди омских революционеров антивоенных настроений, несмотря и на немалое наличие оборонческих взглядов. Отметим, что в дальнейшем Козлов настойчиво пытался воспрепятствовать деятельности Попова [13, с. 40]. Полковник на службе всегда прибегал к разработке различных схем, стараясь исполнять свои обязанности с особым усердием [14]. На наш взгляд, Козлов столь рьяно взялся за это дело, имея и дополнительную цель. Чуть ранее полковник жандармерии был вынужден давать объяснения вышестоящему начальству по поводу того, что среди его приятелей (видимо, с которыми он познакомился до Первой мировой войны) значились двое подданных Австро-Венгрии [29, с. 68].

Любопытно, что в конце 1915 г. омским жандармам пришло письмо от самарских коллег. Сообщалось, что с самарской меньшевистской газетой «Наш голос» сотрудничает некий человек из Омска

под псевдонимом. Требовалось установить его личность. Отметим, что в «Нашем голосе» публиковались скорее меньшевики, являвшиеся противниками войны. В этой газете в апреле 1916 г. даже было напечатано письмо за подписью 22 меньшевиков с протестом против сборника «Самозащита», выпущенного меньшевиками-оборонцами [30, с. 76]. Вместе с тем в газете в 1915–1916 гг. удалось напечатать некоторые статьи находившихся в ссылке противников войны Ф. И. Дана и И. Г. Церетели [30, с. 74]. Видимо, антивоенные статьи выходили в данной газете и у неизвестного омского социал-демократа. 28 января 1916 г. из Омска был дан ответ, что по имеющимся агентурным указаниям с изданием «Наш голос» сотрудничает К. А. Попов социал-демократ, находящийся в Омском тюремном замке за противоправительственную деятельность [31, л. 311 311 об.]. Исходя из имеющейся информации, выяснить точно, кто именно скрывался под псевдонимом, так и не удалось.

В ночь на 17 октября 1916 г. сотрудники жандармерии обнаружили практически в центре Омска на углу улиц Яцкинской и Гасфортовской (ныне угол улиц Бударина и Либкнехта) наклеенную прокламацию, «трактующую о необходимости прекратить войну». Она была написана от руки. Жандармами уточнялось, что найти автора не удалось. Вероятно, она была в единственном экземпляре, и разговоров о ней в городе не было [32, л. 55 об.], хотя некоторые исследователи считают, что она все же распространялась в Омске [33, с. 160]. По данным исследователя Н. Ф. Оруевой, вскоре жандармам стало известно об отправлении антивоенной прокламации из Омска в Березов [8, с. 89]. В январе 1917 г. омские социал-демократы на гектографе выпустили нелегальные листовки под названием «Манифест Циммервальдской социалистической конференции». Тираж составил не менее 60 экземпляров [33, с. 160]. Отметим, что Циммервальдские резолюции попадали не только в Омск, но и гораздо дальше, например, ссылкой Восточной Сибири. О своевременном получении подобных материалов говорилось в политическом обзоре жандармского управления за 1916 г. по Енисейской губернии [6, с. 153].

Беспокойство в Омском жандармском управлении, вероятно, могла вызвать и деятельность нелегального Томского военно-социалистического союза. Осенью 1916 г. часть революционеров, находившихся в Нарымской ссылке, были призваны в армию и отправлены в томский гарнизон, где в составе указанного союза стали вести антивоенную пропаганду. Среди них были большевики Н. Н. Яковлев, В. М. Косарев, А. А. Звездов, И. Н. Смирнов [9, с. 153–154]. Листовки Томского военно-социалистического союза доходили и до Омска, о чем вскоре стало известно жандармерии [34, с. 15–16]. По данным командующего Омским военным округом, бывшие ссылки из Нарымского края и других районов Сибири, в том числе и видные революционные работники РСДРП и Партия социалистов-революционеров (ПСР), вели пропаганду против войны, отстаивали интересы рабочих и крестьян [35, с. 232]. При этом И. Н. Смирнов в воспоминаниях 1923 г. указывал особенности ситуации в городе. По его словам, оказавшийся в Омске в начале 1917 г. его соратник не ужился с омичами, которые распространяли антивоенные листовки только среди рабочих, не ведя агитации среди солдат [36, с. 3]. Описывая данную

ситуацию летом 1917 г., И. Н. Смирнов сообщал, что в Омск в начале 1917 г. был послан бежавший из ссылки социал-демократ, латыш, но ужиться не удалось, поскольку омичи считали тогда группу И. Н. Смирнова плохими революционерами. Поэтому латыш уехал в Петроград, прибыв 24 февраля [37, с. 3]. Хотя В. М. Косарев в изданных в 1922 г. воспоминаниях писал, что из томского союза не удалось отправить литературу в Омск, прокламации всё равно попадали туда через маршевые роты, следовавшие через Омск на фронт [38, с. 69]. Исследователь И. М. Дажина указывала, что союз имел связи с Омском [3, с. 77]. По данным историка М. В. Шиловского, с весны 1916 г. омские социал-демократы наладили связи с военными местными гарнизона [39, с. 250].

Известно, что большевик А. Н. Дианов (1887–1975), участник Первой российской революции 1905–1907 гг., отбывавший воинскую повинность в 1909–1912 гг., а в 1912–1914 г. работавший в Тюмени слесарем в конторе пароходства, в 1914 г. вновь оказался призван в армию. Он был отправлен служить в Омск в 26-й Сибирский стрелковый запасный полк. Через какое-то время А. Н. Дианов стал слесарем в оружейной мастерской, благодаря чему мог под предлогом ремонта оружия посещать легально казармы во всем городе [40, л. 8]. В целом, в этом нет ничего удивительного. В ряде случаев командование предпочитало использовать солдат по имеющимся у них рабочим специальностям [41, с. 28]. В итоге он распространял листовки, действовал совместно с оппозиционно настроенными солдатами В. И. Шебалдиным, Е. Г. Воеводиным, П. О. Хотеенковым, прапорщиком А. А. Григорьевым. Через революционера Л. Ф. Годисову им удалось связаться с омскими социал-демократами [42, с. 62]. В 1957 г. А. Н. Дианов вспоминал, что на социал-демократическое подполье он смог выйти в 1916 г. [43, л. 27]. Однополчанин Дианова, М. А. Зиссерман (призван в 1915 г.) указывал, что в конце 1916 г. распространял брошюры и прокламации на окраине Омска [44, с. 77]. На наш взгляд, из этого следует, что И. Н. Смирнов ошибался, поскольку омские социал-демократы все-таки распространяли материалы и среди солдат.

В ноябре 1916 г. в Омск прибыл большевик З. И. Лобков, начавший вести агитацию против войны, сплотивший к концу года вокруг себя многих единомышленников, куда входили и революционеры Я. И. Анисимов, В. С. Горшков, В. В. Тараканов. Но, по мнению историка С. В. Макаруча, их наиболее активная деятельность началась уже после революции [11, с. 71]. Работая в конце 1916–начале 1917 гг. в рабочей группе омского военно-промышленного комитета, Лобков постоянно критиковал его деятельность [45, с. 11]. По данным историка В. М. Самосудова, З. И. Лобкову удавалось выступать накануне революционных событий перед рабочими омских железнодорожных мастерских, говоря резко отрицательно о военно-промышленных комитетах [46, с. 224]. Но, судя по имеющейся информации, З. И. Лобков не занимался именно изготовлением листовок и прокламаций. Как указывает С. В. Макаруч, до революции З. И. Лобков против войны в Омске вел только устную агитацию [11, с. 71]. В 1915 г. в Омск прибыла и поступила на работу в больницу на Атаманском хуторе фельдшер, акушерка, большевик А. Ф. Блусевич (1873–1954), принявшаяся и за антивоенную агитацию помимо революционной пропаганды [47, л. 6].

В начале декабря 1916 г. объединенная РСДРП была вновь воссоздана в Омске [48, с. 42]. Согласно воспоминаниям меньшевика Ф. Г. Ягодина-Виноградова, в декабре 1916 г. среди омских социал-демократов начались разговоры о необходимости восстановления подпольной партийной организации. Инициатором выступил К. А. Попов. Ягодина-Виноградов признавал, что сделать это было не просто ещё и из-за внутренних разногласий, так как в Омске присутствовали большевики, меньшевики-интернационалисты, меньшевики-оборонцы. Состоялось несколько подпольных собраний с горячими спорами представителей разных фракций, а также сторонников и противников войны. Выработка единой платформы заняла долгое время. Взаимно убеждая и уступая друг другу, сошлись на общих положениях: вести борьбу против войны за мир и параллельно бороться с самодержавием. По конспиративным сообщениям, организация была разбита на десятки, представители десятков составили общий комитет, а из него избиралось рабочее бюро. В состав бюро избрали 3-х человек: К. А. Попова, А. Н. Гладышева и Н. Н. Суслова. Вскоре удалось устроить несколько партийных собраний и наладить подпольную работу вопреки слежке жандармерии [49, с. 2].

Большевик Я. И. Анисимов (1897—1918) в письме в ЦК РСДРП (б), написанном в конце июня 1917 г., указывал, что накануне Февральской революции в омской РСДРП находилось примерно 100 человек (большевиков и меньшевиков). На наш взгляд, цифра несколько завышена. На май 1913 г., по данным жандармерии, в омской организации РСДРП насчитывалось около 60-ти человек [50, л. 7]. Но в Сибири в годы Первой мировой войны (в том числе и в Омске) стали складываться национальные группы при местных комитетах РСДРП [5, с. 230]. По словам Я. И. Анисимова, до Февральской революции большевики взаимодействовали с меньшевиками на основе антивоенных идей Циммервальда, и работали вместе довольно дружно [48, с. 57]. Действительно, немалое количество революционеров надеялись, что стоявшие на антивоенных позициях большевики и меньшевики навсегда забудут о прежних разногласиях. В 1915 г. находившийся в ссылке социал-демократ И. Г. Церетели с восторгом писал об отказе социал-демократов в Государственной думе голосовать за военные кредиты: «Разделённые прежними несогласиям две социал-демократические фракции слились для такого выступления воедино. Этим слиянием дан действенный символ необходимости единения рабочей демократии России перед лицом надвигающихся событий» [51, с. 62].

Отдельно стоит отметить и деятельность М. Н. Белкина, активного участника революционного движения [52, с. 84]. Высланный из Омска во второй половине 1914 г., рабочий Белкин продолжал приносить хлопоты жандармерии. В 1915 г. уже в Петрограде на Путиловском заводе Белкин поставил цель организовать среди рабочих боевую дружину для подготовки вооружённого восстания в конце войны. Вероятно, вскоре его призвали на военную службу ратником ополчения 2-го разряда. В жандармском донесении от 16 мая 1916 г. сообщалось, что в Уфе им велась «усиленная агитация против войны среди запасных». В заключение сообщалось, что М. Н. Белкин в Омске, Петрограде, Москве, Уфе проявлял усиленную активную революционную деятельность, организуя и составляя социал-демократические кружки рабочих, ведя

пропаганду против войны. Вероятно, власти вышли на след весной 1916 г., уже после его увольнения на три месяца из 192-го пехотного запасного батальона, когда он перешел на нелегальное положение под именем М. И. Иванова и поселился в Павловском Посаде [53, с. 182—183, 420].

На наш взгляд, он продолжал поддерживать связь с соратниками в Омске. Неясно, удалось ли весной 1916 г. жандармерии его обнаружить, но, согласно постановлению министра внутренних дел, М. Н. Белкин подлежал высылке в Тургайскую область на три года, считая срок со 2 мая 1916 г., под гласный надзор полиции [53, с. 420]. Через некоторое время после начала революционных событий он вернулся в Омск, будучи к тому моменту меньшевиком-интернационалистом [54, с. 3].

С началом Первой мировой войны в России ряд политических деятелей стали призывать к «внутреннему миру», что означало приостановку внутриполитической борьбы ради победы во «внешней» войне. Но в феврале 1916 г. даже ряд лидеров партии кадетов разочаровались в политике «внутреннего мира», ибо она лишь вела к уступкам правительству [55, с. 192]. Агитация против войны, по всей вероятности, находила отклики у ряда жителей Омска. Постепенное ухудшение положения в социальной сфере вызывало недовольство среди рабочих, хотя они не могли выразить его открыто. По словам корреспондента «Омского вестника», рабочие уже в конце весны 1915 г. смотрели на купцов как на врагов, взваливающих на семьи призванных тяжёлое бремя дороговизны. В городской думе 31 мая 1915 г. состоялась собрание граждан, посвящённое «вопросу о дороговизне жизни». В завершение дошло до почти прямых высказываний о выгодности войны для российского торгово-промышленного сословия. Даже меньшевик-оборонец Д. А. Лиознер с возмущением рассказал, что во время беседы с одним из купцов тот прямо сказал ему: «Дай Бог 3 года воевать, 3 года мне жить и 3 года торговать» [56, с. 3].

Дискуссии захватывали и представителей интеллигенции на, казалось бы, чисто культурных мероприятиях. 22 ноября 1915 г. общество «Просвещение» в городском торговом корпусе устроило вечер, на котором К. Д. Бальмонт под шумные аплодисменты слушателей прочитал несколько своих стихотворений. Дело в том, что его брат М. Д. Бальмонт тоже входил в омское общество «Просвещение», очень желал познакомить поэта со своими друзьями. Правда, перед своим выступлением К. Д. Бальмону пришлось отвлечься. Присяжный-поверенный, кадет В. А. Жардечский не удержался и выступил с рефератом, в котором выражал свою поддержку войне. Всем собравшимся из-за этого пришлось поучаствовать в оживлённых прениях из-за разных взглядов [57, с. 30].

Деятельность революционеров находила сочувствие и в казармах. В июле 1916 г. в Омске прошли волнения в 26-м полку среди солдат 2-й роты, недовольных плохим обращением офицеров. Тогда же в одном из следственных документов отмечалось, что один их рядовых того же полка является политически неблагонадёжным и разъясняет солдатам, что «если бы вольные начали в городе беспорядки, то местные войска их безусловно поддерживали» [19, с. 210—211]. В 1915 г. в Омске сторож главных железнодорожных мастерских передал письмо жандармам, попавшее к нему по ошибке. Оно было отправлено с фронта солдатом в Омск и содержа-

ло критику в адрес властей. Судя по откровенному содержанию, солдат понимал, что оно встретит в городе сочувствие. Письмо заканчивалось словами: «Воевать незачем и никакой пользы класть нам головы свои, а скорее постреляем офицеров» [8, с. 87].

Исследователь Э. Е. Шумилова приводит данные, что из анализа писем следует, население Омска в 1916 г. было настроено пессимистично и устало от войны. В том же году ярко проявлялось нежелание населения воевать. Недовольство выражали и деятели, занимающие ответственные посты. В январе 1916 г. заведующий пересыльной частью в Омске, воинский начальник В. К. Тенисов писал своему сыну: «Как родители не могут требовать любви только за то, что вырастили детей, так и правительство не может требовать от народа жертв, если оно не уважает мнения этого народа, если вместо защиты и помощи, вместо просвещения и свободы, оно дает ему виселицы, тюрьмы, каторгу и провокацию. От народа требуют жертвы, требуют, чтобы народ отдал все золото до последней крупинки. А те, кто это требует, много отдали?» [58, с. 145]. В конце 1916 г. в городах Сибири прокатились протесты и требования запретить лекции бывшего депутата Государственной думы, профессора Н. А. Гредескула, который ратовал за продолжение войны до победного конца [58, с. 146].

Как отмечает историк А. В. Гусев, подход многих российских социалистов в годы Первой мировой войны может быть выражен словами А. Бебеля: «Если речь идет о народе, который лишен условий свободной жизни, то военное поражение не мешает, а, наоборот, способствует его внутреннему развитию» [59, с. 29]. На наш взгляд, аналогично можно говорить и о позиции многих омских революционеров.

Заключение

В годы Первой мировой войны омские революционеры, несмотря на обыски и аресты лета 1914 г., старались активно продолжать свою деятельность, включающую легальные и нелегальные формы. Как почти все мировые социалистические организации, они аналогично раскололись на сторонников (оборонцев) и противников войны (интернационалистов и пораженцев), хотя точное соотношение данных направлений в Омске среди революционеров неизвестно. Несмотря на возникшие споры, разрыва удалось избежать, совместная борьба с самодержавием продолжалась. Омские социал-демократы и эсеры интернационального, антивоенного направления на протяжении 1914–1917 гг. действовали различными методами: устная агитация среди рабочих и солдат, выступления против ассигнований на войну, лекции-дебаты в обществе «Просвещение», выпуски воззваний и прокламаций (не все планы подобного рода удалось реализовать), переписка с единомышленниками, корреспонденция в другие города.

Судя по всему, данные идеи разделялись частью горожан разных сословий и положений: рабочими, интеллигенцией, солдатами, даже некоторыми чиновниками. Хотя среди указанных категорий населения были и сторонники войны, что приводило к спорам и дискуссиям на публичных мероприятиях (лекция К. А. Попова в обществе «Просвещение», встреча К. Д. Бальмонта и т. д.). Следовательно, на наш взгляд, можно говорить, что антивоенная агитация омских революционеров находила сочувствие определенной части жителей.

Несмотря на противодействие со стороны Омского жандармского управления, прекратить подобную агитацию так и не удалось, хотя ее масштабы нельзя и преувеличивать. Тем не менее, невзирая на все разногласия и на наличие разных воззрений, вновь воссозданная РСДРП смогла сплотиться на общей почве борьбы с царским правительством и войной, что значительно помогло встретить начавшиеся вскоре события Великой Российской революции.

Список источников / References

1. Открытое письмо Л. Мартова к Густаву Эрве // Голос. 1914. 25 сентября. 421 с.
Otkrytoe pismo L. Martova k Gustavu Erve [L. Martov open letter to Gustav Erve]. *Golos*. 1914. September 25. 421 p. (In Russ.).
2. Коротич П. О. Российские анархисты в годы Первой мировой войны: идеология, организация, тактика, 1914–1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2000. 249 с.
Korotich P. O. Rossiyskiye anarkhisty v gody Pervoy mirovoy voyny: ideologiya, organizatsiya, taktika, 1914–1918 gg. [Russian anarchists during the First World War: ideology, organization, tactics, 1914–1918]. Moscow, 2000. 249 p. (In Russ.).
3. Новиков С. В. Социал-демократы и революционное подполье Сибири (1907–февраль 1917 гг.). Историография второй половины 50–80-х гг. XX века: моногр. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2003. 164 с.
Novikov S. V. Sotsial-demokraty i revolyutsionnoye podpol'ye Sibiri (1907–fevral' 1917 gg.). *Istoriografiya vtoroy poloviny 50–80-kh gg. XX veka* [Social Democrats and the revolutionary underground of Siberia (1907–February 1917). Historiography of the second half of the 50–80s. XX century]. Omsk, 2003. 164 p. (In Russ.).
4. Сорокина О. Ю. Эсеры в Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 182 с.
Sorokina O. Yu. Esery v Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914–fevral' 1917 gg.) [Socialist-Revolutionaries in Siberia during the First World War (July 1914–February 1917)]. Omsk, 2006. 182 p. (In Russ.).
5. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.): моногр. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 611 с. ISBN 978-5-8268-1248-8. EDN: QVMKKP.
Shtyrbul A. A. Politicheskaya kul'tura Sibiri: Opyt provintsial'noy mnogopartiynosti (konets XIX – pervaya tret' XX v.) [Political culture of Siberia: the experience of provincial multi-party science (late XIX – the first third of the XX century)]. Omsk, 2008. 612 p. ISBN 978-5-8268-1248-8. EDN: QVMKKP. (In Russ.).
6. Исачкин С. П. Историография социал-демократической ссылки в Сибирь: моногр. Омск: Омский гос. ун-т путей сообщения, 2018. 168 с. ISBN 978-5-94941-199-5. EDN: YANKTB.
Isachkin S. P. Istoriografiya sotsial-demokraticeskoy ssylki v Sibir' [Historiography of the social democratic link to Siberia]. Omsk, 2018. 168 p. ISBN 978-5-94941-199-5. EDN: YANKTB. (In Russ.).
7. Букин А. Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917): моногр. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 116 с. ISBN 978-5-8149-2062-1. EDN: VZQUWF.
Bukin A. F. Vklad politicheskikh ssyl'nykh v kul'turu Zapadnoy Sibiri (1905–1917) [Contribution of political exiles to the culture of Western Siberia (1905–1917)]. Omsk, 2015. 116 p. ISBN 978-5-8149-2062-1. EDN: VZQUWF. (In Russ.).
8. Оруева Н. Ф. Революционное движение в Омске в период Первой мировой войны. Из истории партийных организаций Западной Сибири // Ученые записки. Вып. 28. Омск: Омская областная тип., 1967. С. 81–89.

- Orueva N. F. Revolyutsionnoye dvizheniye v Omske v period Pervoy mirovoy voyny. Iz istorii partinykh organizatsiy Zapadnoy Sibiri [Revolutionary movement in Omsk during the First World War. From the history of party organizations of Western Siberia]. *Uchenyye Zapiski*. Issue 28. Omsk, 1967. P. 81–89. (In Russ.).
9. Хазиахметов Э. Ш. Большевики в Нарымской ссылке. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1967. 184 с.
- Khaziakhmetov E. Sh. Bol'sheviki v Narymskoy ssylke [Bolsheviks in Narym exile]. Novosibirsk, 1967. 184 p. (In Russ.).
10. Макаrchук С. В. Состояние и характер социал-демократического движения в Омске (1914–февраль 1917 гг.) // 280 лет Омску: история и современность: тезисы докладов и сообщений науч. конф. Омск: Изд-во ОмГУ, 1996. С. 81–83. EDN: SAEUST.
- Makarchuk S. V. Sostoyaniye i kharakter sotsial-demokraticeskogo dvizheniya v Omske (1914–fevral' 1917 gg.). [State and character of the Social Democratic movement in Omsk (1914–February 1917)]. *280 let Omsku: Istoriya i Sovremennost'*. Omsk, 1996. P. 81–83. EDN: SAEUST. (In Russ.).
11. Макаrchук С. В. Первая мировая война и социал-демократическое подполье в Тобольской губернии и Акмолинской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-1. С. 68–71. EDN: TNKLPB.
- Makarchuk S. V. Pervaya mirovaya voyna i sotsial-demokraticeskoye podpol'ye v Tobol'skoy gubernii i Akmolinskoy oblasti [World War I and the social democratic underground in Tobolsk province and Akmolal]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of Kemerovo State University*. 2015. No. 1-1. P. 68–71. EDN: TNKLPB. (In Russ.).
12. Колесник Э. Г., Тарасов М. Г. Деятельность партии большевиков в годы Первой мировой войны по воспоминаниям активных участников событий (июль 1914–февраль 1917 года): моногр. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. 197 с. ISBN 978-5-7638-3571-7. EDN: YGVVLB.
- Kolesnik E. G., Tarasov M. G. Deyatel'nost' partii bol'shevikov v gody Pervoy mirovoy voyny po vospominaniyam aktivnykh uchastnikov sobytiy (iyul' 1914–fevral' 1917 goda) [Activities of the Bolshevik Party during the First World War based on the memoirs of active participants of the events (July 1914–February 1917)]. Krasnoyarsk, 2016. 197 p. ISBN 978-5-7638-3571-7. EDN: YGVVLB. (In Russ.).
13. Стельмак М. М. «Призывал слушателей стремиться к возможно скорому прекращению войны»: арест омского социал-демократа К. А. Попова в январе 1916 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 2. С. 37–44. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-37-44. EDN: FKPISY.
- Stel'mak M. M. "Prizyval slushateley stremit'sya k vozmozhno skoromu prekrashcheniyu voyny": arest omskogo sotsial-demokrata K. A. Popova v yanvare 1916 g. ["I called on the audience to strive for possible simple cessation of the war": the arrest of Omsk social-democrat K. A. Popov in January 1916]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 37–44. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-37-44. EDN: FKPISY. (In Russ.).
14. Стельмак М. М. Константин Андреевич Попов и последняя провокация омских жандармов (январь 1917 года) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 8–27. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.101. EDN: LONGTK.
- Stel'mak M. M. Konstantin Andreyevich Popov i poslednyaya provokatsiya omskikh zhandarmov (yanvar' 1917 goda) [Konstantin Andreevich Popov and the last provocation of the Omsk gendarmes (January 1917)]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Contemporary History of Russia*. 2021. Vol. 11, no. 1. P. 8–27. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.101. EDN: LONGTK. (In Russ.).
15. Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914–1917 гг. Москва: «Мысль», 1972. 304 с.
- Tyutyukin S. V. Voyna, mir, revolyutsiya. Ideynaya bor'ba v rabochem dvizhenii Rossii 1914–1917 gg. [War, peace, revolution. The ideological struggle in the Russian Labor movement of 1914–1917]. Moscow, 1972. 304 p. (In Russ.).
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р–1677. Оп. 1. Д. 25.
- Gosudarstvennyj arhiv Tomskoy oblasti (GATO) [State Archives of the Tomsk Region (SATR)]. File: P–1677/1/25. (In Russ.).
17. Чертищев А. В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей Русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914–март 1918 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2007. 791 с.
- Chertishchev A. V. Politicheskiye partii Rossii i massovoye politicheskoye soznaniye deystvuyushchey Russkoy armii v gody Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914–mart 1918 g.) [Russian political parties and the mass political consciousness of the active Russian Army during the First World War (July 1914–March 1918)]. Moscow, 2007. 791 p. (In Russ.).
18. Кельнер В. Е. Очерки по истории издательской деятельности народнических и демократических партий и организаций, 1895–1917 гг. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2014. 232 с. ISBN 978-5-8192-0482-5. EDN: VJRHOL.
- Kel'ner V. E. Ocherki po istorii izdatel'skoy deyatelnosti narodnicheskikh i demokraticeskikh partiy i organizatsiy, 1895–1917 gg. [The first history of the printed and publish Democracy and Liberal parties and organization in the Russia at 1895–1917]. Saint Petersburg, 2014. 232 p. ISBN 978-5-8192-0482-5. EDN: VJRHOL. (In Russ.).
19. Революционное движение на территории Омской области. 1907–1917 гг. Документы. Материалы. Хроника. Омск: ОмГУ, 1988. 222 с.
- Revolutsionnoye dvizheniye na territorii Omskoy oblasti. 1907–1917 gg. Dokumenty. Materialy. Khronika [Revolutionary movement in the Omsk region. 1907–1917. Documents. Materials. Chronicle]. Omsk, 1988. 222 p. (In Russ.).
20. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 433.
- Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk region (HAOR)]. File: 270/1/433. (In Russ.).
21. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 545.
- IAOO [HAOR]. File: 270/1/545. (In Russ.).
22. Гузеева В. Т. Семья Шамшиных. Москва: Политиздат, 1983. 176 с.
- Guzeyeva V. T. Sem'ya Shamshinykh [Shamshin family]. Moscow, 1983. 176 p. (In Russ.).
23. Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. Москва: Мысль, 1972. 336 с.
- Mukhin A. A. Rabochiye Sibiri v epokhu kapitalizma [Workers of Siberia at the capitalism era]. Moscow, 1972. 336 p. (In Russ.).
24. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 544.
- IAOO [HAOR]. File: 270/1/544. (In Russ.).
25. Толочко А. П., Плотников А. Е., Родионов Ю. П. [и др.]. Хроника общественного движения в Сибири 1895–февраль 1917 гг. Кн. 1. Общественное движение в Омске 1895–февраль 1917 гг. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 1996. 171 с. EDN: WIJCZX.
- Tolochko A. P., Plotnikov A. E., Rodionov Yu. P. [et al.]. Khronika obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri 1895–fevral' 1917 gg. Kn. 1. Obshchestvennoye dvizheniye v Omske 1895–fevral' 1917 gg. [Chronicle of the social movement in Siberia 1895–February 1917. Book 1. Social movement in Omsk 1895–February 1917]. Tomsk, 1996. 171 p. EDN: WIJCZX. (In Russ.).
26. Штырбул А. А. Эсеровское движение в Омске и Среднем Прииртышье: Рождение. Взлет. Падение. Гибель (первая четверть XX века): моногр. В 2 ч. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. Ч. 1. 328 с.
- Shtyrbul A. A. Eserovskoye dvizheniye v Omske i Srednem Priirtysh'ye: Rozhdeniye. Vzlet. Padeniye. Gibel' (pervaya chetvert' XX veka): monogr. V 2 ch. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2021. Ch. 1. 328 s.
- Shtyrbul A. A. Eserovskoye dvizheniye v Omske i Srednem Priirtysh'ye: Rozhdeniye. Vzlet. Padeniye. Gibel' (pervaya

chetvert' XX veka) [Socialist revolutionary movement in Omsk and Irtysh region: Beginning. Prime. Fall. Death (first quarter of the XX century)]. In 2 vol. Omsk, 2021. Vol. 1. 328 p. (In Russ.).

27. Хроника // Омский вестник. 1915. 11 декабря.

Khronika. *Omskiy vestnik*. 1915. December 11. (In Russ.).

28. ИАОО. Ф. Р-1654. Оп. 1. Д. 129.

IAOO [HAOR]. File: P-1654/1/129. (In Russ.).

29. Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпионмания и реальные проблемы. Москва: ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. 356 с. ISBN 5-89554-171-2.

Grekov N. V. Russkaya kontrrazvedka v 1905–1917 gg.: shpionomaniya i real'nyye problemy [Russian counterintelligence in 1905–1917: spy scare and real problems]. Moscow, 2000. 356 p. ISBN 5-89554-171-2. (In Russ.).

30. Костяев Э. В. Отношение социал-демократических членов группы «сибирских циммервальдистов» к Первой мировой войне // Социал-демократия: революция и эволюция: материалы междунар. конф. Омск, 2003. С. 73–77. EDN: QVLOHP.

Kostyayev E. V. Otnosheniye sotsial-demokraticeskikh chlenov gruppy «sibirskikh tsimmerval'distov» k Pervoy mirovoy voyne [Relations of the Social-Democratic members of the "Siberian zimmerwaldists" group to the First World War]. *Sotsial-Demokratiya: Revolyutsiya i Evolyutsiya*. Omsk, 2003. P. 73–77. EDN: QVLOHP. (In Russ.).

31. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 439.

IAOO [HAOR]. File: 270/1/439. (In Russ.).

32. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 88.

IAOO [HAOR]. File: 270/1/88. (In Russ.).

33. Курусканова Н. П. Нелегальные издания сибирских социал-демократов (1901–февраль 1917 гг.): моногр. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. 188 с. ISBN 5-89764-106-4. EDN: DFDFVM.

Kuruskanova N. P. Nelegal'nyye izdaniya sibirskikh sotsial-demokratov (1901–fevral' 1917 gg.) [Illegal publications of Siberian Social Democrats (1901–February 1917)]. Omsk, 2002. 188 p. ISBN 5-89764-106-4. EDN: DFDFVM. (In Russ.).

34. Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск: Наука, 1972. 270 с.

Poznanskiy V. S. Sibirskiy krasnyy general [Siberian Red General]. Novosibirsk, 1972. 270 p. (In Russ.).

35. Асташов А. Б. Борьба за людские ресурсы в Первой мировой войне: мобилизация преступников в Русскую армию // Георгиевские чтения: сб. трудов по военной истории Отечества. Москва: ООО «Язуз-каталог», 2021. С. 217–238. ISBN 978-5-00155-291-8. EDN: QKKGKBP.

Astashov A. B. Bor'ba za lyudskiye resursy v Pervoy mirovoy voyne: mobilizatsiya prestupnikov v Russkuyu armiyu [Struggle for human resources in the First World War: mobilization of criminals in the Russian army]. *Georgiyevskiy Chteniya*. Moscow, 2021. P. 217–238. ISBN 978-5-00155-291-8. EDN: QKKGKBP. (In Russ.).

36. Смирнов И. Н. Накануне революции. Из истории «Социалистического военного союза» // Былое Сибири. 1923. № 2. С. 1–19.

Smirnov I. N. Nakanune revolyutsii. Iz istorii «Sotsialisticheskogo voyennogo soyuza» [On the eve of the revolution. From the history of the "Socialist Military Union"]. *Byloye Sibiri*. 1923. No. 2. P. 1–19. (In Russ.).

37. Смирнов И. Н. Накануне революции // Знамя революции. 1917. 8 июля.

Smirnov I. N. Nakanune revolyutsii. *Znamya Revolyutsii*. 1917. July 8. (In Russ.).

38. Косарев В. М. Военно-социалистический союз // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 65–70.

Kosarev V. M. Voyenno-sotsialisticheskiy soyuz [Military Socialist Union]. *Sibirskiy Ogn*. 1922. No. 1. P. 65–70. (In Russ.).

39. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с. ISBN 978-5-9906983-3-8. EDN: VKHOIT.

Shilovskiy M. V. Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir' [First World War of 1914 1918 and Siberia]. Novosibirsk, 2015. 330 p. ISBN 978-5-9906983-3-8. EDN: VKHOIT. (In Russ.).

40. ИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 573.

IAOO [HAOR]. File: P-2200/2/573. (In Russ.).

41. Тарасов Ю. А. Михаил Кручинин — человек-легенда: ист.-биограф. очерк. Свободный: Свободненская тип., 2017. 187 с. ISBN 978-5-600-01860-0. EDN: PPEBST.

Tarasov Yu. A. Mikhail Kruchinin — chelovek-legenda [Mikhail Kruchinin — legendary man]. Svobodny, 2017. 187 p. ISBN 978-5-600-01860-0. EDN: PPEBST. (In Russ.).

42. Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири, 1916–февраль 1918. Новосибирск: Наука, 1978. 285 с.

Batalov A. N. Bor'ba bol'shevikov za armiyu v Sibiri, 1916–fevral' 1918 [Bolshevik struggle for the Army in Siberia, 1916–February 1918]. Novosibirsk, 1978. 285 p. (In Russ.).

43. ИАОО. П-9668. Оп. 1. Д. 295.

IAOO [HAOR]. File: P-9668/1/295. (In Russ.).

44. Зиссерман М. Л. Сорок лет назад. В огне революции и Гражданской войны: воспоминания участников. Омск: Омское кн. изд-во, 1959. С. 77–81.

Zisserman M. L. Sorok let nazad. V ogne revolyutsii i Grazhdanskoj vojny: vospominaniya uchastnikov [Forty years ago. In the fire of revolution and Civil War: memoirs of the participants]. Omsk, 1959. P. 77–81. (In Russ.).

45. Товарищ Лобков: описание его жизни и деятельности. Омск: Истпарт Омского губкома РКП (б), 1925. 38 с.

Tovarishch Lobkov: opisaniye ego zhizni i deyatelnosti [Comrade Lobkov: a description of his life and work]. Omsk, 1925. 38 p. (In Russ.).

46. Самосудов В. М. Положение крестьянства и крестьянское движение в Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями в России: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1964. 273 с.

Samosudov V. M. Polozheniye krest'yanstva i krest'yanskoye dvizheniye v Zapadnoy Sibiri mezhdv dvumya burzhuazno-demokraticeskimi revolyutsiyami v Rossii [The situation of the peasantry and the peasant movement in Western Siberia between two Bourgeois-Democratic revolutions in Russia]. Tomsk, 1964. 273 p. (In Russ.).

47. ИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 2. Д. 201.

IAOO [HAOR]. File: P-2200/2/201. (In Russ.).

48. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 г. – май 1918 г.). Омск: Омское областное кн. изд-во, 1958. 276 с.

Omskiye bol'sheviki v period Oktyabr'skoy revolyutsii i uprocheniya Sovetskoy vlasti (mart 1917 g. – may 1918 g.) [Omsk Bolsheviks during the October Revolution and the consolidation of Soviet power (March 1917–May 1918)]. Omsk, 1958. 276 p. (In Russ.).

49. Ягодин-Виноградов Ф. Г. Десять лет назад // Рабочий путь. 1927. 2 сентября.

Yagodin-Vinogradov F. G. Desyat' let nazad [Ten years ago]. *Rabochiy Put'*. 1927. September 2. (In Russ.).

50. ИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 537.

IAOO [HAOR]. File: 270/1/537. (In Russ.).

51. Дан Ф. И., Церетели И. Г. Два пути: избранное. В 2 ч. Москва: РОССПЭН, 2010. Ч. 2. 432 с. EDN: QVMKMD.

Dan F. I., Tsereteli I. G. Dva puti: izbrannoye [Two ways: favorites]. In 2 vol. Moscow, 2010. Vol. 2. 432 p. EDN: QVMKMD. (In Russ.).

52. Папков С. А. Руководящие кадры Сибири 1919–1941 гг.: справ. Новосибирск: Академиздат, 2021. 600 с.

Papkov S. A. Rukovodyashchiye kadry Sibiri 1919–1941 gg. [Leading personnel of Siberia in 1919–1941]. Novosibirsk, 2021. 600 p. (In Russ.).

53. Богданов Г. В., Леонидов Л. Б., Федорова Т. С. Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Москва: Наука, 1966. 468 с.

Bogdanov G. V., Leonidov L. B., Fedorova T. S. *Revolyutsionnoye dvizheniye v armii i na flote v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–fevral' 1917)* [Revolutionary movement in the Army and Navy during the First World War (1914–February 1917)]. Moscow, 1966. 468 p. (In Russ.).

54. Среди печатников // Омский вестник. 1917. 20 декабря.

Sredi pechatnikov. *Omskiy Vestnik*. 1917. December 20. (In Russ.).

55. Стельмак М. М., Петин Д. И. Российская революция: Слово и Дело [Рец. на кн.: Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация Гражданской войны в России / под ред. Б. И. Колоницкого и др. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2022. 328 с. (Эпоха войн и революций; вып. 16)] // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 1. С. 189–201. DOI: 10.21638/spbu24.2024.112. EDN: AAZMSD.

Stelmak M. M., Petin D. I. *Rossiyskaya revolyutsiya: Slovo i Delo* [Rets. na kn.: Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya Grazhdanskoj voyny v Rossii / pod red. B. I. Kolonitskogo i dr. SPb.: Izd-vo EUSPb, 2022. 328 s. (Epokha voyn i revolyutsiy; vyp. 16)] [Russian revolution: word and deed [Review on: words and conflicts: the language of confrontation and the escalation of the Civil War in Russia. St. Petersburg: EUSP press, 2022. 328 p. (The age of Wars and Revolutions; Vol. 16)]]]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Contemporary History of Russia*. 2024. Vol. 14, no. 1. P. 189–201. DOI: 10.21638/spbu24.2024.112. EDN: AAZMSD. (In Russ.).

56. Собрание граждан // Омский вестник. 1915. 2 июня.

Sobraniye grazhdan. *Omskiy vestnik*. 1915. June 2. (In Russ.).

57. Поварцов С. Н. Омская стрелка: статьи, очерки, заметки. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. 204 с.

Povartsov S. N. *Omskaya strelka: stat'i, ocherki, zametki* [Omsk Strelka: articles, essays, notes]. Omsk, 2003. 204 p. (In Russ.).

58. Шумилова Э. Е. Повседневная жизнь крупных городов Западной Сибири в годы Первой мировой войны: моногр. Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 178 с.

Shumilova E. E. *Povsednevnyaya zhizn' krupnykh gorodov Zapadnoy Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny* [Daily life of large cities in Western Siberia during the First World War]. Ekaterinburg, 2020. 178 p. (In Russ.).

59. Гусев А. В. Три тактики российских социалистов в международных войнах // Циммервальдская альтернатива.

Международное социалистическое движение в период Первой мировой войны: статьи и документы. Москва: Чёрный квадрат, 2024. С. 14–30.

Gusev A. V. *Tri taktiki rossiyskikh sotsialistov v mezhdunarodnykh voynakh* [Three strategies of the Russian Socialists in International Wars]. *Tsimmerval'dskaya Al'ternativa. Mezhdunarodnoye Sotsialisticheskoye Dvizheniye v Period Pervoy Mirovoy Voyny*. Moscow, 2024. P. 14–30. (In Russ.).

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, кандидат исторических наук, ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, г. Омск.

SPIN-код: 4328-1399

AuthorID (РИНЦ): 772229

ResearcherID: R-7418-2018

Адрес для переписки: stelmakmm@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 03.10.2025.

STELMAK Maksim Maksimovich, Candidate of Historical Sciences, Lead Archivist, Center for the Study of the History of the Civil War Historical archive of the Omsk region, Omsk.

SPIN-code: 4328-1399

AuthorID (RSCI): 772229

ResearcherID: R-7418-2018

Correspondence address: stelmakmm@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 28.02.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 03.10.2025.

СОВЕТСКАЯ ЧАСТЬ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГОЙ И СЕВЕРНАЯ МАНЬЧЖУРИЯ В 1925—1931-х гг.: БЫЛ ЛИ РЕГИОН СОВЕТСКОЙ КОЛОНИЕЙ?

Д. А. Малюченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7—9

Изучение влияния одной страны на тот или иной регион другого государства, а также определение характера сложившихся отношений — нетривиальная задача. В центре внимания данной статьи находится практика управленческой деятельности советской части Правления и Управления Китайско-Восточной железной дорогой, в работе которых часто усматривают проявление имперского характера поведения СССР по отношению к Китаю, а территорию присутствия — Маньчжурию — как место несостоявшейся советской колонизации. В ходе исследования рассмотрены масштабы советского присутствия в указанном регионе в целом и на предприятии в частности, предпринимаемые СССР попытки распространения коммунистической идеологии через использование Китайско-Восточной железной дорогой и противодействие этому китайских властей, а также основные черты реализуемой администрацией предприятия хозяйственной политики. Делается вывод о том, являлась ли дорога проводником эксплуатации Северной Маньчжурии в интересах Советского государства.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Маньчжурия, колониализм, Китайская Республика, Пекинское соглашение 1924 г., Советско-китайский конфликт 1929 г.

Для цитирования: Малюченко Д. А. Советская часть органов управления Китайско-Восточной железной дорогой и Северная Маньчжурия в 1925—1931-х гг.: был ли регион советской колонией? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 35—43. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-35-43. EDN: KWZGPG.

© Малюченко Д. А., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOVIET PART OF THE GOVERNING BODIES OF THE CHINESE EASTERN RAILWAY AND NORTHERN MANCHURIA IN 1925—1931: WAS THE REGION A SOVIET COLONY?

D. A. Maliuchenko

Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Naberezhnaya St., 7—9, 199034

Studying the influence of one country on a particular region of another state, as well as determining the nature of existing relations, is not a trivial task. The focus of this article is precisely such a plot — the practice of managerial activities of the Soviet part of the Board and Management of the Chinese-Eastern railway, which is often seen as a manifestation of the imperial nature of the USSR's behavior towards China, and the territory of its presence — Manchuria — as the place of failed Soviet colonization. The study examines the scale of the Soviet presence in the specified region in general and on the road in particular, the attempts made by the USSR to spread communist ideology through the use of the Chinese-Eastern railway and the opposition of the Chinese authorities to this, as well as the main features of the economic policy implemented by the administration of the enterprise. It is concluded whether the road is a conduit for the exploitation of Northern Manchuria in the interests of the Soviet state.

Keywords: Chinese-Eastern railway, Manchuria, colonialism, Republic of China, Beijing Agreement of 1924, Soviet-Chinese conflict of 1929.

For citation: Maliuchenko D. A. Soviet part of the governing bodies of the Chinese Eastern railway and Northern Manchuria in 1925–1931: was the region a Soviet colony? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 4. P. 35–43. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-35-43. EDN: KWZGPG.

© Maliuchenko D. A., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Оценка Советского государства как колониальной державы, и по сию пору выносимая специалистами самых разных гуманитарных областей, характеризуется дискуссионностью и высокой степенью политизированности. Частично подобные идеи характерны для тезисов, ставящих задачей охарактеризовать сложившуюся форму отношений между СССР и Китаем в Маньчжурии в период, предшествовавший продаже Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) японскому правительству в 1935 г.

Современная трактовка термина «колония» и вопрос правомерности его применения к тем или иным сюжетам также служат поводом для активной полемики среди учёных. При использовании данного понятия в настоящей статье логично исходить из политического, хотя и довольно упрощённого понимания «колонии» как территории, насильственно захваченной и эксплуатируемой империалистическим государством (метрополией), лишённой политической и экономической самостоятельности [1]. В подобном случае необходимо рассмотреть, во-первых, отсутствие любой независимости КВЖД (как предприятия и находившихся в её сфере влияния территорий) от советских властей, а также, во-вторых, эксплуататорский характер хозяйственной деятельности советской части Правления и Управления в интересах только Советского Союза.

В отечественной историографии существуют примеры убедительной аргументации наличия идеи русского освоения Маньчжурии в дореволюционный период, причём ввиду военно-стратегических целей и обеспечения безопасности Российской империи, а не только значительных выгод от экономической эксплуатации северо-востока Китая [2]. Применительно к истории КВЖД, в советский период есть ряд работ, в различной степени указывающих на преимущественно экономическую эксплуатацию предприятия в интересах советской стороны [3, с. 166–167; 4], отмечается стремление советских властей через деятельность по управлению предприятием осуществлять прямое влияние на растущее революционное движение в Китае [5, с. 14]. Звучат различные оценки степени влияния советской администрации дороги на Северную Маньчжурию, но главенствующей идеей выглядит мысль о незначительном влиянии СССР на данный регион в рассматриваемый период [6, с. 146]. Достойным внимания является точка зрения о периоде совместного советско-китайского управления КВЖД как времени распада колониального характера управления дорогой [7].

Не претендуя на исключительную полноту перечень приведённых выше мнений, тем не менее демонстрирует многообразие концептуальных построений о характере советского присутствия в одном из китайских регионов. В связи с чем представляется важным проведение многофакторного анализа действий советской администрации КВЖД.

В итоге взаимовлияние этих факторов сложили многогранную картину управленческой политики, реализуемой советской частью администрации дороги.

Отношение к советскому управлению КВЖД в Китае

Самым важным условием российского присутствия в Маньчжурии, как в имперский, так и в советский периоды, является уровень развития региона. С конца XIX в., то есть с момента активного проникновения Российской империи на китайскую территорию и попадания Северной Маньчжурии в орбиту российского влияния регион начал обретать ряд уникальных особенностей, сильно выделяющих его среди географических областей, где отмечалась активная деятельность русских подданных. Пожалуй, иного ожидать было трудно, поскольку российские, а позднее советские интересы привели Российскую империю, а затем СССР не в малозаселённую местность с зачатками государственности, а в один из древнейших центров мировой цивилизации.

По этой причине не вызывает сомнения, что в интересах Китая было положить конец существованию неподконтрольного им в полной мере ценного экономического актива. Подобные настроения достигли пика к началу 1930-х гг. По сообщениям китайской прессы весной 1931 г., министерством иностранных дел Китайской Республики были образованы три правительственные комиссии для определения юридического механизма «отобрания концессий» Японии, Великобритании, Франции и Италии [8, л. 60]. Деятельность указанных комиссий не была направлена непосредственно против советской стороны. Более того, СССР даже отсутствовал в перечне стран, способ прекращения концессий с которыми должны были найти китайские правительственные структуры, ведь формально он отказался от прав концессии на КВЖД и экстерриториальных привилегий по Пекинскому договору 1924 г. [9, с. 18–19]. Однако тон сообщений в китайской прессе ясно давал понять, что в вопросе восстановления суверенитета Китая на своей территории исключений нет.

В мае 1931 г. глава МИДа Китая заявил о невозможности дальнейших отсрочек в вопросе уничтожения любых экстерриториальных преимуществ иностранных государств на китайской территории [8, л. 51]. В том, что эти слова относятся и к СССР, стало понятно на фоне жёсткой критики существовавшего советского контроля над работой КВЖД в статье «Пшеница для пострадавших районов», опубликованной в шанхайском либеральном журнале «The China Critic» в сентябре 1931 г. «Нанкинское правительство решило закупить пшеницу в Америке, в то время как мы читаем в ежедневных газетах о том, что СССР получил разрешение экспортировать пшеницу из Маньчжурии», — сказано в статье о принятых китайским правительством ме-

рах помощи пострадавшим от наводнения регионам Китая [8, л. 45]. Дальнейшее её содержание было посвящено разбору возможного плана сбора пшеницы на территориях вдоль линии КВЖД и её перевозки по дороге, причём половину оплаты за провоз зерна предлагалось произвести облигациями займа в помощь жертвам наводнения [8, л. 45].

Иными словами, в глазах китайского правительства наличие на территории Китая предприятий, управляемых иностранными государствами, являлось наследием колониальной политики великих держав, мириться с которым впредь Национальное правительство Китайской Республики не собиралось. Подобное отношение перекликалось с реваншистскими настроениями правительства Китая после военного и дипломатического поражений в советско-китайском военном конфликте 1929 г. [10, с. 54]. Для китайской либеральной интеллигенции действия советского правительства посредством использования КВЖД также никак не отличались от колониальной политики империалистических держав, ведущих экономическую деятельность исключительно в собственных интересах. На деле же, как это часто бывает, дела обстояли неоднозначно.

Советское засилье или советское присутствие?

Одним из показателей степени зависимости, а значит и возможности эксплуатации того или иного региона, являются данные о численности в нём представителей населения страны, претендующей на доминирование в иностранном государстве. В рассматриваемый период русское население Маньчжурии (без привязки к подданству или гражданству) оценивается в интервале от 125 [11, с. 67] до 250 тыс. чел. [12]. Исходя из того, что всё население Маньчжурии составляло порядка 31 млн чел. (по состоянию на 1934 г., в границах Маньчжоу-Го) [13, с. 164], доля русских сравнительно невелика — от 0,4 до 0,8 %. Однако распределение русского населения отличалось крайней неравномерностью: вдоль линии КВЖД и в городе Харбине, основанном русскими подданными. Данное обстоятельство уже говорит о территориальной локализации потенциальной экономической эксплуатации. Для анализа количественных и качественных характеристик русского населения будет акцентировано внимание на данных о служащих КВЖД.

Уже установленные, а также вновь выявленные данные, показывают, что общая численность «русских» среди работников дороги имела тенденцию к снижению. В исследованиях историков из Китая можно найти, что к 1924 г. на КВЖД служило более 17 тыс. чел., относимых китайской стороной к советским гражданам [14, с. 89]. Однако обращение к статистическим сведениям Управления дороги даёт несколько иные цифры. К январю 1923 г. из 18 362 чел., работавших в штате КВЖД, 11 710 являлись русскими [11, с. 53]. К 1929 г. абсолютное число русских — советских граждан — составляло

без малого 13 тыс. чел. [3, с. 172]. По состоянию на 1 июня 1930 г. только около 11,5 тыс. из почти двадцатипяти тысяч численности штатных, временных и подённых работников дороги были подданными СССР [15, л. 10] (табл. 1). Таким образом, доля русских подданных / советских граждан в общей численности служащих предприятия неуклонно уменьшилась с 63,8 % в 1923 г., достигнув показателя 56,8 % в 1929 г. [3, с. 172] и опустившись до 45,9 % в 1930 г. Безусловно, перемены в абсолютных и относительных числах вызваны такими объективными факторами, как приказ об увольнении с КВЖД всех лиц, не имевших советского или китайского гражданства в 1925 г., или вынужденные кадровые перестановки советской стороны после вооружённого конфликта между СССР и Китаем в 1929 г. Однако приведённые цифры иллюстрируют закономерность — с точки зрения кадровой составляющей предприятие становилось более китайским.

В пользу тезиса об эксплуатации КВЖД исключительно в советских интересах могут служить данные о доле граждан СССР в аппарате управления. По этому показателю действительно заметна отличительная черта: в 1930 г. граждане СССР в большей степени были представлены в среде управляющих кадров (66,4 %), в то время как рабочими с незначительным перевесом в общей численности (50,9 %) являлись граждане Китая. Однако и в данном случае оценка приведённых долей меняется, если рассмотреть их в динамике. В 1929 г. относительные доли советских граждан в органах управления и на линии составляли 70,6 и 54,9 % соответственно [3, с. 172]. С формальной точки зрения численное превалирование граждан СССР по целому ряду показателей является доказательством контроля над деятельностью дороги представителями в первую очередь советской стороны, но на протяжении второй половины 1920-х гг. масштаб этого явления только сокращался.

Более того, фактический контроль над органами управления КВЖД, в котором нередко китайская часть Правления дороги обвиняла СССР, должен был бы означать полный и безоговорочный контроль советских властей над всеми сферами управления как предприятия, так и окрестных территорий. На деле же этого не происходило.

Один из самых показательных примеров — история отношений администрации КВЖД с Общественным управлением Харбина. Именно этот город был органично и очень тесно связан с предприятием, инвестировавшим в развитие городского хозяйства и инфраструктурных проектов. Китайские власти на протяжении всех 1920-х гг. постепенно отстраняли администрацию КВЖД от управления городским хозяйством. Очередным шагом к этому стало обсуждение проекта нового положения о Харбинском общественном управлении в 1925 г. Согласно одному из пунктов положения отныне город самостоятельно мог устанавливать величину попутного и почтово-бандерольного сборов без со-

Таблица 1. Численность штатных, временных и подённых работников КВЖД по гражданству (на 1 июня 1930 г.) [15, л. 10]
Table 1. Number of full-time, temporary and daily workers of the CER by citizenship (as of June 1, 1930) [15, p. 10]

	Всего	СССР	Граждан Китая (китайцев)	Граждан Китая (европейцев)	Прочих
В аппарате управления	2890	1920	698	266	6
На линии	21889	9459	10185	949	1296
Итого	24779	11379	10883	1215	1302

гласования с органами управления КВЖД, осуществлявших подлежащие взиманию сборов перевозки. Данное обстоятельство грозило введением сборов (городские власти планировали повысить его в 4 раза до 2 зол. коп. [16, л. 22]), не соотносившихся с тарифной политикой самого предприятия [16, л. 21]. Примечательно, что в предшествовавшие периоды право на распоряжение суммами, аккумулированными посредством взимания согласованных с КВЖД сборов, дорога передавала местным властям. Так, за 1913–1923 гг. Харбин получил свыше 1 млн зол. руб., а действовавшая в середине 1920-х гг. ставка попутного сбора — 0,5 зол. коп. с каждого перевозимого дорогой пуда — приносила городской казне 140 тыс. зол. руб. ежегодно [16, л. 5 об, 18].

Другой показательный случай — это обсуждение земельных вопросов в полосе отчуждения КВЖД. Пекинским договором 1924 г. закреплялось, что права на всё имущество (в том числе земельные участки), за исключением того, что потребно дороге для её коммерческой деятельности, переходит в собственность Китайской Республики [9, с. 18]. Вероятно, на основании этой нормы китайские власти в 1925 г. осуществили ряд земельных изъятий, причём с привлечением армии и полиции; угрозами заставляли арендаторов земли вносить плату не в КВЖД, а в кассу земельного управления Особого района Восточных провинций; занимали станционные земли [17, л. 30]. 21 мая 1925 г. полпред СССР в Китайской Республике Л. М. Карахан направил китайскому правительству ноту протеста, в которой описанные выше действия местных маньчжурских властей были трактованы как «самовольные и насильственные» [17, л. 31]. Вместо практики самостоятельного изъятия земель советская сторона предлагала создать советско-китайскую комиссию, которая должна будет произвести деление наличного земельного фонда дороги и определить излишки, передаваемые китайскому правительству, и, как полагали представители СССР, на условиях расчётного порядка [17, л. 28]. Обсуждение созыва комиссии началось не позднее января 1925 г., и тогда представители Китая дали своё согласие на подобный путь решения вопроса [17, л. 28], но в результате вместо переговоров избрали тактику практических действий — занятия земельных участков и находившегося на их территории имущества. Точное количество подобных акций маньчжурских властей неизвестно, однако некоторая часть из них учтена в статистике правонарушений на КВЖД. В 1925 г. было отмечено 18 случаев самовольного занятия квартир и зданий, принадлежащих дороге [18, л. 134–135], что, правда, не являлось пиковым значением за 1920–1925 гг.

Отмеченный вид правонарушений на дороге далеко не единственный. Имеющаяся в нашем распоряжении статистика количества различных нарушений правопорядка на КВЖД позволяет судить и о других конфликтных формах взаимоотношений между администрацией предприятия и китайскими властями. Всего за 6 лет (1920–1925 гг.) их было зафиксировано 4189, в том числе за 1925 г. 1439 [18, л. 134–135], то есть больше трети всех правонарушений, что является наивысшим показателем за период измерения. Столь высокий показатель объясняется большим приростом числа выявленных безбилетных проездов чинов китайской армии и членов их семей: в 1925 г. это произошло 938 раз (суммарно «зайцами» ехали 8703 чел.) [18, л. 134–

135], больше чем за предыдущие пять лет вместе взятые, или 55,8 % от общего числа подобных нарушений закона за все годы ведения статистики. Также на 1925 г. пришлось пики по числу зафиксированных случаев бездокументного провоза грузов (122 из 340) и иных правонарушений, не отнесённых к другим группам (216 из 611) [18, л. 134–135]. Из всего вышесказанного следует, что и без того незначительный контроль советской администрации над частью Маньчжурии, даже если попытки его установления и предпринимались, в административном плане скорее уменьшался.

Внедрение советских стандартов или коммунистическая агитация?

Революционные перемены в России и начало построения советского проекта лишь подчеркнули уникальность Северной Маньчжурии в качестве региона советского присутствия. Хотя подписание советско-китайского соглашения 1924 г. и формирование режима совместного управления дорогой называют даже «октябрьской революцией на КВЖД» [19, с. 104], в последующие годы жизнь и работа русских в Маньчжурии имела немало отличий от происходившего в самом СССР.

Советские граждане, служившие на КВЖД, оказались фактически в капиталистической системе со свойственной ей частной инициативой в экономической сфере, нередко связанной с их же бывшими соотечественниками. Только в одном Харбине к 1926 г. насчитывалось 1154 предприятия, 530 (46 %) из которых находились в собственности бывших подданных Российской империи [11, с. 54]. Точное количество создаваемых русским предпринимательством рабочих мест неизвестно, однако сотрудниками мелких и средних предприятий Харбина являлись только 1300 русских [11, с. 83].

Работу на КВЖД отличали высокие условия труда. Средний месячный заработок служащего дороги в 1926 г. составлял 62 руб., а в 1927 г. — 73 руб., что было ощутимо выше зарплат сотрудников железнодорожной сети СССР и многократно превышало аналогичный показатель для маньчжурского рабочего (8,8 руб. в 1927 г., если верить советским данным), трудящегося по 12–14 часов в день [20, с. 54]. С началом деятельности новой администрации на дороге был введён 8-часовой рабочий день, появилась охрана труда (в том числе с конца 1924 г. возобновили работу профсоюзы, ранее закрытые китайскими властями [20, с. 24]), выделялись средства для улучшения жилищных условий рабочих.

Во второй половине 1920-х гг., то есть в период так называемого «совместного управления», администрация КВЖД ассигновала значительные средства — до 3,5 млн зол. руб. ежегодно — на развитие и поддержание сети школ, больниц и иных социальных учреждений на территориях, прилегающих к дороге [6, с. 142]. Мероприятиям в сфере образования вообще уделялось повышенное внимание. Так, в 1925 г. в школах КВЖД было введено обучение на китайском языке, а в октябре 1927 г. — новые правила обучения цеховых учеников, нивелировавшие разницу в оплате труда между учениками русской и китайской национальностей, которые предусматривали подготовку только квалифицированных рабочих и запрещали отправку учеников на ночные, сверхурочные и тяжёлые работы [20, с. 24, 28].

Нужно признать, что к активной социальной политике СССР на территории Маньчжурии ки-

тайские власти относились как минимум настороженно, если не враждебно. В течение всей второй половины 1920-х гг. китайскими властями производились закрытия просоветских печатных изданий, обыски помещений, занимаемых общественными организациями, и аресты находившегося в них имущества, в особенности советской литературы. В 1925 г., на фоне очередного кризиса в отношениях между СССР и китайскими властями Маньчжурии последними были закрыты профсоюзные организации на дороге, но даже после формальной отмены распоряжения в январе 1926 г. восстановление деятельности профсоюзов повсеместно сталкивалось с противодействием [20, с. 42]. В феврале 1929 г. китайские власти издали обращение, из которого следовало, что обучение китайских детей в советских школах КВЖД нежелательно [20, с. 74].

Согласно статье 6 Пекинского договора 1924 г., СССР и Китайская Республика взаимно отказывались от проведения пропаганды против политической и социальной систем договаривавшихся сторон [9, с. 17]. Между тем в регионе существовала сеть советских организаций во главе с северо-маньчжурским комитетом ВКП(б), профсоюз численностью до 20 тыс. чел. и ячейка комсомола, в которую входило до 2,6 тыс. чел. [21, с. 49]. Проводимую ими деятельность зачастую можно было трактовать как политическую. Даже советские историки открыто называли газеты «Трибуна», «Дальневосточная жизнь» и «Новый Восток», последовательно закрытые властями Маньчжурии в конце апреля 1925 г., освещавшими «успехи социалистического строительства в СССР» [20, с. 36–37], то есть пропагандистскими материалами. Прямым нарушением приведённой выше статьи Пекинского договора является и факт распространения в январе 1926 г. листовок на русском и китайском языках в ответ на волну закрытия профсоюзных организаций, где среди лозунгов значилось: «Он [китайский рабочий. — прим. Д. М.] находится в Маньчжурии под игом сапранов японского империализма, под игом военщины и полицейщины» [20, с. 62].

Взаимное недоверие представителей двух государств приводило к тому, что даже обсуждение существенных условий труда служащих на КВЖД приобретало политический окрас. Когда по инициативе советской части Правления дороги было начато обсуждение темы введения минимального размера оплаты труда на предприятии в размере 35 руб. в месяц, представители Китая парировали предложение наличием в Маньчжурии более низких ставок зарплат. Более того, дубань (председатель Правления КВЖД) Люй Жунхуань справедливо поставил решение данного вопроса в зависимость от последствий, которые оно может вызвать для рабочего вопроса в регионе в целом [20, с. 53]. Аналогичная история произошла при обсуждении коллективного договора штатных работников дороги: китайская сторона небезосновательно видела в этом шаге путь для институционализации норм советского трудового законодательства на территории Китая, поскольку к тому моменту члены (правда, только из числа советских граждан) зарождавшихся профсоюзов на КВЖД уже имели подобные договоры с советскими учреждениями [20, с. 51], то есть права работников обеспечивались из-за границы и по нормам иностранного государства. Таким образом, попытки использования КВЖД в качестве проводника советской идеологии в Китае СССР

предпринимались, однако говорить об успешности данных мероприятий нельзя: китайская сторона, часто в соответствии с положениями Пекинского договора 1924 г., жёстко их пресекала.

Экономическая эксплуатация или коммерческий прагматизм?

Самым весомым аргументом в заочной дискуссии об эксплуататорском характере советского присутствия в регионе могут служить данные о проводимой администрацией дороги хозяйственной деятельности. В этой связи выглядит оправданным обращение не только к данным о доходности предприятия в изучаемый период, но и о содержании, и изменении в некоторых статьях сметы КВЖД.

Несмотря на то, что и СССР, и Китай по смыслу и духу Пекинского договора 1924 г. де-юре обозначали КВЖД как исключительно коммерческое предприятие, дорога, однако, несла по отношению к китайской стороне существенные социальные расходы. Так, размер «кредитования китайских правительственных учреждений», идущего на содержание школ, больниц, учреждений культуры и органов правопорядка, в 1925–1930 гг. в среднем за год составлял 3,84 млн зол. руб., что было меньше аналогичного показателя за предыдущие пять лет с 1920 по 1924 гг. — 5,23 млн зол. руб. [22, л. 20 об]. Однако равномерность выплат была разной, и, например, в 1930 г. кредитование китайских учреждений составило 6 млн зол. руб. [22, л. 21].

Важно учитывать, что данные расходы поступали китайской стороне дополнительно к авансированию китайского правительства, то есть той части остатков доходов (прибыли) КВЖД, которая поровну делилась между Китаем и СССР. Если за пятилетку 1920–1924 гг. авансирования не было, то в 1925–1930 гг. в среднем за год КВЖД перечисляла советскому и китайскому правительствам суммарно 5,27 млн зол. руб. [22, л. 20 об]. Данные суммы также имели тенденцию к увеличению: среднегодовой размер авансирования за 1928–1930 гг. составлял 10,53 млн зол. руб. [22, л. 21]. Подобное положение дел означало, что правительство Китайской Республики получало от эксплуатации КВЖД больше средств, чем СССР. И это без учёта сумм сборов дороги, начисляемых в бюджеты муниципальных властей Маньчжурии.

Позиция СССР по вопросу кредитования китайских правительственных учреждений значительно ужесточилась после советско-китайского конфликта 1929 г. В этой связи весьма показательна трансформация сметы дороги 1930 г. (табл. 2). В марте 1930 г. ввиду сложившейся экономической конъюнктуры — начавшейся Великой депрессией — ранее утверждённая смета на текущий год была пересмотрена в сторону сокращения расходных статей. Основную экономию средств предполагалось получить от уменьшения размеров кредитования китайских правительственных учреждений (на 0,8 млн зол. руб.), новых строительных работ (на 2,1 млн зол. руб.) и эксплуатационных расходов дороги (на 2,1 млн руб.). Относительно первого из указанных пунктов, позиция советской администрации дороги заключалась в том, чтобы согласовать с китайской стороной зачёт указанных расходов в авансирование правительства Китайской Республики [15, л. 2]. Позднее советская сторона прямо заявляла, что практика кредитования китайских учреждений за счёт доходов КВЖД не соотносится с положениями Пекинского и Мукденского дого-

Таблица 2. Содержание смет КВЖД на 1930 г. (по состоянию на конец 1929 г. и март 1930 г.) [15, л. 1]
Table 2. Contents of the CER estimates in 1930 (the end of 1929 and March 1930) [15, p. 1]

Статья	Смета на 1930 г. по состоянию на конец 1929 г. (в млн зол. руб.)	Смета на 1930 г. по состоянию на март 1930 г. (в млн зол. руб.)
Доход	62,7	66,0
Эксплуатационный расход	35,7	32,5
Новые работы	3,3	1,2
Дефицит по особым сметам (содержание школ и полиции)	5,2	4,0
Кредитование китайских правительственных учреждений	4,8	4,0
Убыток от фиксированного курса	8,3	9,0
Перерасход из-за конфликта	5,4	5,0
Остаток чистого дохода	—	10,3

Таблица 3. Динамика эксплуатационных показателей КВЖД в 1921–1927 гг. [24, л. 19]
Table 3. Dynamics of operational indicators of the CER in 1921–1927 [24, p. 19]

Годы	Объем перевозок, млрд тонно-км нетто	Число действующих паровозов, ед.	Густота движения	Себестоимость перевозок на 100 тонно-км нетто, зол. руб.		Прибыль от эксплуатации, млн зол. руб.	Продукция, тонно-км нетто на 1 паровозо- км
				по дороге	по службе тяги		
1921	1,4	229	9,4	3,31	0,82	2,3	167
1922	1,5	186	8,2	2,04	0,64	11,1	201
1923	1,6	139	7,0	1,74	0,51	11,8	236
1924	1,6	137	6,8	1,57	0,42	15,6	246
1925	1,7	131	6,5	1,59	0,41	24,4	276
1926	2,1	117	7,1	1,46	0,40	28,2	314
1927	2,6	134	9,0	1,76	0,39	20,7	324
	+ 76 %	– 41 %	– 4 %	– 47 %	– 53 %	– 900 %	+ 94 %

воров [22, л. 21], а также что они не имеют отношения к коммерческой деятельности предприятия, и их сокращение было бы рациональным шагом [22, л. 8].

Среди сокращённых статей расходов примечательны те, что указывали на уменьшение ассигнований на новые работы и эксплуатационные издержки. Действия советской администрации КВЖД по пересмотру сметы кризисного 1930 г. сделали всего лишь более явным то направление хозяйственной политики, которое реализовывалось и в более ранний период. Осуществление максимизации прибыли, получаемой от функционирования дороги, являлось неоспоримым приоритетом работы периода совместного управления и до экономического кризиса. Это наглядно демонстрирует анализ данных по изменению показателей деятельности КВЖД за 1921–1927 гг. (табл. 3). Объем перевозимых дорогой грузов за семь лет практически удвоился, причём наибольшее увеличение пришлось на 1925–1927 гг., когда данный показатель возрос на 65 % (с 1,7 до 2,6 млрд тонн на км). Обращает на себя внимание и то, что резкое сокращение количества действующих паровозов на дороге началось с 1922 г. (уменьшилось с 229 до 134 локомотивов к 1924 г.), и при совместном управлении КВЖД ситуация практически не изменилась: перевозки на железнодорожной ветке осуществляло к 1927 г. всё то же количество локомотивов. При общем существенном сокращении количества подвижного состава (эксплуатировавшихся паровозов) и неуклонном росте объема перевозимых грузов, интенсивность движения осталась практически неизменной. Объяснение тому — сокраще-

ние простоя локомотивов при капитальном ремонте со 120 дней в 1922 г. до 22 дней в 1927 г. [23, с. 25].

Вероятно, добиться оптимизации расходов удалось за счёт, во-первых, удлинения железнодорожных составов и, во-вторых, экономии средств на ремонт и содержание подвижного состава. На это указывает, в частности, двукратное удешевление себестоимости перевозок как на самой линии, так и службой тяги, то есть эксплуатации паровозов. Со стороны Управления дороги также можно найти некоторое объяснение сложившейся ситуации. Дело в том, что подвижной состав дороги после повышенной нагрузки периода Первой мировой войны так и не был подвергнут качественному ремонту в последующие годы, и, например, многие пассажирские вагоны поступали в ремонт, лишённые внутреннего убранства и с большими повреждениями стен, кузова и рамы [24, л. 20]. Даже с учётом того, что используемые в ремонтных работах материалы оказывались ниже качеством, чем «родные», их стоимость всё равно превышала довоенные цены [24, л. 21]. Судя по всему, ремонт вагонов производился в ограниченном объёме, по упрощённой схеме и в сжатые сроки. А вот говорить об экономии денежных ресурсов на производстве ремонтно-строительных работ на КВЖД не приходится: если среднегодовые отчисления по этой статье в 1920–1924 гг. составляли 1,4 млн зол. руб., то в 1925–1930 гг. — 4,4 млн зол. руб. [22, л. 21] (с учётом повышенных расходов на ремонт путей после военных действий 1929 г. [15, л. 9]).

Таким образом, экономический курс администрации КВЖД можно охарактеризовать как путь на повышение эффективности и доходности пред-

приятия. В настоящее время нет данных о том, чтобы проводимой хозяйственной политике противодействовала китайская сторона, что вполне объяснимо: совокупно Китай получал от деятельности КВЖД больше, чем СССР.

Выводы

Китайско-Восточную железную дорогу как коммерческое предприятие нельзя назвать проводником советского колониализма в Северной Маньчжурии. Повсеместно происходившие конфликтные ситуации между советской и китайской сторонами имели первопричиной скорее разное понимание положений Пекинского договора 1924 г. и последовавших за ним соглашений. Китай полагал, что вправе распоряжаться тем, что находится на его территории, в то время как СССР исходил из необходимости вести переговоры по всем насущным вопросам, напрямую связанным с дорогой или косвенно относившимся к ней. Важно учитывать и трансформацию советско-китайских отношений в указанный период: «проблема КВЖД», в силу естественных географических причин, а также политического положения в самом Китае, в несравненно большей степени интересовала маньчжурские власти, нежели всех высших должностных лиц Китайской Республики. Например, в первой половине 1929 г., то есть накануне вооружённого конфликта, Чай Кайши не придавал КВЖД никакого значения и согласился на применение военной силы, прежде всего, для противодействия распространению красной пропаганды [25, с. 296].

При оценке степени влияния СССР в Маньчжурии посредством использования КВЖД как экономической силы и политического инструмента важно учитывать трек советско-японских отношений. То обстоятельство, что Китай становился аренной геополитического соперничества между СССР и Японией хорошо осознавался обеими сторонами. Установлено, что на протяжении всего изучаемого периода отношения двух стран на эту тему терпели существенные изменения: от попыток, по инициативе СССР, перевести возрастающее соперничество между советской и японской сторонами в преимущественно экономическое русло [26, с. 43] до уступок СССР в вопросах использования КВЖД для перевозки японских войск [27, с. 44] и последующего вытеснения Советского Союза из Северной Маньчжурии. В этом отношении СССР к Китаю действительно можно усмотреть восприятие Китайской Республики как одной из возможных сфер влияния, однако никаких существенных результатов сознательного втягивания региона в советскую орбиту и, тем более, его интеграции в советское государство не обнаруживается.

Таким образом, КВЖД хоть и служило для СССР инструментом для повышения собственного политического влияния на территории Маньчжурии, однако в основном использовалось чисто прагматически — как прибыльное предприятие, приносящее немалый доход. Справедливости ради стоит отметить, что аналогичное отношение к дороге преваляло и у китайских властей.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 23–48–00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история

строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия»: <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>.

The research was supported by the Russian Science Foundation within the framework of the Scientific Project no. 23-48-00004 "Chinese-Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection".

Список источников / References

1. Колония. Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=колония&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=колония&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 28.05.2025).
2. Янченко Д. Г., Ходяков М. В., Иванов А. А. [и др.]. Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. М. В. Ходяков. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 660 с. EDN: MSUZWC.
3. Yanchenko D. G., Khodyakov M. V., Ivanov A. A. [et al.]. Tsentr i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiyskoy imperii (1894–1917) [Center and the regions: the economic policy of the government on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)] / Ed. by M. V. Khodyakov. 2nd ed. Saint Petersburg, 2021. 660 p. EDN: MSUZWC. (In Russ.).
4. Кротова М. В. Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 166–176. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10027. EDN: XWGHNN.
5. Krotova M. V. Uroki istorii: osobennosti sovetsko-kitayskogo upravleniya KVZhD v 1920-e gody [History lessons: features of the Soviet-Chinese management of the CER in the 1920s]. Sravnitel'naya politika. *Comparative Politics Russia*. 2020. Vol. 11, no. 2. P. 166–176. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10027. EDN: XWGHNN. (In Russ.).
6. Кротова М. Личины советского империализма в Маньчжурии в 1920-х гг. // Ab Imperio. 2021. Vol. 2021, no. 1. P. 137–183. DOI: 10.1353/imp.2021.0005. EDN: INHQPQ.
7. Krotova M. Lichiny sovetskogo imperializma v Man'chzhurii v 1920-kh gg. [The disguises of Soviet imperialism in Manchuria in the 1920s]. *Ab Imperio*. 2021. Vol. 2021, no. 1. P. 137–183. DOI: 10.1353/imp.2021.0005. EDN: INHQPQ. (In Russ.).
8. Якимович С. Ю. Колония советских граждан в Северной Маньчжурии: социально-политический аспект: 1924–1935 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2012. 25 с. EDN: ZOMNWN.
9. Yakhimovich S. Yu. Koloniya sovetstikh grazhdan v Severnoy Man'chzhurii: sotsial'no-politicheskiy aspekt: 1924–1935 gg [Colony of Soviet citizens in Northern Manchuria: socio-political aspect: 1924–1935]. Khabarovsk, 2012. 25 p. EDN: ZOMNWN. (In Russ.).
10. Кротова М. В. Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139–150. EDN: PXEYAX.
11. Krotova M. V. Sovetskoye prisutstviye na KVZhD v 1924–1935 gg. [Soviet presence on the Chinese Eastern Railroad (CER) (1924–1935)]. *Problemy Dal'nego Vostoka. Far Eastern Affairs*. 2013. No. 1. P. 139–150. EDN: PXEYAX. (In Russ.).
12. Друзяка А. В. Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «русские колонии» или «арендованные территории»? // Россия и АТР. 2021. № 3 (113). С. 94–105. DOI: 10.24412/102688042021394105. EDN: NJXOUC.
13. Druzyaka A. V. Kvantunskaya oblast' i polosa otchuzhdeniya KVZhD: «russkiye kolonii» ili «arendovannyye territorii»?

- [The Kwantung Region and the CER's Right-of-Way: "Russian Colonies" or "Leased Territories"?]. *Rossiya i ATR. Russia and the Pacific*. 2021. No. 3 (113). P. 94–105. DOI: 10.24412/102688042021394105. EDN: NJXOUC. (In Russ.).
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 5. Д. 1357.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 323/5/1357. (In Russ.).
9. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. Москва: Литиздат Н.К.И.Д., 1925. 132 с.
- Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh s inostrannymi gosudarstvami. Вып. II. Deystvuyushchiye dogovory, soglasheniya i konventsiy, vstupivshiyе v silu mezhdru 1 yanvarya 1924 goda i 1 yanvarya 1925 goda [Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign countries. Issue II. Existing treaties, agreements and conventions between January 1, 1924 and January 1, 1925]. Moscow, 1925. 132 p. (In Russ.).
10. Кротова М. В. Хабаровский протокол: к вопросу о выходе из советско-китайского конфликта в 1929 году // 335 лет установления договорных отношений России и Китая: материалы междунар. науч. конф., Чита, 29–30 августа 2024 года. Чита: Забайкальский государственный университет, 2024. С. 51–55. EDN: KEAWQQ.
- Krotova M. V. Khabarovskiy protokol: k voprosu o vykhode iz sovetско-kitayskogo konflikta v 1929 godu [Khabarovsk Protocol: on the issue of withdrawal from the Soviet-Chinese conflict in 1929]. 335 let ustanovleniya dogovornykh otnosheniy Rossii i Kitaya. 335 years of Establishing Contractual Relations between Russia and China. Chita, 2024. P. 51–55. EDN: KEAWQQ. (In Russ.).
11. Капран И. К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2011. 204 с. EDN: QPTMBV.
- Kapran I. K. Povsednevnyaya zhizn' russkogo naseleniya Kharbina (konets XIX v. – 50-e gg. XX v.) [Daily life of the Russian population of Harbin (late 19th century – 50s of the 20th century)]. Vladivostok, 2011. 204 p. EDN: QPTMBV. (In Russ.).
12. Окоороков А. В. Русские эмигранты в боях за «Поднебесную» (1920-е гг.) // Журнал института наследия. 2017. № 4 (11). EDN: ZWLFUL.
- Okorokov A. V. Russkiye emigranty v boyakh za «Podnebesnyuyu» (1920-e gg.) [Russian emigrants in the battles for the "Celestial Empire" (the 1920s)]. Zhurnal instituta naslediya. The Heritage Institute Journal. 2017. No. 4 (11). EDN: ZWLFUL. (In Russ.).
13. Курас Л. В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 163–173. DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173. EDN: WWWILJ.
- Kuras L. V. Rossiyskaya voyenno-politicheskaya emigratsiya v Man'chzhou-Go (po materialam sovetской razvedki) [Russian military-political emigration in Manchukuo (on the materials on the Soviet intelligence)]. Gumanitarnyy vector. Humanitarian Vector. 2016. Vol. 11, no. 4. P. 163–173. DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173. EDN: WWWILJ. (In Russ.).
14. Чжан Юхуэй. Проблема эвакуации советских граждан с Китайско-Восточной железной дороги // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2025. Т. 48. С. 87–96. DOI: 10.24412/2658-5960-2025-48-87-96.
- Zhang Yuhui. Problema evakuatsii sovetских grazhdan s Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi [The problem of evacuation of Soviet citizens from the Chinese Eastern Railroad]. Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS. 2025. Vol. 48. P. 87–96. DOI: 10.24412/2658-5960-2025-48-87-96. (In Russ.).
15. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1047.
- RGIA [RSHA]. File: 323/5/1047. (In Russ.).
16. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 812.
- RGIA [RSHA]. File: 323/5/812. (In Russ.).
17. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1532.
- RGIA [RSHA]. File: 323/5/1532. (In Russ.).
18. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 853.
- RGIA [RSHA]. File: 323/5/853. (In Russ.).
19. Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX века). Минск, 1999. 316 с.
- Ablova N. E. Istoriya KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitaye (pervaya polovina XX veka) [History of the CER and Russian emigration in China (the first half of the twentieth century)]. Minsk, 1999. 316 p. (In Russ.).
20. Ткаченко Г. И. Советские трудящиеся на КВЖД в борьбе за укрепление пролетарской солидарности с китайским народом (1924–1935 гг.). Москва: Институт Дальнего Востока, 1988. 114 с.
- Tkachenko G. I. Sovetskiye trudyashchiyesya na KVZhD v bor'be za ukrepleniye proletarskoy solidarnosti s kitayskim narodom (1924–1935 gg.) [Soviet workers on the CER in the struggle to strengthen proletarian solidarity with the Chinese people (1924–1935)]. Moscow, 1988. 114 p. (In Russ.).
21. Дубинина Н. И. Советская колония в Маньчжурии. К постановке проблемы // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. И. Дубинина. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного гуманитарного университета, 2008. С. 49–53.
- Dubinina N. I. Sovetskaya koloniya v Man'chzhurii. K postanovke problemy // Aktual'nyye problemy issledovaniya istorii KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitaye: sb. tr. [Actual problems of studying the history of the CER and Russian emigration in China: a collection of scientific papers] / Ed. by N. I. Dubinina. Khabarovsk, 2008. P. 49–53. (In Russ.).
22. РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1028.
- RGIA [RSHA]. File: 323/5/1028. (In Russ.).
23. Доронин М. Захват Китайско-Восточной железной дороги. [Новосибирск]: Сибкрайиздат, 1929. 48 с.
- Doronin M. Zakhvat Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi [Capture of the Chinese-Eastern Railway]. [Novosibirsk], 1929. 48 p. (In Russ.).
24. РГИА. Ф. 323. Оп. 8. Д. 56.
- RGIA [RSHA]. File: 323/8/56. (In Russ.).
25. Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. Москва: ИВ РАН, 2017. 624 с. EDN: ZECPHR.
- Kryukov V. M., Kryukov M. V. KVZhD 1929: Vzryv i echo [KVZhD 1929: Explosion and echo]. Moscow, 2017. 624 p. EDN: ZECPHR. (In Russ.).
26. Черепанов К. В. КВЖД в истории японо-советского соперничества // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 2 (2). С. 37–49. EDN: TBZMRZ.
- Cherepanov K. V. KVZhD v istorii yapon-sovetского sopernichestva [CER in the history of SINO-Soviet rivalry]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki. Herald of Omsk university. Series "Historical studies". 2014. No. 2 (2). P. 37–49. EDN: TBZMRZ. (In Russ.).
27. Кузин А. В. Проблема КВЖД в советско-китайских отношениях после 1929 г. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-прак. конф., Благовещенск-Хэйхэ, 10–12 июня 2011 года / отв. ред. Д. В. Буяров. Благовещенск-Хэйхэ: Благовещенский государственный педагогический университет, 2011. С. 41–47. EDN: TKNNRH.
- Kuzin A. V. Problema KVZhD v sovetско-kitayskikh otnosheniyakh posle 1929 g. [Problem of the CER in Soviet-Chinese relations after 1929]. Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Russia and China: history and prospects of

МАЛЮЧЕНКО Дмитрий Алексеевич, инженер-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 5495-7765
AuthorID (РИНЦ): 1008161
ORCID: 0000-0003-3863-0895
Адрес для переписки: dimetv1997@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 22.06.2025; принята к публикации 07.10.2025.

MALIUCHENKO Dmitry Alexeyevich, Research Engineer at the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
SPIN-code: 5495-7765
AuthorID (RSCI): 1008161
ORCID: 0000-0003-3863-0895
Correspondence address: dimetv1997@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 22.06.2025; accepted for publication 07.10.2025.

УДК/UDC 93/94

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-44-49

EDN: KVCHCB

Научная статья/Original article

ПОДГОТОВКА РЕЗЕРВОВ ДЛЯ КАВАЛЕРИЙСКИХ ЧАСТЕЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. Д. Ростов¹, Д. И. Петин²

¹Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова,
Россия, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, 46

²Омский государственный технический университет, Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11

Исследуется процесс подготовки маршевых подразделений для фронта в 3-й запасной кавалерийской бригаде Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны. Выявлены источники укомплектования соединения переменным составом на различных этапах войны. Охарактеризована организационная структура при формировании, в ходе деятельности 6-го запасного кавалерийского полка и преобразования его в 3-ю запасную кавалерийскую бригаду. Показаны особенности организации и содержания боевой подготовки; акцентируется внимание на ее имевшихся недостатках, установлены их причины. Установлены количественные показатели подготовки бригадой маршевого пополнения в 1941–1944 гг. с учетом возрастов командиров и бойцов. Определены объёмы и динамика подготовки маршевого пополнения для кавалерийских частей действующей армии с учетом социальных и служебных характеристик.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирский военный округ, РККА, действующая армия, кавалерия, маршевые эскадроны, фронты, запасная кавалерийская бригада.

Для цитирования: Ростов Н. Д., Петин Д. И. Подготовка резервов для кавалерийских частей действующей армии в Сибирском военном округе в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 44–49. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-44-49. EDN: KVCHCB.

© Ростов Н. Д., Петин Д. И. 2025.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

TRAINING RESERVES FOR CAVALRY UNITS OF THE ACTIVE ARMY IN THE SIBERIAN MILITARY DISTRICT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. D. Rostov¹, D. I. Petin²

¹Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul, Lenina Ave., 46, 656038

²Omsk State Technical University, Russia, Omsk, Mira Ave., 11, 644050

The article examines the process of training marching units for the front in the 3rd Reserve Cavalry Brigade of the Siberian Military District during the Great Patriotic War. The sources of staffing the unit with variable composition in different periods of the war are identified. The organizational structure at the stages of formation and activity of the 6th Reserve Cavalry Regiment and its transformation into the 3rd Reserve Cavalry Brigade is characterized. The features of the organization and content of combat training are shown; attention is focused on its existing shortcomings, and their causes are established. The terms of training, the variable composition of senior and junior military personnel are determined. The volumes and dynamics of training marching reinforcements for cavalry units of the active army in 1941–1944 are shown. The composition of the marching reinforcements trained by the unit during the Great Patriotic War by military rank, age, nationality and its distribution among the fronts is analyzed.

Keywords: Great Patriotic War, Siberian Military District, Red Army, active army, cavalry, marching squadrons, fronts, reserve cavalry brigade.

Постановка проблемы

Начиная с первых месяцев Великой Отечественной войны во внутренних военных округах СССР стала экстренно налаживаться подготовка кадровых резервов для нужд РККА, в том числе на базе частей дислоцированных и разворачивавшихся на территории Сибирского военного округа (далее — СибВО) запасных и учебных воинских частей и соединений, военных училищ и школ — ключевых для этого вопроса армейских институций — происходило активное формирование военно-обученных резервов для фронта, востребованных различными видами и родами войск РККА.

Несмотря на активный процесс механизации армии, в обстановке Второй мировой войны свою стратегическую и тактическую актуальность еще сохраняла кавалерия. Кавалерийские соединения РККА приняли участие во всех важнейших сражениях на советско-германском фронте, сыграв исключительно важную роль как в оборонительных, так и в наступательных операциях советских войск. В условиях маневренной современной войны кавалерийские части являлись основным подвижным средством командующих фронтов и успешно проявили себя в разгроме коммуникаций противника в его тылу [1–5].

Специфика применения кавалерии в боевых действиях в различные периоды Великой Отечественной войны оказывала влияние на особенности подготовки маршевого пополнения для укомплектования кавалерийских дивизий и корпусов действующей армии. С целью обеспечения РККА кавалерийскими кадровыми резервами на территории СибВО в 1941–1944 гг. была дислоцирована 3-я запасная кавалерийская бригада, каковая являлась в округе единственным войсковым соединением подобного профиля.

Опыт военных конфликтов текущей трети века, в которых принимают участие Вооруженные Силы Российской Федерации (в том числе Специальная военная операция), свидетельствует о том, что, несмотря на активный и всесторонний технологический прогресс военной сферы, ничто не сможет заменить для действующей армии тщательно обученный и высокомобильный личный состав. В связи с этим видится актуальным обращение к историческому опыту формирования в СибВО кадровых резервов кавалерии в период Великой Отечественной войны. Определенные экстраполяции этого опыта могут быть в современных условиях востребованы Российской армией и иными силовыми структурами нашего государства.

В предлагаемом вниманию читателя исследовании определена комплексная цель — на примере дислоцированной в СибВО в 1941–1944 гг. 3-й запасной кавалерийской бригады проанализировать процесс подготовки частей кавалерии для нужд РККА в период Великой Отечественной войны, акцентируя внимание на социальные и служебные характеристики маршевого пополнения.

Репрезентативный комплекс источников для написания статьи выявлен в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в фонде 3396 (3-я запасная кавалерийская бригада). Он характеризуется большим разнообразием и информативностью. В выборке документов приоритет отдан отчетам командования соединения в Управление боевой подготовки СибВО о ходе и итогах подготовки маршевого пополнения для фронта.

Методологический блок исследования основан на сочетании институционального подхода с проблемно-хронологическим, сравнительно-историческим и системным методами исторического познания. Данная теоретическая совокупность позволила обеспечить достижение поставленной исследовательской цели.

Основная часть

В ожесточенных и кровопролитных боях с наступающими ударными и моторизованными группировками немецко-фашистских войск в июне-августе 1941 г. Красная Армия понесла большие людские и материальные потери и перешла к стратегической обороне на всем советско-германском фронте. Действующая армия остро нуждалась в подготовленных резервах, для чего руководством СибВО 21 августа 1941 г. было принято решение о формировании на базе 9-го конского депо, расположенного в Омске 6-го отдельного запасного кавалерийского полка, командовать которым было вверено подполковнику В. С. Ракитину. А 22 сентября 1941 г., получив соответствующий приказ командующего СибВО генерал-лейтенанта Н. В. Медведева полк перевели на 180 км восточнее — в Татарск (Новосибирская область). Приказом Наркома обороны СССР № 075 от 20 августа 1942 г. командиром полка был назначен полковник Григорий Антонович Белоусов (1896–1954 гг.) [6, л. 2; 7, л. 146, 148]. Это был 45-летний боевой офицер, имевший солидный опыт строевой службы в пехотных и кавалерийских частях.

В соответствии с директивой заместителя Наркома обороны СССР, начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии генерал-полковника Е. А. Щаденко № 3/2029 от 10 марта 1943 г. и приказом командующего СибВО от 13 марта 1943 г. в ходе переформирования 6-й отдельный запасной кавалерийский полк был развернут в 3-ю запасную кавалерийскую бригаду. В состав вновь образованного формирования вошли 5-й и 6-й запасные кавалерийские полки [6, л. 2; 7, л. 146, 148]. А на следующий день командование бригадой принял упомянутый выше Г. А. Белоусов, состоявший уже в звании генерал-майора [8, л. 4].

На протяжении Великой Отечественной войны штат 3-й запасной кавалерийской бригады постоянно возрастал в соответствии с запросами фронта на обученное пополнение. Так, на момент формирования в кавалерийских полках бригады состояло

Рис. 1. Организационно-штатная структура 3-й запасной кавалерийской бригады (ЗКБ) в составе 5-го и 6-го запасных конных полков (ЗКП)

Источник: [10, л. 8]

Fig. 1. The organizational and staff structure of the 3rd Reserve Cavalry Brigade (RCB) consisting of the 5th and 6th Reserve Cavalry Regiments (RSR). Source: [10, p. 8]

1024 чел., в переменном составе значилось 3222 чел. Спустя без малого полтора года — на 30 августа 1944 г. — списочный состав формирования насчитывал 3673 чел., однако в переменном составе курсантов и рядовых имел место некомплект, каковой насчитывал 750 чел. [9, л. 222].

Организационно-штатная структура 3-й запасной кавалерийской бригады представлена на рис. 1. Штат полков, в сущности, был почти идентичен за исключением наличия в 6-м запасном кавалерийском полку взвода трубачей, а также радиовзвода и взвода телефонистов в полуэскадроне связи [10, л. 50—51].

Приказом по 3-й запасной кавалерийской бригаде от 9 мая 1944 г. трубачи-барабанщики в каждом эскадроне содержались за счёт строевого расчета — 1 чел. без снятия с него строевых обязанностей по основной должности. Полковые оркестры и эскадронные трубачи-барабанщики широко использовались на маршах, при разводе караулов и на вечерней поверке [11, л. 23].

Источниками укомплектования 3-й запасной кавалерийской бригады были разные категории красноармейцев: 1) мобилизованные из запаса военнообязанных; 2) фронтовики, прошедшие лечение в эвакуогоспиталях; 3) призывники и военнослужащие из дислоцированных неподалеку запасных стрелковых бригад (26-й Алтайской, 39-й Омской) и 12-го учебного стрелкового полка; 4) курсанты военных училищ СибВО (табл. 1).

Отбор будущих обучаемых производился специальными комиссиями. Помимо требований к состоянию здоровья и годности к службе в кавалерийских частях, обязательным требованием к кандидатам являлось умение обращаться с лошадьми. Конский состав поступал из народного хозяйства, из стрелковых частей и конезаводов [10, л. 63].

В момент формирования бригады в марте 1943 г. на ее укомплектование 700 чел. были направлены из 39-й Омской запасной стрелковой бригады и 284 чел. из 12-го учебного стрелкового полка. Поступление личного состава за третью декаду мая того же года составило 300 чел., откомандированных из 2-го Омского военно-пехотного училища [7, л. 2, 3, 8, 9, 47]. Как видно, и в дальнейшем география пополнения оставалась достаточно широкой даже по меркам Сибири (табл. 2).

Допускалось укомплектование бригады личным составом, имевшим судимости. Например, по состоянию на июль 1943 г. 56 таких красноармейцев проходили службу в 6-м полуэскадроне связи; в их числе было 39 лиц, состоявших под судом, причем 38 чел. привлекались к ответственности за преступления бытового характера [6, л. 5 об., 83].

Однако ход укомплектований бригады проходил не без разного рода сложностей. Например, с 1 марта 1944 г. комплектование обеспечивалось посредством пополнения в 1054 чел., прибывших из 39-й Омской запасной стрелковой бригады. Не всегда удовлетворителен был объем отбора кандидатов. В частности, по наряду в 300 чел. поступило 280 необученных бойцов из 26-й Алтайской запасной стрелковой бригады; с 15 по 17 марта 1944 г. комиссия, проводя стандартный отбор, смогла утвердить всего лишь 70 кандидатов, «отбраковав» $\frac{3}{4}$ от общего количества поступивших в данной партии. Главным обстоятельством, приводившим к такому положению дел, было то, что собственные маршевые роты формировались бригадой с активным привлечением пополнения, уже имевшего служебно-боевой опыт. Сказывалось, что, как правило, фронтовики были физически более здоровыми, выносливыми и подготовленными во всех смыслах [8, л. 208].

По состоянию на 13 апреля 1943 г. комплект штата бригады составляли главным образом военнослужащие старших возрастов. Они проходили двухмесячную подготовку по специальной программе. Но уже спустя месяц они должны были обрести базовые навыки, каковые помогут в решении задач на поле боя как одиночному красноармей-

Таблица 1. Источники комплектования пополнения, поступившего в период с апреля по декабрь 1943 г. в 3-ю запасную кавалерийскую бригаду. Источник: [6, л. 5 об., 83]

Table 1. Sources of recruitment of the replenishment received in the period from April to December of 1943 in the 3rd Reserve Cavalry Brigade. Source: [6]

Откуда прибыло	Областные военкоматы	39-я Омская ЗСБ	12-й УСП	Иные воинские части	Военно-пересыльные пункты, госпитали	ИТОГО
Кол-во, чел.	3057*	2577	285	1302	316	7537

Примечание: * в том числе, призывники 1926 г.р. — 1903 чел.

Таблица 2. География пополнения в 1000 чел., поступившего 5 июня 1943 г. в 3-ю запасную кавалерийскую бригаду. Источник: [6, л. 5 об., 83]

Table 2. Geography of the replenishment of 1000 people who joined the 3rd Reserve Cavalry Brigade on June 5, 1943. Source: [6]

Откуда прибыло	Омск	Новосибирск	Кемерово	Алтайский край	Красноярский край	ИТОГО
Кол-во, чел.	200	350	100	150	200	1000

цу, так и бойцу, действующему в составе своего подразделения. Основные акценты в ходе обучения кавалеристов были традиционными, включая на тактическую, огневую, конную и конно-строевую подготовку.

Изучение материальной части оружия вместе с практикой максимально эффективного его использования в боевой обстановке выносились как ключевые задачи огневой подготовки. По прошествии месяца обучаемый отрабатывал второе упражнение начальных стрельб и первую задачу одиночно-боевых стрельб. В течение второго месяца внимание уделялось действиям в составе взвода в рамках тактического учения с боевой стрельбой. В случае с призывниками время на подготовку увеличивалось втрое, составляя полгода, в том числе ослабленных в первый период обучения с 6-часовым учебным днем. Это регламентировалось приказом командующего СибВО «О боевой подготовке запасных и учебных подразделений, укомплектованных призывниками 1926 г.р.» № 0555 от 1 декабря 1943 г. [10, л. 5, 91].

В результате проведенных организационно-штатных изменений конницы и возрастания потребности в подготовленных кадрах автоматчиков, приказом командующего кавалерией Красной Армии маршала С. М. Буденного от 1 апреля 1943 г., военнослужащих первых взводов каждого сабельного эскадрона бригады стали готовить автоматчиками в существующем штатном составе. Взводы укомплектовывались наиболее подготовленными военнослужащими [10, л. 1]. В целях улучшения организации комплектования кавалерийских училищ и курсов на основании соответствующих указаний, выработанных штабом командующего кавалерией Красной Армии, 3-я запасная кавалерийская бригада с 5 апреля 1943 г. подлежала прикреплению к Тамбовскому Краснознаменному кавалерийскому училищу [10, л. 2].

Организация процесса боевой подготовки в 3-й запасной кавалерийской бригаде предполагала наличие двух периодов обучения. По завершении каждого из них переменный и постоянный состав военнослужащих подвергался зачетным испытаниям в учебных классах и в полевых условиях. В первой половине 1943 г. срок обучения старших возрастов составил два месяца. Ежедневное расписание занятий составлялось из расчета: в обычный день — 9 часов, в субботу — 6 часов. Обучение младшего начальствующего состава проходило в полковых школах, для чего устанавливалось специальное расписание. В неделю отводился полный день; также в течение дня могли проводиться дополнительные инструктажи практической направленности [10, л. 34].

Одним из недостатков в организации боевой подготовки в полках бригады являлся отрыв обучаемых от занятий. Основной причиной такого положения являлись различные хозяйственные работы, которые носили преимущественно сезонный характер, будучи связаны с заготовкой фуража для лошадей и продовольствия для военнослужащих. Средняя посещаемость занятий в бригаде составила: в мае 1943 г. — 69,5 %, в июне — 55 %. На 1 сентября 1943 г. в полках бригады было накошено и закировано 1234 тонны сена. Предполагалось собрать 2400 кг картофеля при годовой потребности — 1732 кг, капусты — 360 кг, при годовой потребности — 279 кг. Было заготовлено 12000 м³ дров [10, л. 35, 61].

На итоговых проверках, как свидетельствуют архивные документы, военнослужащие брига-

ды показывали высокие результаты. С 25 августа по 1 сентября 1943 г. в ходе проверки Отделом боевой подготовки СибВО 5-й и 6-й запасные кавалерийские полки бригады получили твердые хорошие оценки. Так, 6-й запасной кавалерийский полк получил оценку «отлично», осуществив выполнение упражнения одиночных стрельб из винтовки, упражнения одиночных стрельб из станкового пулемета, задачи из миномета, упражнения метания ручных гранат и упражнения стрельбы офицерским составом из пистолета. Выполнение личным составом полка упражнения одиночной стрельбы из ручного пулемета было отмечено как посредственное [10, л. 61 об., 62]. По итогам проверки комиссия штаба СибВО сделала вывод: «3-я запасная кавалерийская бригада вполне боеспособна и полностью обеспечивает подготовку маршевых подразделений для фронта» [10, л. 64].

Военнослужащие и лошади, прошедшие курс подготовки, направлялись из своей бригады в действующую армию в составе маршевого пополнения. Уже в течение четырех последних месяцев 1941 г. 6-й отдельный запасной кавалерийский полк подготовил для фронта — 10 эскадронов, 2169 военнослужащих и 2143 лошади, в 1942 г. — 49 эскадронов, 10328 военнослужащих и 3516 лошадей [12, л. 149 об., 150]. За период с 1 апреля по 15 декабря 1943 г. 5-й запасной кавалерийский полк бригады направил в фронтовые воинские части — 2035 чел. и 1250 лошадей. Пополнение для действующей армии включало в себя: офицеров — 70, сержантов — 268, рядовых — 1697 чел. По возрасту: до 30 лет — 1305, до 40 лет — 566, старше 40 лет — 164. По национальности это были: русские — 1565 чел., украинцы — 152 чел., белорусы — 37 чел., татары — 45 чел., иные — 236 чел.

Из числа отправленных: 1642 несудимые, судимы за гражданские преступления военным судом — 56 чел. [10, л. 100]. С 1 апреля по 1 декабря 1943 г. 3-й запасной кавалерийской бригадой в составе 17 сабельных эскадронов направлено на фронт 3287 чел. (офицеров — 116, сержантов — 443, рядовых — 2728 чел. и 2500 лошадей). В составе двух пулемётных эскадронов направлено — 393 чел., в том числе офицеров — 14, сержантов — 52, рядовых — 327. В составе двух специальных эскадронов — 240 чел., в том числе офицеров — 4, сержантов — 121, рядовых — 115 чел. [6, л. 5].

Распределение маршевых эскадронов по фронтам Великой Отечественной войны в 1941–1943 гг. составило: Брянский фронт — 13 эскадронов: 1941 г. — 4, 1942 г. — 6, 1943 г. — 3; Западный фронт — 20 эскадронов: 1941 г. — 4, 1942 г. — 16; Калининский фронт — 10, 1942 г.; Волховский фронт — 3 эскадрона, 1942 г., Юго-Западный фронт — 2, 1941 г.; Ленинградский фронт — 7, 1942 г.; Сталинградский фронт — 3, 1942 г.; 17-я кавалерийская дивизия — 4, 1942 г. В 1943 г. также было направлено 8 маршевых эскадронов по 4 на Южный и Степной фронты [7, л. 149 об., 150].

В период с 1 апреля по 15 декабря 1943 г. подготовленное в 3-й запасной кавалерийской бригаде пополнение получали 2-й, 3-й, 5-й, 6-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса [6, л. 4, 5 об.]. Так, 7 декабря 1943 г. в составе шести сабельных эскадронов, прошедших обучение в бригаде, прибыло и поступило 1435 чел. в 7-й гвардейский кавалерийский корпус. От изначального количества (1456 чел.) 20 чел. в пути заболели и были сданы в госпитали, один из бойцов оказался дезертиром [6,

л. 2]. К 30 декабря 1943 г. по приказу командующего кавалерией Красной Армии в бригаде были готовы к отправке на фронт в составе 4-х сабельных, 1-го пулемётного эскадронов и 2-х команд — 1223 чел., из них офицеров — 46, сержантов — 140, рядовых — 1037 и 1500 лошадей [6, л. 5]. В июле 1944 г. 6-й запасной кавалерийский полк бригады отправил на фронт маршевое пополнение из 190 чел., в том числе офицеров — 7, сержантов — 21, рядовых — 162. По возрасту: до 35 лет — 180, до 40 лет — 6, до 45 — 4, участников войны — 21. Все прошли 6-месячную подготовку [9, л. 118].

С мая 1944 г. приказом Наркома обороны СССР командир 3-й запасной кавалерийской бригады генерал-майор Г. А. Белоусов вступил в командование 13-й гвардейской кавалерийской дивизией. В марте 1945 г. дивизия успешно показала себя в ходе Братиславско-Брноской наступательной операции. Выполнение заданий командования было отмечено как образцовое. Действия дивизии способствовали разгрому гитлеровцев и овладению городами Комарно, Новы-Замки и Шураны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1945 г. дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени. Заключительный этап Великой Отечественной войны для дивизии ознаменовался участием в Венской и Пражской наступательных операциях; в августе 1945 г. была преобразована в 11-ю гвардейскую механизированную дивизию. Впоследствии Г. А. Белоусов, окончив академические Курсы усовершенствования офицерского состава при Военной академии бронетанковых и механизированных войск с октября 1948 г. по декабрь 1949 г. командовал названным соединением. Затем до июня 1951 г. генерал был командиром 1-й механизированной дивизии (Германия). С 6 октября 1951 г. состоял в запасе [13, с. 93–95].

В соответствии с приказом командующего СибВО № 0326 от 25 июля 1944 г. с 27 июля по 29 августа 1944 г. 9-ю эшелонами 3-я запасная кавалерийская бригада передислоцировалась в Белорусский военный округ, будучи расквартирована в город Борисов в военном городке «Печи», где продолжила подготовку кавалерийских резервов для фронта [9, л. 118; 14, л. 176, 261].

В годы Великой Отечественной войны расположенная в глубоком тылу 3-я запасная кавалерийская бригада существенно способствовала повышению боеспособности действующей армии. В ходе «сибирского» периода своей дислокации данным формированием в общей сложности подготовлено и направлено на фронт 113 эскадронов и отдельных команд, насчитывавших 600 офицеров, 3038 сержантов, 19635 красноармейцев и 10281 лошадь [9, л. 237].

Заклучение

Подводя итог, следует отметить, что 3-я запасная кавалерийская бригада явилась одним из важнейших элементов системы подготовки резервов для действующей армии, развёрнутой в СибВО в годы Великой Отечественной войны. Кавалеристы на фронте доблестно выполняли возложенные на них боевые задачи, достойно неся гордое имя воинов-сибиряков, каковые, как известно, высоко ценились высшим красноармейским начальством [15–16]. Как общеизвестно, высшее советское руководство делало особую ставку на сибирский тыл и, в том числе, на его людские потенциалы. И сибиряки не подвели [17]. Стоит сказать, что в этом отно-

шении проанализированный сюжет, связанный с 3-й запасной кавалерийской бригадой, является частным подтверждением обозначенного выше тезиса.

Максимальный учет требований фронтового командования стал ключевым фактором, влиявшим на организацию и проведение боевой подготовки военнослужащих в бригаде. Занятия шли в течение всего года, в темное и светлое время суток, вне зависимости от погодных-климатических условий. Отвлекала от подготовки маршевого пополнения насущная необходимость использования труда личного состава обучаемых на сельскохозяйственных и заготовительных работах. Однако без этой меры было бы невозможным обеспечить нормальное и бесперебойное функционирование бригады. На укомплектование 3-й запасной кавалерийской бригады направлялись военнослужащие переменного состава из различных категорий. Наряду с уровнем здоровья, основным требованием к военнослужащим постоянного и переменного состава бригады являлся навык обращения с конем. Сроки подготовки военнослужащих переменного состава старших возрастов оставались неизменными на протяжении всей войны и составляли 2 месяца, для лиц младших возрастов — 6 месяцев.

Объёмы подготовки маршевого пополнения в 3-й запасной кавалерийской бригаде определялись особенностями театров военных действий и задачами, стоящими перед фронтами. В 1941–1942 гг. из 62-х подготовленных маршевых кавалерийских эскадронов 43 (70 %) были направлены из состава СибВО на укомплектование частей и соединений Брянского, Западного и Калининского фронтов. Развертывание Красной Армией стратегических наступательных операций в 1943–1944 гг. определило возрастающую потребность действующей армии в подготовленных резервах, в том числе для кавалерийских дивизий и корпусов. Переход в марте 1943 г. от полковой к бригадной организационно-штатной структуре способствовал значительному увеличению объёмов подготовки маршевого пополнения для фронта в 3-й запасной кавалерийской бригаде.

В «сибирский» период дислокации в напряженных условиях Великой Отечественной войны бригада смогла в полном объеме и в установленные сроки обеспечить подготовку кадров красноармейской кавалерии, чем оказала посильное содействие, приближая Великую Победу и множа боевую славу советского воина.

Список источников / References

1. Гуревич Д. Я. Кавалерия в Великой Отечественной войне // Коневодство и конный спорт. 2005. № 5. С. 2–3. EDN: JZGMPR.
2. Gurevich D. Ya. Kavaleriya v Velikoy Otechestvennoy voyne [Cavalry in the Great Patriotic War]. Konevodstvo i konnyy sport. Horse Breeding and Equestrian Sport. 2005. No. 5. P. 2–3. EDN: JZGMPR. (In Russ.).
3. Голиков А. Н. Красная кавалерия в годы Великой Отечественной войны // Исторические науки. 2008. № 6. С. 23–26. EDN: JVJMHV.
4. Golikov A. N. Krasnaya kavaleriya v gody Velikoy Otechestvennoy vojny [Red Cavalry in the Great Patriotic War]. Istoricheskiye nauki. Historical Sciences. 2008. No. 6. P. 23–26. EDN: JVJMHV. (In Russ.).
5. Афанасенко В. И. Казачья кавалерия РККА в боях на юге СССР в первый период Великой Отечественной войны // Былые годы. 2010. № 4. С. 5–9. EDN: NCHYEJ.

Afanasenko V. I. Kazach'ya kavaleriya RKKA v boyakh na yuge SSSR v pervyy period Velikoy Otechestvennoy voyny [Workers' and Peasants' Red Army Cossack Cavalry in battles in the South of the USSR during the first period of Great Patriotic War]. *Bylye Gody*. 2010. No. 4. P. 5–9. EDN: NCHYEJ. (In Russ.).

4. Суходольская И. Советская кавалерия в Великой Отечественной войне // Коневодство и конный спорт. 2015. № 2. С. 4–7. EDN: RYAMIG.

Sukhodol'skaya I. Sovetskaya kavaleriya v Velikoy Otechestvennoy voynе [Soviet Cavalry in the Great Patriotic War]. *Konevodstvo i konnyy sport. Horse Breeding and Equestrian Sport*. 2015. No. 2. P. 4–7. EDN: RYAMIG. (In Russ.).

5. Воронцов В. Н. «На общем фоне военного строительства»: советская кавалерия в Забайкалье 1924–1945 // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19, № 1. С. 177–189. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-177-189. EDN: UPKIYL.

Vorontsov V. N. «Na obshchem fone voyennogo stroitel'stva»: sovetskaya kavaleriya v Zabaykal'ye 1924–1945 [“On the general background of military construction”: Soviet cavalry in Transbaikalia, 1924–1945]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2023. Vol. 19, no. 1. P. 177–189. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-177-189. EDN: UPKIYL. (In Russ.).

6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 3396. Оп. 1. Д. 4.

Tsentrал'nyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (TsAMO RF) [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (CAMD RF)]. File: 3396/1/4. (In Russ.).

7. ЦАМО РФ. Ф. 3396. Оп. 1. Д. 14.

TsAMO RF [CAMD RF]. File: 3396/1/14. (In Russ.).

8. ЦАМО РФ. Ф. 3396. Оп. 1. Д. 20.

TsAMO RF [CAMD RF]. File: 3396/1/20. (In Russ.).

9. ЦАМО РФ. Ф. 3396. Оп. 1. Д. 6.

TsAMO RF [CAMD RF]. File: 3396/1/6. (In Russ.).

10. ЦАМО РФ. Ф. 3396. Оп. 1. Д. 1.

TsAMO RF [CAMD RF]. File: 3396/1/1. (In Russ.).

11. ЦАМО РФ. Ф. 3396. Оп. 1. Д. 7.

TsAMO RF [CAMD RF]. File: 3396/1/7. (In Russ.).

12. ЦАМО РФ. Ф. 3396. Оп. 1. Д. 21.

TsAMO RF [CAMD RF]. File: 3396/1/21. (In Russ.).

13. Цапаев Д. А. Великая Отечественная. Комдивы. Военный биографический словарь. В 5 т. Москва: Кучково Поле, 2011. Т. 1. 736 с. ISBN 978-5-9950-0189-8.

Tsapayev D. A. Velikaya Otechestvennaya. Komdivy: voyenny biograficheskiy slovar' [The Great Patriotic War. Division commanders. Military biographical dictionary]. In 5 Vols. Moscow, 2011. Vol. 1. 736 p. ISBN 978-5-9950-0189-8. (In Russ.).

14. ЦАМО РФ. Ф. 3396. Оп. 1. Д. 5.

TsAMO RF [CAMD RF]. File: 3396/1/5. (In Russ.).

15. Сушко А. В. Историческая основа воспитания гордости за принадлежность к сибирским соединениям в годы Великой Отечественной войны // Наука и военная безопасность. 2024. № 4. С. 70–78. EDN: OSCWSL.

Sushko A. V. Istoricheskaya osnova vospitaniya gordosti za prinalozhnost' k sibirskim soyedineniyam v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The historical basis for fostering pride in belonging to the Siberian formations during the Great Patriotic War]. *Nauka i Voyennaya Bezopasnost'*. 2024. No. 4. P. 70–78. EDN: OSCWSL. (In Russ.).

16. Анфетьев И. А. Издание омскими историками и архивистами труда о боевом пути 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 945–952. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-945-952. EDN: ALCLIN.

Anfetyev I. A. Izdaniye omskimi istorikami i arkhivistami truda o boyevom puti 75-y Stalinskoy dobrovol'cheskoy ot del'noy strelkovoy brigady omichey-sibiryakov [Omsk Historians and Archivists Have Published a Work on the 75th Stalin Volunteer Independent Rifle Brigade of Omsk Siberians]. *Vestnik*

arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2023. No. 3. P. 945–952. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-945-952. EDN: ALCLIN. (In Russ.).

17. Сушко А. В., Петин Д. И. Совершенно секретный отчет Е. М. Ярославского в ЦК ВКП (б) о командировке в Сибирь в ноябре-декабре 1942 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 154–170. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170. EDN: JMNQPS.

Sushko A. V., Petin D. I. Sovershenno sekretnyy otchet E. M. Yaroslavskogo v TsK VKP (b) o komandirovke v Sibir' v noyabre-dekobre 1942 g. [Top secret report of E. M. Yaroslavsky to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on official journey to Siberia in November-December 1942]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2025. No. 1. P. 154–170. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-154-170. EDN: JMNQPS. (In Russ.).

РОСТОВ Николай Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор (Россия), руководитель Центра истории и культуры Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, г. Барнаул.

SPIN-код: 3830-1441

AuthorID (РИНЦ): 643383

Адрес для переписки: ndrostov@mail.ru

ПЕТИН Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.

SPIN-код: 9987-3347

AuthorID (РИНЦ): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Адрес для переписки: dimario86@rambler.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 01.10.2025.

ROSTOV Nikolay Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for History and Culture, Polzunov Altai State Technical University, Barnaul.

SPIN-code: 3830-1441

AuthorID (RSCI): 643383

Correspondence address: ndrostov@mail.ru

PETIN Dmitry Igorevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.

SPIN-code: 9987-3347

AuthorID (RSCI): 742782

ORCID: 0000-0003-1614-8133

AuthorID (SCOPUS): 57188761451

ResearcherID: A-8542-2017

Correspondence address: dimario86@rambler.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 01.10.2025.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПРОФЕССИЯ: АМУРСКАЯ МИЛИЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н. А. Шабельникова

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института
МВД России имени И. Ф. Шилова, Россия, 690087, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21

Публикация посвящена деятельности органов НКВД Амурской области (Амурской милиции) в годы Великой Отечественной войны. Работа основана на документах и материалах архива Управления Министерства внутренних дел России по Амурской области — Отдела оперативного учета специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления Министерства внутренних дел России по Амурской области и музея Управления Министерства внутренних дел России по Амурской области. Методологическая основа исследования — институциональный и просопографический подходы. Раскрываются основные аспекты деятельности НКВД Амурской области по борьбе с преступностью и охране общественного порядка. Основное внимание уделяется биографиям амурцев-фронтовиков.

Ключевые слова: милиция, НКВД, Амурская область, Великая Отечественная война, борьба с преступностью, биография, амурцы-фронтовики.

Для цитирования: Шабельникова Н. А. Легендарная профессия: Амурская милиция в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 50–55. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-50-55. EDN: APTFDF.

© Шабельникова Н. А., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

LEGENDARY PROFESSION: THE AMUR MILITIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

N. A. Shabelnikova

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok Branch),
Russia, Vladivostok, Kotelnikova St., 21, 690087

The publication is devoted to the activities of the NKVD of the Amur region (Amur police) during the Great Patriotic War. The work is based on documents and materials from the archive of the Ministry of Internal Affairs of the Amur region — the Department of Operational Accounting of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repression of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Amur Region and the Museum of the Ministry of Internal Affairs of the Amur Region. The research methodology is based on institutional and prosopography approaches. The article reveals the main aspects of the NKVD's activities in the Amur Region to combat crime and maintain public order. The focus is on the biographies of Amur residents who fought on the front lines.

Keywords: militia, NKVD, Amur Region, Great Patriotic War, fight against crime, biography, Amur front-line soldiers.

For citation: Shabelnikova N. A. Legendary profession: the Amur militia during the Great Patriotic War. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 50–55. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-50-55. EDN: APTFDF.

Введение

Все поколения народов России — настоящие и будущие — чтят и будут чтить подвиг тех, кто спас мир от уничтожения. В тяжелые годы Великой Отечественной войны дальневосточники вместе со всем советским народом отдавали все силы борьбы над фашизмом.

Политика СССР на дальневосточном геополитическом пространстве носила оборонительный характер и была обусловлена рядом обстоятельств. На территории Маньчжурии в целях организации и проведения агентурной разведки против СССР были созданы специальные разведывательные органы — японские военные миссии. Правительством Японии поддерживалось создание и деятельность на территории Маньчжоу-Го антисоветских и даже профашистских эмигрантских организаций типа «Братства русской правды», «Русского общевоинского союза», «Российского фашистского союза», «Союза казаков Дальнего Востока», «Бюро по делам российских эмигрантов», «Союза легитимистов», «Общества Кио Ва Кай» (содружество наций) [1, с. 31]. Как показывал арестованный в 1945 г. атаман Г. М. Семенов: «Эта категория агентуры, ввиду знания ею в совершенстве русского языка и условий жизни в СССР, особо ценилась японским военным командованием» [2, с. 67].

Угроза вооруженного вторжения стала еще более реальной после поражений Красной Армии в 1941–1942 гг. и вызванной этим обстоятельством переброски ряда воинских соединений из Сибири и Дальнего Востока на советско-германский фронт. За 1941–1945 годы с Дальнего Востока на советско-германский фронт было переброшено два корпусных управления, семнадцать стрелковых, три танковые, две кавалерийские дивизии, две воздушно-десантные, четыре стрелковые бригады, десятки авиаполков, частей и подразделений спецвойск [3, с. 398].

Лишь к 1944 г. в связи с крупными поражениями Германии и ее европейских союзников, а также с втягиванием Японии в длительную войну на Тихом океане, можно говорить о снижении такой угрозы. Слабость военной экономики Японии, катастрофическая нехватка стратегических ресурсов и, прежде всего, горючего для японской армии и флота начали проявляться уже в 1943 г. [4, с. 307]. Эти обстоятельства сделали невозможной крупную наступательную операцию на больших пространствах Сибири и Дальнего Востока СССР. Однако возможность локальных провокаций на границе продолжала оставаться реальной вплоть до разгрома Квантунской армии в августе 1945 г.

Чрезвычайная обстановка, сложившаяся в период Великой Отечественной войны, потребовала консолидации усилий всех дальневосточных правоохранительных структур.

Исследование истории органов НКВД периода Великой Отечественной войны привлекает внимание многих исследователей, в том числе представителей дальневосточной историографии. В монографических исследованиях получили освещение особенности формирования истребительных батальонов, различные аспекты противодействия преступности и охраны правопорядка, становления профессионального образования [5–7] и др. Активно изучается противодействие органов НКВД беспризорности и преступности несовершеннолетних [8]. Ряд работ представлен в историографическом контексте [9].

Цель исследования — изучение исторического опыта деятельности Амурской милиции в годы Великой Отечественной войны. Основные задачи: раскрыть состояние и особенности функционирования органов НКВД в Амурской области в военный период и показать примеры проявления мужества амурцев-фронтовиков по защите своего Отечества.

Источниковой основой данного исследования стали служебные документы архива Управления Министерства внутренних дел (УМВД) России по Амурской области — Отдела оперативного учета специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра УМВД России по Амурской области. В качестве источника данной публикации привлечены материалы музея УМВД России по Амурской области. Ценным источником являются юбилейные издания «Амурская милиция: на страже правопорядка», «Уголовный розыск Амурской области: история и современность», «Приумножая традиции. Дальневосточному юридическому институту России — 100 лет».

Основная часть

Деятельность Амурской милиции, как и всех дальневосточных органов правопорядка, осуществлялась в период Великой Отечественной войны в условиях так называемого «невоюющего фронта».

С первых дней войны обязанности милиции значительно расширились. На неё возлагалась борьба с дезертирством, мародерством, с паникерами, распространителями провокационных слухов. В таких условиях требовалось перестроить работу на военный лад.

В этих целях при дежурной части областного управления милиции были созданы оперативные группы, увеличено количество постов, организовано дополнительное патрулирование на улицах и в общественных местах. Личный состав был сведен в строевые подразделения: батальоны, роты, взводы и отделения. В них с октября 1941 г. начались занятия по тактико-боевой, огневой и строевой подготовке, противовоздушной и противохимической обороне [10, л. 38].

При городских и районных отделах НКВД создавались истребительные батальоны численностью в 100–200 человек. К октябрю 1941 г. в области было создано 39 таких батальонов. Предпринимаемые меры были направлены на то, чтобы личный состав в любой обстановке был готов к самостоятельным или совместным с частями Красной Армии боевым действиям [11, л. 25].

Необходимо обратить внимание на то, что эта работа проходила в исключительно трудных условиях нехватки кадров. В первые месяцы войны около четверти личного состава было призвано в действующую армию. Многие амурские милиционеры ушли на фронт добровольно. В первые дни и месяцы войны от них поступило огромное количество рапортов с просьбой направить в действующую армию. В личных делах сотрудников значится характерная запись — «исключен из списков в связи с призывом в РККА».

В июле 1941 г. был направлен на фронт личный состав дислоцировавшейся в городе Благовещенске Дальневосточной школы милиции. Из воспоминаний командира взвода В. Ч. Витиганцева: «В 1941 г. школа милиции по распоряжению НКВД СССР была расформирована. Курсанты откомандировывались в те органы, откуда они были направлены в школу. Около 70 % бывших курсантов 1941 г.

ушли на фронт. После расформирования школы остался только начсостав и преподаватели, так как мы все ожидали ответа из г. Москвы об уходе на фронт. Однако нам всем вместе не разрешили. Некоторые были направлены в контрразведку, а кто-то на фронт, но позднее. В сентябре—октябре 1941 г. ушли на фронт начальник школы тов. Серпевцев, командир взвода тов. Беляев, преподаватель по математике и топографии — он же начальник учебной части школы — тов. Молотиллов Петр Петрович и преподаватель по истории ВКП(б) тов. Аксенов» [12, с. 44—45].

Нуждалась в перестройке и оперативная работа. В конце 1941 г., и особенно в 1942 г., на территории Амурской области оперативная обстановка заметно усложнилась. Участились разбои, убийства, грабежи, появился бандитизм [13, л. 17—19].

Основная тяжесть с этими видами преступлений ложилась на плечи работников уголовного розыска. В военные годы областной отдел уголовного розыска возглавляли Владимир Анатольевич Краснянский (1939—1942 гг.), а затем Александр Иванович Ермолаев (1942—1944 гг.) [14, л. 45].

За раскрытие бандитских и разбойных групп А. И. Ермолаев награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «Знаком Почета», медалью «За боевые заслуги». В 1946 г. он удостоен почетного звания «Заслуженный работник НКВД» [15].

В оперативных сводках военного времени содержатся примеры успешных действий сотрудников милиции по борьбе с различными видами преступлений. Например, данные о задержании Куца (дезертира одной из воинских частей), совершавшего грабежи жителей в окрестности села Воскресеновка и Соколовка Серышевского района. В Архаринском районе длительный период действовали банды Белова и Будникова. Для поимки преступников планировались и осуществлялись совместные спецоперации сотрудников отдела уголовного розыска и милиции. В розыскных мероприятиях и следственных действиях были задействованы Е. А. Сыса, М. Я. Данченко, А. С. Пупорев, В. Ф. Куташев и В. М. Зайцев. При исполнении служебных обязанностей в перестрелке с бандитами погиб Иван Осипович Минеев — начальник отделения по борьбе с бандитизмом областного отдела уголовного розыска и его помощник Михаил Яковлевич Данченко [16, л. 14—15].

Органами милиции уделялось повышенное внимание проблемам борьбы с беспризорностью и безнадзорностью подростков, предупреждению преступности среди несовершеннолетних. И это не случайно. По данным статистики в 1942 г. (по сравнению с 1941 г.) в два раза возросла преступность несовершеннолетних. Одной из превентивных мер противодействия детской преступности стало создание детских комнат милиции при городских, районных и линейных отделениях [17, с. 11].

Важное значение в годы войны приобрела охрана народной собственности. На счету Амурской милиции военных лет немало предотвращенных преступлений, особенно в заготовительных организациях и предприятиях пищевой промышленности.

Одним из ведущих направлений деятельности органов милиции области с первых дней войны стало поддержание строгого паспортного режима — такого порядка, при котором ни один человек, прибывший в город, поселок, село на постоянное или временное жительство, не мог бы проживать без прописки. Ни один руководитель предприятия

не имел права принять на работу человека без соответствующего оформления документов. В этих целях в области уже в конце 1941 г. проводились ежемесячные проверки паспортного режима в жилых массивах, на предприятиях и учреждениях. На милицию был возложен гражданский розыск людей, потерявших связь между собой. И она помогла близким находить друг друга.

Смысл и содержание работы всей страны в военный период, в том числе и Амурской милиции, определял лозунг — «Все для фронта, все для победы!» Личный состав принимал активное участие в проведении различного рода воскресников, создании фонда обороны, организации помощи семьям фронтовиков. В газете «Амурская правда» тех лет нередко помещались такие объявления: ... «сотрудники Управления НКВД внесли вклад в фонд обороны 12 тысяч рублей», «коллектив второй пожарной команды УНКВД постановил: ежемесячно до окончания войны вносить в фонд обороны свой однодневный заработок» и др. [18, с. 15].

За годы войны личным составом было собрано более 700 тысяч рублей. Милиция принимала активное участие в сборе средств на строительство звена самолетов «Хабаровский чекист».

На разных этапах Сталинградской битвы участвовали в боях 87-я, 96-я и 126-я дальневосточные дивизии. Одна из крупных группировок врага — Распопинская — была окружена 96-й дивизией амурцев [19, с. 22—23].

Плечом к плечу с пограничниками и воинами Красной Армии сотрудники Амурской милиции мужественно сражались против немецкого нацизма. В боях с немецко-фашистскими захватчиками они проявили мужество и героизм.

Участковый инспектор Белогорского городского отдела внутренних дел Александр Давыдович Кальянов первое боевое крещение получил в 1942 г. в окопах Сталинграда. Здесь был тяжело ранен. Награжден медалью «За оборону Сталинграда». Куда только не бросала фронтовая судьба молодого сержанта! В составе 10-го конного, 4-го Украинского, а затем 1-го Прибалтийского фронтов он освобождал села Украины, Прибалтики. Был автоматчиком, бронебойщиком и разведчиком. А. Д. Кальянов был четырежды ранен. За мужество, проявленное при обороне высоты, он был награжден орденом Отечественной войны. Однажды часть попала в окружение, командир части был тяжело ранен. За вынос его из окружения А. Д. Кальянов был награжден высшим солдатским орденом Славы III степени. После окончания войны А. Д. Кальянов вернулся на службу в органы внутренних дел и более 30 лет отдал своему любимому делу.

Сотрудник органов внутренних дел Александр Петрович Хлыбов боевое крещение получил в 1942 г. на Калининском фронте. И было ему в этот период времени неполных 18 лет. Затем был Ленинградский, Карельский фронты, участие в войне с милитаристской Японией. А. П. Хлыбов получил несколько ранений. За боевые заслуги он был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги». После окончания войны более 20 лет прослужил в Белогорском городском отделе внутренних дел. За добросовестный труд имеет многочисленные государственные награды. Активно участвует в воспитании личного состава и школьников.

Боевой путь ветерана органов внутренних дел Ивана Максимовича Кардаша — от Сталинграда

до Берлина. О мужестве и самоотверженности этого человека свидетельствуют его боевые награды: ордена Отечественной войны I и II степеней, орден Славы III степени, орден Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», одиннадцать благодарностей Верховного Главнокомандующего СССР. Но самым памятным событием тех лет, по словам Ивана Максимовича, для него является участие в Параде на Красной Площади 24 июня 1945 г. [20, с. 12].

Многими примерами мужества и отваги отмечен боевой путь сотрудников Амурской милиции, а ныне ветеранов органов внутренних дел — Василия Федоровича Вельмакина, Ивана Степановича и Галины Тимофеевны Бугаец, Ивана Карповича Холода и Григория Васильевича Шатилова, Василия Григорьевича Кочкина, Николая Александровича Кочешкова и др.

Это они, солдаты войны, сменив после окончания войны солдатскую шинель на милицейскую, стали солдатами правопорядка и внесли огромный вклад в дело укрепления дисциплины, совершенствования оперативно-служебной деятельности.

Среди ветеранов органов внутренних дел немало женщин — Александра Макаровна Гусева, Мария Дмитриевна Гудзинская, Мария Николаевна Тимлева и другие [21].

Многие сотрудники принимали участие в боевых действиях с милитаристской Японией. В их числе Михаил Иванович Бусыгин, Павел Ефимович Капустянский, Геннадий Кузьмич Комиссаров, Василий Иванович Машкин, Александр Алексеевич Краснов и др.

Многие сотрудники не вернулись с войны. Среди них — Николай Михайлович Баранов (погиб 20 октября 1942 г. в боях за г. Смоленск), Матвей Сергеевич Кибалин (погиб 17 января 1944 г. в боях за г. Ленинград), Иван Трофимович Костогрыз (погиб 11 января 1943 г. у хутора Ермилов Ростовской области), Александр Сидорович Пупорев (погиб 17 августа 1943 г. в Курской битве), Николай Арсеньевич Радько (погиб 17 декабря 1942 г., защищая г. Калинин) и др. [15].

Выводы

Таким образом, Великая Отечественная война — сложный и напряжённый период в деятельности органов милиции Амурской области.

С началом войны весь личный состав был переведён на военное положение. Несмотря на недостаток кадрового состава (значительная часть сотрудников ушла на фронт), основное внимание было уделено гражданской обороне и защите населения. Органам милиции Амурской области удалось обеспечить в прифронтовом регионе общественную безопасность и правопорядок. Оценивая итоги работы органов НКВД Амурской области по борьбе с преступностью, необходимо акцентировать внимание на том, что принятые меры организационного, оперативного и профилактического характера позволили добиться положительного результата и привели к снижению уровня преступности.

Подвиги сотрудников амурцев-фронтовиков остаются ярким примером проявления мужества и самоотверженной любви к Отечеству. Мы, ныне живущие, должны быть признательны им за их огромный вклад в Победу. Освещение жизни и деятельности сотрудников-фронтовиков НКВД может служить достойным примером исполнения служеб-

ного долга и воспитания молодежи на героических страницах. Идущим за поколением победителей необходимо видеть их достойных представителей рядом с собой, гордиться ими и быть им благодарными.

Список источников / References

1. Ямпольский В. П. Японская разведка против СССР в 1918—1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 28—37.
Yampolskiy V. P. Yaponskaya razvedka protiv SSSR v 1918—1945 gg. [Japanese intelligence against the USSR in 1918—1945]. Voenno-istoricheskiy zhurnal. *Military Historical Journal*. 1991. No. 11. P. 28—37. (In Russ.).
2. Буяков А. М., Шинин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922—1941 годах. Москва: Кучково Поле; Беркут, 2013. 430 с.
Buyakov A. M., Shinin O. V. Deyatel'nost' organov bezopasnosti na Dal'nem Vostoke v 1922—1941 godakh [Activity of security agencies in the Far East in 1922—1941]. Moscow, 2013. 430 p. (In Russ.).
3. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1997. 594 с. ISBN 5-7444-0617-4.
Primorskiy kray: Kratkiy entsiklopedicheskiy spravochnik [Primorsky Krai: brief encyclopedic handbook]. Vladivostok, 1997. 594 p. ISBN 5-7444-0617-4. (In Russ.).
4. История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. 5. Мирный договор / под ред. Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки [и др.]; пер. с японского Б. В. Раскина; под ред. Б. В. Поспелова. Москва: Изд-во Иностранной литературы, 1958. 507 с.
Istoriya voyny na Tikhom okeane. V 5 t. T. 5. Mirnyy dogovor [History of the War in the Pacific Ocean. In 5 vols. Vol. 5. Peace Treaty] / Ed. by Usami Seydziro, Eguti Bokuro, Toyama Sigeki [et al.]; trans. from Japanese by B. V. Raskin; ed. by B. V. Pospelov. Moscow, 1958. 507 p. (In Russ.).
5. Жадан А. В. Органы внутренних дел Приморского края в 1941—1945 годах: исторический опыт организации и деятельности: моногр. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2020. 209 с. ISBN 978-5-9753-0293-9. EDN: TLLOBE.
Zhadan A. V. Organy vnutrennikh del Primorskogo kraya v 1941—1945 godakh: istoricheskiy opyt organizatsii i deyatel'nosti: monografiya [Internal Affairs bodies of Primorsky Krai in 1941—1945: historical experience of organization and activities]. Khabarovsk, 2020. 209 p. ISBN 978-5-9753-0293-9. EDN: TLLOBE. (In Russ.).
6. Жадан А. В. НКВД в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке (1941—1945 гг.): моногр. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2023. 179 с. ISBN 978-5-7444-5486-9. EDN: VIPOUE.
Zhadan A. V. NKVD v bor'be s prestupnost'yu na Dal'nem Vostoke (1941—1945 gg.) [The People's Commissariat for Internal Affairs in the fight against crime in the Far East (1941—1945)]. Vladivostok, 2023. 179 p. ISBN 978-5-7444-5486-9. EDN: VIPOUE. (In Russ.).
7. Путь к Победе. Органы и войска НКВД в Великой Отечественной войне: моногр. Москва: Академия управления МВД России, 2025. Т. 1. 416 с.
Put' k Pobede. Organy i voyska NKVD v Velikoy Otechestvennoy voyne: monogr. [Path to Victory. Bodies and Troops of the People's Commissariat for Internal Affairs in the Great Patriotic War]. Moscow, 2025. Vol. 1. 416 p. (In Russ.).
8. Ляскина Н. В. Роль трудовых воспитательных колоний в борьбе с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (региональный аспект) // Клио. 2021. № 1 (169). С. 95—104. EDN: JMTPPK.
Lyaskina N. V. Rol' trudovykh vospitatel'nykh koloniy v bor'be s besprizornost'yu i prestupnost'yu nesovershennoletnikh

v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (regional'nyy aspekt) [The role of labor educational colonies in the fight against homelessness and juvenile delinquency during the Great Patriotic War (regional aspect)] // *Klio*. 2021. No. 1 (169). P. 95–104. EDN: JMTPPK. (In Russ.).

9. Шабельникова Н. А., Беляева Н. А. Деятельность правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России в ракурсе современных научных исследований // *Клио*. 2023. № 7 (199). С. 29–38. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_07_29. EDN: DYGNBK.

Shabelnikova N. A., Belyayeva N. A. Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov i spetssluzhzb na Dal'nem Vostoke Rossii v rakurse sovremennykh nauchnykh issledovaniy [The activities of law enforcement agencies and special services in the Russian far East from the perspective of modern domestic research] // *Klio*. 2023. No. 7 (199). P. 29–38. DOI: 10.51676/2070-9773_2023_07_29. EDN: DYGNBK. (In Russ.).

10. Отдел оперативного учета специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления МВД России по Амурской области. Ф. 59. Оп. 1. Д. 62. Л. 38.

Otdel operativnogo ucheta spetsial'nykh fondov i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy Informatsionnogo tsentra Upravleniya MVD Rossii po Amurskoy oblasti [Division of operational accounting for special funds and rehabilitation of victims of political repression of the Information Center of the Department of MIA of the Amur region]. File: 59/1/62/38. (In Russ.).

11. Отдел оперативного учета специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления МВД России по Амурской области. Ф. 59. Оп. 1. Д. 64. Л. 25.

Otdel operativnogo ucheta spetsial'nykh fondov i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy Informatsionnogo tsentra Upravleniya MVD Rossii po Amurskoy oblasti [Division of operational accounting for special funds and rehabilitation of victims of political repression of the Information Center of the Department of MIA of the Amur region]. File: 59/1/64/25. (In Russ.).

12. Приумножая традиции. Дальневосточному юридическому институту России — 100 лет / под ред. А. В. Рябцева. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2021. 416 с. С. 44–45.

Prumnozhayaya traditsii. Dal'nevostochnomu yuridicheskomu institutu Rossii — 100 let [Multiplying Traditions. The Far Eastern Law Institute of Russia is 100 years] / Ed. by A. V. Ryabtsev. Khabarovsk, 2021. 416 p. (In Russ.).

13. Отдел оперативного учета специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления МВД России по Амурской области. Ф. 59. Оп. 1. Д. 49. Л. 17–19.

Otdel operativnogo ucheta spetsial'nykh fondov i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy Informatsionnogo tsentra Upravleniya MVD Rossii po Amurskoy oblasti [Division of operational accounting for special funds and rehabilitation of victims of political repression of the Information Center of the Department of MIA of the Amur region]. File: 59/1/49/17–19. (In Russ.).

14. Отдел оперативного учета специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления МВД России по Амурской области. Ф. 59. Оп. 1. Д. 69. Л. 45.

Otdel operativnogo ucheta spetsial'nykh fondov i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy Informatsionnogo tsentra Upravleniya MVD Rossii po Amurskoy oblasti [Division of operational accounting for special funds and rehabilitation of victims of political repression of the Information Center of the Department of MIA of the Amur region]. File: 59/1/69/45. (In Russ.).

15. Музей УМВД по Амурской области. Документальный фонд.

Muзей UMVD po Amurskoy oblasti Dokumental'nyy fond [Museum of the Department of MIA of the Amur region. Documentary collection]. (In Russ.).

16. Отдел оперативного учета специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления МВД России по Амурской области. Ф. 59. Оп. 1. Д. 87. Л. 14–15.

Otdel operativnogo ucheta spetsial'nykh fondov i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy Informatsionnogo tsentra Upravleniya MVD Rossii po Amurskoy oblasti [Division of operational accounting for special funds and rehabilitation of victims of political repression of the Information Center of the Department of MIA of the Amur region]. File: 59/1/87/14–15. (In Russ.).

17. Худяков П. П. Дальневосточная милиция в борьбе с детской безнадзорностью, беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2003. 76 с.

Khudyakov P. P. Dal'nevostochnaya militsiya v bor'be s detskoy beznadzornost'yu, besprizornost'yu i prestupnost'yu nesovershennoletnikh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Far Eastern militia engaged in the fight against child neglect, homelessness, and juvenile delinquency during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Khabarovsk, 2003. 76 p. (In Russ.).

18. Беломестнов Д. И. Уголовный розыск Амурской области: история и современность. Благовещенск: Изд-во «Зея», 2003. 148 с.

Belomestnov D. I. Ugolovnyy rozysk Amurskoy oblasti: istoriya i sovremennost' [Criminal Investigation Department of Amur Region: history and modernity]. Blagoveshchensk, 2003. 148 p. (In Russ.).

19. Анисимов А. Л., Платонова Н. М., Дорохов В. Ж. [и др.]. Герои Победы. Дальний Восток. Хабаровск: Форпост науки, 2020. 224 с.

Anisimov A. L., Platonova N. M., Dorokhov V. Zh. [et al.]. Geroi Pobedy. Dal'niy Vostok [Heroes of Victory. Far East]. Khabarovsk, 2020. 224 p. (In Russ.).

20. Овчинников А. И. Навечно в памяти. Амурская милиция на страже правопорядка. Благовещенск: Изд-во «Зея», 2002. 123 с.

Ovchinnikov A. I. Navechno v pamyati. Amurskaya militsiya na strazhe pravoporyadka [Forever in memory. Amur police in guarding law and order]. Blagoveshchensk, 2002. 123 p. (In Russ.).

ШАБЕЛЬНИКОВА Наталья Алексеевна, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, г. Владивосток; полковник полиции, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации. SPIN-код: 6636-5032
AuthorID (РИНЦ): 476170
Адрес для переписки: nhistorik@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 13.09.2025; одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 06.10.2025.

SHABELNIKOVA Natalya Alekseevna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of

the Humanities Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vladivostok Branch), Vladivostok; Police Colonel, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.
SPIN-code: 6636-5032
AuthorID (RSCI): 476170
Correspondence address: nhistorik@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 13.09.2025; approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 06.10.2025.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (АНАЛИЗ ОПЫТА 65-Й ГВАРДЕЙСКОЙ РИЖСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ СИБИРЯКОВ)

Н. В. Лидер

Омский автобронетанковый инженерный институт,
Россия, 644098, г. Омск, 14-й Военный городок, 119

В статье исследуется работа политотдела 65-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии сибиряков в годы Великой Отечественной войны. На основе делопроизводства политотдела дивизии и воспоминаний ее ветеранов выявляются и детально анализируются формы и методы партийно-политической работы. Исследование выполнено на основе антропологического подхода с использованием системного, сравнительного и биографического методов. Автор приходит к выводу об актуальности военного опыта советской партийно-политической работы для организации современной военно-политической работы.

Ключевые слова: РККА, Великая Отечественная война, 65-я гвардейская Рижская стрелковая дивизия сибиряков, партийно-политическая работа, военно-политическая работа, политработники.

Для цитирования: Лидер Н. В. Формы и методы партийно-политической работы в Красной армии в годы Великой Отечественной войны (анализ опыта 65-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии сибиряков) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 56–63. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-56-63. EDN: WSCENY.

© Лидер Н. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

FORMS AND METHODS OF PARTY AND POLITICAL WORK IN THE RED ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE 65TH GUARDS RIGA RIFLE DIVISION OF SIBERIANS)

N. V. Lider

Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Russia, Omsk, 14th Voyennyy gorodok, 119, 644098

The article examines the work of the political department of the 65th guards Riga Rifle Division of Siberians during the Great Patriotic War. Based on the records of the division's political department and the memoirs of its veterans, the forms and methods of party-political work are identified and analyzed in detail. The study is based on an anthropological approach using systemic, comparative and biographical methods. The author comes to the conclusion about the relevance of the military experience of Soviet party-political work for the organization of modern military-political work.

Keywords: Red Army, Great Patriotic War, 65th guards Riga Rifle Division of Siberians, party-political work, military-political work, political workers.

For citation: Lider N. V. Forms and methods of party and political work in the Red Army during the Great Patriotic War (analysis of the experience of the 65th guards Riga rifle division of Siberians). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 56–63. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-56-63. EDN: WSCENY.

Введение

С началом специальной военной операции на Украине возросло внимание к историческому опыту Великой Отечественной войны. Особое внимание заслуживает проблема организации и проведения военно-политической работы в войсках. С развалом Советского Союза исчез институт политработников как таковой. Накопленный, проверенный десятилетиями опыт партийно-политической работы был забыт, практически вычеркнут из подготовки личного состава вооруженных сил. Современные события на Украине, да и в мире в целом, показали, что основные направления политической работы надо не просто возрождать, а организовывать ее на новом уровне, с учетом вызовов времени, новых технических возможностей, личностных характеристик молодых людей. Создание в 2018 г. Главного военно-политического управления ВС РФ до сих пор в должной мере не изменило текущее положение вещей. И это в условиях масштабной информационно-психологической войны, которую ведут наши многочисленные противники, стремясь деморализовать и российский народ в целом, и наши вооруженные силы в частности. Распоряжения Главного военно-политического управления ВС РФ на местах практически некому исполнять, одного энтузиазма и сознательности воюющих офицеров для выполнения этой работы точно недостаточно. Должно измениться само отношение к этой работе, не должно быть никаких формальностей, «ради галочки». Только серьезное отношение, понимание значимости и конечной цели данной работы и подготовка квалифицированных, идейно заряженных исполнителей. Советский же опыт партийно-политической работы должен стать фундаментом. Его надо изучать и, по необходимости, перестраивать с учетом современных реалий.

Актуальность данной статьи определяется еще и тем, что подавляющая часть научных работ, написанных по этой проблеме, относится к советскому периоду [1–3], а это значит под влиянием коммунистической идеологии, серьезной цензуры. Партийно-политическая работа и ее отдельные аспекты освещались в книгах, журналах, мемуарах политработников и военачальников. Сегодня же исследователи очень мало обращаются к изучению данной темы. Причины этого следующие: во-первых, недооценка актуальности изучения советского опыта партийно-политической работы в вооруженных силах; во-вторых, недостаток источниковой базы (многие документы до сих пор под грифом секретности). В-третьих, как нам кажется, отсутствие государственного заказа, что сказалось не только на дефиците серьезных обобщающих трудов, написанных с учетом современных научных подходов и более широкой источниковедческой базы, но и методической литературы с практикой новых наработок на основе богатейшего советского опыта. Такие исследования должны «проводиться на стыке исторической и педагогической наук. В исторической части для решения этой задачи видится перспективным использование познавательных возможностей микроистории. Советский исторический опыт партийно-политической работы в современных условиях может быть полезен при проведении военно-политической работы» [4].

В статье мы раскроем опыт партийно-политической работы политотдела 65-й гвардейской стрелковой Рижской дивизии в годы Великой Отечественной войны. Дивизия была создана в апре-

ле 1943 г. из двух отдельных Сталинских добровольческих стрелковых бригад, рожденных летом 1942 г. в Сибири: 75-я Омская [5–8] и 78-я Красноярская бригады. Она прошла долгий и тяжелый путь в составе 19-го гвардейского Сталинского Сибирского стрелкового корпуса: сражалась под Ельней и Великими Луками, участвовала в Режицко-Двинской, Лубанско-Мадонской и Рижской наступательных операциях, в блокаде Курляндской группировки противника. Расформирована дивизия была в марте-апреле 1947 г. За годы войны 65-я Гвардейская Рижская стрелковая дивизия сибиряков накопила большой опыт партийно-политической работы с разными категориями военнослужащих [9]. Уже существуют статьи, посвященные отдельным аспектам опыта партийно-политической работы в воинском соединении с оценками адаптации его к современным условиям военной службы [10–12]. Однако системно основные формы и методы этой работы не выделены и не проанализированы. Это и является целью данного исследования.

Основная часть

Содержание, формы и методы партийно-политической работы в ходе войны менялись. И если содержание зависело, в первую очередь, от меняющейся военно-политической обстановки, соответственно, и от целей, задач, которые ставили партия и правительство, а также от характера боевых задач, то применение форм и методов зависело еще и от вида боевой деятельности армии. Например, формы и методы политико-воспитательной работы в то время, когда войска находились в обороне, были более разнообразны и длительнее по времени, нежели когда дивизия наступала. Центральный комитет партии требовал от субъектов (военных советов, политорганов, партийных и комсомольских организаций) не только применение всех форм этой работы, но и ее непрерывность: «В политической работе на фронте не должно быть никаких пауз, ее нужно вести и в период боя, и по окончании боя, и в период подготовки к нему. Особенно в моменты встреч с противником, когда от бойца требуется наибольшее напряжение сил и воли» [13, с. 182], — настаивало Главное политуправление РККА.

Анализ источников показывает, что большая часть партийно-политической работы проводилась с использованием устных форм воздействия. Среди них, пожалуй, самыми многочисленными, эффективными, особенно в боевых условиях, стали групповые и индивидуальные беседы. Их проводили командиры, политработники, партийный и комсомольский актив, взводные агитаторы, причем в самых различных условиях: в землянке, в блиндаже, на ночлеге, в перерыве между боями и т. д. Изучение опыта 65-й Гвардейской стрелковой Рижской дивизии показывает, что тематика бесед была разнообразной. На учебных полях перед боями проводились сотни бесед на темы: обязанности бойца в наступлении; как ему лучше использовать в бою свое оружие; как бороться с немецкими танками и самоходными орудиями; как надо оккупываться, маскироваться и т. д. [14, л. 36]. Часто беседы организовывались для разъяснения приказов и докладов Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина [15, л. 92–94; 16, л. 9–10, 22–23], обращений военных советов к войскам, сводок Совинформбюро. Большое значение имели и просто задушевные беседы на разные темы, в том числе и личного характера.

Эффективность групповых и индивидуальных бесед могла быть очень высокой. Как правило, накануне штурма вражеской обороны коммунисты и комсомольцы беседовали по душам с бойцами и командирами, выслушивали и сами делились сокровенными чувствами и мыслями, многие затем писали записки, которые вкладывали в партийные и комсомольские билеты. Вот одна такая записка: «Скоро взовьется ракета, и начнется атака. Вступая в бой, я клянусь, что буду биться с немцами до последнего дыхания, пока руки мои не перестанут держать автомат. Если придется погибнуть, знайте, боевые друзья, что сибиряк Григорий Звягинцев отдал свою жизнь за партию, за Сталина, за счастливую жизнь своей семьи. Гвардии рядовой Григорий Звягинцев» [14, л. 61]. Приведем еще один пример организации и проведения бесед, на этот раз по доведению сводок Совинформбюро. Первый стрелковый батальон 259-го гвардейского стрелкового полка несколько дней участвовал в интенсивных боях, занимая позиции в отрыве от полка, и связь с ним поддерживал только по радио. Парторг этого батальона гвардии старший лейтенант Махов в самых трудных условиях ежедневно доводил до бойцов сводку положения на фронтах. Так, однажды, когда бой с наступлением темноты стих и бойцы приступили к ужину, Мохов стал рассказывать им сводку. Он привез с собой карту и при свете коптилки показал, на каких фронтах успешно продвигаются советские войска вперед и какие города уже заняли. Также Махов разъяснил значение этих побед и показал им связь с действиями своего батальона. Смысл его беседы сводился к следующему: сводка пишется руками бойцов Красной Армии, и поэтому от каждого из нас зависит, что в ней будет написано. Войска украинских фронтов быстро продвигаются на запад, надо и нам быстрее гнать противника с советской земли» [14, л. 68]. Утром бойцы первого стрелкового батальона 259-го гвардейского стрелкового полка снова пошли в бой и штурмом овладели населенным пунктом Пилизнэки.

Проведение индивидуальных и групповых бесед способствовало воспитанию у личного состава стойкости в обороне. Так, командир 4-й стрелковой роты 259-го гвардейского стрелкового полка гвардии лейтенант Коллегов рассказывал своим бойцам о традициях своей роты, традициях сибиряков, подвиге 28 героев-панфиловцев. Комсомольский организатор (комсорг) батальона гвардии лейтенант Гамеза рассказывал комсомольцам о героической дивизии Л. Н. Гуртьева¹, оборонявшей Сталинград. Коммунист 257-го гвардейского стрелкового полка гвардии сержант Покатилов в своей роте провел беседу о требованиях приказа И. В. Сталина «Ни шагу назад» [14, л. 111].

Результат бесед во многом зависел от профессионализма, личности того, кто их проводил. О чем говорить, как найти путь к сердцу солдата и офицера? Можно, конечно, пересказать приказ Сталина, много говорить о том, как победить фашизм и думать, что с поставленной задачей справился. Но услышат ли бойцы? Сумеет ли комсорг, политрук, замполит внушить твердость, уверенность, боевую храбрость? Вот тут важно понимать, чем живет личный состав, находить индивидуальный подход. Приведем отрывок из воспоминаний Б. Н. Янковского, который был заместителем командира по политической части отдельного стрелкового батальона. «Во время одного из посещений рот

3-го отдельного стрелкового батальона в период перед боями я стал невольным свидетелем разговора нескольких солдат:

— На одном сухом пайке сидим...

— Кухню-то разбомбили, варить, значит, не в чем... И насчет курева дело дрянь... Всякие мысли тут лезут — и о доме, семье...

— Почту-то не разбомбили, а писем нет! Эх!..

Подхожу ближе, подсаживаюсь. Солдаты в раз смолкают.

— Вот, — говорю, — воевал я в Гражданскую. Всякое бывало: и взгрустнется, и чего-то на душе неладно. Завернешь с досады цигарку — сразу веселее станет...

— Третий день без курева сидим...

— А газетка найдется?

Из пустых кисетов несколько рук сразу вытаскивают сложенные для курения потертые газетные листы. Закуриваем.

— Вроде как бы полегчало, — произносит один солдат.

Он пускает вверх длинную струю табачного дыма, ... потом внезапно добавляет: вам, начальству, дают, поди, без отказа — сколько хочешь кури...

Я утверждаю, что паек для всех одинаков, но я мало выкуриваю, оттого всегда при махорке и других угощаю. Больше половины своего запаса охотно раздаю солдатам. Вместе вспоминаем Сибирь, родной Иртыш, толкуем о предстоящих боях. Информировать о положении на фронтах по сводкам Совинформбюро, о боевых эпизодах, переданных по радио и опубликованных в газетах. Прощаясь, один солдат мне вручает конверт-треугольник, просит передать на полевую почту. Через несколько дней на КП (командный пункт) со мной здоровается незнакомый солдат:

— Не признаете?

Оказывается, он один из той группы солдат, которых я угощал табаком. После моего ухода рота получила письма и махорку. Солдаты вспоминают о моем приходе и просят зайти еще, душевно побеседовать.

— А горячую пищу получаете?

— Со вчерашнего дня кухня работает. Вы послали?

— Передали вам штабную [19, с. 373–375].

Этот пример ярко демонстрирует работу инструктора. Если хотите достучаться до сердца, души бойца, то должны быть внимательны к нему, к его заботам, положению. Быть готовым помочь. И тогда любая беседа с ними будет достигать цели, т. к. они будут уважать собеседника и доверять ему. И махорка, думаем, не случайно у Янковского всегда была с собой, так как использовалась как средство для того, чтобы расположить к себе собеседника, завязать душевную беседу.

Среди многочисленных видов партийно-политической работы в годы войны важное место занимала политическая информация. Политруки, агитаторы проводили ее в землянках, окопах, у орудий, самолетов и т. д. До бойцов доводились приказы, сводки, положение на фронтах и в тылу, боевые успехи своего соединения и соседних и т. д.

Политинформации «помогали постоянно держать рядовой и сержантский состав в курсе всех важнейших событий в жизни нашей страны и за рубежом, помогали им правильно ориентироваться в обстановке и понимать сущность политики нашей партии и советского правительства» [14, л. 42], — вспоминает начальник политотдела

65-й гвардейской стрелковой Рижской дивизии гвардии полковник Ф. Я. Макаров. Политинформации в дивизии проводились поротно, ежедневно утром по 30 минут. Чаще всего проводили их командиры рот. Часто с политинформациями выступали парторги и комсорги рот, наиболее подготовленные коммунисты-агитаторы, а по особо важным вопросам — заместители командиров по политчасти, агитаторы, парторги и комсорги полков, работники политотдела дивизии. Проводились они, как правило, в форме бесед и лекций с личным составом.

Темы политинформаций определялись командирами рот, а по особо важным событиям — замполитами частей. Так, в 255-м гвардейском стрелковом полку в июне 1944 г., когда дивизия стояла под Новоржевом и усиленно готовилась к наступлению, проводились политинформации по таким темам: «Успехи Красной армии на фронтах Отечественной войны и наши задачи», «Героический труд советских людей в тылу», «Укрепление антигитлеровской коалиции и распад фашистского блока», «О зверствах немцев в Новоржевском районе», «О состоянии дисциплины», «О сбережении и применении личного оружия в бою» и т. д. [14, л. 43]. То есть, как видим, тематика полностью соответствовала боевым задачам, которые предстояло решить дивизии в наступлении.

Конечно, были недостатки в организации и проведении политинформации: не всегда удачно были подобраны темы, материал излагался плохо и т. п. Однако нельзя отрицать, что этот вид работы был действенным, уделялось внимание его организации, продумыванию тематики, широко использовались факты из жизни подразделений, письма. В результате политинформация стала достаточно сильным средством мобилизации личного состава на выполнение боевых задач.

Одной из эффективных форм политико-массовой работы, которую вели политорганы, были митинги личного состава. Они проводились перед боевыми операциями и в перерывах между боями. Например, перед выходом на исходное положение во всех частях и подразделениях 65-й гвардейской стрелковой дивизии, как правило, проводились 10–15-минутные митинги, посвященные приказу о наступлении. Перед боем в районе Лауеши в 259-м гвардейском стрелковом полку были проведены митинги побатальонно. На одном из них выступил гвардии полковник Ф. Я. Макаров — начальник политотдела дивизии. Следом за ним выступили еще три гвардейца. Гвардии рядовой А. М. Бобриков сказал на митинге: «Мне, товарищи, уже 48 лет. Второй раз приходится воевать с проклятыми немцами. На занятиях я не отставал от молодежи. Заверяю вас, друзья, что и в бою не отстану от передовых. Я, старый солдат, призываю вас всех в предстоящем бою во всю силу показать, что из себя представляет русский человек, что такое сталинский гвардеец!» [14, л. 59].

В марте 1944 г. дивизия вела упорные бои в Калининской области. Неожиданно прибыл приказ передвинуться по фронту на 4 км левее. Времени на это отводилось 2 часа. Когда батальоны втянулись в лес, замполиты полков решили воспользоваться такой паузой и вручить ордена и медали отличившимся бойцам. На узких тропках и полянах были проведены короткие митинги, на которых 117 воинов перед строем получили награды, выслушали поздравления и пожелания дальнейших успехов от политработников. Несмотря на предсто-

ящий бой, участники митинга испытывали чувства бодрости и радости. Через час батальоны перешли в наступление и с честью выполнили поставленные задачи [14, л. 93].

Активно митинги использовались для воспитания ненависти к врагу. Их называли «митинги мести». Главным источником ненависти были конкретные факты зверств врага в отношении советских людей. Так, в сентябре 1943 г. части дивизии вышли к местечку Ляды, которое находилось на границе Смоленской области и Белорусской ССР. В деревне Кисели бойцы увидели 7 трупов. В лужах запекшейся крови лежали ниц пожилые женщины-колхозницы. Отступая, немцы разграбили и сожгли деревню, все население угнали с собой, а 7 женщин, которые не захотели уходить, расстреляли из автоматов. К этому месту все больше подходило бойцов. Парторг 3-й роты 255-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант Челноков обратился к присутствующим с такими словами: «Видите, ребята, матерей постреляли... Ну, проклятые убийцы, мы сторицей отомстим вам за эту безвинную кровь! Скоро мы снова вступим в бой. Так бейте же, товарищи, немцев без всякого милосердия!». Так стихийно возник митинг, на котором еще выступили четыре бойца. После митинга агитатор полка составил акт о зверствах немцев в деревне и к вечеру зачитал его в ротах всем бойцам [14, л. 44–45].

Таким образом, чаще всего, в условиях войны, митинги созывались оперативно, но и тогда их старались тщательно готовить. Политработники подбирали лучших бойцов и командиров, которые бы выступили ярко, эмоционально, сплотив и воодушевив личный состав на выполнение поставленной задачи.

Во время подготовки к боям в частях дивизии систематически организовывались также лекции и доклады на военно-политические темы. Читались они для всех категорий — для офицеров, сержантов, рядовых, медработников, хозяйственников, ординарцев и т. д. В этой работе активно участвовали не только политические работники, но и строевые командиры. За 30 месяцев пребывания дивизии на фронте в ее частях было прочитано более 2700 лекций и докладов. Из них работники политотдела прочли 408, замполиты четырех полков — 167, агитаторы полков — 340, строевые командиры — 374 [14, л. 48–49].

При политотделе дивизии была создана лекторская группа, которая организовывала всю работу. В ее состав входило 8–14 человек. Это были наиболее подготовленные в военном и политическом отношении офицеры — командир дивизии, начальник штаба, начальник политотдела, агитаторы полков, отдельные командиры полков и их заместители по политчасти.

Темы лекций и докладов были самые разнообразные. Приведем в качестве примера несколько тем из сохранившегося дневника агитатора одного из полков дивизии: «Задачи воинского воспитания молодежи», «Дисциплина — основа организации Красной армии», «Работа среди войск противника и задачи рупористов», «Итоги двух лет Отечественной войны Советского Союза», «Как готовиться и проводить беседу с бойцами», «Исторические корни германской агрессии», «О трех особенностях Красной армии», «О задачах редакторов боевых листов в наступлении», «Как работает советский тыл», Исторические победы Красной армии и наши

задачи», «О чести советского офицера», «Окружить вниманием и заботой бойца», «О пропаганде в бою», «Знамя — святыня части» и т.д. [14, л. 49–52]. Всего в дневнике было 78 тем. Анализ документа показал, что большая часть лекций и докладов была посвящена воспитанию мужества, стойкости бойцов, пониманию целей войны и политической обстановки в мире. Так же широко представлена тематика методического характера для политработников и их помощников. Наш интерес привлекла лекция «Латвия, ее прошлое и настоящее», которая, по всей видимости, была прочитана, когда дивизия вошла в Прибалтику. Этой же проблеме была посвящена большая статья в дивизионной газете «Гвардеец» в разделе «В помощь агитатору» под названием «За свободную Советскую Латвию» [20, л. 76]. В статье рассказывалось об истории создания Советской Латвии, особенностях ее экономического и политического развития. О героической борьбе латвийского народа с немецкими захватчиками. И призыв к воинам дивизии помочь республике в ее борьбе за освобождение. Как нам кажется, это хороший и действенный способ мобилизовать личный состав на выполнение боевых задач, на территории, где кроме основного противника приходилось иметь дело и с врагом в тылу, т. к. население этой территории подверглось воздействию военно-фашистских националистических организаций.

Конечно, бывало и так, что в силу нехватки времени, отсутствия необходимой литературы, а также недостаточной подготовленности политработников и командиров были лекции и доклады, которые готовились и проводились не на должном уровне. Но в целом лекционная работа сыграла заметную роль в воспитании личного состава.

Беседы, лекции в партийно-политической работе могли выступать не только как формы работы, но и как методы при проведении митингов, политической информации, семинаров и собраний.

Еще одной эффективной формой работы были встречи бойцов с ветеранами дивизии. Такие встречи могли проходить, например, во время тактических занятий и на учениях. Ценность таких встреч была в том, что ветераны-гвардейцы делились своим боевым опытом, рассказывали молодежи, как надо ходить в атаку, как действовать в немецкой траншее и т. д. Постоянными были встречи ветеранов с пополнением, даже проводились вечера воспоминаний участников Первой мировой войны о героических действиях сибирских дивизий и корпусов на полях Восточной Пруссии и Галиции в 1914 и 1916 гг. [14, л. 38].

Большую роль в укреплении связи фронта и тыла играли встречи бойцов с земляками из Омска и Красноярска. За время войны в дивизию семь раз приезжали делегации сибиряков. Политотдел старался использовать это для проведения политико-воспитательной работы. Так было, например, в конце 1943 г. В гости приехала делегация из 9 человек из Омска. Гости были желанными. Они выступили с докладами почти во всех подразделениях дивизии, где рассказывали, как трудящиеся Омска помогают фронту, укрепляют тыл. Делегаты провели и душевные беседы с бойцами и командирами, вручили им от имени трудящихся подарки. Одновременно они знакомились с боевыми традициями дивизии, с героями, с боевой техникой. В свою очередь бойцы и командиры рассказали, как защищают Отечество, как воюют, живут и отдыхают на фронте [14, л. 124–125].

Одной из наиболее оперативных и эффективных видов пропаганды героизма и мобилизации личного состава на выполнение боевых задач в дивизии стали листовки «Передай по цепи». Скорее это была не столько форма работы, сколько средство пропаганды. По форме листовки были очень лаконичны. Это могло быть всего несколько слов, написанных карандашом на листке бумаги. За время Великой Отечественной войны в 65-й гвардейской стрелковой Рижской дивизии были выпущены тысячи таких листовок. Так, с 14 по 18 июня 1944 г. в 255-м гвардейском стрелковом полку было выпущено 53 листка, а в 257-м гвардейском стрелковом полку — 50 листов [11, л. 75]. Авторами листовок могли быть и командиры, и политработники. Когда во время боя передвижение было невозможно, бойцы придумали хитрый способ передать листовки — они сворачивали листок и помещали его в стреляную гильзу винтовочного патрона или патрона ПТР и лежа перебрасывали бойцу-соседу, а тот, прочитав его, перебрасывал дальше. Таким образом листовка обходила все подразделения, принимавшие участие в бою.

Приведем содержание нескольких листовок. «Сегодня комсомолец Шахрай в рукопашной схватке уничтожил 8 фрицев, пятерых взял в плен. Честь и слава герою! Гвардейцы, бейте врага по примеру гвардейца Шахрая!». «Рота гвардии лейтенанта Картавцева выбила немцев из деревни Мадерники. Товарищи, не отставайте от своих боевых друзей! Доколотим немцев в Прибалтике! Вперед к берегам Рижского залива!». Через листовки «Передай по цепи» бойцы узнавали и о том, что происходило на соседнем участке фронта: «Дорогие товарищи! Слева вы слышите сильный рокот моторов. Это на врага обрушились наши танки. Справа успешно продвигается вперед пехота соседней части. Так неужели же мы отстанем от них? Нет, этого никогда не было и не будет! Вперед, на Ельню и Смоленск!» [14, л. 76–77]. Таким образом, листовки «Передай по цепи» стали действительно эффективным, удобным, мобильным средством политической работы в сложных условиях боя.

Все рассмотренные формы и методы партийно-политической работы, несомненно, были необходимы и способствовали достижению главной цели — мобилизации армии на выполнение боевых задач. Но все же главным условием эффективности этой работы, по нашему мнению, был профессионализм политработника. Здесь не могло быть случайных людей. Анализ документов, воспоминания ветеранов дивизии дают нам представление об этих людях. Их главные качества — целеустремленность, инициативность, храбрость, умение расположить к себе людей, внимательность, наличие жизненного опыта, организаторские способности и т. д. «Редко увидишь комиссара на командном пункте. Обычно он ведет в бой самую слабую единицу — роту или батальон. Этим объясняются большие потери среди комиссаров — комиссары не только говорят о военной доблести, они ее показывают на своем примере. Обычно в части имя комиссара — символ отваги», — так описывал работу комиссаров И. Эринбург в своем очерке «По законам человечности» [21, с. 135].

Примером такого профессионала-политработника может служить биография Б. А. Янковского — заместителя командира по политчасти отдельного стрелкового батальона, редактора дивизионной газеты «Гвардеец». Отрывок из воспоминаний

Янковского, который характеризует его как хорошего профессионала, мы уже выше приводили. Исследованию его интереснейшей биографии посвящена статья А. В. Сушко и Д. И. Петина [22]. Б. А. Янковский прошел суровую школу жизни, был участником Гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны был награжден тремя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Имел литературный талант и склонность к историописанию. Сохранилась рукописная тетрадь, озаглавленная «Боевой путь 65-й Гвардейской Сталинской стрелковой дивизии сибиряков 19-го Гвардейского Сталинского стрелкового корпуса сибиряков».

А вот как описывает заместитель командира роты по политической части, секретарь редакции дивизионной газеты «Гвардеец» Б. А. Ефимов своего друга парторга С. Я. Яковлева: «Со Степаном Яковлевым нас связывала настоящая дружба... Я приносил ему табак, а он сразу же раздавал его своим «орлятам». Так, по-отцовски, называл молодых разведчиков, во взводе которых был парторгом. Старый ленинградский рабочий, коммунист Яковлев был настоящей душой взвода. Никто так не мог разжечь людей, убедить, повести за собой, как он. Солдаты заслушивались его рассказами о городе Ленина и его рабочем классе, раскатисто смеялись над его всегда уместными шутками» [23, с. 294]. Последняя встреча двух товарищей-земляков состоялась, когда Яковлев был тяжело ранен и отказывался лечь в санбат. Даже тогда он шутил. Затем притянул Ефимова к себе и прошептал: «Не уговаривай, я знаю, они сами меня просили... но как я их оставлю. Видишь?» — и он показал на самолеты со свастикой, которые кружились над лесом.

Командир санитарного взвода К. А. Побережец в своих воспоминаниях очень тепло отзывается о начальнике политотдела дивизии: «Полковник Макаров был большой души человек. Его часто мы видели в трудные минуты: когда мы продвигались пехотой на другие участки фронта, он появлялся в подразделениях и всегда подбадривал и вдохновлял, и это придавало нам силу и бодрость» [19, с. 352].

Не менее важным был вклад простых агитаторов. Взводный или ротный агитатор — это рядовой боец или сержант, коммунист или комсомолец. Он агитирует и словом, и личным примером. Прочесте статью в «Гвардейце», довести приказ или сводку Совинформбюро, объяснить международную обстановку — это дело не сложное. А вот подняться под огнем первым и увлечь за собой солдат, заменить выбывшего из строя офицера, закрепить первым флаг на высоте, отнятой у врага, — это уже не просто. Это уже агитация делом. Личный пример — самый эффективный метод воспитания. Автоматчик В. Иванов перед боем в кругу бойцов говорил: «Ваша задача — победить, а если придется умереть, — умирать с честью». В самом бою Иванов, подкравшись к немецкому дзоту, метнул в него две гранаты и крикнул: «Товарищи, дзот взорван, вперед за мной!». Когда он подбегал ко второму дзоту, пуля снайпера его сразила [19, с. 229]. Архивные документы сохранили массу таких примеров.

Заключение

Таким образом, в организации и проведении мероприятий партийно-политической работы на фронте в 65-й Гвардейской Рижской стрелко-

вой дивизии сибиряков не было перерывов. Политработники действовали в сражениях, в походах, в часы отдыха. Серьезное внимание уделялось организации этой работы даже в условиях наступления личного состава. Формы и методы этой работы были разнообразны, соответствовали той боевой обстановке, в которой находилась дивизия. Самыми распространенными были такие формы работы, как индивидуальные и групповые беседы, митинги, лекции. Менее частыми, но не менее эффективными — встречи с ветеранами, земляками.

Беседы и лекции выступали еще и как методы партийно-политической работы при проведении митингов, собраний, встреч. Большую роль играл такой метод, как наглядная демонстрация зверств врага в отношении гражданского населения, который формировал чувство ненависти у личного состава.

Особое место занимал такой вид работы, как политинформация, проходившая, как правило, в форме лекций и бесед с применением самых разнообразных методов: сообщение о событиях с использованием цитат из газет и журналов; работа с наглядностью в виде фотографий, документов; чтение статей и их комментирование и т.п. Самым массовым и быстрым способом распространения агитационно-политической информации были, конечно, листовки.

Изученные в статье формы и методы остаются актуальными и сегодня. Однако корректировке сегодня должно подвергнуться содержание политической работы. Также совершенно иные сегодня технические возможности, которые способны усовершенствовать традиционные формы политической работы и оказать влияние на появление новых, более эффективных по воздействию на современный личный состав. Но все это будет иметь результат только тогда, когда данной работой будут заниматься профессионалы при активной поддержке со стороны государства.

Примечания

¹ Гуртьев Леонтий Николаевич (1891–1943). Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Окончил Владимирское пехотное училище (1915), курсы «Выстрел» (1929). С 1919 г. — в РККА; генерал-майор (1942). Герой Советского Союза (1943 г., посмертно).

С 1936 г. служил в Омском военном училище имени М. В. Фрунзе, с 1939 г. — в должности начальника училища. В 1942 г. полковнику Гуртьеву было поручено сформировать в Омске 308-ю стрелковую дивизию. Командующий 62-й армией В. И. Чуйков дал высокую оценку боевым действиям дивизии в Сталинграде. За время боев воины дивизии отразили 117 атак, уничтожили 70 танков, 5 самолетов, истребили до десяти тысяч солдат и офицеров вермахта. Л. Н. Гуртьеву было присвоено звание «генерал-майор», позднее за сражение в Сталинграде он был награжден орденом Красного Знамени, так же как и его дивизия. Погиб 3 августа 1943 г. в бою за город Орел во время минометного обстрела, закрыв своим телом командующего 3-й армией генерала А. В. Горбатова. За мужество и храбрость указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 г. генералу Гуртьеву Л. Н. было присвоено звание Героя Советского Союза [17, 18].

Список источников / References

1. Бокарев В. П. Исторический опыт КПСС в подготовке и воспитании кадров политработников армии и флота. Москва: Воениздат, 1983. 252 с.

Bokarev V. P. Istoricheskiy opyt KPSS v podgotovke i vospitaniy kadrov politrabotnikov armii i flota [Historical experience of the CPSU in training and education of political workers of the army and navy]. Moscow, 1983. 252 p. (In Russ.).

2. Исаков П. Ф., Ильин С. К., Артамошин Ю. Н. [и др.]. Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР: Историко-теоретический очерк / под ред. А. А. Епишева. Москва: Воениздат, 1983. 344 с.

Isakov P. F., Ilin S. K., Artamoshin Yu. N. [et al.]. Ideologicheskaya rabota v Vooruzhennykh Silakh SSSR: Istoriko-teoreticheskiy ocherk [Ideological work in the Armed Forces of the USSR: Historical and theoretical essay] / Ed. by A. A. Epishev. Moscow, 1983. 344 p. (In Russ.).

3. Исаков П. Ф., Кольчев В. Г., Волков А. М. [и др.]. Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР 1918–1973 гг. Исторический очерк / под ред. А. А. Епишева. Москва: Воениздат, 1974. 366 с.

Isakov P. F., Kolychev V. G., Volkov A. M. [et al.]. Partiyno-politicheskaya rabota v Vooruzhennykh Silakh SSSR 1918–1973 gg. Istoricheskiy ocherk [Party and political work in the Armed Forces of the USSR 1918–1973. Historical essay] / Ed. by A. A. Epishev. Moscow, 1974. 366 p. (In Russ.).

4. Нагаев И. Б., Сушко А. В., Рогошков А. Г. К постановке проблемы изучения опыта партийно-политической работы в Красной армии в годы Великой Отечественной войны // The Newman in Foreign Policy. 2023. № 71 (115), vol. 2. С. 23–26.

Nagayev I. B., Sushko A. V., Rogoshkov A. G. K postanovke problemy izucheniya opyta partiyno-politicheskoy raboty v Krasnoy armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [For statement of the problem of studying the experience of party and political work in the Red army during the Great Patriotic War]. *The Newman in Foreign Policy*. 2023. No. 71 (115), vol. 2. P. 23–26. (In Russ.).

5. Анфертьев И. А. Омскими историками и архивистами издан труд о боевом пути 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 945–952. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-945-952. EDN: ALCLIN.

Anferteyev I. A. Omskimi istorikami i arkhivistami izdan trud o boyevom puti 75-y Stalinskoy dobrovol'cheskoy otdel'noy strelkovoy brigady omichey-sibiryakov [Omsk historians and archivists have published a work on the 75th Stalin volunteer independent rifle brigade of Omsk Siberians]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2023. No. 3. P. 945–952. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-945-952. EDN: ALCLIN. (In Russ.).

6. Ростов Н. Д., Петин Д. И. Памяти славных: рецензия на сборник документов «Рождённая в Черёмушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков» // Вестник Омского университета. Серия. «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 3 (39). С. 188–194. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(3).188-194. EDN: VIVTPH.

Rostov N. D., Petin D. I. Pamyati slavykh: retsenziya na sbornik dokumentov «Rozhdennaya v Cheremushkakh: 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov» [In memory of the glorious: a review of the collection of documents "Born in Cheryomushki: the 75th named after Stalin separate volunteer rifle brigade of Omsk-Siberians"]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskiye nauki". Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2023. Vol. 10, no. 3 (39). P. 188–194. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(3).188-194. EDN: VIVTPH. (In Russ.).

7. Сушко А. В. Комплектование личным составом 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса на примере 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков. 1942 г. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 378–388. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389. EDN: ELMINE.

Sushko A. V. Komplektovaniye lichnym sostavom 6-go Stalinskogo Sibirskogo dobrovol'cheskogo strelkovogo korpusa

na primere 75-y Stalinskoy dobrovol'cheskoy otdel'noy strelkovoy brigady omichey-sibiryakov. 1942 g. [The problem of manning the 6th Stalin's Siberian volunteer rifle corps on the example of the 75th Stalin's separate volunteer rifle brigade of Omsk-Siberians (1942)]. *Vestnik arkhivista. Herald of an Archivist*. 2023. No. 2. P. 378–388. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-2-378-389. EDN: ELMINE. (In Russ.).

8. Сушко А. В., Нагаев И. Б. 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков: историописание и коммеморация // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 563–580. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.3. EDN: UDUOOF.

Sushko A. V., Nagayev I. B. 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov: istoriopisaniye i kommomoratsiya [75th Stalin Volunteer Separate Infantry Brigade of Omsk Siberians: History and Commemoration]. *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2022. Vol. 12, no. 3. P. 563–580. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.3. EDN: UDUOOF. (In Russ.).

9. Сушко А. В., Рыжих Н. Д. «Опыт партийно-политической работы в годы Отечественной войны (1942–1945 гг.): источниковедческий анализ документа, подготовленного политотделом 65-й гвардейской Рижской стрелковой дивизии // Сибирский архив. 2022. № 11. С. 65–68.

Sushko A. V., Ryzhikh N. D. «Opyt partiyno-politicheskoy raboty v gody Otechestvennoy voyny (1942–1945 gg.): istochnikovedcheskiy analiz dokumenta, podgotovlennogo politotdelom 65-y gvardeyskoy Rzhzskoy strelkovoy divizii ["The experience of party political work during the Patriotic War (1942–1945)": source study analysis of the document prepared by the political department of the 65th Guards Riga Rifle Division]. *Sibirskiy arkhiv. Siberian Archive*. 2022. No. 1 (11). P. 197–213. EDN: XBNPSR. (In Russ.).

10. Сушко А. В. Опыт партийно-политической работы по формированию моральных качеств советского гвардейца в годы Великой Отечественной войны // Наука и военная безопасность. 2024. № 3 (38). С. 84–92. EDN: QTTWZQ.

Sushko A. V. Opyt partiyno-politicheskoy raboty po formirovaniyu moral'nykh kachestv sovetskogo gvardeytza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Experience of party and political work in the formation of moral qualities of the soviet guardsman during the Great Patriotic War]. *Nauka i Voyennaya Bezopasnost'*. 2024. No. 3 (38). P. 84–92. EDN: QTTWZQ. (In Russ.).

11. Сушко А. В. Историческая основа воспитания гордости за принадлежность к сибирским соединениям в годы Великой Отечественной войны // Наука и военная безопасность. 2024. № 4 (39). С. 70–78. EDN: OSCWSL.

Sushko A. V. Istoricheskaya osnova vospitaniya gordosti za prinaladzhnost' k sibirskim soyedineniyam v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Historical basis for cultivating pride in belonging to Siberian units during the Great Patriotic War]. *Nauka i Voyennaya Bezopasnost'*. 2024. No. 4 (39). P. 70–78. EDN: OSCWSL. (In Russ.).

12. Сушко А. В. «... Звания бригады не посрамит и будет так драться с проклятым врагом, чтобы стать гвардейцами». Из опыта работы командного состава 65-й гвардейской стрелковой дивизии по формированию моральных качеств советского гвардейца в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2025. № 5. С. 90–95.

Sushko A. V. «... Zvaniya brigady ne posramit i budet tak drat'sya s proklyatym vragom, chtoby stat' gvardeytсами». Iz opyta raboty komandnogo sostava 65-y gvardeyskoy strelkovoy divizii po formirovaniyu moral'nykh kachestv sovetskogo gvardeytza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny ["...Will never dishonor the rank of the brigade, and will fight the enemy in such a way so become guardsmen". From the experience of the command staff of the 65th Guards Rifle Division on the formation of moral qualities of the Soviet guardsman during the Great Patriotic War]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal. Military History Journal*. 2025. No. 5. P. 90–95. (In Russ.).

13. Киселев А. Д., Глазачев В. А., Глазунов П. М. [и др.]. Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 / под ред. Г. В. Средин. Москва: Воениздат, 1985. 270 с.
Kiselev A. D., Glazachev V. A., Glazunov P. M. [et al.]. Ideologicheskaya rabota KPSS v deystvuyushchey armii 1941–1945 [Ideological work of the CPSU in the active army 1941–1945] / Ed. by G. V. Sredin. Moscow, 1985. 270 p. (In Russ.).
14. Исторический архив Омской области. Ф. П-9688. Оп. 1. Д. 6.
Istoricheskiy arkhiv Omskoj oblasti [Historical Archive of Omsk Region]. File: П-9688/1/6. (In Russ.).
15. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 920265. Д. 6.
Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (TsAMO RF) [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (CAMD RF)]. File: 32/920265/6. (In Russ.).
16. ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 8.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 32/920265/8. (In Russ.).
17. Колесников А. Д. Честь и слава. Сибиряки в решающих битвах Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Омск: Омское книжное издательство, 2005. 205 с.
Kolesnikov A. D. Chest' i slava. Sibiryaki v reshayushchikh bitvakh Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1945 gg. [Honor and glory. Siberians in the decisive battles of the Great Patriotic War, 1941–1945]. Omsk, 2005. 205 p. (In Russ.).
18. Абинякин Р. М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записи Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4. С. 47–52. EDN: RDPZLN.
Abinyakin R. M. Nastroyeniya byvshikh ofitserov na sluzhbe RKKA v 1920–1930-e gg. [The mood of former officers in the service of the Red Army in the 1920-1930s]. Uchenyye zapisi Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki». *Scientific Notes of Orel State University. Series "Humanities and Social Sciences"*. 2013. No. 4. P. 47–52. EDN: RDPZLN. (In Russ.).
19. Рожденная в Черемушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков. Сборник документов / науч. ред. А. В. Сушко; авторы-составители: К. Э. Безродный, Т. В. Каиндина, А. В. Сушко. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2022. 420 с.
Rozhdennaya v Cheremushkakh: 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov. Sbornik dokumentov [Born in Cheryomushki: 75th Stalinist volunteer separate rifle brigade of Omsk Siberians. Collection of documents] / Ed. by A. V. Sushko, compiled by K. E. Bezrodnyy, T. V. Kaindina, A. V. Sushko. Omsk, 2022. 420 p. (In Russ.).
20. ЦАМО РФ. Ф. 1880. Оп. 2. Д. 20.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 1880/2/20. (In Russ.).
21. Комиссары на линии огня 1941–1945. На земле / сост. Г. М. Миронов; под общ. ред. Б. Костюковского. Москва: Политиздат, 1984. 431 с.
Komissary na linii ognya 1941–1945. Na zemle [Commissars on the line of fire in 1941–1945. On the ground] / Compiled by G. M. Mironov; ed. by B. Kostyukovskiy. Moscow, 1984. 431 p. (In Russ.).
22. Сушко А. В., Петин Д. И. Чекист, фронтовик, публицист: к биографии Бориса Антоновича Янковского // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 142–148. DOI: 10.17223/15617793/480/17. EDN: ELJSDQ.
Sushko A. V., Petin D. I. Chekist, frontovik, publitsist: k biografii Borisa Antonovicha Yankovskogo [Chekist, front-line soldier, publicist: on the biography of Boris Antonovich Yankovsky]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2022. No. 480. P. 142–148. DOI: 10.17223/15617793/480/17. EDN: ELJSDQ. (In Russ.).
23. Омичи в боях за Родину. Воспоминания участников Великой Отечественной войны / сост. Д. М. Щукин (отв. ред.) [и др.]. Омск: Омское книжное издательство, 1963. 582 с.
Omichi v boyakh za Rodinu. Vospominaniya uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny [Omichi in the battles for the Motherland. Memoirs of participants of the Great Patriotic War] / Comp. D. M. Shchukin (ed.) [et al.]. Omsk, 1963. 582 p. (In Russ.).
-
- ЛИДЕР Наталья Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.
SPIN-код: 5750-9640
AuthorID (РИНЦ): 782930
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
- Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 28.06.2025; принята к публикации 20.08.2025.
- LEADER Natalya Vladimirovna**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk.
SPIN-code: 5750-9640
AuthorID (RSCI): 782930
- Financial transparency:** the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.
- The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 28.06.2025; accepted for publication 20.08.2025.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ДЕТСКОЙ БЕЗНАДЗОРНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)

Н. В. Ляскина

Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И. Ф. Шилова, Россия, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15

Публикация посвящена малоизученному аспекту деятельности советских школ в годы Великой Отечественной войны — предупреждению безнадзорности несовершеннолетних. Проблема исследуется на материалах Дальнего Востока. В статье охарактеризованы ситуации в сфере деятельности школ, проанализированы причины и условия их нестабильной работы, описаны основные направления деятельности по предупреждению детской безнадзорности. В основе исследования источники, извлеченные из федеральных и региональных архивов. Методологической основой работы стал институциональный подход. В заключение автор приходит к выводу, что благодаря совместным усилиям советского руководства, государственных органов, организаций, шефствующих предприятий при поддержке партийных структур школьная система образования вопреки всем трудностям сохранилась. Она успешно вовлекала детей в общественно полезный труд, организовывала внешкольное времяпрепровождение учащихся и обеспечивала их военно-спортивную и физкультурную подготовку.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальний Восток, органы образования, советская школа, всеобщее обучение, безнадзорность несовершеннолетних.

Для цитирования: Ляскина Н. В. Деятельность советской школы по предупреждению детской безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на примере Дальнего Востока) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 64–71. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-64-71. EDN: GMKUWM.

© Ляскина Н. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE SOVIET SCHOOL'S EFFORTS TO PREVENT CHILD NEGLECT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE EXAMPLE OF THE FAR EAST)

N. V. Lyaskina

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I. F. Shilov, Russia, Khabarovsk, Kazarmennyy Ln., 15, 680020

The paper explores a little-studied aspect of Soviet school activities during the Great Patriotic War: the prevention of juvenile neglect. The issue is examined using materials from the Far East. The article characterizes the situation in schools, analyzes the causes and conditions of their unstable operation, and describes the main areas of activity to prevent child neglect. The study is based on sources extracted from federal and regional archives. The methodological framework is an institutional approach. In conclusion, the author resumes that joint efforts of the Soviet leadership, government agencies, organizations, sponsoring enterprises, and the support of party structures, the school education system survived despite all the difficulties. It successfully engaged children in community service, organized extracurricular activities for students, and strengthened their military, sports, and physical education training.

Keywords: Great Patriotic War, Far East, educational institutions, Soviet school, universal education, neglect of minors.

Введение

В современных условиях Российская Федерация консолидирует позитивный опыт, приобретенный в советскую эпоху, в системе образования и молодежной политике. Огромное значение отводится роли общеобразовательных школ в формировании правосознания школьников на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей как важнейшего залога и гарантии суверенитета России и её будущего.

Президент России В. В. Путин в Послании к Федеральному Собранию 2024 г., акцентируя внимание на значимости устремлений нынешнего молодого поколения и становления жизненных ориентиров, справедливо отмечает «высокую миссию и ответственность за молодые поколения школьных учителей» [1].

Изучение деятельности советских школ в период Великой Отечественной войны представляло научный интерес для многих исследователей, педагогов, историков как советского, так и современного периодов [2–6]. При этом данная проблема применительно к школам на Дальнем Востоке исследователями самостоятельно не изучалась.

Цель работы — исследовать деятельность советской школы по предупреждению детской безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на примере Дальнего Востока).

Основная часть

Начавшаяся ожесточенная война потребовала в кратчайшие сроки перестройки всей системы образования в соответствии с требованиями военного времени.

Перед школой встали основные задачи по организации бесперебойной работы с полным охватом всех детей школьного возраста: осуществление повседневного педагогического надзора за детьми в связи с уходом многих родителей на фронт, занятостью взрослых членов семьи общественно-оборонной работой; усиление заботы об их здоровье, жизни и быте; повышение качества учебно-воспитательной работы, «подчинив все дело обучения и воспитания школьной молодежи их успешной подготовке к труду и обороне»; развитие у школьников чувства патриотизма; вовлечение учащихся в общественно-практическую деятельность и производительный труд, направленный на оказание помощи фронту [7, с. 8–9].

В условиях военного времени задача по воспитанию и обучению детей приобрела исключительно важное государственное значение, что отмечалось на всех уровнях советских партийных совещаний.

В военное время советские школы столкнулись с трудностями, которые отрицательно влияли на ее функционирование.

1. Внутренняя миграция населения и мобилизация в ряды Красной армии.

В связи с наступлением вражеских сил из временно оккупированных, прифронтовых областей

в тыловые районы страны эвакуировались предприятия, учреждения, население, что вызвало разрозненное движение по всей стране и учителей кадров [8, л. 55]. В восточных областях РСФСР к середине 1942/43 учебного года недостаток в учителях увеличился в связи с частичной реэвакуацией учителей в области, освобожденные от немецкой оккупации [8, л. 49].

Мобилизация в ряды Красной армии затронула значительное количество руководящего состава Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее — Наркомпрос), директоров, педагогических кадров. Учителя, признанные непригодными к несению строевой службы, направлялись военкоматами в трудовые колонны, рабочие батальоны; перемещались на предприятия оборонного, хозяйственного значения, в советско-партийные аппараты [8, л. 55].

2. Ненадлежащая организация работы школ.

В условиях стремительного продвижения немецко-фашистских войск по территории Советского Союза имелось отставание в принятии организационных решений руководителями государственных и партийных структур, работников органов народного образования, особенно в первые годы войны. Одной из причин некоторые исследователи считают низкий уровень профессионализма, политическую неадаптированность некоторых руководителей [4, с. 25].

Исполняющая обязанности заведующей отделом школ Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) В. А. Пивоварова в докладе о неотложных мероприятиях по осуществлению всеобщего обучения детей в июле 1943 г. сообщила секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву о недостатках в работе школ, объясняя сложившуюся ситуацию ослаблением руководства не только народного образования со стороны областных, городских и районных советско-партийных организаций, но и отсутствием повседневного контроля Наркомпросов союзных и автономных республик за работой местных отделов народного образования, неудовлетворительным руководством со стороны местных исполкомов. Имелись случаи, когда ряд областных комитетов ВКП(б) (Челябинский, Молотовский, Иркутский и др.) за весь 1942 г. ни разу не обсудили вопросы о состоянии работы областных школ. Издание приказов и распоряжений Наркомпроса зачастую оставалось невыполненным на местах [8, л. 19].

На практике исполнение указаний Наркомпроса РСФСР было затруднено тем, что решение многоаспектных вопросов функционирования школ и интернатов требовало включенности местных исполкомов по организации взаимодействия с различными организациями, предприятиями, советско-партийными структурами по своим направлениям деятельности (обеспечение топливом и керосином, развитие сети школьных интернатов, снабжение учебниками и школьными принадлежностями, ремонт школьных зданий и пр.).

3. Кадровый педагогический голод, который выразился в существенном некомплекте, изменении состава и качества учительских кадров.

Констатация этого факта произошла в высших кругах Народного комиссариата просвещения и правительства в 1943 г. В 1941–1942 гг. некомплект по РСФСР составил 13038 учителей; в 1942–1943 гг. — 14783 учителя; в 1943–1944 гг. (только по неполным данным) школы нуждались в 15713 учителях (из них для районов, освобожденных от немецкой оккупации, — 3554 чел.) [9, л. 4].

В 1943–1944 гг. во многих школах РСФСР наблюдался некомплект директоров школ, учителей 5–10 классов по таким дисциплинам, как физика, математика, история. Особенно остро чувствовался этот недостаток в Омской, Свердловской областях, Татарской АССР [10, л. 91].

Негативная оценка работы на местах была дана наркомом В. П. Потёмкиным: «...Благодаря безответственному отношению руководителей народного образования и многих местных партийных и советских органов к сохранению, правильному размещению и использованию наличных учительских кадров, произошел огромный отсев и их разбазаривание. Тысячи учителей направлены на различного рода работы на предприятия, в аппараты учреждений и организаций в качестве канцелярских работников, председателями колхозов, сельпо, счетоводами, на финансовую и другую работу, вплоть до уборщиц и конюхов» [8, л. 55].

Кадровый «голод» наблюдался во многих сферах. Поэтому руководители предприятий, учреждений и организаций, нуждающиеся в кадрах, под любым предлогом («приобрели новую профессию», закреплены до окончания войны и т.д.) отказывались возвращать учителей [8, л. 49]. Отделы образования предпринимали попытки возвращения педагогов через местные органы прокуратуры, партийно-советские структуры, но положительного результата добивались не всегда.

Так, усердия Омского и Куйбышевского областных отделов народного образования по возвращению учительских кадров через прокуратуру не увенчались успехом в силу незаинтересованности самих учителей, отказавшихся возвращаться в школу [8, л. 50].

В Приморском крае начиная с 1943 г. при участии партийных органов и местных исполкомов удалось вернуть в школы 225 учителей, за исключением избранных на руководящую партийно-советскую работу. За годы войны школы Приморья лишились 1746 учителей. Недостаток учителей повлек увеличение учебных нагрузок, допускалась работа по совместительству, приходили молодые без опыта работы педагоги [11, л. 89].

В 1944–1945 гг. в Приморье некомплект учителей стал особо ощутимым. Так, под угрозой срыва оказались выпускные экзамены школьников из-за отсутствия в некоторых учебных заведениях специалистов. В Хабаровском крае (который включал территории современных Амурской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа и Камчатского края) на 1944 г. потери педагогических кадров составили свыше 4 тыс. учителей по сравнению с предвоенным 1939/40 учебным годом [12, с. 349].

В Амурской области к концу 1943/44 учебного года в школах не хватало 158 учителей-предметников, 245 — учителей начальных классов, несмотря на возросший контингент учащихся

по сравнению с прошлым годом (особенно в первых классах на 7406 человек). Областной отдел образования Амурской области в 1943/44 учебном году в г. Благовещенске при педагогическом институте организовал десятимесячные курсы преподавателей математики, истории, географии, что позволило получить 14 учителей математики и 25 учителей истории и географии [13, л. 1].

Более того, сокращение сети высших и средних педагогических учебных заведений в РСФСР с 234 ед. (1940 г.) до 143 ед. (1943 г.) привело к уменьшению с 115009 до 34 587 студентов-педагогов. Сокращение педучилищ с 1940 по 1942 гг. (с 510 до 257 ед.) привело к уменьшению числа студентов более чем в 2 раза (с 122263 до 51396 чел.). Причем в связи с введением оплаты за обучение, нового порядка назначения стипендий, бытовых и материальных трудностей наблюдался отсев студентов из высших и средних педагогических заведений, что способствовало еще меньшему выпуску будущих педагогов. Существовала тенденция большого разрыва между возрастающей потребностью в учителях для школ РСФСР и фактическими выпусками учителей [10, л. 5]; имелись случаи закрытия школ из-за нехватки учителей [8, л. 49].

Экстренными выпусками из педагогических учебных заведений, внедрением практики направления молодежи из детских домов в педагогические училища пытались «прикрыть» вакансии учителей. С одной стороны, требовалось время для профессиональной подготовки кадров. С другой стороны, необходимо было увеличивать количество образовательных заведений, осуществлять материальную поддержку будущим педагогическим кадрам, что было крайне затруднено в условиях военного времени.

4. Тяжелое материальное положение учителей.

Педагогические кадры находились в тяжелом материально-бытовом положении. Низкая заработная плата учителей не повышалась с 1936 г. и была ниже прожиточного минимума. Зарплата сельского учителя начальной школы составляла 240 руб., городского — на 30 руб. больше, тогда как зарплата дворника была выше [8, л. 56].

Известны случаи крайне тяжелого материального положения учителей. Так, в ЦК ВКП (б) и в отдел школ Наркомпроса поступило письмо от редактора учительской газеты с сообщениями о молодом учителе-комсомольце из Алтайского края, впавшего в нищету («нуждается в срочной помощи, чтобы не погибнуть») и о суициде учителя из г. Краснодара [11, л. 47].

Молодые сельские педагоги Хабаровска, окончившие учебные заведения, испытывали нужду в вещах первой необходимости, многим «буквально не в чем прийти в школу — нет обуви и одежды» [14, л. 9]. Учителя с большим педагогическим стажем, оказавшись в тяжелом материальном положении, были вынуждены уходить на другую работу [10, л. 18].

Исполняющая обязанности зав. отделом школ В. А. Пивоварова, отмечая крайне тяжелое положение учителей, в июле 1943 г. докладывала в Центральный комитет Коммунистической партии: «... несмотря на указание Наркомторга СССР от 20 июля 1942 г. о приравнивании учителей к второй категории рабочих, в подавляющем большинстве районов ... учителям выдают хлеб от 100 до 300 граммов в день. Больше того, даже при таком производственном снижении норм имеются случаи

задержки выдачи хлеба учителям на месяц и больше. ... Не менее тяжелое положение со снабжением учителей одеждой и обувью. Во многих областях, краях и автономных республиках большинство учителей в течение последних двух лет совсем не получали ни белья, ни одежды, ни обуви. Во многих местах учителя вынуждены приходиться на работу в рваной одежде и обуви, даже иногда босиком. Исключительную нужду учителя испытывают в предметах первой необходимости — мыле, керосине, спичках. Отсутствие мыла приводит к зашивленности и заболеваниям чесоткой среди учителей. В результате тяжелых материально-бытовых условий, по неполным данным Наркомпроса РСФСР, более 7000 учителей ушли из школ на другую работу» [8, л. 55].

О необходимости срочных мероприятий по обеспечению школ педагогическим составом, улучшению их материально-бытового положения при поддержке заместителя начальника Управления кадров ЦК ВКП (б) Ф. М. Бутова, начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г. Ф. Александрова докладывалось секретарям Центрального комитета Коммунистической партии А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову.

Предпринятые государственные меры поддержки учителей (введение материального и морального стимулирования педагогов — введение нагрудного знака «Отличник народного просвещения» в 1945 г., увеличение трудового отпуска от 30 до 48 календарных дней, активизация помощи местных органов власти с целью улучшения бытового положения учителей и пр.) незначительно улучшили их положение, но до конца войны полностью проблема не была решена.

5. Неполный охват детей, подлежащих школьному обучению.

В первый 1941/42 военный учебный год вне школы осталось более 3381 тыс. учащихся, в 1942/43 учебном году — 3715 тыс. чел.

При невыполнении плана по охвату детей обучением происходил огромный отсев учащихся из школ. Так, за первое полугодие 1943/44 учебного года в СССР из 12995 тыс. учащихся было 729 тыс. чел., причем большая часть из них были школьники младших классов (1–4 кл. — 387201 чел.). По РСФСР отсев школьников составил 4,7 %; по Азербайджанской ССР — 10,4 %; по Грузинской ССР — 9,1 %; по Казахской и Киргизской ССР — 13 %; по Туркменской ССР — 5,8 % [10, л. 16].

Исполняющая обязанности заведующей школ ЦК ВКП(б) В. А. Пивоварова, докладывавшая высшему руководству ЦК ВКП(б), отмечала, что основными причинами отсева учащихся в 1943 г. были: территориальная отдаленность школ от населенных пунктов (особенно влияло на посещаемость младших школьников); тяжелое материальное положение семей (отсутствие одежды и обуви); занятость детей в домашнем хозяйстве; уход старшеклассников на работу; переезд с родителями. Так, в первом полугодии 1943/44 учебного года из 443539 учащихся, выбывших из школ РСФСР, не посещали школу из-за отсутствия одежды и обуви — 146367 чел., из-за занятости в домашнем хозяйстве — 122673 чел [10, л. 56].

Профилактическое значение в предупреждении безнадзорности несовершеннолетних имело постановление СНК РСФСР, принятое в декабре 1943 г., «О приеме детей семилетнего возраста в школы».

Это позволило не только с 1944/45 учебного года охватывать школьным обучением детей-семилеток, но и давало возможность после получения семилетнего образования поступать в учебные заведения трудовых резервов с целью приобретения профессии, что имело важное народнохозяйственное значение в целом для страны.

6. Использование школьных помещений не по назначению.

Сокращение фонда школьных помещений было вызвано уничтожением немецкими войсками в западных частях РСФСР более 20 тыс. школ [15, с. 34]. Школьные здания отдавались под нужды фронта (эвакогоспитали).

После признания работы школ первого военного учебного года неудовлетворительной, увеличения безнадзорности среди несовершеннолетних [16, с. 96], организацией трехсменных школьных занятий [17, л. 89] Наркомпрос стал «бить тревогу» по возвращению школьных зданий в систему образования.

В соответствии с Распоряжением СНК СССР № 14088-р от 30.07.1942 г., Постановлением СНК РСФСР № 435 от 25.07.1942 г., № 675 от 03.10.1942 г. в ноябре 1942 г. в части освобождения школьных зданий, используемых не по назначению, Наркомпрос потребовал от заведующих край/обл/оно в случае изъятия школьных зданий направлять в прокуратуру официальный протест с уведомлением руководителей Наркомпроса [18, л. 89–89 об.].

Стоит признать, что практика перемещения школ в другие помещения существовала весь период войны. Так, секретным решением суженного заседания исполкома Сахалинского областного Совета депутатов трудящихся № 15 «Об отводе помещений для развертывания эвакогоспиталя № 193 и 1061 с началом военных действий» от 18 апреля 1945 г. помещения двух школ, избы-читальни, здания управления нефтеразведки, жильцов жилого дома разместили в другие помещения [17, с. 463].

7. Ежегодные проблемы подготовки школ к учебному году.

Заведующий отделом школ ЦК ВКП(б) Н. Н. Яковлев (назначен в июле 1943 г.) в справке «О готовности школ РСФСР к новому учебному году» констатировал, что подготовка школ РСФСР в 1943/44 учебном году прошла «более организованно успешно, чем это было ранее», что явилось результатом усиления внимания партийных организаций и местных исполкомов. Вместе с тем отмечалась неудовлетворительная работа в Вологодской, Курской, Челябинской, Воронежской областях, Ставропольском и Приморском краях и в других регионах, которые не могли закончить ремонт школ к началу учебного года, не организовали подвоз топлива, не укомплектовали подсобный и пр. Тогда как ряд школ (в Московской, Куйбышевской, Мурманской областях, в Хабаровском крае, Марийской АССР) справились с данной задачей [9, л. 88].

Однако важно отметить, что в проведении ремонта школ участвовали силы общественности (неравнодушные граждане, организации), родители, ученики старших классов. Так, школам Приморья существенную поддержку в ремонте оказывали демобилизованные фронтовики, шефствующие над школами организации [6, л. 386–387].

Первый военный учебный год выдался напряженным. В связи с широкими масштабами безнадзорности по всей стране, увеличением преступ-

ности в 1942 и 1944 гг., а также большого отсева школьников, учебно-воспитательная работа в школах и во внешкольных учреждениях во многих регионах признавалась неудовлетворительной [19, л. 132]. Даже в тыловых регионах, таких как в г. Ворошилове Приморского края (ныне г. Уссурийск), бюро Ворошиловского горкома пришло к выводу о неудовлетворительной работе школ города вследствие низкой успеваемости школьников (около 70 %); появления второгодников (541 чел.), неуспевающих учеников, оставленных на осень (1547 чел.), ушедших из школ (196 чел.) [20, л. 11].

Вместе с тем военная обстановка потребовала развивать трудовые и практические навыки в процессе школьного обучения, придать учебно-воспитательной работе военно-патриотический характер. На уроках литературы особое внимание уделялось изучению произведений, воспитывающих у учащихся чувство советского патриотизма; в процессе преподавания математики показывалась связь с вопросами военной подготовки учащихся путем решения специально подобранных задач вычислительного и топографического характера; на уроках физкультуры важно было получить навыки в далеком метании гранат, в рукопашном бою, умении передвигаться на лыжах и пр.

Уделялось внимание и политическому воспитанию детей. Основными формами были: беседы и рассказы о героях Гражданской и Отечественной войн; рассказы о подвигах молодежи; встречи с участниками боев Отечественной войны, писателями, работниками науки, техники, искусства; политинформирование по сводкам советского информбюро; выпуск стенгазет и боевых листов и др. Через учебный процесс в школе происходило становление подлинного советского гражданина, способного защитить свою Родину.

Достаточно привести пример, чтобы понять, как важно было воспитывать детей — будущих советских граждан. Так, ученик школы № 17 Толя Чернышев на городской партийной конференции г. Александровска отметил: «Я еще маленький мальчик, но зато у меня очень большое желание быть таким, какими были Герои Советского Союза: Саша Чекалин, Олег Кошевой, Женя Платонов» [17, с. 330].

Успешные события на фронте отразились и на деятельности школ. 1943 г. стал годом преобразования учреждений Наркомпроса, активизации их деятельности по всем направлениям.

Осознавая ответственность за выполнение указаний высшего руководства страны, местные исполкомы обязали руководителей детских образовательных учреждений (школ, детских домов, детских садов, внешкольных детских учреждений) внедрять профилактические мероприятия, направленные на ликвидацию детской безнадзорности и установление государственного и общественного контроля над поведением детей и подростков в общественных местах.

1. Проведение учета детей младшего возраста, родители которых по условиям своей работы не способны обеспечить надлежащего надзора за своими детьми до возвращения с работы.

2. Возвращение учащихся в школы, ушедших из нее по неуважительной причине, с целью осуществления полного охвата детей школьным обучением.

Всеобщее обучение детей находилось на контроле вышестоящих советско-партийных структур, Наркомпроса в военный и послевоенный периоды.

Закон о всеобщем обучении И. Сталина был незыблемым в условиях войны. «Политически близорук, ограничен и просто болтун тот, кто хоть на минуту подумает, что сейчас «не до детей». Рассуждать так сегодня — значит не видеть дальше своего носа, не жить интересами нашей Родины. Прежде всего мы обязаны всех детей школьного возраста охватить обучением... Мы должны учить всех детей, и учить хорошо, несмотря на сложности военного времени» [21, л. 81 б.].

За невыполнение закона о всеобщем обучении к ответственности привлекались законные представители (родители, опекуны) и должностные лица.

Решением исполкома Приморского края за № 589 от 5 июня 1942 г. «Об ответственности лиц, виновных в нарушении закона о всеобщем обязательном школьном обучении» накладывалась административная ответственность на родителей, председателей исполкомов, директоров (заведующих) школ в виде предупреждения либо штрафа до 100 руб. или привлечением к принудительным работам сроком до 30 дней за отказ отправлять детей в школу, несвоевременное их оформление без уважительных причин, за систематические пропуски учащимися учебных занятий без уважительных причин, за отрыв учащихся ранее окончания учебного года.

В соответствии с Приказом прокурора РСФСР от 25 января 1940 г. должностные лица, виновные в срыве плана всеобщего обучения, в зависимости от обстоятельств полагалось привлекать к уголовной или дисциплинарной ответственности [21, л. 81 г, д].

Начальник Управления Народного комиссариата внутренних дел (далее УНКВД) Приморского края генерал-майор А. А. Закусилко в 1945 г. отмечал недостаточный охват детей школьным обучением, неконтролируемый отсев учащихся из школ, что, по его мнению, порождало детскую безнадзорность. Безнадзорность детей возникала вследствие отсутствия должного контроля в семье. В свою очередь, безнадзорные дети — это группа риска, попадающая в криминальную субкультуру. Так, заведующий отделением Приморской ТАСС И. А. Колесник не уделял должного внимания воспитанию сына, не следил за его поведением, не интересовался, с кем он общается, чем занимается после учебы и, как результат, был втянут в группу воров, стал заниматься кражами [19, л. 131].

Начальник УНКВД Хабаровского края И. И. Долгих, подводя итоги работы за 1945 г., отмечал, что преступность несовершеннолетних состояла в основном из мелких краж и хулиганства, которые совершались в большей части несовершеннолетними, не имеющими отцов. Многие подростки, лишившиеся во время войны родственников, вследствие тяжелого материального положения прекращали учебу в школах и вставали на криминальный путь [19, л. 128].

3. Организация школьных групп (детских площадок) для младших школьников, не участвующих в сельскохозяйственных работах, производственных мастерских и нуждающихся в организованном надзоре во внеучебное время. Детские площадки («продлёнки») работали в комнатах школьника, общежитиях рабочих, клубах, красных уголках, при домоуправлениях, домах культуры, предприятиях, в комнатах младших школьников при Домах пионеров, в специальных группах для школьников семилетнего и восьмилетнего возраста при детских са-

дах и в других внешкольных детских учреждениях [22, л. 5].

4. Организация работы школ в период летних каникул.

В период летних каникул отмечался рост безнадзорных детей [23, л. 28]. Очевидно, это было связано с окончанием учебного года, проведением весенне-летних полевых работ, когда дети были предоставлены сами себе; полной занятостью родителей на предприятиях, в промышленности, в учреждениях, в сельском хозяйстве.

Основными задачами летней занятости детей в школах являлись: укрепление здоровья детей; усиление политико-воспитательной работы; максимальное развертывание военно-физического воспитания учащихся; организация участия школьников в общественно полезном труде, направленном на укрепление оборонной мощи страны и помощи фронту; широкое развертывание массовых мероприятий с целью наибольшего охвата детей и борьбы с детской безнадзорностью. Особое внимание уделялось детям военнослужащих [22, л. 5].

В период летних каникул работали летние лагеря. Их было недостаточно. Начальник УНКВД Приморского края А. А. Закусило в 1945 г. отмечал неудовлетворительную работу внешкольных учреждений: «кроме пионерских лагерей для детей не организуются виды отдыха», «работа внешкольных учреждений сводится к проведению массовых мероприятий» [19, л. 131]. Между тем документы школьного сектора народного образования Приморья свидетельствуют о проводимых мероприятиях в секторе школ, об озабоченности многих руководителей школ в деле по расширению внешкольных учреждений, о необходимости летней занятости школьников и пр.

5. Организация дежурства учителей, родительского, комсомольского активов в местах скопления подростков (кинотеатрах, клубах, избах-читальнях, вокзалах). Причем в дни учебных занятий разрешались только совместные походы в кино, театры, музеи под руководством педагогов или членов родительского комитета.

По инициативе наркома просвещения В. П. Потемкина в декабре 1943 г. в Совет народных комиссаров СССР была направлена докладная записка «Об обслуживании детей и подростков театрами и кино», в которой сообщалось, что проведенная проверка Наркомпросом и его отделами на местах показала, что кинотеатры городов и рабочих поселков являются местом постоянного массового сбора детей и подростков даже в часы школьных занятий, где грубо нарушается общественный порядок, совершаются недопустимые хулиганства, происходит вовлечение подростков в совершение краж уголовным элементом, распитие спиртных напитков, торговля сигаретами, перепродажа билетов и пр.

Результатом стало издание приказа Наркомпроса СССР № 82 от 2 февраля 1944 г. «Об упорядочении посещения учащимися начальных, семилетних и средних школ кино, театров и других зрелищ», согласно которому учащимся, не достигшим 16 лет, запрещалось в учебные дни посещение кино и театров без сопровождения школы. Данное решение было поддержано и Комитетом по делам искусств при СНК СССР в феврале 1944 г., причем с принятием ряда решений об организации ежемесячных вечерних спектаклей в драматических и оперных театрах для старшеклассников средних школ, ре-

месленных училищ и работающих подростков [10, л. 154–162].

6. Планирование воспитательной работы.

Работа школьных, комсомольских и пионерских организаций являлась неотъемлемой частью всей воспитательной работы в школе. В планы воспитательной работы должны были включаться беседы с привлечением сотрудников милиции и пожарной инспекции по изучению правил уличного движения в городах, бесед о правилах поведения на улице и в общественных местах, о мерах предосторожности в домашнем быту (обращение с огнем, электричеством, химическими веществами и т. д.). Большим подспорьем для укрепления и поддержания дисциплины в школе было внедрение «Правил для учащихся», разработанные Наркомпросом РСФСР в марте 1944 г.

7. Совместные рейды с органами милиции.

К проведению совместных рейдов по выявлению безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних привлекались учителя. Так, в докладе о состоянии работы по борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью за 1944–1945 гг. начальник УНКВД Приморского края генерал-майор А. А. Закусило отмечал положительное влияние участия общественности на снижение безнадзорности. Учителя, участвующие в рейдах, видели своих учеников школы, которые задерживались милицией. В школе с ними проводили соответствующую работу с вызовом законных представителей [19, л. 132].

8. Вовлечение школьников в общественную работу.

Одним из методов борьбы с безнадзорностью школьников в годы войны стала коллективная деятельность под руководством классного руководителя или педагога школы в общественных работах по сбору дикорастущих растений и ягод, металлолома, в сельскохозяйственных работах, на путине.

Для осуществления надлежащего контроля за школьниками из неполных и средних школ при направлении на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы, в машинно-тракторные станции (МТС) число учащихся на одного учителя не должно было превышать 15–20 чел. Привлечение учащихся на сельскохозяйственные работы в период учебных занятий допускалось только с разрешения Наркомпроса РСФСР [24, л. 35].

Перечисленные основные направления работы по предупреждению детской безнадзорности применялись по всей стране, даже в самых дальневосточных регионах [25, л. 19–20].

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что Дальний Восток столкнулся с трудностями, что и другие тыловые регионы страны. Безнадзорность, получившая большой размах на Дальнем Востоке, сдерживалась совместными усилиями советского руководства, партийными структурами, милицией, образовательными учреждениями. Школьная система образования, вопреки тем лишениям, которые существовали в годы Великой Отечественной войны, взяла курс на сохранение школьного обучения, вовлечение школьников в общественно полезный труд, усиление учебно-воспитательной деятельности, организацию внешкольного времяпрепровождения учащихся, усиление военно-спортивной и физкультурной подготовки. Педагогический коллектив школ участвовал в раз-

личных мероприятиях, имеющих профилактический уклон с целью недопущения бродяжничества, безнадзорности и преступности школьников.

Организирующая роль Наркомпроса РСФСР в деле воспитания и обучения школьников позволила не допустить массового оттока учащихся из школ, тем самым не допустить масштабную безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних.

Список источников / References

1. Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/73585> (дата обращения: 10.06.2025).
Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 29 fevralya 2024 goda [Presidential Address to the Federal Assembly. February 29, 2024]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/73585> (accessed: 10.06.2025). (In Russ.).
2. Яркина Т. Ф. Школа РСФСР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1954. 26 с.
Yarkina T. F. Shkola RSFSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [School of the RSFSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, 1954. 26 p. (In Russ.).
3. Иващенко Л. Я. Организация просвещения и руководства им местными Советами депутатов трудящихся Дальнего Востока СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1977. 24 с.
Ivashchenko L. Ya. Organizatsiya prosveshcheniya i rukovodstva im mestnymi Sovetami deputatov trudyashchikhsya Dal'nego Vostoka SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Organization of education and management of local Councils of Workers' Deputies of the Far East of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Vladivostok, 1977. 24 p. (In Russ.).
4. Россинский Ю. Г. Управление школой РСФСР в 1942–1943 гг. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. 2013. № 3. С. 29–38. EDN: ROMSML.
Rossinskiy Yu. G. Upravleniye shkoloy RSFSR v 1942–1943 gg. [School management in RSFSR in 1942–1943]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Istoriya i politologiya. Bulletin of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities. 2013. No. 3. P. 29–38. EDN: ROMSML. (In Russ.).
5. Богуславский М. В. Советская школа победила фашистскую школу. Советский учитель победил немецкого учителя-фашиста // Народное образование. 2020. № 4 (1481). С. 97–105. EDN: YILUEX.
Boguslavskiy M. V. Sovetskaya shkola pobedila fashistskuyu shkolu. Sovetskii uchitel' pobedil nemetskogo uchitelya-fashista [The Soviet school defeated the fascist school]. Narodnoye obrazovaniye. School Technologies. 2020. No. 4 (1481). P. 97–105. EDN: YILUEX. (In Russ.).
6. Ляскина Н. В. Состояние материальной базы образовательных организаций в Приморском крае (1941–1945 гг.) // Шестые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Дальний Восток России: от прошлого к будущему». Хабаровск: ООО «Амурпринт», 2020. С. 385–391.
Lyaskina N. V. Sostoyaniye material'noy bazy obrazovatel'nykh organizatsiy v Primorskom krae (1941–1945 gg.) [State of the material base of educational organizations in the Primorsky territory (1941–1945)] // Shestyeye arkhivnyye nauchnyye chteniya imeni V. I. Chernyshevoy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Dal'niy Vostok Rossii: ot proshlogo k budushchemu» [Sixth archival scientific readings named after V. I. Chernysheva: materials of the All-Russian scientific and practical conference “Russian far East: from the past to the future”]. Khabarovsk, 2020. P. 385–391. (In Russ.).
7. О работе школ Приморского края в дни Великой Отечественной войны: методический сборник № 2. Владивосток: [б. и.], 1941. 192 с.
O rabote shkol Primorskogo kraia v dni Velikoy Otechestvennoy voyny: metod. sb. № 2. Vladivostok, 1941. 192 p. (In Russ.).
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 135.
Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. File: 17/125/135. (In Russ.).
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 9.
RGASPI [RSASPH]. File: 17/126/9. (In Russ.).
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 7.
RGASPI [RSASPH]. File: 17/126/7. (In Russ.).
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 2.
RGASPI [RSASPH]. File: 17/126/2. (In Russ.).
12. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг.: моногр. / Отв. ред. Н. Н. Крадин, Г. А. Ткачева. Владивосток: Дальнаука, 2020. 944 с. ISBN 978-5-8044-1692-9. EDN: TZTDVL.
Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 3. Dal'niy Vostok SSSR: 1941–1945 gg.: monogr. [History of the Russian Far East. Vol. 3. Bk. 3. The Far East of the USSR: 1941–1945] / Resp. red. N. N. Kradin, G. A. Tkacheva. Vladivostok, 2020. 944 p. ISBN 978-5-8044-1692-9. EDN: TZTDVL. (In Russ.).
13. Государственный архив Амурской области. Ф. Р-69. Оп. 6. Д. 12.
Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti [State Archives of the Amur Region]. File: P-69/6/12. (In Russ.).
14. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 127.
Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK) [State Archives of Khabarovsk Krai (SAKhK)]. File: P-704/1/127. (In Russ.).
15. Дегтярь Д. Возрождение районов РСФСР, подвергавшихся немецкой оккупации. Москва: Госполитиздат, 1947. 47 с.
Degtyar D. Vozrozhdeniye rayonov RSFSR, podvergavshikhsya nemetskoj okkupatsii [Revival of the RSFSR regions in German occupation]. Moscow, 1947. 47 p. (In Russ.).
16. Ляскина Н. В. Противодействие преступности несовершеннолетних в Приморском крае (1941–1945 гг.) // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2019. С. 94–100. EDN: JKRWHB.
Lyaskina N. V. Protivodeystviye prestupnosti nesovershennoletnikh v Primorskom krae (1941–1945 gg.) [Crime counteraction of the minors in the primorsky krai (1941–1945)] // Teoriya i Praktika protivodeystviya Prestupnosti v Aziatsko-Tikhookeanskom Regione. Khabarovsk, 2019. P. 94–100. EDN: JKRWHB. (In Russ.).
17. Сахалинская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов / сост. М. В. Гридяева (отв.) [и др.]. Владивосток: ОАО «ИПК «Дальпресс», 2020. 528 с.
Sakhalinskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Sakhalin Region during the Great Patriotic War. 1941–1945: collection of documents and materials] / comp. by M. V. Gridayeva (resp.) [et al.]. Vladivostok, 2020. 528 p. (In Russ.).
18. ГАПК Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 19.
GAPK [SAPK]. File: P-7/4/19. (In Russ.).
19. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 129.
Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. File: 9412/1/129. (In Russ.).

20. ГАПК. Ф. П-80. Оп. 2. Д. 16а.
ГАРК [SAPK]. File: П-80/2/16а. (In Russ.).
21. ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 26г.
ГАРК [SAPK]. File: Р-7/4/26г. (In Russ.).
22. ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 115.
ГAKhK [SAKhK]. File: Р-704/1/115. (In Russ.).
23. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 78.
ГАРК [SAPK]. File: П-68/34/78. (In Russ.).
24. ГАПК. Ф. Р-7. Оп. 4. Д. 19.
ГАРК [SAPK]. File: Р-7/4/19. (In Russ.).
25. Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 53. Оп. 1. Д. 361.
Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sakhalinskoy oblasti [State Historical Archives of the Sakhalin Region]. File: 53/1/361. (In Russ.).

ЛЯСКИНА Наталья Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Ф. Шилова, г. Хабаровск.
SPIN-код: 6496-4278
AuthorID (РИНЦ): 446621
ORCID: 0000-0002-6703-8535
AuthorID (SCOPUS): 57201470030
ResearcherID: R-6351-2016
Адрес для переписки: Lnv2412@list.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 13.09.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

LYASKINA Natalia Vyacheslavovna, Candidate of Historical Sciences; Associate Professor of the Social Sciences, Humanities and Economics Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk.
SPIN-code: 6496-4278
AuthorID (RSCI): 446621
ORCID: 0000-0002-6703-8535
AuthorID (SCOPUS): 57201470030
ResearcherID: R-6351-2016
Correspondence address: Lnv2412@list.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 13.09.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 30.10.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМУЛЯР ОТДЕЛЬНОГО ДИВИЗИОНА БРОНЕПОЕЗДОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

П. А. Орлов

Новосибирский государственный краеведческий музей,
Россия, 630099, г. Новосибирск, Красный пр., 23

В статье анализируется Исторический формуляр отдельного дивизиона бронепоездов как отправная точка для архивного поиска в целях реконструкции истории этих малоизученных соединений. В качестве примера использован формуляр 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов. Установлено, что Исторический формуляр позволяет достоверно определить место формирования дивизиона, ранее остававшееся спорным. В нем содержатся данные о боевых действиях, ранее в историографии не описанные, и списки не только командного состава дивизиона, но и отличившихся бойцов и командиров, что позволяет обратиться к наградным документам для дальнейшего исследования. Формуляр позволяет составить список соединений и объединений, с которыми дивизион взаимодействовал или которым подчинялся. Соответственно, выявить фонды, в которых следует искать дополнительные сведения. Установлена недостаточность предоставляемой формуляром информации по вопросам строительства бронепоездов, боевым действиям начиная с осени 1944 г. и некоторым нюансам ведения боевых действий в описываемое формуляром время.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Новосибирск, станция Тайга, бронепоезда, отдельные дивизионы бронепоездов, 49-й отдельный Шепетовский дивизион бронепоездов, архивный поиск.

Для цитирования: Орлов П. А. Исторический формуляр отдельного дивизиона бронепоездов как источник для проведения микроисторического исследования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 72–77. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-72-77. EDN: CCFYFI.

© Орлов П. А., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

HISTORICAL LOGBOOK OF THE SEPARATE DIVISION OF ARMORED TRAINS AS ELEMENTARY POINT OF THE HISTORICAL STUDY

P. A. Orlov

Novosibirsk State Museum of Local History, Russia, Novosibirsk, Krasnyy Ave., 23, 630099

The article is dedicated to the analysis of the Historical Logbook Separate Division of armored trains as elementary point for archive search in purposes of historical reconstruction of these little-studied compounds. The logbook of 49 Separate Shepetov division of armored trains is used as example. So it has been established that the Historical Logbook allows reliably define the place of formation of division, which previously remained controversial. The data of military operations of division contain in this Logbook, which have not been described previously. Also in this Logbook contain lists not only command staff of division, but and lists of distinguished fighters and commanders. This fact allows attract award documents for further research. The research has shown that with the Logbook maybe compose the lost of unions with division interacted or who is accountable. And with the Logbook maybe indentify funds with additional information. The information about answers of the construction of armored trains, of military operations since autumn of 1944 and some important details of conducting of military operations at the time described in the Logbook, is insufficient.

Keywords: Great Patriotic War, Novosibirsk, Tayga station, armored trains, Separate divisions of armored trains, 49 Separate Shepetov division of armored trains, archive search.

Несмотря на большое количество публикаций по истории Великой Отечественной войны и не снижающийся интерес к ней, многие темы до сих пор не получили достаточного освещения. Одним из ярких примеров такого дефицита являются исторические работы, подробно исследующие на основе архивных документов воинские формирования тех или иных городов, районов или областей с точки зрения их современных земляков. О некоторых бригадах, дивизиях за прошедшие восемь десятков лет так ничего и не было написано; в некоторых случаях, к сожалению, работа была выполнена без опоры на документы.

Отдельные дивизионы бронепоездов (ОДБП), построенные и сформированные в различных депо по всей территории Советского Союза, активно воевавшие в 1941–1945 гг., вполне вписываются в эту картину. Причем при восстановлении их истории краоведам приходится сталкиваться с дополнительными трудностями. Если документы дивизий, как правило, выделены в отдельный фонд, к которому можно обратиться напрямую, то дивизионов, как правило, нет. В данной ситуации можно, как автор предлагаемой статьи, последовательно просеивать все дела описи Управления бронепоездов и бронемашин Главного бронетанкового управления Красной Армии (УБПиБМ ГБТУ КА), выискивая документы «своих» бронепоездов, а можно попробовать найти тип документа, который может стать основой исторического очерка. Именно таким документом может быть исторический формуляр дивизиона.

В историографии Великой Отечественной войны бронепоездные части, как в целом, так и в частности, до последнего времени оставались малоизученной темой. Очень широкими мазками, часто без опоры на архивные документы, эту тему описывали авторы, привлеченные к работе руководством Российских железных дорог [1–3]. Работы М. В. Коломийца более конкретны и содержательны. В своих книгах автор на основе архивных документов последовательно и глубоко разрабатывает тему не только «в общем», но и углубляясь в частности. На текущий момент его труд [4] является основной работой по теме. Однако следует отметить, что Максим Викторович, если и использовал исторические формуляры дивизионов, то явно не всех дивизионов, из-за чего описание боевых действий, например, 42-го и 49-го отдельных дивизионов бронепоездов страдают критической неполнотой.

Небольших работ, посвященных дивизионам, бронепоездам или операциям с их участием, издано больше. Конкретно по сибирским бронепоездам отдельным изданием вышла книга об Ишимском бронепоезде «Патриот» [5], а также имеется ряд статей О. Н. Маракулиной, М. Ю. Живописцева, Е. В. Леоновой [6–9].

Несколько написанных автором очерков вышли в журнале «Сибирские Огни» в 2020–2021 гг. [10–13].

Следует отметить, что за 80 лет, прошедших со Дня Победы, авторы работ по теме проявляли

недостаточное внимание к архивным документам, в силу чего информация, обнародованная в публикациях, зачастую является некорректной и недостоверной. Следовательно, цель исследования — на примере анализа исторического формуляра 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов (далее используется аббревиатура: 49-го ОШДБП) оценить информационный потенциал данного типа армейского документа как исторического источника.

Структура исторического формуляра

В августе 1944 г. Управление бронепоездов и бронемашин затребовало от дивизионов бронепоездов описание истории их формирования, боевых действий и списки награжденных и особо отличившихся [14]. В сентябре 1944 г. документы были предоставлены и сохранены [15]. Из интересовавших автора дивизионов (27, 40, 41, 42, 47, 49) в архиве не был обнаружен только формуляр 40-го дивизиона.

Формуляр 49-го дивизиона [15, л. 154–199] состоит из сорока машинописных пронумерованных (кроме первой) страниц и титульного листа, на котором указаны: дата «10.09.1944 г.» и составитель «штаб 49-го ОШДБП Действующая армия». В правом верхнем углу расположен штамп секретной части Управления бронепоездов и бронемашин ГБТУ КА с входящим номером «К04878» и частично неразборчивой датой. В отчете имеются схемы на отдельных листах, иллюстрирующие отдельные боевые эпизоды и общий боевой путь дивизиона.

Документ содержит восемь разделов, описывающих формирование, участие в боевых действиях, боевую подготовку, партийно-политическую работу, награды личного состава дивизиона и особые даты. Разделы V и VI (листы 193 и 194) архивом предоставлены не были. Разделы с I по III (и главы внутри раздела II) подписаны командиром дивизиона майором Копыловым и начальником штаба старшим лейтенантом Лебедем; раздел IV — командиром дивизиона и заместителем командира по политической части майором Харыбиным. Подписи заверены печатью дивизиона, проставлены даты 9 или 10 сентября 1944 г.

Очевидно, схема с нумерацией и названиями разделов была принята составителями в процессе работы, поэтому первый раздел, освещающий формирование дивизиона, собственного названия и номера не несет. Он разбит на две главы: «Начало формирования дивизиона и строительство бронепоездов» и «Сколачивание дивизиона и подготовка личного состава к грядущим боям с немецко-фашистскими захватчиками».

Раздел II — «Участие 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов в походах и боях» — посвящен боевому пути дивизиона с 29 июня 1942 г. по начало сентября 1944 г. Раздел разбит на 8 глав и «Итоги боевых действий...», которые оформлены в виде таблиц, в которые сведены достигнутые результаты, собственные потери и расход боеприпасов.

Первая глава — «Боевые действия бронепоезда № 704 под Воронежем» — описывает действия бронепоезда «Лунинец» в отрыве от базы и штаба дивизиона в период с 1 по 16 июля 1942 г. Вторая глава — «Боевые действия 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов за железнодорожный узел и город Касторное» — посвящена боям в районе ст. Елец — ст. Тербуны 5 июля 1942 — 27 января 1943 гг. Третья глава — «Боевые действия 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов в борьбе с немецкой авиацией на железнодорожном узле Елец» — охватывает период с 1 февраля по 21 апреля 1943 г. Четвертая глава — «Передислокация дивизиона бронепоездов в Орловско-Курскую дугу и боевые действия на Орловско-Курском направлении в районе жел. дор. станции Поныри» — описывает не только бои на северном фланге Курской дуги, но и дальнейшие действия по линии Льгов — Нежин — Житомир. Пятая глава — «Боевые действия дивизиона бронепоездов за город Шепетовка» — охватывает период с 31 января по 22 февраля 1944 г. Шестая глава — «Боевые действия 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов за город Изяславль» — фактически продолжает предыдущую — дивизион поддерживал мартовское наступление от Шепетовки на запад. Седьмая глава — «Боевые действия 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов при прорыве немецкой долговременной линии обороны в районе местечка Горохув» — описывает период с апреля по август 1944 г., когда дивизион был переброшен на Львовское направление. Восьмая глава — «Боевые действия 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов в борьбе с бандитами в Западной Украине и Польше» — освещает действия по охране железной дороги севернее г. Львов.

Раздел III — «Боевая подготовка 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов» — кратко описывает прилагаемые усилия по подготовке личного состава и содержит таблицы с оценками достигнутых результатов по пятибальной системе.

Раздел IV — «Партийно-политическая работа в 49-м отдельном Шепетовском дивизионе бронепоездов» — является отчетом о росте партийной и комсомольской организации, о мероприятиях по пропаганде и агитации личного состава.

Раздел VII — «Награды личного состава 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов» — поименные списки награжденных орденами и медалями.

Раздел VIII — «Знамя, годовой праздник, шефство и почетные красноармейцы 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов» — кратко сообщает о месте и дате выдачи дивизиону его Боевого Красного знамени и дне, установленном как «день рождения» дивизиона.

Строительство бронепоездов и формирование дивизиона

Единое представление о месте и времени строительства бронепоездов и формировании 49-го дивизиона в литературе отсутствует. Так, в работах М. В. Коломийца указывается, что дивизион начал формирование в ноябре 1941 г. в Новосибирске и «в апреле 1942 г. в его состав вошли бепо (бронепоезд) № 1 «Железнодорожник Алтая», построенный в депо Усыты и Рубцовка» и «...№ 2 «Лунинец», названный в честь прославленного машиниста Н. А. Лунина. Бронепоезд № 2 был построен в депо Болотная и Новосибирск» [4, с. 403]. Другая версия

гласит, что «Лунинец» был построен локомотивным депо Тайга в декабре 1941 г. [3, с. 124] или мае 1942 г. [1, с. 109].

Исторический формуляр дивизиона сообщает иную информацию: «49... Дивизион... начал свое формирование 8 декабря 1941 г. на станции Тайга Томской железной дороги на основании директивы Народного Комиссара Обороны Союза ССР от 29 октября 1941 г. за № 22сс... Первый приказ по Дивизиону был издан 5 января 1942 г., где и установлена была дата годового праздника Дивизиона...». И далее: «Бронепоезд № 663 — четыре двухосных бронеплощадки построены в вагонном депо ст. Рубцовка Томской железной дороги. Паровоз серии Ов № 5983 покрыт броней в паровозном депо Рубцовка. Бронепоезд № 704 — четыре двухосных бронеплощадки построены в вагонном депо ст. Новосибирск. Паровоз серии Ов № 5520 покрыт броней в паровозном депо ст. Новосибирск... Готовые бронепоезда Дивизион получил 8 марта 1942 г.» [15, л. 155].

Наряду с прямым указанием «с 1 января 1942 г. по 3 апреля 1942 г. дивизион дислоцировался на станции Тайга Томской железной дороги», формуляр сообщает о концертах, которые проводил созданный при дивизионе ансамбль «не только в Тайге, но и в Новосибирске». Далее следует прямое указание: «даты получения матчасти требуют дополнительной проверки, убыл со ст. Тайга на ст. Новосибирск».

Можно ли считать сообщаемую формуляром информацию о месте и времени формирования достоверной и исчерпывающей? Достоверной — да. Она подтверждается другими документами, к примеру, июльским 1942 г. политдонесением начальнику политуправления Брянского фронта [16], где прямо указано место и дата начала комплектования. Впрочем, дата начала формирования в этом документе указана другая — 4 декабря 1942 г.

Является ли информация исчерпывающей? Не вполне. Формуляр никак не затрагивает подготовительный этап: ст. Тайга, как место формирования одного из предполагаемых дивизионов Сибирского военного округа, упоминается в документах начиная с 6 ноября 1941 г. Прибытие личного состава дивизиона на ст. Тайга было запланировано к 15 декабря.

При этом номер 49-го дивизиона, в отличие от 41-го, 42-го и 47-го, в заявках на выделение вооружения первой половины ноября еще не упоминается. Появляется он в декабрьской плановой заявке № 845сс и в выписке из плана формирования для начальника политуправления Красной армии, причем с указанием места формирования — ст. Тайга [17].

Следует предположить, что в основу версии о начале формирования 49-го дивизиона в ноябре легло одно из распоряжений подготовительного этапа. Документ, к сожалению, не опубликован, на него отсутствуют ссылки, поэтому оценить обоснованность данной датировки невозможно. Не исключено, что это был приказ по войскам Сибирского военного округа № 0092 от 25 ноября 1941 г., упомянутый в формулярах других отдельных дивизионов [15, л. 251]. Согласиться с версией о формировании дивизиона в Новосибирске проще и сложнее одновременно. Здесь исследователям приходится иметь дело с путаницей, сопровождавшей весь процесс строительства и формирования бронепоездных частей 1941–1942 гг. В акте о со-

стоянии боевой готовности 49-го отдельного дивизиона бронепоездов, составленном 21 мая 1942 г. по результатам проверки его боеготовности перед отправкой на фронт, действительно указано, что дивизион формировался в Новосибирске с 8 декабря 1942 г. [18, л. 158]. Эти же данные есть в одной справке из множества по местам формирования дивизионов.

Путаница в документах, заметная уже на уровне мест формирования дивизионов, при переходе к вопросу о месте строительства бронепоездов только усиливается. Здесь, к сожалению, данные формуляра считать стопроцентно достоверными уже нельзя. Более того, при перекрестной проверке ошибка, связанная именно с Тайгой, выявлена в историческом формуляре 41-го дивизиона. По справке от 15 апреля 1942 г. именно он получил построенный здесь к началу февраля бронепоезд. При этом в «Истории дивизиона», записанной 31 августа 1944 г., местом строительства матчасти указан Новокузнецк и Новосибирск. Привлечение других документов, в частности «Акта о состоянии боевой готовности...», оформленного в апреле 1942 г., позволило сделать вывод, что в данном случае ошибка была допущена дивизионом.

Учитывая, что по документам УБПиБМ, освещающим ход строительства бронепоездов по директиве № 22сс, на ст. Тайга строился только один бронепоезд — версию о строительстве «Лунинца» на ст. Тайга можно отбросить.

Возвращаясь к формуляру 49-го дивизиона — сведения формуляра совпадают с данными, указанными в справке [19] о строительстве бронеплощадок: паровозные депо Рубцовки и Новосибирска. С местом бронирования паровозов сложнее. По имеющимся документам следует, что бронепаровозы были изготовлены в депо Усаты и Болотное [18, л. 160]. Так как экипаж в строительстве участия не принимал, а получил готовые бронепоезда, офицеры дивизиона вполне могли допустить ошибку, не приняв во внимание или забыв несущественные с их точки зрения детали.

Даты получения матчасти требуют дополнительной проверки. Исходя из ранее цитированных документов, о декабре 1941 г. речи идти не может. Однако вызывает сомнения промежуток между получением бронепоездов и отправкой дивизиона в сторону фронта. В формуляре 49-го ОШДБП указана та же дата получения матчасти — 8 марта, при этом отправился на запад он уже 10 марта. У других дивизионов промежуток между окончанием строительства бронепоездов и отправкой в г. Москву составил около двух недель, но никак не два месяца.

Участие 49-го отдельного Шепетовского дивизиона бронепоездов в боях

Несмотря на то, что 49-й отдельный дивизион входит в очень немногочисленную когорту бронепоездных частей, награжденных или отмеченных за успехи в сражениях, его боевой путь сколь угодно подробно в литературе не рассматривался. Так, в работе М. В. Коломийца, кроме овладения Шепетовкой в феврале 1944 г., упомянуты только бои за Опельн в январе 1945 г. [4, с. 404]. В изданиях, подготовленных РЖД, мы узнаем, что «Лунинец» начинает воевать в июле 1942 г., высаживая десант под немецкими бомбами в районе Елец — Касторная [1, с. 135], [3, с. 124]; затем были Поньры, Шепетовка, Радом и Опшелян.

Исторический формуляр сообщает нам, что «Лунинец», в отличие от основного ядра дивизиона, успел прибыть 1 июля 1942 г. в Воронеж, на Юго-Западный фронт. С 3 июля бронепоезд с переданным ему десантом выполнял распоряжение Комфронта об охране перегона и ст. Давыдовка — Лиски, затем с боями отходил в направлении ст. Поворино и только 16 июля на ст. Талово получает приказ командира дивизиона выдвинуться в г. Елец на соединение с дивизионом. По этому эпизоду формуляр дает отсылку к материалам Юго-Западного фронта.

Штаб дивизиона с бронепоездом «Железнодорожник Алтая» во время совершения марша 30 июня получил приказ о переподчинении 49-го ОШДБП Командующему Брянским фронтом и 5 июля прибыл на ст. Елец. В дальнейшем дивизион подчинялся Командующему 13-й армии и выполнял распоряжения Командующего бронетанковыми и механизированными войсками 13-й армии. В течение лета — осени 1942 г. бронепоезда вели бои, несли потери. При этом ничего похожего на эпизод, описанный в изданиях РЖД, в истории дивизиона в указанный период нет.

25–27 января 1943 г. 49-й ОШДБП поддерживает огнем 47-й стрелковый полк 15-й стрелковой дивизии 13-й армии, наступающий в районе разъезда Ударник.

После описания действий по обеспечению ПВО ст. Елец, формуляр указывает, что с 15 марта 1943 г. 13-я армия входила в состав новообразованного Центрального фронта. 24 апреля дивизион прибыл на ст. Поньры.

С 6 по 16 июля 49-й дивизион поддерживает 307-й, 81-й стрелковые и 4-й и 20-й авиадесантные дивизии 13-й армии, держащие оборону на одном из ключевых участков северного фаса Курской дуги. Надо отметить, что бронепоезда выполняли заявки начальников артиллерии вышеупомянутых дивизий, о чем есть масса отчетов. Исключением является 20-я авиадесантная дивизия — упоминаний о ней в других документах не обнаружено; вероятно, здесь в формуляре допущена ошибка или описка.

7 августа 1943 г. дивизион переходит в подчинение Командующего БТиМВ 60-й армии Центрального фронта, которая, в свою очередь, переходит в состав Воронежского, после переименования — 1-го Украинского фронта.

12 октября 1943 г. под немецкими бомбами в Котопском парке железнодорожного узла Нежин погибает штаб и база дивизиона; утрачены многие документы 1942–1943 гг.

7 февраля 1944 г. 49-й ОШДБП получает распоряжения от штаба созданной ранее группы дивизионов бронепоездов 60-й армии. С 8 февраля — поддерживает действия 18-го гвардейского стрелкового корпуса, для чего 9 февраля поступает в оперативное подчинение Начарта 351-й стрелковой дивизии. Непосредственную поддержку огнем получал 1159-й стрелковый полк.

17 февраля за успешные боевые действия по освобождению города и железнодорожного узла Шепетовка приказом Верховного Главнокомандующего дивизиону присвоено почетное наименование «Шепетовский». Приказ объявлен 18 февраля.

С 23 февраля место 351-й дивизии занимает 280-я стрелковая дивизия. 28 февраля дивизион перемещается на участок 148-й стрелковой дивизии и поддерживает 654-й стрелковый полк сначала в обороне, а 4–5 марта — в наступлении.

С 7 марта 49-й ОШДБП находится в подчинении Начальника управления тыла 60-й армии.

20 марта штаб 1-го Украинского фронта выводит 49-й ОШДБП из подчинения группы дивизионов бронепоездов, а также из состава 60-й армии и передает его в состав 13-й армии. 16 апреля дивизион передан в состав 18-й армии. В составе 18-й армии он входит в состав созданной группы дивизионов бронепоездов с задачей поддерживать действия 389-й стрелковой дивизии и 160-го Укрепленного района. В ходе боев на участке Анатоля — Звиняче дивизион передается в подчинение 3-й гвардейской армии для взаимодействия с 21-м стрелковым корпусом. В июле поддерживает наступление 22-го стрелкового корпуса 3-й гвардейской армии.

В августе 1944 г. 49-й ОШДБП занимается охраной железной дороги, сооружений и прилегающей местности от банд бандеровцев, получая при этом приказы от заместителя Начальника службы военных сообщений 1-го Украинского фронта.

Таким образом, исторический формуляр сообщает нам гораздо больше сведений о боевых действиях дивизиона до осени 1944 г., чем было зафиксировано в литературе.

Из формуляра извлекаются сведения о подчиненности дивизиона, частях и соединениях, с которыми он взаимодействовал, для дальнейшей работы с соответствующими фондами. При этом список частей, с которыми 49-й ОШДБП взаимодействовал, в исследуемом документе не полон; к примеру, не упомянута поддержка 1-го Гвардейского ордена Ленина стрелковой дивизии в июле 1942 г. [16, л. 200]. Следовательно, необходимо обращаться как минимум к отчетам о боевых операциях бронепоездных частей для восстановления более полной картины.

Необходимо учитывать, что реальность, показываемая в историческом формуляре, несколько приукрашена по сравнению с той, что открывается по боевым донесениям. В формуляре 49-го ОШДБП, к примеру, при описании боев за ст. Поньри особо отмечено отсутствие задержек при открытии огня по заявкам пехоты. При этом имеется значительное количество документов лета — осени 1943 г., предоставленных штабом дивизиона в вышестоящие инстанции с критикой организации Службы военных сообщений, по вине которой бронепоезда теряли на стрелках по часу и более времени при выходе на огневые позиции [20, л. 296 об.; 348, 348 об.]. Также не упомянут эпизод со столкновением с выпущенным в сторону находящегося на огневой позиции бронепоезда товарного состава [20, л. 113].

Как правило, в формулярах указывается большее количество выходов на огневые позиции, больший расход боеприпасов; растет количество и сила атак противника и его потери. В формулярах других дивизионов были встречены некорректные описания боевых эпизодов с обвинением в трусости соседей и выпячивании собственной храбрости [15, л. 257], что опровергалось другими документами. Нередки ошибки в датировке событий. Встречаются откровенно преувеличенные сообщения о нанесенных противнику потерях.

Заметно, что в целом, по мере удаления от боя, достоверность его описания падает. Примером чего может служить описание боя 49-го ОШДБП за разъезд Ударник 27 января 1943 г. во втором ежегодном отчете Управления бронепоездов и бронемашин, обобщающем опыт ведения боевых действий бронепоездами за июнь 1942 — июнь 1943 гг. [21].

Личный состав

Сведения о личном составе содержатся практически во всех разделах формуляра. Так, в первой части сообщается об основных источниках формирования кадров, которыми названы: Отдел кадров СибВО, госпитали г. Томска через Томский военный пересыльный пункт, Военноучетное бюро при Томской железной дороге, Кемеровский горвоенкомат, Тайгинский и Болотнинский райвоенкоматы. Дивизион формировался по штату № 016/303. Здесь же перечислены лица, непосредственно занимавшиеся комплектованием.

При описании боевых действий упоминаются отличившиеся бойцы и командиры, а также происходившие замены в комсоставе. Погибшие упомянуты не все, причем цифры потерь в формуляре и донесениях, предоставленных по горячим следам, не совпадают. В таблице итоговых потерь по сентябрю 1944 г. указано число погибших рядовых и сержантов — 17 чел.; офицерского состава — 5 человек. Ранено — 16 и 4 чел. соответственно.

Некоторое количество конкретной информации по личному составу содержит и раздел о партийно-политической работе. Наибольший интерес представляет раздел о награжденных. В нем с указанием занимаемой должности поименно перечислены бойцы и командиры, получившие государственные награды. На 12 сентября 1944 г. в дивизионе имелось награжденных: орденом Отечественной войны I степени — 1 чел.; орденом Отечественной войны II степени — 3 чел.; орденом Красной Звезды — 29 чел.; медалью «За отвагу» — 44 чел.; медалью «За боевые заслуги» — 23 чел.

Однако сведения формуляра не являются исчерпывающими. Вне поля зрения исследователя останется ряд документов, дающих более подробную информацию о личном составе на момент формирования 49-й ОШДБП: акты о состоянии боевой готовности и доклады о состоянии боевой подготовки дивизиона. Упоминания этих документов в формулярах, как правило, отсутствуют.

Так же не полными следует считать списки награжденных ввиду отсутствия в них награжденных осени 1944 г. и победного 1945 г.

Выводы

Исторический формуляр дивизиона бронепоездов является документом, позволяющим быстро получить сведения о формировании и боевом пути соединения, заметно превышающие объемом и качеством те, что содержатся в большинстве трудов по истории советских бронепоездов. Исторический формуляр является документом, необходимым, но недостаточным для исследования. В вопросах постройки и комплектования он должен дополняться как минимум актами и донесениями, составленными по результатам проверки боеготовности дивизиона. Факты, сообщаемые формуляром, часто приукрашены по сравнению с донесениями, написанными непосредственно по итогам боев. Для серьезного анализа боевого пути дивизиона необходимо привлечение документов частей и соединений, с которыми 49-й ОШДБП взаимодействовал.

Оценка своих действий дивизионом и оценка этих же действий со стороны поддерживаемой пехоты могут различаться кардинально. При этом в историческом формуляре перечислены не все части и соединения, с которыми бронепоезда взаимодействовали.

Необходимо иметь в виду, что качество исторического формуляра, как и количество содержащейся в нем информации, может быть разным: от подробного и корректного описания каждого этапа и боевого эпизода до отписок общего характера объемом менее десяти страниц. Часть дивизионов не предоставили формуляры или они отложились в неочевидных делах, что делает их обнаружение затруднительным.

Список источников / References

1. Ефимьев А. В., Манжосов А. Н., Сидоров П. Ф. Бронепоезда в Великой Отечественной войне 1941–1945. Москва: Транспорт, 1992. 244 с. ISBN 5-277-01631-7.
Efimiyev A. V., Manzhosov A. N., Sidorov P. F. Bronepoyezda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 [Armored trains in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, 1992. 244 p. ISBN 5-277-01631-7. (In Russ.).
2. Амирханов Л. Я. Броненосцы железных дорог. Санкт-Петербург: Остров, 2005. 210 с. ISBN 5-94500-001-9.
Amirkhanov L. Ya. Bronenostsy zheleznikh dorog [Railway battleships]. Saint Petersburg, 2005. 210 p. ISBN 5-94500-001-9. (In Russ.).
3. Бронепоезд Победы / авт.-сост.: Л. Васильева, Н. Киселев. Москва: ООО «Алонта АГ», 2015. 304 с.
Bronepoyezd Pobedy [Armored trains of the Victory] / compiled by L. Vasilyeva, N. Kiselev. Moscow, 2015. 304 p. (In Russ.).
4. Коломиец М. В. Советские бронепоезда в бою 1941–1945. Москва: Яуза, 2021. 456 с. ISBN 978-5-04-118477-3.
Kolomiyets M. V. Sovetskiye bronepoyezda v boyu 1941–1945 [Soviet armored trains in the battle of 1941–1945]. Moscow, 2021. 456 p. ISBN 978-5-04-118477-3. (In Russ.).
5. Завьялова С. В. Бронепоезд «Патриот»: подвиг ишимских железнодорожников / авт.-сост. Г. А. Крамор. Ишим: ООО Ишимская типография, 2023. 56 с.
Zav'yalova S. V. Bronepoyezd «Patriot»: podvig ishimskikh zheleznodorozhnikov [Armored train «Patriot»: Feat of the Ishims railway workers] / compiled by G. A. Kramor. Ishim, 2023. 56 p. (In Russ.).
6. Маракулина О. Н. История бронепоезда «Патриот» // Коркина слобода: альманах. Вып. 3. 2001. С. 47–50.
Marakulina O. N. Istoriya bronepoyezda «Patriot» [History of the armored train «Patriot»]. *Korkina Sloboda*. Issue 3. 2001. P. 47–50. (In Russ.).
7. Максимов В. М., Ковров Д. В. Бронепоезд «Лунинец» // Разыскания: историко-краеведческий альманах. 2007. Вып. 7. С. 71–76.
Maksimov V. M., Kovrov D. V. Bronepoyezd «Luninets» [Armored train «Luninets»]. *Razyskaniya*. 2007. Issue 7. P. 71–76. (In Russ.).
8. Живописцев М. Ю. К истории бронепоезда «Сибиряк» // Разыскания: историко-краеведческий альманах. 2007. Вып. 7. С. 65–70.
Zhipovistsev M. Yu. K istorii bronepoyezda «Sibiryak» [To the history of the armored train «Sibiryak»]. *Razyskaniya*. 2007. Issue 7. P. 65–70. (In Russ.).
9. Леонова Е. В., Гришин Ю. В. Бронепоезд «Сибиряк» // Омский краевед: научно-популярный альманах. 2020. № 9. С. 72–77.
Leonova E. V., Grishin Yu. V. Bronepoyezd «Sibiryak» [Armored train «Sibiryak»]. *Omskiy Krayeved*. 2020. No. 9. P. 72–77. (In Russ.).
10. Орлов П. А. Сибирские бронепоезда. Начало пути // Сибирские огни. 2020. № 5. С. 117–137.
Orlov P. A. Sibirskiy bronepoyezd. Nachalo puti [Siberian armored trains. The beginning of the journey]. *Sibirskiy Ogn*. 2020. No. 5. P. 117–137. (In Russ.).

11. Орлов П. А. Сибирские бронепоезда. Боевые маршруты // Сибирские огни. 2020. № 12. С. 122–141.
Orlov P. A. Sibirskiy bronepoyezd. Boyevyye marshruty [Siberian armored trains. Combat routes]. *Sibirskiy Ogn*. 2020. No. 12. P. 122–141. (In Russ.).
12. Орлов П. А. Сибирские бронепоезда. Битва за Кавказ // Сибирские огни. 2021. № 05. С. 157–175.
Orlov P. A. Sibirskiy bronepoyezd. Bitva za Kavkaz [Siberian armored trains. Battle for the Caucasus]. *Sibirskiy Ogn*. 2021. No. 5. P. 157–175. (In Russ.).
13. Орлов П. А. Сибирские бронепоезда. Карельский фронт // Сибирские огни. 2022. № 5. С. 172–190.
Orlov P. A. Sibirskiy bronepoyezd. Karel'skiy front [Siberian armored trains. Karelian front]. *Sibirskiy Ogn*. 2022. No. 5. P. 172–190. (In Russ.).
14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 38 Оп. 11358. Д. 257. Л. 362.
Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (TsAMO RF) [Central Archives of the Ministry of Defence of the Russian Federation (CAMD RF)]. File: 38/11358/257/362. (In Russ.).
15. ЦАМО РФ. Ф. 38 Оп. 11358. Д. 301.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 38/11358/301. (In Russ.).
16. ЦАМО РФ. Ф. 38 Оп. 11358. Д. 31. Л. 202–203.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 38/11358/31/202–203. (In Russ.).
17. ЦАМО РФ. Ф. 38 Оп. 11358. Д. 8. Л. 85–92; 125.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 38/11358/8/85–92; 125. (In Russ.).
18. ЦАМО РФ. Ф. 38 Оп. 11358. Д. 38.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 38/11358/38. (In Russ.).
18. ЦАМО РФ. Ф. 38 Оп. 11358. Д. 37. Л. 161.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 38/11358/37/161. (In Russ.).
19. ЦАМО РФ. Ф. 38 Оп. 11358. Д. 114.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 38/11358/114. (In Russ.).
20. ЦАМО РФ. Ф. 38 Оп. 11358. Д. 122. Л. 24–26.
TsAMO RF [CAMD RF]. File: 38/11358/122/24–26. (In Russ.).

ОРЛОВ Павел Александрович, старший научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея, г. Новосибирск.
Адрес для переписки: masakari.ngs.ru@rambler.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 05.11.2025.

ORLOV Pavel Aleksandrovich, Senior Researcher, Novosibirsk State Museum of Local History, Novosibirsk.
Correspondence address: masakari.ngs.ru@rambler.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 05.11.2025.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПОЛНЕНИЯ КАДРОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С. Н. Третьяков

Алтайский государственный педагогический университет,
Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

В статье анализируется проблема восполнения квалифицированных кадров в условиях мобилизации на фронт. Основное внимание уделено способам восполнения профессиональных кадров: руководства колхозов; механизаторов, включая женщин трактористок и комбайнёрок; специалистов по полеводству и животноводству, а также помощи сельскому хозяйству края в уборочных работах и ремонте техники со стороны городов и бойцов Рабоче-крестьянской Красной армии. Проведённое исследование на основании научной литературы, периодической печати и неопубликованных архивных материалов позволило установить, что проблема восполнения профессиональных кадров успешно решалась на уровне всего региона Краевым комитетом Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, а более широко — сектором сельскохозяйственных кадров и Краевым земельным отделом, в основном посредством массового прохождения обучения на различных курсах по профессиям в течение всей войны.

Ключевые слова: Алтайский край, председатель колхоза, тракторист, комбайнёр, курсовая подготовка, мобилизация.

Для цитирования: Третьяков С. Н. Решение проблемы восполнения кадров в сельском хозяйстве Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 78–84. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-78-84. EDN: EUYFOT.

© Третьяков С. Н., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOLVING THE PROBLEM OF STAFFING IN AGRICULTURE OF THE ALTAI TERRITORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. N. Tretyakov

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul, Molodezhnaya St., 55, 656031

The article analyzes the problem of replenishment of qualified personnel in the context of mobilization to the front. The main attention is paid to ways to replenish professional staff: collective farm management; machine operators, including female tractor drivers and combine harvesters; specialists in field breeding and animal husbandry, as well as assistance to the agriculture of the region in harvesting and repairing equipment from the cities and soldiers of the Workers' and Peasants' Red Army. The conducted research, based on scientific literature, periodicals and unpublished archival materials, allows establishing the solution of the problem of replenishing professional staff at the level of the entire region by the Regional Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks, and more widely by the Agricultural Frame sector and the Regional Land Department, mainly through various professional courses.

Keywords: Altai Territory, chairman of a collective farm, tractor driver, combine harvester, course training, mobilization.

For citation: Tretyakov S. N. Solving the problem of staffing in agriculture of the Altai Territory during the Great Patriotic War. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 78–84. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-78-84. EDN: EUYFOT.

Исследование посвящено проблеме нехватки специалистов в сельском хозяйстве Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. Анализ архивных документов, периодической печати и научной литературы позволил определить остроту этой проблемы в сельском хозяйстве края данного периода. Изучение способов решения проблемы восполнения нехватки кадров региональным руководством в чрезвычайных условиях военных лет определило актуальность исследования, заключающуюся в следующем. Сельское хозяйство вследствие взятого советским правительством ещё в довоенное время курса на товарное производство сельскохозяйственных продуктов, не могло реализовывать свои функции в условиях острой нехватки или отсутствия квалифицированных кадров. Следовательно, их восполнение было жизненно важно для полноценного функционирования производства сельхозпродукции и, соответственно, изучение этой проблемы, также необходимо для полноты понимания кадровой ситуации тех лет. Кроме того, формы и способы решения указанной выше проблемы могут быть интересны и востребованы руководителями в современных условиях с учетом государственной ситуации России и недостатком специалистов рабочих профессий.

Рассмотрев научную литературу, удалось установить объёмы мобилизаций квалифицированных кадров сельского хозяйства. Изучение архивных материалов позволило выявить, что проблема нехватки кадров решалась в основном на базе курсовой подготовки и продолжалась весь период войны. Дополнительным способом решения кадровой проблемы была мобилизация городского населения и бойцов Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) на сельскохозяйственные работы во время уборочной страды и к участию в ремонтных работах техники машинно-тракторных станций (МТС).

Таким образом, цель работы — выявить на основе неопубликованных архивных материалов и периодической печати источники восполнения профессиональных кадров в сельском хозяйстве Алтайского края военного времени. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: установить причины нехватки кадров; выявить способы восполнения профессиональных кадров и длительность действия; изучить дополнительные источники восполнения нехватки кадров.

Начало Великой Отечественной войны сильно ударило по кадровому составу сельского хозяйства Алтайского края. Уже в первый год войны обострилась проблема квалифицированных кадров. В РККА было призвано не менее 60–70 % председателей колхозов и бригадиров. В конце 1943 г. из 4464 председателей только 789 имели опыт работы свыше трёх лет, 1781 чел. — 1–3 года и 1894 чел. — до 1 года. Аналогичная ситуация с бригадами в конце 1944 г. Из 5516 бригадиров края довоенный опыт (от 3-х лет) имели всего 675 (12,3 %) бригадиров. Десятки тысяч механизаторских кадров были призваны на фронт. В Алтайском крае на начало 1942 г. оставалось 10 % трактористов и 30 % комбайнёров. Если в 1940 г. в МТС Алтая насчитывалось 32500 трактористов и 8257 комбайнёров, то к 1942 г. — 10700 и 3300 соответственно. Результатом стало отсутствие специалистов сельского хозяйства, так как в большинстве это были практики с низшим образованием [1, с. 89–90; 2, с. 15; 3, с. 401; 4, с. 111; 5, с. 78; 6, с. 176; 7, с. 124; 8, с. 37].

В военные годы наблюдалась большая текучка руководящих кадров колхозов на местах. В 1943 г. в ряде районов края сменилось около 70 % бригадиров-полеводов. В связи с этим Районные земельные отделы (РайЗО) получили приказ учесть всех бригадиров в соответствии с Уставом артели — срок не менее 2-х лет работы, а председателям колхозов не допускать сменяемости бригадиров раньше срока без согласия РК ВКП(б). К 1944г. в Тюменцевском районе сменилось 116 бригадиров-полеводов, в Новичихинском районе из 48 сменилось 23 председателя; в одном только колхозе «Красная Армия» за время войны сменилось 5 председателей колхозов [6, с. 176; 9, л. 73].

Причина текучки, кроме мобилизаций, — отставание от планов работ, зачастую необоснованные аресты за срыв сельскохозяйственных работ, хищение зерна, порча машин. Всё это лишало привлекательности занятия ответственных постов. Например, на Алтае за 1943 г. из 3000 руководителей сменилось 50 %, в том числе 70 % председателей райисполкомов, 40 % председателей сельсоветов и 47 % председателей колхозов. По данным 45 районов из 4502 председателей колхозов за два года войны сменилось 3969 чел. Смена председателей происходила и по другим причинам. В Белогазовском районе, несмотря на категорический запрет о переброске председателей в другие колхозы, за 1944–1945 гг. в 17 колхозах было сменено 25 из 49 чел. По состоянию на 17 декабря 1942 г. в 4604 колхозах было освобождено 4083 председателя, в том числе были призваны в РККА 3498 чел., сняты как не справившиеся с работой — 299 чел., осуждены 170 чел., в связи с переходом на другую работу были сняты с должности 105 чел. [10, с. 170–171; 11, л. 5 об., 11; 12, л. 52, 52 об.; 13, с. 290].

Главным способом решения проблемы кадров сельского хозяйства в период войны стали краткосрочные курсы подготовки разных квалификаций. Кадровая политика строилась на командно-административном воздействии и приобрела значительный размах. Обучение осуществляли массово, уже с зимы 1941–1942 гг. подготовка на курсах и семинарах колхозных председателей, бригадиров, счетоводов, звеньевых осуществлялась на всех уровнях вплоть до межобластного. Их общий контингент по сравнению с 1940 г. возрос в семь раз и только в Западной Сибири составил более 75 000 чел. Масовость переподготовки кадров была реализована впервые, но ввиду мобилизации в кадрах возникала острая нужда и в дальнейшем. Курсовые занятия с председателями колхозов проводили и в 1943 г. [2, с. 24; 9, л. 73].

Председателей колхозов обучали на межрайонных курсах, включавших в себя несколько потоков. В Мамонтовском районе в период с 2 декабря 1943 г. по 19 января 1944 г. обучено на двух потоках 67 чел., третий поток приступил к занятиям в количестве 47 чел. с 20 января 1944 г. В Павловском районе на курсах второго потока обучалось 84 чел., на третьем потоке — 57 чел. Обучение проходило без срывов, а лекции читали профессора Пушкинского сельскохозяйственного института. На заключительном занятии был проведён обмен опытом председателей передовых колхозов. По краю на межрайонных курсах председателей колхозов на первом потоке закончили обучение 964 чел., на втором потоке обучили 957 чел., на третьем потоке по факту обучалось 962 чел. Всего в зимний период 1943–1944 гг. прошли обучение

на курсах председателей 2883 чел. Тем не менее инструктор отдела кадров крайкома ВКП(б) отмечал, что Краевые земельные отделы (КрайЗО) совершенно не занимаются переподготовкой председателей колхозов, так как не обладают никакой информацией. Переподготовка председателей колхозов Волчихинского района проводилась в г. Славгороде. В 1945 г. в три сезона: с 1 января — 19 чел.; с 1 февраля — 15 чел.; с 1 марта — 13 чел. [14, л. 1—14; 15, л. 16].

Подготовка на курсах кадров массовой квалификации, включая межрайонные колхозные школы (МРКШ), на начало июля 1942 г. показала следующие результаты. Подготовлено 7893 чел. животноводческих кадров, в том числе заведующих фермой — 2119 чел., бригадиров-животноводов — 415 чел., доярков — 2315 чел., телятниц — 275 чел., свинок — 162 чел., чабанов — 540 чел., ветсанитаров — 820 чел., участковых зоотехников — 784 чел., птицеводов — 63 чел. Через МРКШ из 889 чел., принятых на обучение, выпущен 731 чел. В том числе агротехников из 105 чел. выпущен 51 чел., бригадиров-полеводов из 35 чел. выпущено 34 чел., техников-животноводов из 180 чел. выпущен 51 чел., ветфельдшеров из 127 чел. выпущено 59 чел. План подготовки на курсах кадров массовой квалификации звеньевых по сахарной свекле, подсолнуху, льну, конопле и махорке составлял 16 535 чел., было подготовлено 9910 чел. Всего по краю требовалось 620 зоотехников, а в наличии было 322 чел., из них с высшим образованием — 38 чел., со средним — 142 чел., с неоконченным средним — 6 чел. и 135 чел. окончили курсы практики [12, л. 92, 92 об.].

Подготовка и переподготовка кадров сельского хозяйства велась и в последующие годы. Так, в зиму 1943—1944 гг. было подготовлено при сельскохозяйственных вузах и школах механизации 5000 директоров, старших механиков и старших агрономов МТС, заведующих и главных агрономов РайЗО. С целью осуществления мероприятий по повышению урожайности, поставленной Советом народных комиссаров СССР (СНК СССР) и Центральным комитетом Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ЦК ВКП(б)) перед Алтайским крайкомом ВКП(б), в Тальменском районе провели подготовку и переподготовку работников полеводства к весеннему севу 1945 г. В итоге прошли обучение 48 председателей колхозов; 32 агротехника; 72 бригадира-полевода; 15 бригадиров-свекловодов; звеньевых по свекле — 180 чел., по семеноводству — 130 чел., по махорке — 33 чел., по овощеводству — 20 чел. [16, с. 108; 15, л. 67 об.].

Проблеме механизаторских кадров уделялось особое внимание. В 1941 г. вследствие мобилизации техники и призыва в армию механизаторов создавалась угроза, что даже оставшийся машинно-тракторный парк не удастся задействовать на уборке. В связи с этим уже в конце лета 1941 г. при МТС и школах механизации были открыты курсы по сокращённому в 4—5 раз (30—40 дней) сроком обучения и с увеличенным до 12 часов учебным днём. В итоге к уборочным работам подготовили необходимое количество механизаторов, в Алтайском крае оно составило 11 500 чел. По всей стране подготовили 207 709 трактористов, 48 803 комбайнёра, 29 115 помощников комбайнёров — всего 285 627 механизаторов [2, с. 24; 17, с. 90; 18, с. 71].

Уже в первую неделю войны на курсах механизаторов в четырёх МТС Алейского учились около 1000 чел., в Шипуновском районе — 700 женщин,

в других районах тоже были открыты краткие курсы механизаторов. Дружно и с большим желанием шли девушки на курсы механизаторов в Белоглазовском районе (441 чел.), в Змеиногорском (558 чел.), Кытмановском (190 чел.). Технику изучали с огромным интересом, с каждым днём нарастал производственный подъём в колхозах, многие колхозники заявляют о своей готовности работать столько, сколько потребуется. Например, в Солтонском районе девушки, успешно осваивающие комбайн, обратились ко всем девушкам с призывом овладевать сложной техникой. На Алтае в 1941 г. подготовили 15 000 трактористок, 10 800 женщин-комбайнёров и штурвальных, 700 женщин-шофёров, что составило 73 % трактористов, 95 % комбайнёров, 82 % штурвальных [2, с. 11, 24; 19; 20; 21; 22, с. 372; 23, л. 3].

Согласно справке заведующего сектором Сельхозкадров Алткрайкома ВКП(б) о подготовке механизаторских кадров, на 10 декабря 1941 г. по плану во всех районах края подготовили 1718 (70 %) чел. Из плана — 2455 механизаторов, в том числе 914 трактористов, а на остальные специальности — бригадир, механик, шофёр — было подготовлено 804 чел. [12, л. 1—3]. На 2 декабря 1942 г. план подготовки механизаторских кадров, включая ремонтников, составлял уже 39 000 чел., обучено было 19 843 (50 %) чел. Из них по факту было обучено 16 673 (78 %) трактористов, 518 (36 %) бригадиров, 225 (62 %) механиков, 1869 (28 %) комбайнёров, 184 (50 %) шофёра [12, л. 6].

В 1942 г. ввиду недостаточной обеспеченности МТС механизаторскими кадрами утвердили дополнительный план подготовки механизаторов на двухмесячных курсах и переподготовки комбайнёров по восьмидесятичасовой программе. В итоге подготовлено на 1 сентября 1942 г. для 7830 имевшихся в наличии комбайнов 6943 комбайнёра, 1293 штурвальных, 870 (84,22 %) механиков, 2995 (92,89 %) тракторных бригадиров. Дополнительно подготовлено 3635 трактористов, 236 шофёров, 133 машиниста. Привлечено 169 женщин-комбайнёров, 329 штурвальных, 1025 трактористок [12, л. 89, 89 об., 94, 96 об., 98].

В предыдущие годы подготовка проходила по следующим специальностям: в 1939 г. — 13 671 тракторист, 1884 комбайнёра; в 1940 г. — 10 180 трактористов, 1900 комбайнёров, 555 бригадиров, 173 механика. С 1942 г. перечень специальностей расширяется. Подготовлено 16 674 тракториста, 6518 бригадиров, 233 механика, 2654 комбайнёра, 186 шофёров, 374 токаря. Всего 26 639 чел. Повышению обеспеченности МТС механизаторскими кадрами способствовал приказ по НКЗ СССР от 20 августа 1942 г. об организации индивидуального ученичества из числа колхозников; срок обучения — 3 месяца. Ученикам начислялось до одного трудодня в день, наставникам — 10 трудодней в месяц за каждого ученика, а при успешно сданной пробе — 15 трудодней [12, л. 84; 9, л. 116].

В начале 1943 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о предоставлении права проводить мобилизацию на курсы механизаторов из общеобразовательных школ. Курсы переподготовки действовали повсюду, но теперь проходили квалификационные комиссии, а не сдавшие экзамен назначались прицепщиками. Так как требования к набору курсантов были низкими — не проводился персональный набор, обучали малоопытные наставники, что отразилось на выполнении плана

тракторных работ. По указанной причине в 1944 г. приказом АлтКрайЗО предписывалось проводить только курсы повышения квалификации. Это означало, что на курсы трактористов при МТС или в школе механизации теперь направляли только из прицепщиков, которых набирали в колхозах из числа женщин и мужчин непризывных возрастов. Далее, соответственно, курсантов для обучения на курсах комбайнёров или бригадиров набирали из трактористов, а учиться на механиков — из комбайнёров или бригадиров. То есть теперь при отсутствии технических знаний нельзя было отучиться сразу на комбайнёра или механика, а нужно было пройти все «механизаторские уровни». Сроки обучения были 4–6 мес. в зависимости от специальности. Кроме того, данный приказ предписывал обеспечить курсы наставниками из лучших бригадиров и комбайнёров. Выделить необходимое количество инструктора и техники для практических занятий, которые проводить на ремонте тракторов [2, с. 37; 9, л. 118, 118 об.].

Выполнение приказа АлтКрайЗО можно рассмотреть на примере следующих районов. В Волчихинском по третьей МТС обучили 163 чел., в том числе 27 бригадиров. В Старо-Бардинском районе по второй МТС подготовлено 74 тракториста, включая подготовку на месте, 7 комбайнёров, 4 участковых механика, 4 тракторных бригадира [15, л. 15, 16, 36, 36 об.].

В 1944 г. потребность края в комбайнёрах составляла 9500 чел. и столько же помощников, с учётом обучения 1442 комбайнёра и 654 помощника, некомплект составлял 3209 комбайнёров и 4599 помощников комбайнёра. Учитывая значимость данной профессии, было решено на бюро крайкома ВКП(б) заслушать отчёты секретарей РК ВКП(б), осудить их непартийное отношение и потребовать принятия мер; провести учёт кадров комбайнёров и организовать подготовку недостающего количества [24, л. 66].

На начало 1945 г. в Михайловском районе обучалось 93 тракториста, 2 бригадира, а в феврале — марте прошли курсы бригадиров-полеводов 90 чел. В Сростинском районе на курсах подготовили 40 бригадиров-полеводов; 50 звеньевых по зерновым, 105 — по техническим; 40 инспекторов по качеству; 40 прицепщиков. Подготовка прошла в течение февраля 1945 г. При двух МТС этого района обучалось 63 тракториста, 5 бригадиров, 15 комбайнёров, 2 механика [15, л. 50, 56, 60].

В конце войны деревня стала испытывать нехватку специалистов, прямо не относящихся к сельскому хозяйству. Приказом от АлтКрайЗО от 28 апреля 1945 г. на восьмимесячных курсах для колхозов из колхозников было подготовлено 500 кузнецов, 145 плотников, 455 столяров. Мастерам наставничество оплачивал колхоз в размере 800 руб. за каждого ученика, а ученикам начислялось 1,5–2 трудодня в зависимости от успеваемости. К концу войны увеличилась подготовка кадров сельского хозяйства сроком в один год. Только в системе Наркомзема РСФСР в 1944/45 учебном году работало 209 техникумов против 54-х на начало 1941/42 учебного года, более половины из них находились в Сибири и на Востоке [11, л. 45; 2, с. 47–49].

В решении проблемы трудовых резервов в условиях мобилизации на фронт и в промышленность всё больше возрастала помощь населения городов. На уборочные работы в порядке обязательной тру-

довой повинности широко привлекались учащиеся, население городов и посёлков городского типа. С 1942 г. была разрешена мобилизация городского населения. Их были обязаны обеспечить жильём, распределить по бригадам и звеньям. Оплата труда производилась по существующим нормам на общих основаниях в зависимости от типа хозяйства — колхоз, МТС [25, с. 53].

В ответ на обращение наркома просвещения в 1941 г., помочь колхозам в полевых работах откликнулись, например, из Бийска 1345 учащихся. В Благовещенском районе работало более 150 учителей, в Большом Истоке — 2528 чел. Осуществлена прополка 40,5 га свеклы, 472 га зерновых, обработали 53 га сенокоса и 205 га на других работах. Выпустили 85 стенгазет, написали 142 лозунга, провели 207 читок и бесед с охватом 3655 чел. В Тюменцевском районе работало 2320 учеников и 136 учителей [23, л. 6]. В 1942 г. на сельхозработы мобилизовано 79611 чел. городского населения, в том числе 33975 взрослых, 43636 учащихся [9, л. 5, 6].

С 5 по 9 сентября 1942 г. бойцы Сибирского военного округа (СибВО) в количестве 2463 бойцов, оказали помощь 33 колхозам Павловского, Калманского и Шарчинского районов. Солдаты участвовали во всём спектре уборочных работ от косовицы до вывоза зерна с токов. В частности, скосили с площади 1900 га, обмолотили 566 га, очистили 6522 ц, вывезли с токов 1273 ц. Бойцы показали высокую производительность труда, например, за каждый рабочий день по 3,1 трудодня или 22 сапёра выработали 185 трудодней, что составило по 8 трудодней на чел. [26, с. 164, 165].

Осенью 1943 г. из г. Барнаула было направлено в помощь на уборочные работы и ремонт техники 11550 чел., в том числе 1474 агитатора, 2060 старшекласников. Агитаторы, кроме массово-политической работы, трудились по 2–3 нормы на всех видах уборочных работ, выполняя ответственную задачу — личным примером поднимать людей на трудовые подвиги. Например, на вязке снопов — 600 (200 %) в день или на косовице более 5 га, при норме 4 га. В. Н. Роменская на соломокопни теле работала одна вместо двух, выполняя норму на 200–250 %. По ремонту была направлена 51 техническая бригада общим количеством 249 чел. [27, с. 187–191].

В 1943 г. сотни рабочих Барнаула, Бийска, Рубцовска, а также 1000 выписанных из госпиталя бойцов участвовали в ремонтных работах МТС. Большую группу квалифицированных рабочих направили на ремонт комбайнов в 1944 г. А к осеннему сезону ремонтных работ в 1943–1944 гг. предприятия городов Алтая подготовили для МТС 359 рабочих-слесарей, токарей, кузнецов, электро-сварщиков [18, с. 81; 28, с. 218].

В мае 1945 г. приказом исполкома Крайсовета было мобилизовано 34985 чел., в том числе из городов — 1995 взрослых, 2845 учащихся; из райцентров — 27915 взрослых, 2230 учащихся. Уклоняющихся от мобилизации привлекали к уголовной ответственности [11, л. 23–26, 25 об.].

В результате проведённых исследований автор констатирует, что обострение кадровой проблемы произошло уже в первый год войны вследствие мобилизации. Проблема восполнения профессиональных кадров решалась с опорой на внутренние ресурсы, главным образом посредством краткосрочных курсов на краевом уровне, которые приобрели значительную массовость, а подготовка

и переподготовка продолжались в течение всей войны. Председателей колхозов обучали как на районных курсах, так и при сельскохозяйственных вузах. Подготовка кадров массовой квалификации — бригадиров, зоотехников и агрономов, специалистов по видам скота и полеводческим культурам — массово велась в МРКШ, практически полностью перекрыв нехватку кадров по этим профессиям.

Решение проблемы восполнения механизаторских кадров прошло существенную эволюцию, начавшись на первой неделе войны, в спешном порядке на краткосрочных курсах при МТС и школах механизации, ввиду мобилизации значительной части механизаторов и, как следствие, угрозы срыва уборочных работ. С 1943 г. ужесточились требования к качеству обучения, вводились обязательные экзамены, а с 1944 г. проводились только курсы повышения квалификации.

Повышению обеспеченности МТС кадрами способствовало введение индивидуального ученичества, наставничества мастеров, мобилизации старшеклассников на курсы механизации. Дополнительными источниками решения кадровой проблемы служили мобилизация населения городов в период сельхозкампаний, помощь военнослужащих СибВО и обучение в городах рабочих ремонтных специальностей.

Список источников / References

1. Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941—1945: история и психология подвига. Москва: Памятники ист. мысли, 2003. 500 с.
2. Aniskov V. T. Krest'yanstvo protiv fashizma, 1941—1945: istoriya i psikhologiya podviga [The Peasantry against Fascism, 1941—1945: The History and Psychology of Heroism]. Moscow, 2003. 500 p. (In Russ.).
3. Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны: моногр. Новосибирск, 1993. 245 с.
4. Aniskov V. T. Zhertvennyy podvig derevni: Krest'yanstvo Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Sacrificial feat of the village: the peasantry of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk, 1993. 245 p. (In Russ.).
5. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. Москва: Наука, 1970. 466 с.
6. Arutyunyan Yu. V. Sovetskoye krest'yanstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. 2nd ed., suppl. Moscow, 1970. 466 p. (In Russ.).
7. Серазетдинов Б. У. Председатели колхозов Алтайского края в годы Великой Отечественной войны: кадровые проблемы, профессионализм, управление // История: факты и символы. 2022. № 1(30). С. 110—114. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-110-114. EDN: AZZWFE.
8. Serazetdinov B. U. Predsedateli kolkhozov Altayskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: kadrovyye problemy, professionalizm, upravleniye [Public services of rural settlements of the central black earth as a demographic factor]. Istoriya: fakty i simvol'y. 2022. No. 1 (30). P. 110—114. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-110-114. EDN: AZZWFE. (In Russ.).
9. Ростов Н. Д. Алтай в Великой Отечественной войне: цена Победы // Актуальные вопросы истории Алтая: сб. науч. ст. / под ред. В. А. Скубневского, Е. В. Демчика [и др.]. Барнаул: Пять Плюс, 2017. С. 75—82. ISBN 978-5-6040289-2-6. EDN: ZUBRAL.
10. Rostov N. D. Altay v Velikoy Otechestvennoy voyne: tsena Pobedy [Altai in the Great Patriotic War: The price of Victory]. Aktual'nyye Voprosy Istorii Altaya / Ed. by V. A. Skubnevskiy,

E. V. Demchik [et al.]. Barnaul, 2017. P. 75—82. ISBN 978-5-6040289-2-6. EDN: ZUBRAL. (In Russ.).

6. Рыков А. В. Взаимоотношения администрации и рядовых колхозников Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (на материалах устных исторических источников) // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). Горно-Алтайск, 2018. Вып. 13. С. 175—181. EDN: UOFZMI.

7. Rykov A. V. Vzaimootnosheniya administratsii i ryadovykh kolkhoznikov Altayskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh ustnykh istoricheskikh istochnikov) [Relationship between administration and ordinary collective peasants of the Altai region in the years of the Great Patriotic War (on the materials of oral historical sources)]. Polevyye issledovaniya na Altaye, v Priirtysh'ye i Verkhnem Priob'ye (arkheologiya, etnografiya, ustnayaistoriya). Field Research in the Area of the Irtysh and Upper Ob Rivers and Altai (Archaeology, Ethnography, and Oral History). Gorno-Altaysk, 2018. Issue 13. P. 175—181. EDN: UOFZMI. (In Russ.).

7. Рыков А. В. Положение бригадиров полеводческих бригад Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Вопросы исторической науки: материалы III Междунауч. конф. (г. Москва, январь 2015 г.). Москва, 2015. С. 124—126. EDN: TREADL.

8. Rykov A. V. Polozheniye brigadirov polevodcheskikh brigad Altayskogo kraya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Situation of the foremen of the field-breeding brigades of the Altai Territory during the Great Patriotic War]. Voprosy istoricheskoy nauki. Issues of Historical Science. Moscow, 2015. P. 124—126. EDN: TREADL. (In Russ.).

8. Ульянов А. Н. Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 26—38.

9. Ulyanov L. N. Sel'skoye khozyaystvo i krest'yanstvo Sibiri k kontsu Velikoy Otechestvennoy voyny [Agriculture and the peasantry of Siberia towards the end of the Great Patriotic War]. Voprosy Istorii. 1976. No. 8. P. 26—38. (In Russ.).

9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-569. Оп. 4. Д. 2860.

10. Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya (GAAC) [State Archives of the Altai Territory (SAAT)]. File: P-569/4/2860. (In Russ.).

10. Шарапов С. В. Хлебозаготовки в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: планы и результаты // ЭКО. 2021. № 5 (563). С. 155—174. DOI: 10.30680/eco0131-7652-2021-5-155-174. EDN: LJHHZP.

11. Sharapov S. V. Khlebozagotovki v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: plany i rezul'taty [Grain procurement in western Siberia during the Great Patriotic War: plans and results]. EKO. ECO. 2021. No. 5 (563). P. 155—174. DOI: 10.30680/eco0131-7652-2021-5-155-174. EDN: LJHHZP. (In Russ.).

11. ГААК. Ф. Р-569. Оп. 4. Д. 1385.

12. ГААК [SAAT]. File: P-569/4/1385. (In Russ.).

12. ГААК Ф. П-1. Оп. 18. Д. 218.

13. ГААК [SAAT]. File: П-1/18/218. (In Russ.).

13. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту. 1941—1945 гг.: деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1966. 371 с.

14. Aniskov V. T. Kolkhoznoye krest'yanstvo Sibiri i Dal'nego Vostoka — frontu. 1941—1945 gg.: deyatel'nost' partiynykh organizatsiy po rukovodstvu sel'skim khozyaystvom v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Collective farm peasantry of Siberia and the Far East to the front. 1941—1945: the activities of party organizations in managing agriculture during the Great Patriotic War]. Barnaul, 1966. 371 p. (In Russ.).

14. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 555.

15. ГААК [SAAT]. File: П-1/18/555. (In Russ.).

15. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 806. Т. 1.

ГААК [SAAT]. File: П-1/18/806/1. (In Russ.).

16. Гаврилов Н. С. Алтай в Великой Отечественной войне. Барнаул: Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1990. 245 с. ISBN 5-7405-0008-7.

Gavrilov N. S. *Altay v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Altay in the Great Patriotic War]. Barnaul, 1990. 245 p. ISBN 5-7405-0008-7. (In Russ.).

17. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны / ред. комис.: В. В. Панов [и др.]. Москва: Кучково Поле, 2013. 864 с. ISBN 978-5-9950-0353-3.

Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 7. *Ekonomika i oruzhiye voyny* [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 7. Economy and weapons of war] / Ed. com.: V. V. Panov [et al.]. Moscow, 2013. 864 p. ISBN 978-5-9950-0353-3. (In Russ.).

18. Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. (формирование кадров массовых квалификаций). Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 341 с.

Arutyunyan Yu. V. *Mekhanizatory sel'skogo khozyaystva SSSR v 1929–1957 gg.* (formirovaniye kadrov massovy khkvalifikatsiy) [Agricultural machine operators of the USSR in 1929–1957 (development of personnel with mass qualifications)]. Moscow, 1960. 341 p. (In Russ.).

19. Максимов И. Женщины за учёбой // Алтайская правда 1941. № 159. 8 июля.

Maksimov I. *Zhenshchiny za ucheboy* [Women at learning process]. *Altayskaya Pravda*. 1941. No. 159. July 8. (In Russ.).

20. Абалымов П. Укрепим тыл всеобщим трудовым участием // Алтайская правда. 1941. № 159. 8 июля.

Abalymov P. *Ukrepim tyl vseobshchim trudovym uchastiyem* [Let's strengthen the rear with universal labor participation]. *Altayskaya Pravda*. 1941. No. 159. July 8. (In Russ.).

21. Сердюк П. Женщины идут работать в МТС // Алтайская правда. 1941. № 163. 12 июля.

Serdyuk P. *Zhenshchiny idut rabotat' v MTS* [Women go to work at MTS]. *Altayskaya Pravda*. 1941. No. 163. July 12. (In Russ.).

22. Щеглова Т. К. Структура и категории сельского русского населения сибирской деревни как фактор адаптационных механизмов традиционной культуры жизнеобеспечения в повседневных практиках войны 1941–1945 годов: к проблеме введения и интерпретации материалов устной истории в научные тексты // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения АлтГПУ. Барнаул: АлтГПУ, 2015. Вып. 9. С. 366–378. EDN: UYOKER.

Shcheglova T. K. *Struktura i kategorii sel'skogo russkogo naseleniya sibirskoy derevni kak factor adaptatsionnykh mekhanizmov traditsionnoy kul'tury zhizneobespecheniya v povsednevnykh praktikakh voyny 1941–1945 godov: k problem vvedeniya i interpretatsii materialov ustnoy istorii v nauchnyye teksty* [The structure and categories of the rural Russian population of the Siberian village as a factor of adaptation mechanisms of traditional culture of life support in everyday practices of the 1941–1945 War: on the problem of introduction and interpretation of oral history materials in scientific texts]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy. Ethnography of Altai and Adjacent Territories*. Barnaul, 2015. Issue. 9. P. 366–378. EDN: UYOKER. (In Russ.).

23. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 26.

ГААК [SAAT]. File: П-1/18/26. (In Russ.).

24. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 624.

ГААК [SAAT]. File: П-1/18/624. (In Russ.).

25. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. № 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» // Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по сельскому хозяй-

ству за 1942–1944 годы. Москва: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1944. С. 50–53.

Postanovleniye SNK SSSR i TsK VKP(b) ot 13 aprelya 1942 g. № 507 «O poryadke mobilizatsii na sel'skokhozyaystvennyye raboty v kolkhozy, sovkhozyi MTS trudospobnogo naseleniya gorodov i sel'skikh mestnostey» [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of April 13, 1942, No. 507 "On the procedure for mobilizing the able-bodied population of cities and rural areas for agricultural work on collective farms, state farms, and machine and tractor stations"] // *Vazhneyshiye postanovleniya SNK SSSR i TsK VKP(b) po sel'skomu khozyaystvu za 1942–1944 gody* [The most important Decrees of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on agriculture for 1942–1944]. Moscow, 1944. P. 50–53. (In Russ.).

26. Политдonesение политотдела воинской части начальнику политуправления СибВО и Алтайскому крайкому ВКП(б) о помощи личного состава колхозам в уборке урожая // Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов. Барнаул: Алтайск. кн. изд-во, 1965. С. 164–165.

Politdoneseniye politotdela voinskoj chaste nachal'niku politupravleniya SibVO i Altayskomu kraykomu VKP(b) o pomoshchi lichnogo sostava kolkhozam v uborke urozhaya [Political report from the political department of the military unit to the head of the political department of the Siberian Military District and the Altai Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the assistance of personnel to collective farms in harvesting]. *Altay v Gody Velikoy Otechestvennoy Voyny*. Barnaul, 1965. P. 164–165. (In Russ.).

27. Из информации Барнаульского горкома ВКП(б) Алтайскому крайкому партии об оказании помощи города селу в уборке урожая // Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов. Барнаул: Алтайск. кн. изд-во, 1965. С. 187–191.

Iz informatsii Barnaul'skogo gorkoma VKP(b) Altayskomu kraykomu partii ob okazanii pomoshchi goroda selu v uborke urozhaya [From the information of the Barnaul City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to the Altai Regional Party Committee on the provision of assistance from the city to the village in harvesting]. *Altay v Gody Velikoy Otechestvennoy Voyny*. Barnaul, 1965. P. 187–191. (In Russ.).

28. Сообщение ТАСС о подготовке для МТС кадров ремонтников на промышленных предприятиях Алтайского края // Алтай в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов. Барнаул: Алтайск. кн. изд-во, 1965. С. 218.

Soobshcheniye TASS o podgotovke dlya MTS kadrov remontnikov na promyshlennykh predpriyatiyakh Altayskogo kraia [TASS report on the training of repairmen for MTS at industrial enterprises in the Altai Territory]. *Altay v Gody Velikoy Otechestvennoy Voyny*. Barnaul, 1965. P. 218. (In Russ.).

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Николаевич, аспирант кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул.

SPIN-код: 2336-4932

AuthorID (РИНЦ): 1302185

Адрес для переписки: sergej.tretyakov.76@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 31.10.2025.

TRETYAKOV Sergey Nikolaevich, Postgraduate of the National History Department, Altai State Pedagogical University, Barnaul.

SPIN-code: 2336-4932

AuthorID (RSCI): 1302185

Correspondence address: sergej.tretyakov.76@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 31.10.2025.

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НЕОЗЕНОНОВСКИХ ПАРАДОКСОВ

Е. В. Борисов

Институт философии и права СО РАН, Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье исследуются некоторые свойства неозеноновских парадоксов. Последние представляют собой мысленные эксперименты, условия которых определяются с использованием зеноновских числовых последовательностей, т.е. строго возрастающих или строго убывающих счетных последовательностей чисел с пределом. Исследование фокусируется на парадоксе космического корабля, сформулированном Хосе Бенардете, и ряде его вариантов, сформулированных Басом ван Фраассеном и Пересом Лараудогойтиа. В статье показано, что парадоксам этого вида присуща определенная корреляция предсказуемости и реконструируемости рассматриваемых событий.

Ключевые слова: зеноновская последовательность, предел последовательности, мысленный эксперимент, неозеноновский парадокс, парадокс космического корабля, предсказание, реконструкция.

Для цитирования: Борисов Е. В. Темпоральное измерение неозеноновских парадоксов // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 85–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-85-88. EDN: PPXJKE.

© Борисов Е. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

TEMPORAL DIMENSION OF NEW-ZENO PARADOXES

E. V. Borisov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Novosibirsk, Nikolayeva St., 8, 630090

The paper investigates some properties of new-Zeno paradoxes. New-Zeno paradoxes are thought experiments whose conditions are set up in terms of Zeno sequences of numbers, i.e. strictly increasing or strictly decreasing denumerable sequences with limits. The paper focuses on the space ship paradox formulated by José Benardete, and some of its varieties formulated by Bas van Fraassen and Pérez Laraudogoitia. It is shown that paradoxes of this sort demonstrate a certain symmetry with respect to predictability and reconstructibility of events under consideration.

Keywords: Zeno sequence, limit of a sequence, thought experiment, new-Zeno paradox, spaceship paradox, prediction, reconstruction.

For citation: Borisov E. V. Temporal dimension of new-Zeno paradoxes. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 4. P. 85–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-85-88. EDN: PPXJKE.

© Borisov E. V., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

В статье исследуются свойства некоторых парадоксов, порождаемых зеноновскими последовательностями чисел. Зеноновская последовательность — это счетная строго монотонно возрастающая или строго монотонно убывающая последовательность чисел с пределом. Примеры зеноновских последовательностей: i) $0, 1/2, 2/3, 3/4, \dots$; ii) $0, 1/2, 3/4, 7/8, \dots$; iii) $1, 1/2, 1/4, 1/8, \dots$ (первые две являются возрастающими и имеют пределом 1; третья является убывающей и имеет пределом 0). Зеноновские последовательности порождают парадоксы, известные со времен Зенона; например, последняя из перечисленных выше последовательностей лежит в основе апории 'Дихотомия'. Некоторые парадоксы такого рода интенсивно обсуждаются в современной литературе. Неозеноновский парадокс представляет собой мысленный эксперимент, в условиях которого существенную роль играет некоторая зеноновская последовательность; при этом эксперимент дает контр-интуитивный результат. Ниже будет рассмотрен один из неозеноновских парадоксов — парадокс космического корабля, впервые сформулированный Бенардете в [1, р. 149; см. также: 2, р. 70; 3, р. 240], а также ряд его вариантов, представленных в [4] и [5]. Эти парадоксы имеют темпоральное измерение, в том смысле, что используемые в них зеноновские последовательности представляют собой последовательность моментов времени. Целью статьи является демонстрация определенного вида темпоральной симметрии, которая присуща этим парадоксам и которая обуславливает корреляцию предсказуемости и реконструируемости событий в соответствующих условиях¹.

Парадокс космического корабля, версия 1 (П1²). Зеноновская последовательность — это последовательность моментов времени $0, 1/2, 2/3, 3/4, \dots$ (единицу измерения времени я опускаю: от ее выбора ничего не зависит). Пронумеровав элементы этой последовательности натуральными числами в порядке возрастания, мы получим выражение для n -ого члена: $n/(n+1)$ ³. Пределом этой последовательности является 1. Рассмотрим космический корабль, который в момент 0 начинает движение вдоль пространственной координатной оси. В момент $1/2$ корабль достигает точки 1 (единицу измерения расстояния я, опять же, опускаю); в момент $2/3$ — точки 2 и т. д., т. е. для любого n , в момент $n/(n+1)$ корабль находится в точке n . Допустим также, что движение корабля непрерывно. Если корабль существует в момент 1, где он в этот момент находится? Парадокс состоит в том, что ответа на этот вопрос не существует. Ответ на вопрос 'где?' — это указание на пространственную локализацию, но в описанной ситуации корабль к моменту 1 должен пройти бесконечное расстояние, что означает, что в этот момент у него пространственной локализации нет. Примем интуитивно очевидное допущение, что все существующие материальные объекты локализованы в пространстве. Тогда единственное решение парадокса состоит в следующем: в момент 1 корабль не существует, то есть он может существовать до момента 1 не включительно⁴. (Конечно, он также может существовать до любого момента $t < 1$ включительно или не включительно.) Ниже мы будем считать, что корабль существует до момента 1 не включительно.

Обратный парадокс космического корабля, версия 1 (ОП1). Этот парадокс, открытый ван Фраассеном [5, р. 257–258], представляет собой вариант П1. Зеноновская последовательность: моменты времени

$0, -1/2, -2/3, \dots$; n -ый член этой последовательности — это момент $-n/(n+1)$; ее пределом является -1 . Космический корабль движется в области отрицательных чисел по направлению к 0; в момент 0 корабль достигает точки 0 и останавливается. В момент $-1/2$ корабль находится в точке -1 , в момент $-2/3$ — в точке -2 и т. д.: для любого n , в момент $-n/(n+1)$ корабль находится в точке $-n$. Если корабль движется непрерывно, где он находится в момент -1 ? Парадокс состоит в том, что (при допущении, что корабль в этот момент существует) вопрос не имеет ответа: если корабль в -1 существует, он должен быть на бесконечном удалении от точки 0, а значит, не может иметь пространственной локализации. Парадокс исчезает, если мы констатируем, что в момент -1 корабль не может существовать: в данной ситуации он существует с момента -1 не включительно (или с любого момента $t > -1$ включительно или не включительно). Ниже мы будем считать, что корабль существует с момента -1 не включительно.

П1 и ОП1 сходны в том, что в обоих случаях некоторое событие — исчезновение корабля в П1 и возникновение корабля в ОП1 — обусловлено не каузальными связями между материальными объектами, а логической невозможностью альтернативы (существования корабля в момент 1 в П1 или в момент -1 в ОП1). В свою очередь, логическая невозможность альтернативы обусловлена, в частности, зеноновской последовательностью, используемой в определении соответствующих ситуаций. Логическая необходимость феномена в мысленном эксперименте — логическая причинность — характерная особенность неозеноновских парадоксов⁵.

В темпоральном аспекте П1 и ОП1 симметричны: в П1 мы имеем возрастающую зеноновскую последовательность, в ОП1 — убывающую, соответственно, в П1 корабль существует до предела соответствующей зеноновской последовательности (до момента 1), в ОП1 — после предела. Ван Фраассен [5, р. 258] отмечает одну из философски значимых отличительных черт ОП1: в ОП1 возникновение корабля не детерминировано какими-либо предшествующими событиями, а значит, непредсказуемо. Этим ОП1 отличается от П1: в последнем исчезновение корабля в момент 1 предсказуемо. В П1 в любой момент до 1, например, в момент 0, корабль существует, поэтому мы можем знать, как он будет двигаться, что и позволяет нам предсказать его исчезновение в момент 1. В ситуации ОП1 невозможно заранее предсказать возникновение корабля: например, это невозможно сделать в момент -2 , потому что в этот момент корабль еще не существует, а значит, мы еще не можем знать о его движении в будущем.

Отметим, что аналогичная аргументация показывает, что в ОП1 возникновение корабля может быть реконструировано после момента -1 , например, на основе знания о его движении. Однако исчезновение корабля в П1 не поддается реконструкции после момента 1, поскольку условия данного парадокса не фиксируют каких-либо каузальных следов этого события.

Здесь мы можем видеть, что темпоральная симметрия П1 и ОП1 обуславливает корреляцию предсказуемости и реконструируемости относительно исчезновения корабля в момент 1 в П1 и возникновения корабля в момент -1 в ОП1. Корреляция состоит в следующем.

Исчезновение корабля в П1 предсказуемо и возникновение корабля в ОП1 реконструируемо. Исчезновение корабля в П1 не реконструируемо и возникновение корабля в ОП1 не предсказуемо.

Ниже будет показано, что этот результат распространяется на ряд аналогичных парадоксов.

Лараудогойтия показал, что в некоторых мысленных экспериментах, подобных ОП1, возникновение объекта, обусловленное логической причинностью, оказывается предсказуемо и даже в некоторых пределах регулируемо [4, р. 430–433]. Эти положения иллюстрируют следующие два варианта парадокса космического корабля.

Обратный парадокс космического корабля, версия 2 (ОП2). Используем зеноновскую последовательность и ряд пространственных точек, как в ОП1. В точках $-1, -2, \dots$ расположены космические станции; обозначим их, соответственно, как КС1, КС2, ... Для каждого положительного натурального числа n , на КС n находится космонавт K_n и объект Q_n . K_n действует следующим образом:

1) если в момент $-n/(n+1)$ на КС n прибывает космонавт K_{n+1} и доставляет объект X , K_n берет X и доставляет его в точку $n-1$ к моменту $(n-1)/n$. Например, если в момент $-1/2$ на КС1 прибывает K_2 и доставляет объект X , K_1 берет X и доставляет его в точку 0 к моменту 0;

2) если в момент $-n/(n+1)$ на КС n не прибывает космонавт K_{n+1} , K_n доставляет объект Q_n в точку $-(n-1)$ к моменту $-(n-1)/n$.

В описанной ситуации имеет место следующее:

1) для любого натурального n , в момент $-n/(n+1)$ в точку $-n$ прибывает космонавт K_{n+1} и доставляет некоторый объект. Например, в момент 0 в точку 0 прибывает K_1 ;

2) для любого натурального $n > 0$, K_n доставил в точку $-(n-1)$ не Q_n , а тот объект, который доставил на КС n космонавт K_{n+1} . В частности, K_1 доставил в точку 0 не Q_1 , а объект, который доставил K_2 на КС1. Равным образом, K_2 доставил в точку $-1/2$ не Q_2 , а объект, который доставил K_3 на КС2, и т. д. Таким образом, в точку 0 в момент 0 прибыл объект X , который K_1 получил от K_2 , последний получил от K_3 и т. д. Этот объект в интервале $(-1, 0]$ проделал путь, который проделал космический корабль в ОП1, а значит, он возник в момент -1 и существовал с этого момента не включительно.

В ОП2, в отличие от ОП1, возникновение X в момент -1 было предсказуемо заранее, поскольку оно обусловлено действиями космонавтов на космических станциях. Эти объекты (станции и космонавты) существовали до момента -1 , поэтому, если бы мы знали о них то, что было изложено выше, например, в момент -2 , мы могли бы в этот момент прогнозировать возникновение нового объекта в момент -1 .

Итак, в ОП2 возникновение нового объекта предсказуемо; при этом, однако, в ОП2 невозможно предсказать свойства, которыми этот объект будет обладать. Лараудогойтия показывает, что определенная модификация ОП2 позволяет не только прогнозировать появление новых объектов, но и заранее определять некоторые их свойства. Изменим в условиях ОП2 два пункта:

а) для каждого n , объект Q_n , расположенный на КС n , представляет собой красный резиновый мяч;

б) каждый космонавт K_n действует следующим образом:

1) если в момент $-n/(n+1)$ на КС n прибывает космонавт K_{n+1} и доставляет красный резиновый мяч, K_n берет этот мяч и доставляет его в точку $-(n-1)$ к моменту $(n-1)/n$. 2) Если в момент $-n/(n+1)$ на КС n не прибывает космонавт K_{n+1} , K_n доставляет объект Q_n в точку $-(n-1)$ к моменту $-(n-1)/n$. Обозначим эту версию парадокса как ОП3. В ОП3, как и в ОП2, в момент 0 в точку 0 прибывает объект, который возник в момент -1 , и возникновение этого объекта можно было предвидеть. Однако на этот раз можно было предвидеть также некоторые его свойства, а именно свойства быть мячом, быть резиновым и быть красным. Последний пункт обусловлен тем фактом, что из описания ситуации следует, что (для любого n) K_n доставляет в соответствующий пункт именно красный резиновый мяч — либо тот, который доставил на КС n K_{n+1} , либо Q_n .

Для ОП2 и ОП3 нетрудно сконструировать симметричные им парадоксы-двойники, которые назовем, соответственно, П2 и П3. Например, в условиях П2 объект X в момент 0 находится в точке 0; в этот момент космонавт K_1 берет X и доставляет его к моменту $1/2$ в точку $1/2$, и т. д. В итоге этой эстафеты X исчезает в момент 1. В П3 происходит то же самое, но условия определяют, что X — красный резиновый мяч.

Теперь мы можем обобщить результат, полученный применительно к П1 и ОП1, распространив его на все рассмотренные парадоксы (П1 — П3 и ОП1 — ОП3). Рассмотренные парадоксы делятся на пары: П1 и ОП1, П2 и ОП2, П3 и ОП3; ниже я буду использовать обозначения Pi и OPi , где i — переменная, пробегающая по $\{1, 2, 3\}$. Pi и OPi темпорально симметричны в том смысле, что в Pi используется возрастающая зеноновская последовательность моментов времени, в OPi — убывающая. В каждом из перечисленных парадоксов в момент, представляющий собой предел релевантной зеноновской последовательности, происходит событие, к которому мы применяем понятия предсказуемости и реконструируемости. Если Y — имя некоторого парадокса, то соответствующее событие будем обозначать как $C(Y)$. Определим $C(Y)$ для каждого Y : $C(P1)$ — это исчезновение космического корабля в момент 1, $C(OP1)$ — это возникновение космического корабля в момент -1 , $C(P2)$ — исчезновение объекта X в момент 1, $C(OP2)$ — возникновение объекта X в момент -1 , $C(P3)$ — исчезновение красного резинового мяча в момент 1, $C(OP3)$ — возникновение красного резинового мяча в момент -1 . Теперь мы можем сформулировать обобщенный результат статьи:

(1) $C(Pi)$ предсказуемо, если и только если $C(OPi)$ реконструируемо.

(2) $C(Pi)$ реконструируемо, если и только если $C(OPi)$ предсказуемо.

Применим этот результат, например, к П2 и ОП2. Из (1) следует, что исчезновение X в П2 предсказуемо, если и только если возникновение X в ОП2 реконструируемо. Из (2) следует, что исчезновение X в П2 реконструируемо, если и только если возникновение X в ОП2 предсказуемо. В первой эквивалентности обе части истинны, во второй обе части ложны, таким образом, обе эквивалентности истинны.

Показанная корреляция предсказуемости и реконструируемости в темпорально симметричных неозеноновских парадоксах должна учитываться в эпистемологическом исследовании прогнозирова-

ния и реконструкции, а также в мультимодальных логиках, содержащих темпоральную и эпистемическую модальности.

Примечания

¹ Я понимаю предсказание как суждение о будущем, основанное на информации, известной в настоящем, реконструкцию как суждение о прошлом, основанное на информации, известной в настоящем.

² Этот и последующие парадоксы излагаются в версии Лараудогойтия [4].

³ Некоторые авторы относят 0 к натуральным числам, некоторые не относят. Я здесь использую понятие натурального числа, согласно которому 0 — натуральное число. Таким образом, в рассматриваемой зеноновской последовательности номер элемента — это его числитель: 0 — это нулевой член последовательности, $1/2$ — первый и т.д.

⁴ Некоторые авторы предлагают для подобных парадоксов альтернативные решения. Например, Игорь Берестов рассматривает аналогичный парадокс [6, с. 276–277] как свидетельство в пользу развиваемой им теории движения. Также см. мою критику теории движения Берестова в [7].

⁵ Концепция логической причинности впервые представлена в [8] и получила дальнейшую разработку в [9]. Также см. мою критику теории логической причинности в [10].

Список источников / References

1. Benardete J. *Infinity: An Essay in Metaphysics*. Oxford: Clarendon Press, 1964. 289 p.
2. Clark M. *Paradoxes from A to Z*. London: Routledge, 2002. 276 p.
3. Moore A. W. *The Infinite*. London and New York: Routledge, 2001. 268 p.
4. Laraudogoitia J. P. The Inverse Spaceship Paradox. *Synthese*. 2011. Vol. 178, no. 3. P. 429–435. DOI: 10.1007/s11229-009-9649-y.
5. Van Fraassen B. C. *Laws and Symmetry*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 394 p.
6. Берестов И. В. Ахиллес вне времени и пространства: еще раз о несводимости прохождения открытого интервала к прохождению замкнутых (вторая реплика на статью Е. В. Борисова) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 271–281. DOI: 10.17223/1998863X/81/25. EDN: NCVHQT.
7. Berestov I. V. Akhilles вне времени i prostranstva: yeshchë raz o nesvodimosti prokhozhdeniya otkrytogo intervala k prokhozhdeniyu zamknutykh (vtoraya replika na stat'yu E. V. Borisova) [Achilles beyond time and space: once again on the irreducibility of the passage of an open interval to the passage of closed ones (a second reply to Evgeny Borisov's article)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024. No. 81. P. 271–281. DOI: 10.17223/1998863X/81/25. EDN: NCVHQT. (In Russ.).
7. Борисов Е. В. Берестов о движении // *Respublica Literaria*. 2025. Т. 6, no. 3. С. 17–25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.17-25. EDN: LVFBLG.

Borisov E. V. Berestov o dvizhenii [Berestov on Motion]. *Respublica Literaria*. 2025. Vol. 6, no. 3. P. 17–25. DOI: 10.47850/RL.2025.6.3.17-25. EDN: LVFBLG. (In Russ.).

8. Hawthorne J. Before-Effect and Zeno Causality. *Nous*. 2000. Vol. 34, no. 4. P. 622–633. DOI: 10.1111/0029-4624.00281.

9. Uzquiano G. Before-Effect without Zeno Causality. *Nous*. 2012. Vol. 46, no. 2. P. 259–264. DOI: 10.1111/j.1468-0068.2010.00812.x.

10. Борисов Е. В. Критика концепции логической причинности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 96–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-96-100. EDN: JOPXAF.

Borisov E. V. Kritika kontseptsii logicheskoy prichinnosti [The Critique of the Theory of Logical Causality]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 4. P. 96–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-96-100. EDN: JOPXAF. (In Russ.).

БОРИСОВ Евгений Васильевич, доктор философских наук, доцент (Россия), главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.

SPIN-код: 6061-9186

AuthorID (PIHL): 278628

ORCID: 0000-0001-6587-9616

ResearcherID: T-3807-2017

AuthorID (SCOPUS): 56287727200

Адрес для переписки: borisov.evgeny@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 11.11.2025.

BORISOV Evgeny Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

SPIN-code: 6061-9186

AuthorID (PIHL): 278628

ORCID: 0000-0001-6587-9616

ResearcherID: T-3807-2017

AuthorID (SCOPUS): 56287727200

Correspondence address: borisov.evgeny@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 16.09.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 11.11.2025.

СОЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА: СОВРЕМЕННОЕ КАРТЕЗИАНСТВО

Р. Л. Кочнев

Тюменский государственный университет, Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

Статья содержит историко-философский обзор современных рецепций картезианского субстанционального дуализма в качестве подхода к решению проблемы сознания-тела. Исследуются генезис дуалистической метафизики Декарта, ее ключевые аргументы (модальный аргумент представимости), а также характерные для нее систематические затруднения, такие как проблема каузального взаимодействия разных субстанций (так называемый 'скандал интеракционизма'). Рассматриваются альтернативные интерпретации подхода Декарта и картезианства: интеракционизм, окказионализм и конкурентизм. Особое внимание уделено критике субстанционального дуализма в современных дискуссиях: проблеме других сознаний, эпистемической асимметрии, мереологической аргументации и тезису концептуальной автономии ментального. Демонстрируется, что субстанциональный дуализм, несмотря на внутренние противоречия, остается отправной точкой для большинства современных дуалистических и физикалистских концепций сознания.

Ключевые слова: картезианский дуализм, Декарт, проблема сознания-тела, субстанция, интеракционизм, окказионализм, проблема гетерогенности, проблема других сознаний.

Для цитирования: Кочнев Р. Л. Сознание как проблема: современное картезианство // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 89–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-89-98. EDN: AYHZSE.

© Кочнев Р. Л., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS: RECENT CARTESIANISM

R. L. Kochnev

University of Tyumen, Russia, Tyumen, Volodarskogo St., 6, 625003

The article contains a historical-philosophical review of recent receptions of Cartesian substantial dualism as an approach to solve the mind-body problem. It examines the genesis of Descartes' dualistic metaphysics, its core arguments (including the modal argument of conceivability), and its characteristic systematic challenges such as the problem of the causal interaction between heterogeneous substances (the so-called 'scandal of interactionism'). The author considers alternative interpretations of the Descartes' approach and the Cartesianism: interactionism, occasionalism and concurrentism. Particular attention is paid to the critique of the substance dualism in contemporary debates like the problem of other minds, epistemic asymmetry, mereological arguments, and the thesis of conceptual autonomy of the mental. It is shown that substance dualism, despite its internal contradictions, remains the starting point for most recent dualist and physicalist conceptions of consciousness.

Keywords: Cartesian dualism, Descartes, mind-body problem, substance, interactionism, occasionalism, heterogeneity problem, problem of other minds.

For citation: Kochnev R. L. The problem of consciousness: Recent Cartesianism. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 4. P. 89–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-89-98. EDN: AYHZSE.

© Kochnev R. L., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ретроспективно современная философия сознания берет свое начало в исследованиях Р. Декарта¹, именно в его работах можно обнаружить генезис основного способа классификации подходов к сознанию на основе 'того, что представляет собой сознание'. В историю философии это вошло как *mind-body problem (MBP)* или проблема соотношения ментального и телесного². Декарт в рамках своего проекта по апологетике Бога предлагает модель описания человека, представленного как определенного рода соотношение двух субстанций, — мыслящей и протяженной [4; 5, с. 122–123]. Опуская детали, данная позиция (называемая также *субстанциональным дуализмом*) может быть представлена следующим образом: на уровне мировой онтологии существуют два типа универсальных начал или субстанций³ — мыслящая и телесная, которые 'связывают' атрибуты между собой и фундируют их как модусы определенных вещей [5, с. 175]. Хотя Декарт отдавал предпочтение мыслящей субстанции, полагая, что он сам, как и всякий человек, является сознанием⁴ [5, с. 24, 28, 138], между нашими сознаниями и нашими телами наблюдается эпистемическая асимметрия — тело очевидным образом является данным или представленным (публичным) материальным объектом, в то время как сознание недоступно для стороннего наблюдателя⁵. Более того, картезианский подход предполагает, что сознание как мыслящая субстанция может независимым образом существовать без физического тела⁶. Свою аргументацию Декарт выстраивает на основании возможной представимости, строгим образом она может быть представлена следующим образом:

(Д1) Все, что представимо, возможно.

(Д2) Если представимо, что *x* мог бы существовать без *y*, то это возможно.

(Д3) Если возможно существование *x* без *y*, то они отличны.

(Д4) Мы способны представить наше 'Я' (сознание) существующим без наших тел.

(Д5) Следовательно, наше 'Я' (сознание) отлично от нашего тела и не тождественно ему⁷.

На этом наборе утверждений (Д1)–(Д5), получившем название *модального аргумента* или *аргумента представимости*⁸, и основывается картезианская идея о противоположности сознания и тела [4, с. 12–13]. Не трудно заметить, что подобного рода аргументация зависит прежде всего от верности первой посылки (Д1), но именно она и представляет собой наибольшее затруднение [14, р. 53–58]. Мы могли бы задаться вопросом: является ли мыслимость или представимость какой-либо вещи достаточным основанием для того, чтобы судить о ее метафизической возможности? С точки зрения картезианства ответ кажется очевидным, однако большое число исследователей, как тогда, так и сейчас, не готовы согласиться с подобной оценкой, что и послужило причиной появления огромного числа дополнительных рассуждений, касающихся понятия представимости, а также его логического и метафизического статуса.

В попытке обосновать возможность независимого существования сознания Декарт описывает все ощущения как модусы мыслящей субстанции [4, с. 29]. Он основывается на том, что мы не просто обладаем определенными физическими восприятиями, но соотносимся с ними, осведомлены о них в смысле полноты данных ощущений: «... я теснейшим образом сопряжен с моим телом и как бы сме-

шан с ним... образуя некое единство... ибо, конечно, ощущения жажды, голода, боли и т.п. суть не что иное, как некие смутные модусы мышления, происходящие как бы от смешения моего ума с телом» [4, с. 65].

Необходимо отметить, что некоторые исследователи усматривают в такой позиции картезианский отход от идей 'классического' дуализма. Ведь наряду с мыслящей субстанцией (отстраненным рефлексивным знанием) и протяженной субстанцией (ощущениями, понимаемыми без феноменальной перспективы) в процитированном выше пассаже Декарта можно обнаружить также и указание на субстанцию ощущающую (*res sentiens*), то есть такой способ существования сознания, который не просто предполагает, но и с *необходимостью требует* наличия актуального тела. Подобную позицию иногда называют *триализмом*, поскольку она подразумевает, что люди в действительности являются третьей независимой субстанцией⁹ [подробнее см. 15, 16].

Другой способ проблематизации 'смешения ума и тела' является, пожалуй, куда более известным. Мы можем задаться вопросом, а как вообще возможно уподобление (необходимое для взаимодействия) двух столь различных и независимых субстанций? В историю философии данное затруднение вошло под именем *проблемы гетерогенности* [17, 18], с легкой же руки Б. Уильямса исследователи стали использовать и выражение «'скандал' картезианского интеракционизма»¹⁰ [19, р. 287].

Первая часть вопроса исключительно метафизическая — если сознание и тело две независимые субстанции, два противоположных начала, то как возможно их взаимное казуальное влияние? Второй вопрос касается больше непосредственной механики взаимодействия: в теле, как протяженной субстанции, нет ничего, что могло бы вызывать или создавать мыслящее существо. Уже современники Декарта поспешили указать ему на эти противоречия и его ответ сложно назвать хотя бы удовлетворительным. Так, в *Письме к божемской принцессе Елизавете* он пишет: «вещи принадлежащие единству души и тела, одним только разумением познаются очень смутно; не познаются они также разумением с помощью воображения. С полной ясностью они познаются чувствами» [20, с. 492–493]. Другими словами, он даже не пытается скрывать, что сам вопрос подобного взаимодействия не доступен рациональному пониманию. Тем не менее современные интерпретации картезианских предположений по вопросу *MBP* усматривают в его работах две альтернативные позиции, допуская как возможность, так и невозможность взаимодействия субстанций в рамках описанной им системы. Разберем последовательно предлагаемые исследователями аргументы и кратко обозначим их уязвимые для критики места.

Кажется, что сторонники интеракционистского прочтения Декарта имеют в своем распоряжении лишь косвенные указания на возможность взаимодействия. Так, часто вспоминают используемую Декартом аналогию с силой тяжести, которая не является примером прямого казуального влияния и которая возможна, например, при непосредственном столкновении двух тел [20, с. 491–492], где, однако, присутствует влияние одного тела на другое. Аналогичным образом, по мнению Декарта, мысль в виде «качества, которое не является реальным» [20, с. 494] соединяется с нашим телом¹¹.

Некоторые защитники картезианского дуализма предлагают рассматривать субстанции через принцип иерархии [9, р. 111–156], [23], когда по причине, если можно так выразиться, предпочтения мыслящей субстанции¹² мы можем сказать, что она обладает большим *совершенством*. Так, в частности, Декарт описывает идею теплоты камня и подмечает, что то, что привнесло эту идею в камень, должно ее превосходить в той же степени, как Бог превосходит созданное им [4, с. 34–41].

Следует заметить, что в попытке доказать наличие взаимодействия между картезианскими субстанциями исследователи ссылаются на отрывки, в которых описываются различия между идеями физических вещей (в особенности их модусов или качеств) и самими протяженными объектами. Наибольшую важность в этом отношении представляет глава 'О различии наших ощущений с вещами, которые их вызывают' из трактата *Мир*, где приводится пример полученного ранения как особого переживания чувства боли, которое, согласно Декарту, не имеет сходства с вещами, которые его вызывают [24, с. 180–182]. В своем примере Декарт, однако, игнорирует тот факт, что рана наносится протяженным предметом другому протяженному предмету, и один только этот аспект уже значительным образом ослабляет картезианские аргументы. Куда более убедительную версию предлагает М. Роземунд [17, р. 449–455], в соответствии с которой имеет место смешение проблемы гетерогенности, то есть проблемы соотношения двух независимых субстанций, и проблемы расхождения (Dissimilarity Problem), то есть вопроса взаимоотношения идей физических тел и их нефизических свойств. И хотя чисто интуитивно кажется, что эти две концепции являются связанными, или, по меньшей мере, коррелятивными друг другу, между ними имеется значимая разница. Во-первых, когда Декарт впоследствии обсуждает непосредственно проблему *MBP*, то он даже имплицитно не отсылает к этим своим размышлениям, а во-вторых, эти две проблемы могут решаться независимо друг от друга и ответы на них могут различаться в зависимости от онтологии, которую мы выстраиваем.

Кажется, что из различения этих двух проблем само по себе затруднение картезианского дуализма никуда не исчезает. Оно не объясняет нам: почему в одном случае мы делаем акцент на различии состояний мозга и продуцированными им конкретными идеями или впечатлениями, но при этом полагаем беспроblemным более общий переход от состояний мозга к ментальной деятельности вообще. Роземунд предполагает, что для Декарта дело в различии каузальных связей в каждом из этих процессов [17, р. 459], она описывает модель взаимодействия, в рамках которого состояния мозга функционируют в качестве причин появления *конкретных* идей, в то время как сами идеи берут свое начало непосредственно в нашем сознании. Одним из видных сторонников подобного подхода является Ричардсон, с его точки зрения, в рамках картезианской метафизики проблема *MBP* понимается скорее как проблема существования единой личности и не имеет прямого отношения к вопросу сознания. Он демонстрирует различие между двумя способами каузации, возвращая нас к фигуре Бога [18, р. 32]. Очевидно, что Бог создал все существующее, в том числе материальный или физический мир, однако Бог не является чем-то протяженным, а значит — на уровне онтологии уже существует способ

межсубстанционального взаимодействия. Схожую идею, пусть с совершенно иным способом аргументации, выстраивает Р. Уокер в своей работе *О чем мы должны думать* [25]. В ней он предлагает использовать кантианские представления о нормативности, а именно разделение на причину действия и разумный довод в пользу действия (*demands of reason*). Из этого различия им делается вывод о том, что только ментальное может быть сферой чувствительной к требованиям доводов, и, как следствие, обладает особой казуальной природой и не может быть последовательно редуцирована к физическим характеристикам. При всем уважении к этике Канта (а также к самому Уокеру, чья попытка использовать кантовские идеи для защиты картезианского дуализма выглядят весьма любопытно), кажется слишком обременительным дополнительно нагружать и без того сложную картезианскую метафизику двух субстанций деонтологическими представлениями о долге¹³. Выводом могут послужить слова самого Декарта: «Если мы пытаемся объяснить трудность посредством не относящегося к ней понятия... как если бы, желая познать способ, каким душа движет тело, мы представляли себе способ, которым одно тело движет другое» [20, с. 491].

Однако мы можем настаивать, что предлагаемая картезианским дуализмом онтология все еще слишком перегружена и находится под угрозой со стороны принципа Оккама. В то же время у дуализма существуют и другие затруднения. Так, Б. Уильямс отмечает, что интеракционизм Декарта основывается на убеждении в возможности мыслящей субстанции двигать или управлять *любой* протяженной или материальной вещью. Но даже если это просто неудачная формулировка (поскольку в противном случае нам следовало бы допустить существование телекинеза), мы должны ограничить влияния ментальной сущности исключительно на одно отдельно взятое и соединенное с ней тело. На первый взгляд подобный вариант кажется вполне корректным, поскольку каждый субъект очевидно способен двигать своей рукой, отдельными пальцами и т. д. Впрочем, сама возможность управления собственным телом ограничена даже на уровне пресловутой шишковидной железы, в которой, согласно представлениям Декарта, и осуществляется непосредственное взаимодействие двух субстанций. Из чего мы могли бы заключить, что сознание не способно оказывать прямое влияние даже на 'ближайшую' к ней физическую сущность [19, р. 274–278].

Таким образом, на основании приводимых сторонниками картезианской теории аргументов можно зафиксировать основную претензию к субстанциональному дуализму, а именно — указание на способ или характер взаимодействия между разными субстанциями. Другими словами, критиками ставится под сомнение сама возможность беспроblemного перехода от физического к нефизическому и наоборот [ср. с этим тезис концептуальной автономии в прим. 2]. Такая критика исходит из обоснованного убеждения, что отдельное явление и его причина должны быть однородными по своей природе или характеру. Однако, как показывает Р. Уотсон, именно это положение и отрицается сторонниками 'ортодоксального картезианства'¹⁴ [26, р. 64–88].

Альтернативой интеракционистскому прочтению метафизики Декарта является позиция окказионализма, согласно которой проблема *MBP* в субстан-

Таблица 1. Теории 'божественного вмешательства'
Table 1. Theories of the 'Divine Intervention'

	Действующая каузальная причина любого события содержится в Боге	Действующая каузальная причина любого события содержится в самом мире
Консервационизм	—	✓
Конкурентизм	✓	✓
Окказионализм	✓	—

циональном дуализме решается не через реальную действующую причинность, а через случайную причину (а если быть более точным, то посредством божественного вмешательства). Несмотря на довольно богатый историко-философский бэкграунд¹⁵, в настоящее время сторонники данного лагеря крайне малочисленны.

Наиболее часто упоминаемым свидетельством в пользу того, что мы имеем дело не просто с исследовательской интерпретацией, но и с аутентичной позицией Декарта, является следующий отрывок из уже цитируемых ранее писем к Елизавете Богемской: «... все доводы в пользу существования Бога и того, что он есть первая и незыблемая причина всех следствий, не зависящих от свободного выбора человека, как мне кажется, доказывают таким же образом, что он — причина и всех тех следствий, какие от этого выбора зависят. Ведь нельзя доказать, что он существует, если только не рассматривать его как в высшей степени бытие; а бытие это не могло бы быть в высшей степени совершенным, если бы в мире происходило что-либо, что от него не полностью зависит» [20, с. 527]. Другими словами фигура Бога может выступать в качестве решения проблем модального аргумента. Бог, создавая связь между двумя различными субстанциями (конституируя тем самым наши человеческие существа), лишает нас необходимости даже минимального обоснования взаимосвязи сознания и тела. Основная проблема состоит в том, что это и некоторые другие замечания Декарта необходимо согласовать с разрабатываемой им концепцией реального взаимодействия между сознанием и телом.

Здесь следует сделать отступление и подробнее остановиться на локальной классификации теорий 'божественного вмешательства'. В современной исследовательской литературе принято выделять три основных подхода: (1) консервационизм (Conservationism), (2) конкурентизм (Concurrentism) и (3) окказионализм (Occasionalism). Лучшее всего описать различия между этими позициями через представление их в качестве спектра, где (1) это создание Богом возможности для реального взаимодействия посредством поддержания существования без прямого вмешательства, а (3) это прямое божественное вмешательство в каждый отдельный процесс (табл. 1).

В настоящее время существуют реконструкции картезианских позиций, опирающиеся на все перечисленные выше подходы (или, по крайней мере, сочетающиеся с ними). Для удобства изложения рассмотрим эти подходы в обратном порядке.

Традиционно окказионалистское прочтение Декарта связывают с фигурой его последователя Н. Мальбранша, пытавшегося таким образом решить уже упомянутую ранее проблему гетерогенности [34, с. 95–101]. Такая позиция весьма уязвима для критики: согласно картезианской метафизике,

Бог также является мыслящей субстанцией¹⁶, поэтому попытка описать взаимодействие физических и ментальных субстанций через его действенную (т. е. казуально действующую) волю приводит лишь к переописанию, а вовсе не к решению проблемы. Тем не менее за счет постулата о всемогуществе Бога мы можем построить следующий аргумент:

(M1) Бог — это всемогущее существо.

(M2) Из всемогущества Бога следует, что он является действующей причиной.

(M3) Бог отличен от естественных вещей.

(M4) Естественные вещи, в отличие от Бога, не могут служить действующими причинами.

(M5) Следовательно, существует единственная действующая причина и это Бог.

Мальбранш утверждает, что божественная причинность исключает каузальность мира физических вещей, поскольку только божественная причинность может выполнять роль необходимого условия любого действия [34, с. 99]. Однако у этого есть не только теологическая проблематичность, но и вполне метафизическая — теперь нам необходимо не только постулировать наличие двух независимых субстанций, но и вводить сложное различие между естественной и божественной каузальностью.

С очень похожими проблемами сталкиваются и сторонники конкурентизма (2). Отрицая посылку (M4), они полагают необходимым для действия наличие сразу двух причин — материальной и божественной.

Возвращаясь к окказионалистским интерпретациям взглядов Декарта, можно заметить схожую линию аргументации для разных исследователей. Они все указывают на постепенное изменение в отношении восприятия. В его *Шестых возражениях* описывается модель ощущений, в которой акциденции или воспринимаемые качества физических на самом деле являются проекциями мыслящей субстанции, и которые лишь благодаря божественной силе могли бы существовать вне субъектов [5, с. 306–307]. Однако, как уже обсуждалось ранее, данные вопросы следует отличать от МВР и выделить в отдельную проблему, обозначенную как проблема расхождения. В конце концов, даже прямое отрицание взаимодействия сознания и тела не предполагает с необходимостью окказионалистских позиций, поскольку для этого следует также сделать утверждение не просто о наличии божественного вмешательства как действующей причины, но еще и допустить божественное вмешательство как единственный способ взаимодействия. Таким образом, рассуждения окказионалистов можно представить через набор следующих тезисов, которые они должны принять и для которых нам нужно найти соответствующее текстуальное подтверждение в картезианских исследованиях:

(ОК1) Без взаимодействия тела и души (сознания) невозможно объяснить появление идей и/или ощущений.

(ОК2) Прямое каузальное взаимодействие двух субстанций невозможно.

(ОК3) Взаимодействие происходит только посредством вмешательства Бога как действующей причины.

(ОК3*) Бог не является исключительно только ментальной субстанцией или превосходит ее.

Ключевым тезисом для окказионалистского решения *МВР* является ОК3. Но именно к нему реконструкции Д. Гарбера [36] и Дж. Бротон [37] предлагают лишь косвенные аргументы, в то время как они пытаются доказать от обратного и основную свою задачу видят, скорее, в указании на противоречия между интеракционизмом и отдельными высказываниями Декарта, в которых он описывает отношение между ощущениями и движениями ума через не каузальные термины [ср.: 38, р. 110–116]. Куда любопытнее аргументы С. Надлера — в своей реконструкции он описывает окказиональную причинность в работах Декарта, игнорируя ОК3 [39]. Ее суть можно представить следующим образом: событие *A* (причина) не оказывает прямое и непосредственное влияние на событие *B* (следствие), вместо этого *A* лишь создает условие, обуславливающее (occasion) событие *B*. Для того чтобы описать принцип работы такого слабого варианта причинности, Надлер приводит следующую иллюстрацию: представим себе рабочих, выполняющих свою работу (ее характер в данном случае неважен), очевидно, что если стоящая перед ними задача будет ими выполнена (событие *B*), то только они могут быть названы действующей причиной (событием *A*), но к данному действию рабочих побуждает приказ руководителя или обещание награды, которые, хоть и не являются частью казуального перехода от *A* к *B*, однако обеспечивают саму возможность подобного перехода. Таким образом, становится возможным избежать введения в картезианскую метафизику Бога как способа описания *МВР*, когда отсутствует сходство между причиной и следствием.

Тем не менее даже 'квазиокказионализм' Надлера угрожает целостности (мета)физического картезианского проекта, по крайней мере именно об этом говорят контраргументы Д. Скотта. Помимо указания на чисто текстуальные несостыковки Скотт указывает на противоречия, с которыми сталкивается картезианское доказательство внешнего мира, которое, если мы соглашаемся хотя бы со слабым вариантом окказионализма, оказывается не способным преодолеть скептический вызов: если в самом мире ничто не является источником наших ощущений, то как мы можем сделать обоснованный вывод не только об отдельных характеристиках этого мира, но даже о самой его реальности [40]?

Альтернатива, как уже было сказано выше, опирается на конкурентистское прочтение Декарта, то есть на признание, что для любого действия с необходимостью существуют два вида причинности — божественная и каузально-физическая [41, 42]. Детальный разбор имеющихся реконструкций данного прочтения картезианства не входит в задачи данного исследования по целому ряду причин. Во-первых, как уже было сказано, конкурентизм представляет собой решение причинно-следственных вопросов метафизики, и лишь косвенным образом затрагивает *МВР*. Во-вторых, как и в случае с окказиональными прочтениями Декарта, здесь мы неизбежно

сталкиваемся с бритвой Оккама, поскольку вынуждены дополнительно нагружать нашу метафизику не только картезианскими субстанциями, но и фигурой Бога, как действующей причины, влияющей на все естественные процессы. В-третьих, вполне очевидно, что и конкурентистское и консервационистское прочтение¹⁷ неизбежно предполагают взаимодействие между двумя субстанциями, что, с одной стороны, лишь еще больше усиливает претензии из первого пункта, а с другой — позволяет (при желании) характеризовать данные реконструкции как 'интеракционистские'.

Несмотря на то, что подходы, предполагающие наличие у нас привилегированного доступа к нашим собственным ментальным процессам, являются крайне привлекательными, они имеют серьезный теоретический недостаток: а именно проблематичность (или даже невозможность) доказательства существования сознания у других людей, поскольку в этом случае ни о каком прямом доступе, естественно, не может быть и речи¹⁸. В историю философии эта головоломка вошла как *проблема других сознаний*, и, хотя она и не фигурирует в картезианских размышлениях напрямую, данная проблема является прямым следствием скептического подхода Декарта к вопросам познания внешнего мира. Наиболее известным и широко тиражируемым исключением является вскользь брошенное замечание: «Из этого можно заключить, будто я воспринимаю... глазами, а не одним лишь умозрением, если только я не приму во внимание, что всегда говорю по привычке, будто вижу из окна людей, переходящих улицу..., а между тем я вижу всего лишь шляпы и плащи, в которые с тем же успехом могут быть облачены автоматы. Однако я выношу суждение, что вижу людей»¹⁹ [4, с. 26–27]. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо внимательно изучить данный аргумент в версии Дж. Милля [52, р. 243]:

(МИ1) Я обладаю сознанием.

(МИ2) Я знаю, что причиной моего поведения являются мои сознательные (ментальные) процессы.

(МИ3) Другие люди обладают телом, похожим на мое, и ведут себя схожим образом.

(МИ4) По аналогии можно предположить, что их поведение также вызывается сознательными процессами.

(МИ5) Следовательно, другие люди обладают сознанием.

Помимо очевидного индуктивного характера послышки (МИ4) у данного аргумента есть еще один серьезный изъян. Очевидно, что Декарт, отстаивающий привилегированный доступ к нашему собственному сознанию, однозначно поддержал бы послышки (МИ1) и (МИ2), однако многие современные исследователи ставят под сомнение непогрешимость интроспекции подобного рода. Таким образом, проблема других распадается на две эпистемические субпроблемы: обоснованность наличия сознания при (1) наличии перспективы от первого лица (*проблема специфики знания о себе* или *self-knowledge-problem*) и (2) при ее отсутствии (непосредственно сама проблема других сознаний).

Возвращаясь к процитированному отрывку, можно согласиться с позицией Ф. Питте и А. Аврамидес, что данный фрагмент некорректно рассматривать в качестве полноценного аргумента как такового. Во-первых, в картезианском подходе приобретение знания основывается на интеллекту-

альной интуиции (т. е. посредством рационального познания), а не через обобщение наблюдаемых характеристик. Во-вторых, сами аналогии используются Декартом лишь как иллюстрации и никогда не используются как самостоятельные аргументы. И наконец, в-третьих, подобное сравнение возможно только в случае доверия чувственным ощущениям, чем Декарт никогда не отличался. Лучше всего будет зафиксировать, что картезианский подход не предполагает никакого аргумента по аналогии, именно потому что им игнорируется проблема других сознаний как таковая. Это значит, что нами было обнаружено еще одно возражение против картезианского субстанциального дуализма.

Также следует признать, что у современных 'классических' дуалистов (склоняющихся к картезианскому представлению о дуализме) не так много хороших аргументов в пользу ментального реализма, то есть убеждения в существовании таких особых сущностей, как ментальные состояния. Зачастую их аргументация строится вокруг проблем, связанных с полностью физикалистскими системами описания работы сознания, сильнее всего в этом контексте бросается в глаза апелляция к безусловной *значимости* ментальных переживаний (в первую очередь это касается чувств и эмоций, которые мы испытываем) — даже если речь идет не об их полной утрате, но об их редукции к физическим параметрам (состояниям мозга и пр.), и в этом случае все наши приватные убеждения и ценности становятся продуктом физических процессов. Это делает их для нас случайными, не имеющими реальной значимости [22, р. 1–26].

Еще одним возражением против субстанционального дуализма является сам статус ментальной сущности. Часто подобного рода контраргументация указывает на невозможность зафиксировать мыслящую субстанцию какими бы то ни было научными средствами. Кажется ироничным, но подобные вещи высказывают не только представители физикализма (от которых такое возражение смотрится вполне естественно и органично), но и некоторые представители некоторых других форм дуализма [см. например: 53, р. 42–43]. Во многом это связано с постепенным дрейфом сторонников дуализма в натуралистический лагерь в той мере, в которой позволяет сама отстаиваемая ими доктрина. Помимо уже разобранных выше концепций можно вспомнить также и *либеральный натурализм* Г. Розенберга [54]. Поскольку его позиция является достаточно показательной, следует подробным образом ее описать:

(P1) Сознание является свойством, но, в отличие от дуализма свойств, оно возникает лишь в некоторых физических системах.

(P2) Сознание имеет опытное содержание (experiential content), которое не может быть полностью объяснено через апелляцию к физическим законам.

(P3) Сознание не исключается из причинно-следственных отношений, оно оказывает влияние на поведение и функционирование физических систем.

Рассмотрение *MBP* подобным образом позволяет, с одной стороны, найти точки сближения с дуализмом свойств, поскольку обе исследовательские позиции полагают, что ментальные свойства не могут быть объяснены исключительно через физические законы и процессы, а с другой — позволяет дистанцироваться от идеи, что ментальные процес-

сы представляют собой полностью отдельную сущность или сферу нашей реальности, что, как нам станет видно позднее, служит одним из наиболее проблемных мест дуализма свойств. Здесь можно было бы назвать сторонников подобных представлений эпифеноменалистами, однако это было бы не совсем точным обозначением, хотя нам и следует признать, что подобное сравнение не является полностью обоснованным. Так, К. Кэмпбелл эксплицитно обозначает свою позицию как *новый эпифеноменализм* — сознание действительно возникает только в некоторых системах (поэтому он даже саркастически называет свою позицию «материализм нервной системы плюс [феноменальные состояния]»), но при этом ряд их состояний может быть описан исключительно в феноменальных терминах — боли или восприятия цвета [55].

Очевидно, что многими своими преимуществами, привлекательными в глазах исследователей, субстанциональный дуализм обязан утверждению не-физической, а следовательно, и недоступной эмпирическим наблюдениям и проблемам, сущности нашей души. Однако подобный подход несет в себе не только плюсы, но и значительные издержки. Самым известным и, пожалуй, наиболее серьезным возражением против субстанционального дуализма в контексте проблемы *MBP* и вопроса каузации является проблема сопряженности (Pairing Problem), которую очень кратко можно изложить следующим образом:

(ПС1) Только физические (реальные) объекты обладают пространно-временным расположением.

(ПС2) Ментальная субстанция не является физическим объектом.

(ПС3) Следовательно, ментальная субстанция не обладает пространно-временным расположением.

(ПС4) С точки зрения современных физических теорий, каузальные взаимодействия между объектами невозможны без такой характеристики, как пространственно-временное расположение.

(ПС5) Следовательно, ментальная субстанция не может каузально влиять на физические объекты.

Из (ПС1) выводимо, например, очевидное следствие о взаимодействии двух ударяющихся бильярдных шаров. На шар *B* влияет только находящийся в непосредственной близости шар *A*, на него не влияет шар *C*, находящийся на соседнем игровом столе. Однако в силу своего принципиально иного метафизического статуса души, кажется, не обладают требуемым основанием для влияния на конкретное тело [56; также см.: 57; но ср. с этим: 58, р. 52–69; 59]. В подобном случае мы сталкиваемся со своеобразным переосмыслением проблемы других сознаний: если допустить, что каждый из шаров обладает душой, то почему душа *A* связана именно с физическим телом *B*, а не с телом *C* и наоборот? На этот вопрос картезианская метафизика не имеет хорошего ответа.

Подводя итог нашему обзору современных интерпретаций картезианства, следует отметить, что субстанциональный дуализм, будучи подходом, во многом предопределяющим линии развития дискуссий в области философии сознания, сталкивается с рядом серьезных затруднений, которые повлекли за собой не только появление различных прочтений картезианского наследия, но и альтернативные концепции, которые во многих своих чертах уже ближе к дуализму свойств или эпифеноменализму.

¹ Подобная позиция часто служит стартовой точкой для огромного числа исследователей. Наиболее показательным в этом отношении является комментарий Д. Розенталя о том, что новизна подхода Декарта заключалась не в демонстрации связи между сознанием (consciousness) и разумом (mind), поскольку нечто подобное, пусть и в других терминах, встречается уже в разных работах Аристотеля и средневековых схоластов, но в «разработке теории разума, в соответствии с которой само наше понимание ментальности должно быть представлено в терминах сознания» [1, р. 229–230].

² Ядром проблемы является вопрос об отношениях между ментальными и физическими свойствами в контексте существования и функционирования сознания. Вслед за некоторыми исследователями удобнее всего представить данную проблему в виде четырех несогласующихся между собой тезисов: (МВР1) Некоторые вещи обладают ментальными свойствами (реалистический тезис); (МВР2) Ментальные свойства не могут быть концептуально редуцированы к не-ментальным (физическим) свойствам, и, следовательно, ни одно суждение о не-ментальных сущностях не является достаточным основанием для суждения о ментальных сущностях (тезис концептуальной автономии); (МВР3) Из конститутивного описания вещи следует полное описание всех ее свойств (тезис конститутивного объяснительной достаточности); (МВР4) Конститутирующие составляющие вещей не имеют ментальных свойств как таковых (тезис конститутивного не-ментализма) [см. например: 2, р. 10–11]. Основу (МВР4) иногда составляет так называемый *эпистемологический аргумент*, согласно которому физические объекты не имеют феноменальных или интенциональных свойств [3, р. 82–87]. Причем некоторые противники объективного существования ментальных свойств настаивают на еще более радикальной формулировке последнего тезиса: (МВР4*) Конститутирующие составляющие вещей являются физическими по своей природе (тезис конститутивного физикализма). Противоречия между именно этими тезисами и представляют основное затруднение для дискуссий по вопросу природы и существования сознания.

³ Подробнее о картезианском понимании субстанции см. [6, р. 207–234; 7, р. 17–25; но ср. с этим: 8].

⁴ Во многом это строится на довольно очевидной интуиции о наличии привилегированного доступа к собственному сознанию и его безошибочности. Например, в одной из работ Суинбёрна мы читаем: «Некто обладает привилегированным доступом к свойству *P*, инстанцированному в нем, в том смысле, что логически возможно, чтобы он мог узнать об этом свойстве различными способами, какими о нем могут узнать другие, но он также обладает еще одним способом, каким он мог бы о нем узнать (посредством его переживания), и логически невозможно, чтобы этим способом о нем могли бы узнать другие» [9, р. 68].

⁵ Хотя подобная позиция провоцирует определенные значимые проблемы, оно также является и весомым преимуществом, которым субстанциальные дуалисты пользуются по целому ряду метафизических вопросов. Например, интересным аргументом в пользу данного подхода является мерееологический аргумент, основанный на 'проблеме многих' (Problem of the Many), одной из наиболее известных проблем мерееологии [9, р. 11–71]. Рассматривая совершенно любой макрообъект (стол, стул и т. д.), мы оцениваем его как объект, содержащий конечный набор атомов *S*, в то же самое время есть множественное число атомов, граничащих с атомами столами, которые тем не менее могут рассматриваться в совокупности, поскольку подобное не будет продуцировать никакое различие, которое было бы значимо для макромира. Например, у нас может быть стол *S**, который отличается от стола *S* одним единственным атомом, который 'добавляется' в набор атомов стола. В этом случае столы *S* и *S** занимают одно и то же пространство, будучи качественно различными объ-

ектами. Аналогичным образом, разница лишь на один атом может быть распространена на гипотетические столы *S''*, *S'''* и т. д. (можно даже комбинировать прилегающие атомы различным образом, например, в стол *S'''* будут входить атомы *A*, *B* и *C*, а в стол *S''''* будут входить атомы *A*, *B* и *F*). Существование гипотетических столов *S'*, *S''*, *S'''*, являющихся своего рода 'онтологическим мусором', служит источником путаницы для нашей онтологии. Для того, чтобы избежать такого рода онтологической путаницы, сознание или 'Я' лучше всего вовсе не рассматривать как макрообъект, или какой-либо физический объект. Хорошей опцией в этом случае мог бы стать субстанциальный дуализм, отождествляющий 'Я' с нематериальной сущностью или душой [10, р. 362–460.].

⁶ Существует устойчивое мнение, что картезианское представление о душе напрямую инспирировано его христианскими религиозными взглядами, что подчеркивал и сам Декарт во вступлении к своим *Размышлениям* [4, с. 4–8], однако из этого историко-философского факта не следует с необходимостью, что все философы-христиане обязаны разделять взгляды субстанционального дуализма [см. например: 11].

⁷ Позиция самого Декарта описана в [4, с. 62–63]. Аргументы против представимости можно обнаружить в [12, р. 128–129]. В настоящее время обсуждение представимости эволюционировало в проблему представимости особой сущности — философского зомби. Однако это слишком обширная и разветвленная дискуссия, чтобы подробно ее анализировать в рамках данной статьи.

⁸ Существует множество разных версий данного аргумента. Наибольшее распространение (в особенности в русскоязычной исследовательской среде) получила версия Р. Суинбёрна [13, р. 322–323], которая может быть изложена следующим образом:

(C1) Я — сознающий субъект, существующий в 1984 году.

(C2) Если я существую в 1984 году, логически возможно, что я продолжу существование в 1985 году.

(C3) Если в 1984 году мое тело будет уничтожено, то мое существование в 1985 году логически невозможно, если только я не существовал в 1985 году без тела.

(C4) Единственная возможность моего существования без тела в 1984-м — это обладание душой.

(C5) Следовательно, если я сознающий субъект, существующий в 1984 году, то в 1984 году я обладаю душой.

⁹ Тем не менее исследователи не всегда согласны, что подобный подход представляет проблему для дуализма [например, ср. с этим: 14, р. 44].

¹⁰ Более узкой, но при этом крайне популярной разновидностью данного затруднения стала проблема ментальной каузальности (Problem of Mental Causation).

¹¹ Иногда можно встретить мнение, что в картезианском подходе мы имеем дело исключительно с односторонним воздействием: сознание влияет на работу нашего тела, оставаясь при этом недоступным для обратного влияния. В противном случае, как полагает часть исследователей, это вошло бы в противоречия с идеей о возможности бестелесного существования, о которой было сказано выше. Причина отсутствия подобного влияния может быть, например, в отсутствии у тела казуального влияния как такового [21, р. 73–75], очень похожую трактовку Дж. Фостер опровергает в [22, р. 172–200].

¹² Можно вспомнить большое количество прямых цитат из работ Декарта, указывающих на подобное 'предпочтение', например: «... наше грубое тело нисколько не содействует твоему мышлению... и потому ты мыслишь независимо от него» [24, с. 205].

¹³ Дополнительные проблемы у данного подхода могут возникнуть при попытке доказать верность кантовской этики (концепции долга, в частности), однако это отдельный исследовательский вопрос.

¹⁴ Добавим, что это относится также и к некоторым современным представителям субстанционального дуализма и/или исследователям наследия французского философа:

Э. О'Нил [27], Д. Раднер [28], Э. Чавес-Арвисо [29], Т. Винци [30]. Схожим образом действуют 'картезианские антиредукционисты', например, Д. Яндел [31] и Л. Аланен [32]. Они считают взаимосвязь сознания и тела 'примитивным понятием', которое не должно редуцироваться к понятиям мышления и/или протяженности, и может быть понято только в контексте эмоциональной (страстной) жизни человека. Отдельно стоит выделить Р. Суинберна, который дополняет интеракционизм Декарта через базовость интенций субъекта относительно физической реальности [9, р. 101], однако здесь стоит согласиться с А. Павловым, что подобная переформулировка (предоставленная, к тому же, без сильной дополнительной аргументации) является не чем иным, как банальным постулированием наличия непосредственного взаимодействия между ментальной и физической субстанциями [33, с. 184].

¹⁵ Следует также заметить, что окказионализм — это, в первую очередь, способ описания существующего мира, а потому его способ решения МВР является лишь частным случаем общей выстраиваемой онтологической модели. Однако аргументы окказионалистов, насколько это возможно, будут рассматриваться исключительно в контексте их валидности и применимости по отношению к МВР.

¹⁶ Альтернатива предполагает пересмотр концепции субстанции. Так, например, О. Козырева прямо указывает, что традиция рассмотрения мыслящих и протяженных вещей как субстанций — это распространенное заблуждение и непонимание схоластических корней картезианской метафизики. С ее точки зрения, единственной реальной субстанцией является лишь фигура Бога [35, с. 79–80]. Следует признать, что подобное замечание имеет под собой веские основания, но в данной статье подобные историко-философские тонкости рассматриваться не будут.

¹⁷ Как ни странно, но именно такой взгляд на картезианское наследие в исследовательской среде является наименее распространенным. Возможно, данной точки зрения придерживаются исследователи исключительно МВР в контексте картезианских размышлений, но большая часть из них не пишет об этом напрямую. В качестве исключения, например, см. [43], аналогичную позицию могли бы поддержать Б. Лефтоу, который предлагает 'решение' МВР через описание взаимодействия субстанций в рамках физической каузальности [44, р. 24–26], и С. Вагнер [45].

¹⁸ Однако в определенном смысле данный аргумент работает и в обратную сторону, то есть против сторонников физикализма. Так, например, Т. Спригге резонно замечает, что «нет ничего физического, что могло бы полностью доказать существование сознания у другого человека» [46, р. 9].

¹⁹ Согласно широко распространенному убеждению, в этом отрывке Декарт не только обозначает проблему других сознаний, но также намечает и ее наиболее известное решение — аргумент по аналогии [47, р. 191; 48, р. 8–13; 49, р. 71]. Следует подчеркнуть, что некоторые исследователи, которые целенаправленно занимаются данным историческим сюжетом, напротив, отрицают какую бы то ни было связь между картезианской концепцией сознания и проблемой других сознаний. С их точки зрения, это является следствием невнимательного отношения к аутентичным взглядам французского философа [50, 51].

Список источников / References

1. Rosenthal D. Consciousness and the Mind. *Jerusalem Philosophical Quarterly*. 2002. Vol. 51, no. 2. P. 227–251.
2. Kirk L. The Mind-Body Problem: An Overview. *The Blackwell Guide to Philosophy of Mind* / Eds. S. Stich, T. A. Warfield. Bodmin: Wiley-Blackwell, 2003. P. 2–46.
3. Brenner A. Personal Ontology: Mystery and its Consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 241 p.
4. Декарт Р. Размышления о первой философии, в которых доказывается существование Бога и различие между

человеческой душой и телом // Сочинения. В 2 т. Москва: Мысль, 1994. Т. 2. С. 4–72.

Descartes R. Razmyshleniya o pervoy filosofii, v kotorykh dokazyvayetsya sushchestvovaniye Boga i razlicheye mezhdu chelovecheskoy dushoy i telom [Meditations on First Philosophy, in which the Existence of God and the Immortality of the Soul are Demonstrated] // Sochineniya. V 2 t. [Works in 2 vols.]. Moscow, 1994. Vol. 1. P. 4–72. (In Russ.).

5. Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора // Сочинения в 2 т. Москва: Мысль, 1994. Т. 2. С. 73–417.

Descartes R. Vozrazheniya nekotorykh uchenykh muzhey protiv izlozhennykh vyshe «Razmyshleniy» s otvetami avtora [Objections and Replies to the Meditations] // Sochineniya. V 2 t. [Works in 2 vols.]. Moscow, 1994. Vol. 2. P. 73–417. (In Russ.).

6. Clarke D. Descartes's Theory of Mind. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2003. 267 p.

7. Hoffman J., Rosenkrantz G. S. Substance: Its nature and Existence. London: Routledge, 1997. 218 p.

8. Schechtman A. Substance and Independence in Descartes. *The Philosophical Review*. 2016. Vol. 125, no. 2. P. 155–204. DOI: 10.1215/00318108-3453167.

9. Swinburne R. Mind, Brain and Free Will. Oxford: Oxford University Press, 2013. 251 p.

10. Unger P. All the power in the World. Oxford: Oxford University Press, 2006. 670 p.

11. Baker L. R. Need a Christian Be a Mind/Body Dualist? *Faith and Philosophy*. 1995. Vol. 12, no. 4. P. 489–504. DOI: 10.5840/faithphil199512446.

12. Lowe E. Why my Body is not Me: The Unity Argument for Emergentist Self-body Dualism. In *Emergence in Science and Philosophy* / Eds. A. Corradini, T. O'Connor. London: Routledge, 2010. P. 127–148.

13. Swinburne R. The Evolution of the Soul. Oxford: Oxford University Press, 1986. 360 p.

14. Taliaferro C. Substance Dualism: A Defense. *The Blackwell Companion to Substance Dualism* / Eds. J. J. Loose, A. J. Louis Menuge, J. P. Moreland. Oxford: Wiley-Blackwell. 2018. P. 41–60.

15. Cottingham J. Cartesian Trialism. *Mind*. 1985. Vol. 94, no. 374. P. 218–230. DOI: 10.1093/mind/xci.374.218.

16. Hoffman P. The Unity of Descartes's Man. *The Philosophical Review*. 1986. Vol. 95, no. 3. P. 339–370. DOI: 10.2307/2185464.

17. Rozemond M. Descartes on Mind-Body Interaction: What's the Problem? *Journal of the History of Philosophy*. 1999. Vol. 37, no 3. P. 435–467. DOI: 10.1353/hph.2008.0799.

18. Richardson R. S. The 'Scandal' of Cartesian Interacnionism. *Mind*. 1982. Vol. 92, no. 361. P. 20–37. DOI: 10.1093/mind/xci.361.20.

19. Williams B. Descartes: The Project of Pure Enquiry. Hassocks: Routledge, 1978. 320 p.

20. Декарт Р. Из переписки 1643–1649 // Сочинения. В 2 т. Москва: Мысль, 1994. Т. 2. С. 489–588.

Descartes R. Iz perepiski 1643–1649 [From the Correspondence of 1643–1649] // Sochineniya. V 2 t. [Works in 2 vols.]. Moscow, 1994. Vol. 2. P. 489–588. (In Russ.).

21. Garber D. Descartes' Metaphysical Physics. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 404 p.

22. Foster J. The Immaterial Self: A Defence of the Cartesian Dualist Conception of the Mind. London: Routledge, 1991. 312 p.

23. De Rosa R. Descartes' Causal Principle and the Case of Body-to-Mind Causation. *Canadian Journal of Philosophy*. 2013. Vol. 43, no. 4. P. 438–459. DOI: 10.1080/00455091.2013.847347.

24. Декарт Р. Мир, или Трактат о свете // Сочинения. В 2 т. Москва: Мысль, 1994. Т. 1. С. 179–249.

Descartes R. Mir, ili traktat o svete [The World, or Treatise on Light] // Sochineniya. V 2 t. [Works in 2 vols.]. Moscow, 1994. Vol. 1. P. 179–249. (In Russ.).

25. Walker R. C. S. On What We Must Think. *Contemporary Dualism: A Defense* / Eds. A. Lavazza, H. Robinson. New York: Routledge, 2014. P. 171–190.
26. Watson R. The Downfall of Cartesianism, 1673–1712: A Study of Epistemological Issues in Late 17th Century Cartesianism. The Hague: Martinus Nijhoff, 1966. 159 p.
27. O'Neill E. Mind-Body Interaction and Metaphysical Consistency: A Defense of Descartes. *Journal of the History of Philosophy*. 1987. Vol. 25, no. 2. P. 227–245. DOI: 10.1353/hph.1987.0026.
28. Radner D. Is There a Problem of Cartesian Interaction? *Journal of the History of Philosophy*. 1985. Vol. 23, no. 1. P. 35–49. DOI: 10.1353/hph.1985.0012.
29. Chávez Arvizo E. Descartes's Interactionism and His Principle of Causality. *The European Legacy*. 1997. Vol. 2, no. 6. P. 959–976. DOI: 10.1080/10848779708579829.
30. Vinci T. Mind-Body Causation, Mind-Body Union and the 'Special Mode of Thinking' in Descartes. *British Journal for the History of Philosophy*. 2008. Vol. 16, no. 3. P. 461–488. DOI: 10.1080/09608780802200414.
31. Yandell D. What Descartes Really Told Elisabeth: Mind-Body Union as a Primitive Notion. *British Journal for the History of Philosophy*. 1997. Vol. 5, no. 2. P. 249–273. DOI: 10.1080/09608789708570966.
32. Alanen L. Reconsidering Descartes's Notion of the Mind-Body Union. *Synthese*. 1996. Vol. 106, no. 1. P. 3–20. DOI: 10.1007/BF00413611.
33. Павлов А. С. Субстанциальный дуализм Ричарда Суинбёрна: современное состояние и критика // Философский журнал. 2020. Т. 13, no. 3. С. 175–188. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-3-175-188. EDN: TRORJB.
- Pavlov A. S. Substantial'nyy dualizm Richarda Suinbërna: sovremennoye sostoyaniye i kritika [The Substance Dualism of Richard Swinburne: Current State and Criticism]. *Philosophical Journal*. 2020. Vol. 13, no. 3. P. 175–188. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-3-175-188. EDN: TRORJB. (In Russ.).
34. Мальбранш Н. Разыскания истины. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 650 с.
- Malebranche N. Razyskaniya istiny [The Search after Truth]. Saint Petersburg, 1997. 650 p. (In Russ.).
35. Козырева О. А. Субстанциальный дуализм и приватность ментального в философии Р. Декарта: критика поверхностной интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 79–87. DOI: 10.17223/15617793/452/9. EDN: OYJGPT.
- Kozyreva O. A. Substantial'nyy dualizm i privatnost' mental'nogo v filosofii R. Dekarta: kritika poverkhnostnoy interpretatsii [Substance Dualism and the Privacy of Mind in Rene Descartes's Philosophy: A Critique of the Superficial Interpretation]. *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 452. P. 79–87. DOI: 10.17223/15617793/452/9. EDN: OYJGPT. (In Russ.).
36. Garber D. Descartes Embodied: Reading Cartesian Philosophy Through Cartesian Science. New York: Cambridge University Press, 2000. 337 p.
37. Broughton J. Adequate Causes and Natural Change in Descartes' Philosophy. *Human Nature and Natural Knowledge* / Eds. R. S. Cohen, M. W. Wartofsky. Boston: D. Reidel Publishing Company, 1986. P. 107–127.
38. Platt A. One True Cause: Causal Powers, Divine Concurrence, and the Seventeenth-Century Revival of Occasionalism. Oxford: Oxford University Press, 2020. 420 p.
39. Nadler S. Descartes and Occasional Causation. *British Journal for the History of Philosophy*. 1994. Vol. 2, no. 1. P. 35–54. DOI: 10.1080/09608789408570891.
40. Scott D. Occasionalism and Occasional Causation in Descartes' Philosophy. *Journal of the History of Philosophy*. 2000. Vol. 38, no. 4. P. 503–528. DOI: 10.1353/hph.2005.0041.
41. Gorham J. Cartesian Causation: Continuous, Instantaneous, Overdetermined. *Journal of the History of Philosophy*. 2004. Vol. 42, no. 4. P. 389–423. DOI: 10.1353/hph.2004.0066.
42. Pessin A. Descartes's Nomic Concurrentism: Finite Causation and Divine Concurrence. *Journal of the History of Philosophy*. 2003. Vol. 41, no. 1. P. 25–49. DOI: 10.1353/hph.2002.0104.
43. Schmalz T. Descartes on Causation. Oxford: Oxford University Press, 2008. 237 p.
44. Leftow B. Time and Eternity. Ithaca: Cornell University Press, 1991. 392 p.
45. Wagner S. Descartes's Arguments for Mind-Body Distinctness. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1983. Vol. 43, no. 4. P. 499–517. DOI: 10.2307/2107644.
46. Sprigge T. The Importance of Subjectivity. Oxford: Clarendon Press, 2011. 355 p.
47. Plantinga A. God and Other Minds. London: Cornell University Press, 2000. 288 p.
48. Ryle G. The Concept of Mind. London: Routledge, 2009. 377 p.
49. Techio J. Seeing Souls: Wittgenstein and Cavell on the «Problem of Other Minds». *Conversations: The Journal of Cavellian Studies*. 2013. No. 1. P.63–84. DOI: 10.18192/cjcs.v0i1.953.
50. Manning G. Descartes, Other Minds and Impossible Human Bodies. *Philosophers' Imprint*. 2012. Vol. 12, no. 16. P. 1–24.
51. Lagerspetz O. Was Descartes Responsible for the Problem of Other Minds? *Philosophical Investigations*. 2025. Vol. 48, no. 3. P. 249–268. DOI: 10.1111/phin.12458.
52. Mill J. S. An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy. Boston: Adamant Media Corporation, 2004. 694 p.
53. Campbell K. Body and Mind. 2nd. ed. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1984. 168 p.
54. Rosenberg G. A Place for Consciousness: Probing the Deep Structure of the Natural World. Oxford: Oxford University Press, 2004. 325 p.
55. Campbell K. Comments on: Mark Woodhouse, 'A New Epiphenomenalism'. *Australasian Journal of Philosophy*. 1974. Vol. 52, no. 2. P. 170–173. DOI: 10.1080/00048407412341171.
56. Kim J. Lonely Souls: Causality and Substance Dualism. *Philosophy of Mind: Contemporary Readings* / Eds. T. O'Connor, D. Robb, London: Routledge, 2003. P. 65–78.
57. Cucu A. C., Pitts J. B. How Dualists Should (Not) Respond to the Objection from Energy Conservation. *Mind and Matter*. 2019. Vol. 17, no. 1. P. 95–121. DOI: 10.48550/arXiv.1909.13643.
58. Brenner A. Personal Ontology: Mystery and its Consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 241 p.
59. Bailey A. M., Rasmussen J., Horn L. No Pairing Problem. *Philosophical Studies*. 2011. Vol. 154, no. 3. P. 349–360. DOI: 10.1007/s11098-010-9555-7.
- КОЧНЕВ Роман Леонидович**, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, медиа и журналистика» Тюменского государственного университета, г. Тюмень.
SPIN-код: 7887-8053
AuthorID (РИНЦ): 961891
ORCID: 0000-0001-9064-1175
ResearcherID: AAZ-6320-2021
Адрес для переписки: r.l.kochnev@utmn.ru
- Прозрачность финансовой деятельности:** автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.
- Статья поступила в редакцию 16.07.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 06.11.2025.

KOCHNEV Roman Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Philosophy, Media and Journalistic Department, University of Tyumen, Tyumen.
SPIN-code: 7887-8053
AuthorID (RSCI): 961891
ORCID: 0000-0001-9064-1175
ResearcherID: AAZ-6320-2021
Correspondence address: r.l.kochnev@utmn.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 16.07.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 06.11.2025.

О СООТНОШЕНИИ ПРОБЛЕМ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОШИБКАХ

М. С. Сысоев

Институт философии РАН, Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12/1

В работе рассматривается вопрос о соотношении некоторых проблем в философии сознания. Рассуждение начинается с обозначения методологических препятствий в эмпирических исследованиях сознания: мереологической ошибки и ошибки смешения уровней абстракции. Далее рассматриваются теоретические проблемы: психофизическая проблема, проблема единства сознания, проблема связывания, которые помещаются в общий контекст и сопоставляются друг с другом. Проблемы классифицируются с точки зрения объясняемых ими отношений, которые делятся на межтиповые и внутритиповые, вертикальные и горизонтальные. На основе предложенного в статье описания отношений между проблемами выявляется наличие между ними тесной связи, которая не позволяет рассматривать данные проблемы изолированно друг от друга. Демонстрируется принципиальная роль проблематики единства сознания и проблемы связывания в исследованиях по психофизической проблеме, в том числе в программе поиска нейронных коррелятов. Подчеркивается важность вертикальных отношений. Актуальность установленной связи подтверждается наличием методологических ошибок. В завершение делается вывод о том, что вопрос о пересечении проблем может сказаться на формулировке гипотез и выборе направлений исследования в рамках программы поиска нейронных коррелятов.

Ключевые слова: сознание, сознательное состояние, психофизическая проблема, проблема единства сознания, проблема связывания, нейронные корреляты сознания, мереологическая ошибка, уровни абстракции.

Для цитирования: Сысоев М. С. О соотношении проблем в философии сознания и методологических ошибках // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 99–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-99-105. EDN: FQOVEV.

© Сысоев М. С., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN PROBLEMS IN THE PHILOSOPHY OF MIND AND METHODOLOGICAL FALLACIES

M. S. Sysoev

RAS Institute of Philosophy, Russia, Moscow, Goncharnaya St., 12/1, 109240

The paper examines the relationship between certain problems in the philosophy of mind. The discussion begins by identifying methodological obstacles in empirical consciousness research: the mereological fallacy and the fallacy of conflating levels of abstraction. Theoretical issues are addressed: the mind-body problem, the unity of consciousness problem, and the binding problem, situating them within a broader context and comparing them with one another. These problems are classified on the types of relations they explain, which are divided into inter-type and intra-type, as well as vertical and horizontal relations. By describing the relationships between these problems, the author demonstrates their close interconnectedness, which precludes treating them in isolation. The pivotal role of the unity of consciousness problem and the binding problem in research on the mind-body problem is highlighted, particularly in the context of the search for neural correlates of consciousness, with an emphasis on the importance of vertical relations. The relevance of this interconnectedness is underscored by the presence of methodological errors. In conclusion, it is argued that the question of the intersection of these problems can impact the formulation of hypotheses and the selection of research directions within the program of identifying neural correlates of consciousness.

Keywords: consciousness, conscious state, mind-body problem, unity of consciousness problem, binding problem, neural correlates of consciousness, mereological fallacy, levels of abstraction.

For citation: Sysoev M. S. On the relationship between problems in the philosophy of mind and methodological fallacies. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 99–105. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-99-105. EDN: FQOVEV.

© Sysoev M. S., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение: предмет и задачи исследования

Обсуждая вопрос о соотношении проблем в философии сознания, я буду говорить о той части современной дискуссии, в которой под сознанием подразумевается некоторое ментальное¹ состояние организма, реализующее или воплощающее определенные ментальные свойства [1]. В одном смысле, сознание — это единое общее состояние, отличающееся от состояний без сознания с возможными степенями осознанности между ними. В другом смысле, сознание — это целый класс различных состояний, отличающихся друг от друга по их содержанию. Например, мы говорим, что состояние человека в сознании отличается от состояния спящего человека или человека, которому диагностировали смерть мозга, а во втором случае мы говорим, что состояние радости отличается от состояния грусти. Разные сознательные состояния отличаются друг от друга не только определенными физиологическими и поведенческими признаками, но и характерным феноменальным аспектом, тем, каково это быть в данном состоянии. Но, несмотря на это многообразие, мы все еще можем утверждать, что общее сознательное состояние (т. е. сознание в первом смысле) сохраняется на протяжении всего периода здорового бодрствования. Это различие между сознательными состояниями не является сугубо философским и отражается и на поиске нейронных коррелятов сознания (NCC)². *Корреляты общего состояния сознания* — это ответ на вопрос 'Какие корреляты делают состояние сознательным?'. *Корреляты специфического состояния сознания* — это ответ на вопрос 'Какие корреляты связывают состояние с содержанием А, а какие — с содержанием В?' [3].

С точки зрения эмпирического исследования, идентификация сознательного состояния в двух случаях производится совершенно различным способом. Во втором случае одно состояние от другого отличает некоторое *содержание*, чаще всего — *репрезентативное*. Оно получает некоторое наблюдаемое *функциональное* выражение и отслеживается посредством стандартных эмпирических методов: анализа физиологических показателей, поведенческих реакций, когнитивных функций, отчета [3]. На основании этого делается вывод о характере состояния и, в первую очередь, 'о чем' было это состояние: о яблоке, о доме, о машине. Специфические характеристики сознательного состояния, отличающие его от не-сознательного, не рассматриваются при такой постановке вопроса, поэтому результатом такого исследования является составление карты различных типов содержания и соответствующих им нейронных коррелятов. Эта карта крайне полезна для исследования функциональных отношений организма с миром, но не так много говорит нам о самой природе сознательных состояний. С другой стороны, общие состояния со-

знания исследуются посредством тех же методов, но анализируются уже биологические состояния и биологические виды, ими обладающие. В результате типология состояний помещается на две основные шкалы: во-первых, на шкалу различных 'степеней' сознания, от полностью бессознательного состояния до максимальной степени осознанности, и, во-вторых, на шкалу различных типов состояний в зависимости от биологического устройства существа, находящегося в сознательном состоянии: от простейших организмов до человека. Именно такие исследования нацелены на анализ природы сознательного состояния самого по себе, без привязки к его конкретному содержанию.

Ключевое для данной работы различие между этими направлениями исследований заключается в том, что в первом случае сравниваются *единые* сознательные состояния организмов, а во втором случае — *множество* отдельных аспектов таких состояний, соответствующих определенному содержанию.

При рассмотрении этих примеров становится ясно, что попытка дать состояниям сознания некоторое определение или объяснить природу сознательных состояний самих по себе, сразу же сталкивается с проблемой совмещения единства и множественности. Специфические состояния в некотором метафорическом смысле являются частями общих сознательных состояний и вопрос соотношения между ними составляет отдельную проблему. Далее я укажу на два методологических ограничения, существующих в эмпирических исследованиях сознания: мереологическую ошибку и ошибку уровней абстракции. Затем я проанализирую отдельные аспекты психофизиологической проблемы, проблемы единства сознания и проблемы связывания и выявлю основные тематические пересечения между ними. Совместное рассмотрение этих проблем и объединение их в общую классификацию позволит наглядно показать, какое место занимают указанные методологические ошибки в философской проблематике.

Методологические ограничения в исследованиях сознания

Методология современных эмпирических исследований сознания предполагает определенные ограничения [4, 5]. Иногда эти методологические ограничения обусловлены вполне конкретными причинами: физическими, физиологическими или инженерно-техническими ограничениями. Нередко эти ограничения носят фундаментальный метафизический характер или, по крайней мере, выглядят таковыми до совершения возможных будущих открытий. Например, несмотря на попытки создать так называемые безотчетные парадигмы (no-report paradigm) исследования сознания [6], именно субъективный отчет является основным источником

сведений о сознательных состояниях. На данный момент не существует способа анализировать феноменальный аспект сознания принципиально иным образом, поэтому остается только учитывать это обстоятельство. Но иногда методологические ограничения являются по своей природе скорее неявными теоретическими предпосылками, которые вполне могут быть устранены. Два примера таких ограничений, которые обсуждаются в литературе, называются 'мереологическая ошибка' [4, р. 147] и 'ошибка смещения уровней абстракции' [5, р. 473]. *Мереологическая ошибка* заключается преимущественно в том, что частям приписываются свойства целого. Применительно к исследованиям мозга она имеет место, например, когда предполагается, что сознание, когнитивная система или какой-то иной аспект психики 'получают доступ' к внутреннему содержанию опыта, порождаемому мозгом, в то время как это внутреннее содержание доступно именно человеку, а не какой-либо его психической части, поскольку думает, ощущает, видит и слышит именно человек. Еще одним примером мереологической ошибки является приписывание единичным нейронам или их группам тех психологических свойств высокого уровня, которые могут быть приписаны только целому организму, например, ошибкой такого рода является утверждение о том, что сознание, подобное человеческому, может быть приписано какой-то отдельно взятой зоне мозга, или отдельно взятой нейронной сети. *Ошибка смещения уровней абстракции* связана с тем, что анализ на одном уровне абстракции подменяется анализом на другом уровне. Абстракция, в данном случае, — это мыслительный процесс, в ходе которого из анализируемого явления извлекается определенный набор свойств и при этом другие свойства этого явления игнорируются по методологическим соображениям. Например, когда такое сложное явление, как полет птицы, рассматривается просто как движение тела по определенной траектории. Уровень абстракции — это множество свойств объекта (в данном случае — сознания или мозга), которые могут быть рассмотрены одновременно в связи друг с другом. Существует множество классификаций таких уровней. Я использую наиболее простой из применимых в данном контексте, который использует А. Ревонсуо [7, р. 176]. О сознании можно говорить как минимум на трех уровнях абстракции или описания: во-первых, с феноменологической перспективы, то есть от первого лица, во-вторых, с позиции когнитивной психологии, то есть как о когнитивной функции, реализуемой в когнитивной системе посредством операций с репрезентациями, и, в-третьих, с позиции нейробиологии, то есть как о биологическом объекте (мозге) и происходящих в нем биологических процессах³. Попытка объяснить сознание посредством рассмотрения только второго (функционального) или только третьего (биологического) уровней является примером такой ошибки.

Я предлагаю различать заявление о наличии вышеуказанных ошибок в сильном и слабом смысле. В *сильном* смысле заявление о совершении такой ошибки означает, что такие тезисы просто не могут быть истинными. В этом случае ошибкой являются сами утверждения, такие как: сознательное состояние может быть атрибутировано мозгу или совокупности нейронов, функциональное описание может являться исчерпывающим описанием сознания. Однако я предпочитаю говорить об этих ошибках

в *слабом* смысле: ошибкой является безосновательное утверждение о том, что сознательное состояние может быть атрибутировано мозгу или совокупности нейронов. Обыденный язык связывает мышление, сознание, восприятие и другие ментальные термины с человеком, а не с отдельными аспектами психики. Эту альтернативу не стоит догматизировать, но стоит брать ее в расчет. Во втором случае суть методологического ограничения в том, что ошибающийся исследователь закрывается от исследования некоторого вопроса и принимает один из ответов в неявной форме. Эта деталь раскрывает основную цель моего рассуждения: я не пытаюсь доказать определенные теоретические положения, а указываю на методологические ограничения, которые не позволяют рассматривать эти положения всерьез. Теперь можно перейти к сопоставлению проблем и выявлению тех проблемных вопросов, игнорирование которых приводит к указанным ошибкам.

Психофизическая проблема

В первую очередь обратимся к проблеме, которая является центральной для философии сознания. *Психофизическая проблема* — это проблема соотношения психического и физического. Обычно считается, что психофизическая проблема и *проблема сознание-тело* — это разные названия для одной и той же проблемы. Я готов с этим согласиться лишь с оговоркой, что термины 'ментальное' и 'физическое' могут указывать не только на свойства, но и на объекты, события, состояния и другие категории. При этом ментальные и физические свойства вполне могут рассматриваться и зачастую рассматриваются в отрыве от телесности и конкретных биологических условий, в которых они реализованы⁴. Для многих подходов, для которых значимы не просто наборы свойств, а субстанции, тела или объекты, говорить о простом соотношении между свойствами уже нельзя. В таких случаях важно помнить, о чем именно идет речь (о ментальных состояниях и физических телах или о совокупностях свойств), чтобы не совершать одну из вышеуказанных ошибок. Наконец, вышеупомянутую *проблему поиска нейронных коррелятов* можно считать частным случаем для психофизической проблемы, особым подвопросом, для ответа на который мы намеренно отказываемся от поиска онтологического отношения между двумя явлениями, исходя из специфики имеющейся научной методологии. Корреляция — это наиболее слабый вид связи из всех, что могут ложиться в основу каких-либо научных выводов.

Как уже было замечено ранее, существуют разные уровни описания сознательных состояний: феноменологический, когнитивный, нейробиологический. На каждом из уровней можно выделять элементы, отношения между которыми в итоге требуется объяснить. Поэтому каждому уровню описания соответствует свой тип элементов: феноменологический⁵ тип — специфические состояния сознания и общее состояние сознания; когнитивный тип — признаки (features), репрезентации и общее репрезентативное содержание; нейробиологический тип — зоны мозга⁶ и мозг. Далее при описании интересующих меня проблем, я буду формулировать их единообразным способом, а именно как проблему объяснения того или иного отношения, которое существует между двумя элементами одного типа (в таких случаях я буду на-

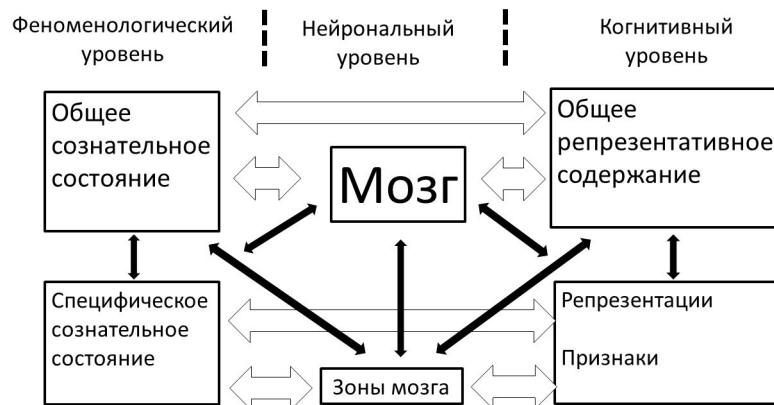

Рис. 1. Схема вертикальных и горизонтальных отношений
Fig. 1. Diagram of vertical and horizontal relationships

зывать отношения *внутри типовыми*) или разных типов (в таких случаях я буду называть их *межтиповыми*). Из методологических соображений отношения также можно разделить на *вертикальные* и *горизонтальные*⁷. Вертикальными являются отношения между целостными элементами в рамках одного из типов (общим сознанием, мозгом, общим репрезентативным содержанием), с одной стороны, и специфическими элементами (состояниями, зонами мозга, репрезентациями, признаками) — с другой. Горизонтальными являются отношения только между целостными или только между специфическими элементами⁸. Общая структура отношений иллюстративно отражена на рис. 1.

Отношения, составляющие наиболее обсуждаемую часть психофизической проблемы, можно классифицировать как *межтиповые горизонтальные отношения*. К ним относятся отношения: (1.1) между общим состоянием сознания и мозгом, (1.2) между специфическими сознательными состояниями и зонами мозга, (1.3) между специфическими сознательными состояниями и репрезентациями, (1.4) между репрезентациями и зонами мозга. Я исхожу из того, что именно объясняемое отношение отличает одну часть психофизической проблемы от другой, и далее я буду именовать проблемы объяснения соответствующих отношений и сами отношения, просто отсылая к номеру в типологии отношений, например, проблема (1.1) — это название проблемы объяснения отношений между сознанием и его частями.

Проблема поиска нейронных коррелятов сознания — это психофизическая проблема, рассмотренная в контексте ограничений эмпирической методологии. Так что проблемы (1.1), (1.2) и (1.4) — это, в том числе, аспекты проблемы поиска нейронных коррелятов. Исключение составляет (1.3) — проблема объяснения отношения между репрезентативным и феноменальным аспектами психического. Она составляет ядро так называемой *трудной проблемы сознания*.

Перечисленные выше проблемы являются предметом основного интереса в современных исследованиях сознания, но не исчерпывают всю проблематику. Далее я рассмотрю две другие проблемы: проблему единства сознания и проблему связывания. Поскольку эти проблемы связаны с соединением элементов воедино, это проблемы объяснения вертикальных отношений. Я постараюсь показать,

что связь между ними и психофизической проблемой достаточно сильна, чтобы можно было говорить о необходимости включения в психофизическую проблему аспектов, связанных с объяснением вертикальных отношений.

Проблема единства сознания и проблема связывания

Основная суть проблемы единства сознания обычно выражается при помощи мереологической метафоры, то есть описания сознания в терминах целого и частей. Для успешности применения мереологической метафоры не имеет большого значения то, существуют ли для сознания отношения части и целого в онтологическом смысле или просто предстают таковыми в опыте. Это удобная методология для описания сознательных состояний. Примеры таких описаний привести достаточно просто. Можно обособить слуховое восприятие от зрительного или рассмотреть визуальный образ в верхней части зрительного поля отдельно от визуального образа в нижней части. Можно отдельно рассмотреть часть феноменального опыта, связанную с конкретной репрезентацией, а через нее — с конкретным объектом в окружении. Интуитивным обоснованием для такого хода является простой факт: некоторые части опыта, имеющие специфический характер, повторяются. Поэтому большинство частей вашего текущего состояния либо уже встречались в вашем опыте, либо могут появиться вновь. Поскольку такие части опыта тоже являются сознательными состояниями специфического типа, проблема феноменального единства сознания может быть выражена в форме следующего вопроса: каким образом множество отдельных (специфических) феноменальных состояний или множество отдельных (специфических) репрезентаций переживаются как одно общее феноменальное состояние? Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что общее сознательное состояние ощущается единым, хотя далеко не все согласятся, что за этим единством скрывается что-то представляющее особый интерес для объяснения природы сознания. Действительно, можно называть это ощущение иллюзией или показать, что оно вовсе не обязательно для сопровождающих его когнитивных процессов.

И все же ни то ни другое не позволит уклониться от вопроса: зачем и по какой причине это состояние, каким бы оно ни было, переживаются именно так?

Поэтому в вопросе о единстве есть некоторая содержательность, которую следует учитывать [8].

Проблема связывания (binding problem) весьма близка к проблеме единства во многих аспектах. Ключевое отличие в том, что и по содержанию, и по контексту возникновения проблема связывания скорее относится к когнитивной науке, чем к философии. Есть разные версии происхождения проблемы, но, пожалуй, наиболее часто ее ассоциируют с работами трех авторов. В первую очередь со статьями Э. Трисман и Г. Геладе, которые показали, что восприятие состоит из двух этапов: выделения отдельных признаков (таких как цвет, форма и т.д.) и их связывания в единый репрезентируемый объект. С точки зрения авторов, вторая операция требует внимания и именно внимание позволяет объяснить, каким образом происходит связывание признаков [9]. Хотя Трисман и Геладе были сосредоточены на когнитивно-психологическом аспекте проблемы, у нее есть и специфически нейробиологический аспект. Автор другой статьи, вышедшей годом позже⁹, К. фон дер Мальсбург, рассмотрел гипотезу временной корреляции (temporal correlation hypothesis, ТСН) и предположил, что синхронизация нейронной активности тех частей мозга, где обрабатываются отдельные признаки объекта, может быть решением проблемы связывания [10]. Таким образом, проблема связывания и в части постановки вопроса, и в части предлагаемых ответов касается сразу и когнитивного и нейробиологического уровней.

Каким образом проблема связывания помещается в контекст проблемы единства сознания? Д. Чалмерс и Т. Бэйн выделяют три основных разновидности единства сознания. Два состояния являются *едиными для субъекта*, если они переживаются одним и тем же субъектом в одно и то же время. *Единство репрезентации* — это единство воспринимаемого содержания, а также его подвид — *единство объекта*. К этой разновидности проблемы они относят и вопрос о связности свойств или признаков воспринимаемых объектов (feature-binding). Проблема единства объекта и проблема связности соотносятся друг с другом как философский (феноменологический) и научный (когнитивно-нейробиологический) аспекты одной и той же общей проблемы. Как отмечают Чалмерс и Бэйн: «Проблема связывания — это, в значительной степени, проблема того, как возможно объектное единство» [8]. Наконец, *феноменальное единство* — это отношение, обеспечивающее совместный характер феноменального переживания всех состояний, в которых находится субъект в некоторый отдельно взятый момент времени.

Несмотря на то, что проблема связывания относится, в первую очередь, к объектному единству, она пересекается и с интересующей меня проблемой феноменального единства. В этом отношении Чалмерс и Бэйн выделяют две разновидности проблемы связывания [8]:

1. Как мозгу удается объединить две отдельно представленные части информации, чтобы они могли играть совместную роль в контроле поведения и других когнитивных (вычислительных) процессах? С их точки зрения, это инженерная проблема, связанная с проектированием когнитивной системы, и ее можно представить как нейрофизиологическую или когнитивную проблему связывания.

2. Как получается, что мы воспринимаем отдельные фрагменты информации как связанные вме-

сте в отношении одного и того же объекта? Это проблема объяснения *объектного феноменального* единства с помощью конкретных когнитивных и нейробиологических механизмов.

Близкой по смыслу классификацией пользуется и А. Ревонсуо в более ранней работе, посвященной проблеме связывания [7, р. 174]. Он выделяет *связывание, относящееся к стимулу (stimulus-related binding)* и *связывание, относящееся к сознанию (consciousness-related binding)*. Разница в том, что в формулировке Ревонсуо связывание оказывается еще ближе к проблеме феноменального единства сознания. Исходя из этого можно утверждать, что в той части, которая касается проблемы объяснения природы сознания, проблема связывания является частью или же когнитивно-нейробиологическим аспектом проблемы единства. Учитывая наличие трех уровней описания сознания, можно выделить три вида внутритиповых вертикальных отношений, которые являются ключевыми для проблем единства и связывания: (2.1) между общим состоянием сознания и его частями, специфическими состояниями сознания, (2.2) между репрезентацией объекта и отдельными его признаками, (2.3) между мозгом и его частями. Все эти отношения являются *внутритиповыми* и, соответственно, могут быть описаны в пределах одного уровня абстракции.

Кроме того, проблематика единства и связности включает и *межтиповые горизонтально-вертикальные отношения*, среди которых я выделяю три наиболее значимых: (3.1) между общим состоянием сознания и отдельными репрезентациями или признаками, (3.2) между общим репрезентативным содержанием и частями мозга, (3.3) между общим сознанием и частями мозга.

Если вторая группа отношений специфична именно для проблематики единства и связности, то третья группа отношений, являясь межтиповой, имеет прямое отношение к психофизической проблеме. Проблема (3.1) является и проблемой связывания, и разновидностью трудной проблемы сознания, но с вертикальной составляющей. Две другие проблемы включают элемент из нейробиологического уровня описания. Проблема (3.2) одновременно является и проблемой связывания, и психофизической проблемой. Проблема (3.3) одновременно является и проблемой единства сознания, и психофизической проблемой. Основания для такого диагноза очевидны: в контексте обсуждавшейся выше классификации, психофизическая проблема — это любая проблема объяснения межтиповых отношений с участием нейробиологического типа элементов. По этой же причине проблемы (3.2) и (3.3) связаны и с поиском нейронных коррелятов.

Выводы: связь проблем и природа методологических ошибок

Итак, ранее я показал, в каких отношениях психофизическая проблема пересекается с проблемой единства сознания и проблемой связывания. Существует несколько возможных реакций на этот тезис, помимо согласия. Во-первых, можно назвать его тривиальным, если вы уже согласны с существованием мереологической проблематики в психофизиологической проблеме. Во-вторых, можно назвать его излишне радикальным, если вы категорически против внедрения подобных элементов в язык, на котором говорит эмпирическая наука о сознании. Оба возражения не выдержали бы критики, поскольку, несмотря на широкий интерес к вопросу

о единстве сознания в последние годы, он не получил достаточного распространения в эмпирических исследованиях, чтобы делать такие выводы. Стоит признать, что в какой-то степени эти аспекты проблем учитываются в актуальных исследованиях, но именно здесь проявляют себя ошибки, о которых я сказал в самом начале. Мереологическая ошибка есть не что иное, как неявные предпосылки, касающиеся вертикальных отношений. Если вертикальная составляющая в отношениях между элементами не учитывается или учитывается неявно, то выбор элемента соответствующего типа может происходить достаточно произвольно. Ошибка смещения уровней абстракции есть не что иное, как игнорирование межтиповых различий между элементами. Среди перечисленных случаев наиболее ярким примером такой ошибки является смещение отношений (3.2) и (3.3). Можно возразить следующим образом: если удалось объяснить сознание с помощью коррелятов, то какая разница, как мы к этому пришли? Однако дело в том, что нейронные корреляты, то есть сами данные о нейронной активности, в отрыве от теоретических предпосылок не способны ничего объяснить [11, р. 11]. И дело не только в том, что для постановки гипотезы и интерпретации собранных данных требуется теоретическая основа. Без строгих и надежных методологических установок выявленные нейронные корреляты могут оказаться слишком специфическими в одном смысле и, одновременно с этим, недостаточно специфическими — в другом. Что касается первого, А. Ревонсуо и С. М. Миллер неоднократно указывали на значимое различие между коррелятами и конституентами [12, р. 106]. Последний термин указывает на группу коррелятов в наиболее узком смысле, которая отделена от сопутствующих условий и 'фоновых шума'. Признание важности поиска конституентов направляет исследователей в сторону спецификации искомых нейрональных состояний. С другой стороны, в работах последних лет все чаще звучит мысль о необходимости соединения всех существующих теорий в единую исследовательскую программу [13, 14]. Это связано с тем, что отдельные теории рассматривают узкую группу признаков сознательного состояния и выявляют корреляты именно для этой группы признаков, практически игнорируя другие направления поиска. Кроме того, отделяя фоновые условия, в соответствии с рекомендацией Ревонсуо и Миллера, мы рискуем исключить из списка основных коррелятов (*core NCC*) такие признаки, которые могут быть весьма значимыми для объяснения природы общего сознательного состояния. Например, особый интерес представляют в этом отношении фоновые состояния, являющиеся основой для стимул-зависимых состояний, и другая до-стимульная активность [13, р. 577–578]. Игнорирование вертикальных отношений в контексте психофизической проблемы повлечет избыточную сосредоточенность на специфических состояниях сознания и, при этом, чрезмерную обобщенность на уровне выводов.

Данное рассуждение в дальнейшем должно быть экстраполировано на другие элементы и другие уровни описания. Аналогичные выводы можно распространить на анализ когнитивной системы, поведения, роли телесности, физических и химических суб-нейрональных процессов в мозге. Все эти нюансы легко могут быть проигнорированы, учитывая, что большая часть исследований сознания сосредоточена на весьма ограниченном анализе паттернов

нейронной активности. Вместе с тем даже абсолютно достоверное установление нейронных коррелятов будет недостаточно, если мы не понимаем, на каком уровне происходят интересующие нас процессы: кроме указанных мной можно говорить об архитектурном, алгоритмическом, вычислительном и других уровнях.

Конечно, обозначенные методологические проблемы играют роль далеко не в каждой области исследования. Например, для специфических состояний сознания вертикальные отношения не слишком важны по той простой причине, что на стороне феноменологического уровня описания они рассматривают специфическое сознательное содержание, являющееся лишь частью цельного сознательного состояния. Наиболее интересным аспектом специфического сознательного состояния является его репрезентативное содержание, и любые другие его аспекты могут быть вполне оправданно опущены из методологических соображений. С другой стороны, корреляты общего состояния сознания должны учитывать все нюансы сознательного состояния, включая его феноменальный характер и, что наиболее важно, его объединяющую роль по отношению к состояниям-частям. В этой области исследований без учета проблематики вертикальных отношений поиск решения психофизической проблемы и поиск нейронных коррелятов будет неполным.

Примечания

¹Здесь и далее — то же, что и психическое.

²Neural correlates of consciousness (NCC) — Д. Чалмерс определяет нейронные корреляты как «минимальную нейронную систему *N*, для которой существует соответствие между состояниями *N* и состояниями сознания, причем данное состояние *N* является достаточным при условиях *C* для соответствующего состояния сознания» [2, р. 31]. В общем случае такое определение можно считать универсальным и широко принимаемым [3].

³Здесь и далее я не буду обсуждать уровень 'телесности' при анализе биологического уровня абстракции. Существуют подходы, для которых телесность имеет принципиальное значение, и это, вне всяких сомнений, следует учитывать при исследовании сознания, однако выбранной мной степени детализации схемы будет достаточно, чтобы продемонстрировать основную мысль статьи.

⁴Например, о супервентности ментальных свойств на физических свойствах можно говорить безотносительно какой-либо телесности и биологических условий. При этом в современной философии сознания именно супервентность является отношением, с помощью которого чаще всего описывается связь между этими группами свойств.

⁵Термин 'феноменологический', как его принято использовать в современной философии сознания, относится к феноменальному аспекту сознания и указывает на данности субъективного опыта. К феноменологии, как философской традиции, он не имеет прямого отношения, если это не оговаривается отдельно. Данное исследование не касается феноменологии как традиции, если не подразумевать под феноменологией любую философскую деятельность, направленную на исследование опыта и того, что дано в опыте.

⁶Здесь и далее под 'зоной мозга' я буду для простоты иметь в виду любые части мозга, как функциональные, физиологические или пространственные (в том числе отдельные нейроны, синапсы, системы нейронов, паттерны нейрональной активности и др.).

⁷Такое разделение является условным, но вполне допустимо в рамках общих методологических вопросов. Ранее я уже отмечал, что состояния сознания делятся на общие и специ-

фические, первые из которых являются целостными, а вторые можно с той или иной степенью условности рассматривать как их части. Аналогичным образом можно говорить о мозге в целом и о зонах мозга. В отношении когнитивного описания ситуация несколько иная, поскольку на уровне 'целого' можно указать как само устройство когнитивной системы, его архитектуру, так и совокупность всего репрезентативного содержания. Далее я буду подразумевать под когнитивным описанием второе, а когнитивное устройство и архитектуру системы условно относить к нейробиологическому описанию.

⁸Теоретическое утверждение о том, что все подобные отношения являются горизонтальными, следует признать глубоко дискуссионным. Можно вполне справедливо утверждать, что любое отношение между типами может быть связано с той или иной 'вертикальной составляющей', поскольку у нас нет представления о соответствии между иерархиями в рамках разных типов описаний. Однако я делаю лишь методологическое утверждение и поэтому опускаю эту деталь в целях большей ясности классификации. Важно то, что, в отличие от тех видов отношений, которые я назвал 'вертикальными', в этой группе отношений мереологический аспект не играет столь существенной роли.

⁹Сперва она вышла в виде отчета, который в 1994 г. был опубликован в сборнике.

Список источников / References

1. Van Gulick R. Consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2025 Edition) / Eds. E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2025/entries/consciousness/> (accessed: 30.08.2025).
2. Chalmers D. J. What is a neural correlate of consciousness? // Neural Correlates of Consciousness: Empirical and Conceptual Questions / Ed. T. Metzinger. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 17–39. ISBN 978-0-262-13370-8.
3. Wu W., Morales J. The neuroscience of consciousness // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2025 Edition) / Eds. E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2025/entries/consciousness-neuroscience/> (accessed: 30.08.2025).
4. Hacker P. M. S., Bennett M. R. Philosophical foundations of neuroscience. Oxford: Blackwell, 2003. 461 p. ISBN 978-1-4051-0838-6.
5. Frégnac Y. Big data and the industrialization of neuroscience: a safe roadmap for understanding the brain? *Science*. 2017. Vol. 358, no. 6362. P. 470–477. DOI: 10.1126/science.aan8866.
6. Tsuchiya N., Saigo H., Friston K. J., Frith C. D. No-report paradigms: extracting the true neural correlates of consciousness. *Trends in Cognitive Sciences*. 2015. Vol. 19, no. 12. P. 757–770. DOI: 10.1016/j.tics.2015.10.006.
7. Revonsuo A. Binding and the phenomenal unity of consciousness. *Consciousness and cognition*. 1999. Vol. 8, no. 2. P. 173–185. DOI: 10.1006/ccog.1999.0384.
8. Bayne T., Chalmers D. J. What is the unity of consciousness? URL: <https://consc.net/papers/unity.pdf> (accessed: 30.08.2025).
9. Treisman A., Gelade G. A feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*. 1980. Vol. 12, no. 1. P. 97–136. DOI: 10.1016/0010-0285(80)90005-5.

10. Malsburg C., von der. The correlation theory of brain function // Models of Neural Networks II / Eds. E. Domany, J. L. van Hemmen, K. Schulten. Berlin: Springer, 1994. P. 95–119. ISBN 978-3-642-79724-8.

11. Overgaard M., Mogensen J. Will we explain consciousness in finding NCC? // Beyond Neural Correlates of Consciousness / Eds. M. Overgaard, J. Mogensen, A. Kirkeby-Hinrup. London: Routledge, 2021. P. 1–18. ISBN 978-1-138-63863-1.

12. Miller S. M. The correlation/constitution distinction problem // The Constitution of Phenomenal Consciousness: Toward a Science and Theory / Ed. S. M. Miller. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 104–154. ISBN 978-90-272-1197-2.

13. Northoff G., Lamme V. Neural signs and mechanisms of consciousness: is there a potential convergence of theories of consciousness in sight? *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2020. Vol. 118. P. 568–587. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2020.07.019.

14. Del Pin S. H., Skóra Z., Sandberg K., Overgaard M., Wierzbński M. Comparing theories of consciousness: why it matters and how to do it. *Neuroscience of Consciousness*. 2021. Vol. 2021, no. 2. P. 1–8. DOI: 10.1093/nc/niab019.

СЫСОЕВ Матвей Сергеевич, научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН, г. Москва.
SPIN-код: 1885-2930
AuthorID (PIHL): 979250
ORCID: 0000-0003-1152-577X
ResearcherID: 114047
AuthorID (SCOPUS): 58555260100
Адрес для переписки: sysoev.paritet@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 21.10.2025.

SYSOEV Matvey Sergeyevich, Researcher of the Contemporary Western Philosophy Department, RAS Institute of Philosophy, Moscow.
SPIN-code: 1885-2930
AuthorID (RSCI): 979250
ORCID: 0000-0003-1152-577X
ResearcherID: 114047
AuthorID (SCOPUS): 58555260100
Correspondence address: sysoev.paritet@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 21.10.2025.

УДК/UDC 165.62

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-106-112

EDN: DVRLCM

Научная статья / Original article

ГИЛБЕРТ РАЙЛ КАК КРИТИК ФЕНОМЕНОЛОГИИ

С. В. Левшин

Дальневосточный федеральный университет,
Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о-в. Русский, пос. Аякс, 10

В статье в качестве одного из сюжетов метафилософского нарратива о различии аналитической и континентальной традиций рассматривается критическая позиция Гилберта Райла (1900–1976) в отношении феноменологии. Ранние попытки конструктивной критики отдельных элементов гуссерлевской философии — учения о сущностном созерцании, интенциональности и редукции — в итоге соединились в открытое неприятие Райлом феноменологии и ее универсалистских претензий. Это выделило ключевую особенность аналитической философии своего времени — ориентацию на решение частных проблем методом концептуального анализа, что является весьма узким пониманием философии и недостаточным для понимания вопросов, поставленных феноменологией.

Ключевые слова: феноменология, аналитическая философия, Гилберт Райл, Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер, обыденный язык, концептуальный анализ.

Для цитирования: Левшин С. В. Гилберт Райл как критик феноменологии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 106–112. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-106-112. EDN: DVRLCM.

© Левшин С. В., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

GILBERT RYLE AS A CRITIC OF PHENOMENOLOGY

S. V. Levshin

Far Eastern Federal University, Vladivostok,
Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russky Island, Ajax Bay, 10, 690922

The article refers to Gilbert Ryle's (1900–1976) critical approach to phenomenology as an example of wider topic of analytic and continental philosophy divide. Earlier constructive objections on eidetic intuition, theory of essences, doctrine of intentionality and reduction finally coalesced in Ryle's total rejection of phenomenology and its universalistic claims. So, it made clear that solving particular puzzles with the method of conceptual analysis is the main feature of analytic philosophy of that time. Such approach should be considered philosophically restricted and insufficient for solving problems posed by phenomenology.

Keywords: phenomenology, analytic philosophy, Gilbert Ryle, Edmund Husserl, Martin Heidegger, ordinary language, conceptual analysis.

For citation: Levshin S. V. Gilbert Ryle as a critic of phenomenology. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 4. P. 106–112. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-106-112. EDN: DVRLCM.

© Levshin S. V., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

Сформулированный Энгельсом и канонизированный его русскими последователями основной вопрос философии сегодня несколько утратил

свою остроту, однако пресловутая 'партийность' в философии никуда не исчезла и лишь приняла иную форму, в которой философская идентичность определяется принадлежностью автора к одной

из традиций: аналитической или континентальной. Дискуссии о различии, сходстве, правомерности разделения или возможного сближения этих традиций продолжают уже не одно десятилетие и не утихают до сих пор, в том числе и в русскоязычной философии, оказавшейся на очередном перепутье в самоопределении [1, 2].

В *Истоках аналитической философии* Майкл Даммит видит корни раскола в различии позиций Готлоба Фреге и Эдмунда Гуссерля, отрицая при этом всякую возможность сближения двух традиций [3]. Сложно однозначно указать на хронологическую и концептуальную точку расхождения¹. Одной из них (хотя и дискуссионной) можно считать часто обсуждаемый Руайомонский colloquium 1958 г. [5, 6].

Важное место в этом обросшем мифами мероприятии и вообще «фольклоре 'разделения'» [7, р. 62] занимает фигура Гилберта Райла, сыгравшего важную роль как во взаимодействии, так и в размежевании континентальной и аналитической традиций. И хотя он считается образцовым представителем последней, его философские взгляды и интересы нельзя свести ни к логическому атомизму, ни тем более к позитивизму Венского кружка, равно как нельзя его обвинить в других ошибочно приписываемых аналитикам 'грехах': игнорированию истории философии и закрытости к работам современников по ту сторону Ла-Манша. Избегавшего любых 'измов' и ярлыков Райла вполне справедливо можно охарактеризовать как яркого представителя философии обыденного языка, увлеченного комментатора Платона и заинтересованного критика феноменологической философии.

Русскому читателю Райл известен прежде всего работой *Понятие сознания* [8], давшей толчок развитию исследований в соответствующем направлении философии. В контексте же заявленной нами темы существует предисловие к русскому переводу рецензии на *Бытие и время* за авторством Евгения Борисова *Гилберт Райл и феноменология* [9]. Это скромное по объему, но достаточно содержательное по смыслу предисловие сосредоточено прежде всего на отношении Райла к Хайдеггеру, в то время как представление более широкой картины его критического восприятия феноменологии с привлечением других соответствующих текстов, очевидно, в задачу автора перевода и предисловия не входило. Данная статья имеет своей целью восполнить данный пробел, дав реконструкцию критики Райла на основе соответствующих текстов разных лет (в том числе не переведенных на русский язык) и уточнение ключевых элементов этой критики².

Эволюция критики?

В своем автобиографическом очерке Райл рассказывает о своем увлечении феноменологией, замечая при этом, что сторонником последней он никогда не был, и активное изучение немецкоязычной философии было связано с интересом к антипсихологистским (Райл называет их также платоническими) теориям объектов Brentano, Bolzano, Husserl и Meinong, а также их пересечениям с разработками Frege, Russell и Moore [10, р. 8–9].

Результатом этого раннего увлечения стал целый ряд публикаций. В их числе были первые его рецензии в журнале *Mind* — на *Существенные вопросы* Романа Ингардена [11] и *Бытие и время* Мартина Хайдеггера [12, 13], опубликованные в 1927

и 1929 гг. соответственно, — доклад в Аристотелевском обществе *Феноменология*, сделанный в 1932 г. [14], рецензия на книгу Марвина Фарбера *Основания феноменологии*, вышедшая в 1946 г. [15], доклад на Руайомонском colloquium *Феноменология против 'Понятия сознания'*, опубликованный только в 1962 г. [16, 17]. Кроме самой первой рецензии все эти тексты вошли в первый том собрания критических эссе [18]. Поздние небольшие комментарии к этим работам можно найти в *Автобиографии* [10] и послесловии к рецензии на *Бытие и время* [19], вышедших в 1970 г. Таким образом, хотя Райл, по собственным словам, оставил свои феноменологические штудии в 30-х годах [10, р. 9], его критический диалог с феноменологией продолжался практически до конца жизни.

Относительно развития критической позиции Райла существует как минимум две основные точки зрения. Первую представил Робин Смолл, видевший в до- и послевоенных текстах сдвиг «от умеренного сочувствия до прямого неприятия» [20, р. 201]. Представители второго подхода настаивают на том, что отношение Райла к феноменологии в целом было однозначным и неизменным. Эми Томассон считает, что испытывавший значительное влияние Гуссерля Райл стремился к развитию аналитической философии через сближение с феноменологией [21]. Йоханнес Брандл указывает на односторонность подобного взгляда, добавляя, что даже наличие симпатии и влияния не умаляет того факта, что критика Райла показала весьма ограниченные рамки такого сближения [22, р. 150]. Джон О'Коннор подходит к вопросу более радикально: «Критика Райла остается последовательной на протяжении всех его довоенных и послевоенных работ, и он не приводит никаких новых, решающих аргументов, которые могли бы послужить основанием для утверждения об изменении его философской позиции по отношению к феноменологии. То есть риторическое изменение, которое справедливо признает Смолл, не сопровождается изменением содержания» [23, р. 242].

Основываясь на соответствующих текстах Райла, можно сказать, что основные его возражения в адрес феноменологии в явном или скрытом виде действительно содержались уже в первых ранних рецензиях, а в поздних докладах и статьях были лишь уточнены или усилены. Поэтому перед хронологической реконструкцией можно заранее эти возражения указать:

- критика методологии: принципа интенциональности и основанных на нем методов 'сущностной интуиции' и редукции;
- критика следствий методологии: уклон в идеализм, субъективизм и солипсизм;
- критика универсалистских претензий всего феноменологического проекта Гуссерля как 'первой философии'.

Ранние рецензии

Первый отклик Райла на феноменологическую философию — короткая рецензия на работу Романа Ингардена *Существенные вопросы*³. Текст почти не содержит критических замечаний, в нем подчеркивается значимость проблемы определения того, что есть 'сущность', и выражается симпатия к антипсихологистским устремлениям феноменологов. Симпатия к критике психологизма, почерпнутая Райлом в работах Frege и Russell, очевидно, настолько сильна, что феноменологические концепции 'объ-

активных сущностей⁴, 'интенциональности' и 'сущностной интуиции' не вызывают у автора рецензии никаких возражений, как это будет в следующих работах. Разве что способ познания объективных сущностей через интуицию Райл, будто бы предвещающая свою будущую критику, называет «скользким» и «опасным», хотя и призывает «с глубочайшим интересом следить за исследованиями этой 'беспредпосылочной философии'» [11, р. 75].

Рецензия Райла на *Бытие и время* Хайдеггера удивила не столько современников в год выхода, сколько удивляет сегодня тех, кто смотрит на аналитическую традицию через созданный ею самой же стереотип о пренебрежении чтением чужих работ и историй философии вообще. Подобное во многом навеяно бравадами Витгенштейна и Сёрла, а также сложившимися под влиянием мигрантов из Венского кружка особенностями философского образования в США после Второй мировой войны. К тому же еще в 1920-е годы британское, в частности оксфордское, философское сообщество было весьма закрытым и инертным [10, р. 4–5]. Поэтому Райл, активно следивший за публикациями в феноменологическом *Ежегоднике*, одной из целей рецензии ставил знакомство англоязычной публики прежде всего с самой феноменологией как актуальным философским течением, к которой фундаментальная онтология *Бытия и времени*, на деле, имеет не самое прямое отношение.

Ввиду этого значительную часть рецензии составляет разбор взглядов Brentano и Husserl, по итогам которого феноменологии ставится предварительный диагноз: «в философии Гуссерля и его последователей заметна тенденция к рафинированному субъективному идеализму или даже солипсизму», причину чего он видит в теории 'идей' как объективных сущностей [18, р. 212], дополняя тем самым прошлые свои опасения из рецензии на Ингардена. Схожее замечание он затем делает и в адрес Хайдеггера [18, р. 219], хотя считать последнего именно *последователем* Гуссерля, как это делает Райл, не совсем верно.

Тем не менее такое ошибочное прочтение обеспечило, по меткому выражению Борисова, «непонимание под знаком конгенитальности» [9, с. 94]. Симпатию у Райла вызывают именно те моменты в философии Хайдеггера, которые имеют мало отношения к феноменологии, а именно терминологические новации и ориентация на повседневность, что, несомненно, продиктовано свойственной обоим мыслителям неудовлетворенностью унаследованным философским тезаурусом.

Важно отметить, что непонимание вызвано также ошибкой в переводе Райлом с немецкого: «Корневой проблемой феноменологии является значение (*meaning*) бытия» [18, р. 213; *курсив мой.* — Прим. С. А.]. При этом Хайдеггер говорит о *смысле* бытия (*der Sinn von Sein*)⁵. Таким же образом 'бытие' у Райла оказывается неким всеобщим, которое экзemplифицируется в сущем [18, р. 214], то есть, по сути, лишь более высоким логическим родом этого самого сущего. Тем самым теряется столь важная для Хайдеггера дифференциация сущего и бытия, из-за чего фундаментальная онтология оказывается простым преодолением картезианского дуализма мышления и бытия, понимаемых в докантовском, догматическом смысле как противопоставленные субъект и объект⁶, а анализ Dasein — антропологической метафизикой повседневного опыта, что тоже не совсем верно, по-

скольку Хайдеггер не только максимально дистанцировал себя от картезианского понятия субъекта, но и от антропологических трактовок своей философии.

Читал ли автор *Бытия и времени* эту рецензию — неизвестно, но ее читал Гуссерль. В письме Джорджу Доусу Хиксу он подчеркивает свое размежевание с бывшим учеником, и выразил возражения на критику в свой адрес: «Поскольку Хайдеггер никоим образом не следует моему методу и нельзя сказать, что он продолжает линию моей описательной и интенциональной феноменологии, изложенную в *Ideen*, возражения, выдвинутые против него, ни в малейшей степени не влияют на мою позицию. <...> Мистер Райл глубоко заблуждается, полагая, что феноменологический идеализм — это солипсизм. Он недооценил все значение феноменологической редукции, и это по моей вине, поскольку *Ideen* остались фрагментом: только вторая часть посвящена феноменологии интерессубъективности» [24, р. 15].

В позднейших своих комментариях Райл признает свои ошибки в понимании Хайдеггера. Представляя его прямым наследником философии Гуссерля, он не уловил, что в *Бытии и времени* ничего не говорится об идеальных или логических объектах, а разговор о смысле Бытия — это не витгенштейнианское различие смысла и бессмыслицы. Отмечает он и недостаток своего знания Кьеркегора и Гегеля для понимания этого произведения и выражает удивление популярности Хайдеггера во Франции после истории с нацизмом, что «однако, ни в каком отношении ничего не показывает относительно философских качеств *Бытия и времени*»⁷ [19, р. 14].

Райл vs. Гуссерль

Более четко искомые нами критические возражения Райла сформулированы в его докладе для Аристотелевского сообщества. Постоянно подчеркивая неудачность самого слова 'феноменология' в качестве названия философского проекта, в начале своего доклада Райл все же предварительно обобщает: «Гуссерль использует термин 'феноменология' для обозначения анализа основных типов психического функционирования. Он пытается показать (1) что феноменология так или иначе является частью философии; (2) что это исследование, которое может стать строгой наукой; (3) что она априорна. (1) и (3) кажутся мне истинными; (2) кажется мне либо ложными, либо неуклюжим терминологическим нововведением» [18, р. 175]. На возражении по поводу строгой науки Райл долго не останавливается, указывая, что философские методы не являются ни научными, ни ненаучными. И в этом моменте он по-витгенштейновски прав, однако, возможно, здесь имеет место смешение узкого значения английского *science* в смысле естествознания и более широкого немецкого *Wissenschaft*, поскольку сам Витгенштейн отграничивал философию именно от наук естественных (*Naturwissenschaft*). С другой стороны, это короткое замечание Райла имеет более глубокие корни, которые в дальнейшем раскроются в его неприятии фундаменталистских претензий феноменологии как 'первой философии'.

Согласие с тезисом (1) Райл использует лишь для того, чтобы заявить, что исследование психических феноменов всегда было частью философии, и потому оно не представляет из себя что-то новое

со времен Платона и Аристотеля, а следовательно, не имеет смысла вводить для этого дополнительной области исследования под названием 'феноменология' [18, р. 175–176]. Действительно, как говорил Мераб Мамардашвили, «феноменология — сопутствующий момент всякой философии» [26], но заслуга Гуссерля именно в том, что он попытался — возможно, не всегда удачно — подробно описать то, чем занимается всякая подлинная философия в отличие от других форм духовной деятельности.

Это отличие частично схватывает и Райл, рассуждая об априорном характере феноменологии. Последняя складывалась в качестве оппозиции психологизму и эмпирическим наукам. Райл вполне в духе Канта видит философию и феноменологию как неиндуктивный анализ феноменов вне опыта. При этом он приветствует и отказ Гуссерля от построения строго дедуктивной системы⁸, и работы в рамках готовых спекулятивных метафизических теорий. Райл видит феноменологию как анализ суждений о сфере ментального, тем самым значительно сужая поле ее исследований до области, в которой работал он сам. Априоризм же Гуссерля, в отличие от кантовского, имел более широкое значение, включая в априорную сферу интуитивное познание идеальных сущностей, чего Райл принять не мог: он отвергает 'сущности' вне их употребления в высказываниях, а также считает 'сущностную интуицию'⁹ ошибочным наименованием простого знания объектов.

Отсюда следует неверное понимание Райлом центрального для феноменологии принципа интенциональности, выступающей фундаментом 'сущностной интуиции'. Интенциональность как содержательность и направленность психического акта для него — лишь аккузатив в описывающем этот акт суждении, из-за чего интенциональная корреляция снова оказывается ничем иным как банальным соотношением субъекта и объекта. Неразличение же Gegenstand и Objekt, реального и reell-ного, имманентного содержания интенции полностью закрывает для Райла понимание сути интенциональности: «Но эта корреляция может принимать столько же различных форм, сколько существует различных типов интенциональности. Ведь тип интенциональности — это просто не поддающийся дальнейшему анализу способ, которым 'я' может быть о чем-то» [18, р. 179]. А ведь это именно та причина, по которой ввиду сложности подобной задачи Гуссерль ломал копыта, язык и разум читателей, пытаясь описать различные виды интенциональных актов. Райл же просто удовлетворяется отказом от дурной бесконечности.

Ввиду вышесказанного гуссерлевские методы редукции и имманентного восприятия трактуются Райлом как отказ от возможности познания внешнего объективного мира в пользу 'эгоцентричной метафизики' и квази-солипсизма. Приставка 'квази-', очевидно, не случайна, так как Райл признает, что «Аргументы Гуссерля <...> лишь показывают, что отдельные восприятия не говорят всей истины о своих объектах. Но если они могут сказать нам истину и ничего, кроме истины, то из сравнения такого рода восприятия с интроспекцией, по видимому, не следует никаких выводов, наносящих ущерб миру» [18, р. 185]. Феноменологическая редукция или *ἐποχή*¹⁰ действительно не наносит миру ущерб, поскольку лишь 'заключает его в скобки', устанавливая запрет на суждения, выражающие претензию на объективность. И этот метод далек

от интроспекции, которая хоть и представляет собой отчет субъекта о своих переживаниях, осуществляется в рамках 'естественной установки', где мир, сознание и сам субъект не ставятся под вопрос. Поэтому конститутивный характер сознания, выявляемый в рамках *ἐποχή*, не означает также солипсистскую дедукцию внешнего мира.

Prima philosophia vs. prima methodus

Схожим образом Райл обсуждает метод 'непосредственного созерцания' в рецензии на книгу Фарбера *Основания феноменологии*. Самой книге отводится лишь один абзац, а критика на этот раз дополнена четким сопоставлением методов феноменологии с единственно верным, по мнению Райла, методом концептуального анализа: «В тот момент, когда Гуссерль говорит нам о существовании процесса непосредственного созерцания универсалий, мы испытываем определенное сомнение. Ведь мы прекрасно знаем не только то, что на самом деле таких созерцаний не происходит, но, более того, что есть некоторая абсурдность в предположении, что они должны происходить» [18, р. 228]. Райл отдает первичность не словам-понятиям, обозначающим сущности, которые предшествуют их связыванию в суждении, а именно этим связкам-синкатегоремам, то есть синтаксису. Сами слова-понятия он в итоге тоже объявляет синкатегоремами. «Поэтому бессмысленно (как мы нутром чувствовали) говорить об 'интуиции сущностей'. Запатентованный метод, приписываемый феноменологии, — фиктивный, и феноменология, если она вообще развивается, развивается лишь теми же методами, которыми все хорошие философы всегда продвигали прояснение понятий, включая понятия сознания» [18, р. 229]. Таким образом, единственное, что признает Райл в феноменологии, — то, что достигнуто концептуальным анализом.

'Сущностная интуиция' в феноменологии — не платонизм, где сущности действительно предшествуют вещам и высказываниям. Схватывание сущностей — это не созерцание идей из Гиперурии, это прежде всего 'наведение взгляда' и схватывание чего-то как целого. Это и не дефиниция, и не сложение в уме целого из его явных и неявных свойств. Эйдетическая сущность показывает себя как возможный элемент потенциально бесконечного числа суждений и ассоциаций (как сказал бы Гуссерль, синтезов), клубок которых феноменолог распутывает, путем редукции выстраивая эти суждения и ассоциации в соответствии с их очевидностью в рамках внутреннего и внешнего горизонта вещи. То, что это задача сложна и затруднена возможностями языка, не означает, что «феноменология с самого своего рождения была скучной» или «бесполезным обещанием эпохальных результатов» [18, р. 231].

Все ранее упомянутые элементы критики: учение о сущностях и сущностной интуиции, идея интенциональности, проблема очевидности и конститутивной роли сознания, — в Руайомонском докладе сводятся к единственному пункту, ранее лишь вскользь затрагиваемому. Широкое понимание интенциональности и сознания как источника всех переживаний и возможных суждений о мире обнаруживают для Райла универсалистские претензии гуссерлевского проекта как 'первой философии'. Они представлены в двух плоскостях: (1) широта рассматриваемых проблем и используемых понятий делают из философии Науку наук, (2) философия сознания для философии в целом является

слишком узкой областью, чтобы устанавливать ее приоритет над эпистемологией, этикой, эстетикой и другими направлениями исследований [18, р. 188].

С первым отчасти можно согласиться — мессианские настроения основателю феноменологии действительно не были чужды. Однако использование в отношении него слов типа 'фюрер' и 'фюрерство' [18, р. 189] кажется все же некорректным. Если отойти от эмоционально-этической оценки (сложно даже вообразить реакцию слушателей в тот момент), то как минимум концептуально подобные термины подходят скорее Хайдеггеру, в свое время вводившему соответствующие принципы во Фрайбургском университете и запретившему его посещение почетному профессору Гуссерлю. Пафос же последнего можно считать не более чем риторическими издержками немецкой философии своего времени, ибо возникает вопрос: делают ли эти универсалистские претензии весь феноменологический проект и метод несостоятельными? Едва ли. К тому же позитивное предложение Райла понимать философию *только* как анализ языка оказывается не менее универсалистским.

Что касается незначительной роли философии сознания, здесь можно лишь задаться вопросом: откуда тогда проистекают эпистемологические или этические теории, как не из сознания мыслящего субъекта, даже если считать эти теории исключительно нормативными? Развитие философии сознания во второй половине XX и начале XXI вв. показало, что она является если не главенствующим, то далеко не маргинальным направлением¹¹.

Остальная часть доклада была посвящена философской линии Рассела — Витгенштейна и пояснению некоторых разделов книги *Понятие сознания*, которое Райл назвал 'феноменологическим эссе'. Это кажется оправданным, поскольку детальный разбор понятий 'знания', 'желания', 'воображения' и ряда других в широком, дескриптивном смысле, достаточно феноменологичен. И здесь можно поставить вопрос о влиянии Гуссерля на отдельные положения *Понятия сознания*. Как бы упорно Райл этого не отрицал, некоторые исследователи убеждены в обратном¹². Впрочем, тема такого влияния требует отдельного рассмотрения.

Заключение

В автобиографии уже пожилой британский профессор пишет: «Хотя Гуссерль, как и Рассел, в отличие от Мейнонга, заинтересовал меня тем, что очень серьезно отнесся к противопоставлению смысла и бессмыслицы, он не придал этому особого значения. В отличие от Рассела, он не привел заманчивых и, следовательно, вызывающих примеров нарушений логического синтаксиса. Он не наткнулся на генераторы парадоксов и, следовательно, не пытался построить какую-либо общую диагностическую или превентивную теорию»¹³ [10, р. 8].

Можно сказать, что выделенная в начале статьи претензия Райла к отдельным принципам и методам феноменологии — интенциональности, редукции и сущностному созерцанию — в конечном счете сводится к критике их универсализма. Отсюда следуют и обвинения в солипсизме, идеализме и субъективизме. Эти претензии в адрес феноменологии, на наш взгляд, имеют место лишь в случае их экстраполяции из познавательной сферы в онтологическую. Принципы и методы феноменологии *методологически* могут подразумевать выход к солипсизму и субъективизму как определенному этапу фило-

софского познания, но не останавливаются на них, не влекут за собой онтологических следствий, поскольку ограничены сферой интерессубъективности.

Райл, будучи аналитическим философом, является сторонником работы над частными проблемами с помощью основного философского метода — концептуального анализа. И многие его тексты действительно демонстрируют филигранное применение этого метода в анализе философских вопросов, различных парадоксов и затруднений. Однако является ли выход за рамки узких проблем 'универсалистским' грехом? В какой-то мере этот вопрос может служить определяющим в нарративе разделения аналитической и континентальной традиции. Заметим лишь, что объявлять концептуальный анализ единственным продуктивным философским методом — претензия не менее универсалистская, а отказ причислить себя к какой-то традиции и школе не означает отсутствия какого-либо влияния. По этой причине критика Райлом феноменологии пусть и представляет историко-философский и концептуальный интерес в контексте взаимодействия двух традиций, но не всегда является в должной мере конструктивной и тем более разрушительной.

Примечания

¹Различным вариантам точек взаимодействия двух традиций посвящена книга Андреаса Врахимиса *Столкновения аналитической и континентальной философии* [4].

²Примечательно, что и зарубежная библиография по теме 'Райл и феноменология' не столь обширна, как это может показаться [7, р. 60].

³*Essentiale Fragen* — его габилюционная диссертация, опубликованная затем в *Jahrbuch für Philosophie und Phänomenologische Forschung*.

⁴В гуссерлевской феноменологии уместнее использовать слово 'универсальные', но не 'объективные'. Подробное объяснение этого терминологического различия выходит за рамки статьи

⁵Перевод немецкого Sinn как meaning со стороны Райла кажется досадной небрежностью, поскольку со времен перевода *Логико-философского трактата* Витгенштейна на английский в аналитической традиции вполне сложился перевод фрегевского различия Sinn и Bedeutung как sense и meaning (иногда reference).

⁶Райл иногда не проводит различия между Gegenstand и Objekt.

⁷По воспоминаниям одного из студентов, на одной из послевоенных лекций Райл все-таки высказался о Хайдеггере вполне грубо, добавив, что такие не могут создать хорошей философии [25, р. 104].

⁸Поверхностно знакомый с феноменологией читатель здесь может удивиться, поскольку картезианский подход Гуссерля к разворачиванию философии из аподиктической очевидности *Ego cogito* на первый взгляд кажется сугубо дедуктивным. Однако любые следствия из этой очевидности не являются однозначно строгими и необходимыми в геометрическом или логическом смысле: трансцендентальное Это всегда пребывает в рефлексивной установке самоактуализации и самопроверки в отношении всякой, в том числе и собственной, очевидности [27, с. 199].

⁹В разных текстах Гуссерль называл это также 'усмотрением сущностей', 'идеацией', 'сущностной интуицией'.

¹⁰В *Идеях I* ἐποχή в духе пирронова скепсиса означает именно 'воздержание от суждений', а редукция — это постепенное 'выключение' трансцендентностей естественной установки. В *Картезианских медитациях* эти понятия употребляются как синонимы [27, с. 35].

¹¹ На агрегаторе PhilPapers в рубрике 'Philosophy of Mind' на момент написания данного текста содержится более 116 тыс. статей. Это количество уступает разделам по прикладной этике (почти 196 тыс.) и социально-политической философии (почти 184 тыс.), однако, если объединить раздел 'Philosophy of Mind' с 'Philosophy of Cognitive Science' (более 122 тысяч статей), складывается несколько иная картина [28].

¹² Смолл подробно разбирает параллели в дескрипциях различных актов у Райла и Гуссерля [20, р. 202–206], Томассон подчеркивает влияние ранней феноменологии *Логических исследований* на развитие 'логической грамматики' Райла [21, р. 125], а О'Коннор добавляет, что протест против влияния Гуссерля касается только трансцендентальной версии феноменологии, а не феноменологии вообще [23, р. 248].

¹³ Приводя эту цитату, О'Коннор утверждает, что именно Гуссерль показал способ избежать 'категориальных ошибок', а вовсе не Райл, с которым этот термин обычно ассоциируется. Если кратко, то естественная установка к ее 'обыденным языком' или предпосылаемыми теоретическими конструкциями — это и есть источник 'категориальных ошибок', а феноменологическая редукция — превентивный метод против них [23, р. 249].

Список источников / References

1. Васильев В. В. Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // *Философский журнал*. 2019. Т. 12, № 1. С. 144–158. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158. EDN: KRVPQZ.

Vasilyev V. V. Chto takoye analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros? [What is Analytic Philosophy, and Why is it Important to ask?]. *Filosofskiy zhurnal. Philosophy Journal*. 2019. Vol. 12, no. 1. P. 144–158. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158. EDN: KRVPQZ. (In Russ.).

2. Докучаев И. И. Философия в эпоху господства естествознания: феноменологический идеализм и натуралистические редукции аналитической философии // *Вестник Российской христианской гуманитарной академии*. 2022. Т. 23, № 2. С. 26–33. DOI: 10.25991/VRHGA.2022.23.2.002. EDN: HWKHSW.

Dokuchaev I. I. Filosofiya v epokhu gospodstva estestvoznaniya: fenomenologicheskii idealizm i naturalisticheskiye reduktsii analiticheskoy filosofii [Philosophy in the Era of the Dominance of Natural Science: Phenomenological Idealism and Naturalistic Reductions of Consciousness in Analytical Philosophy]. *Vestnik Rossiyskoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2022. Vol. 23, no. 2. P. 26–33. DOI: 10.25991/VRHGA.2022.23.2.002. EDN: HWKHSW. (In Russ.).

3. Dummett M. *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 199 p.

4. Vrahimis A. *Encounters Between Analytic and Continental Philosophy*. New York: Palgrave-Macmillan, 2013. 277 p.

5. Overgaard S. *Royaumont Revisited*. *British Journal for the History of Philosophy*. 2010. Vol. 18, no. 5. P. 899–924. DOI: 10.1080/09608788.2010.524764.

6. Vrahimis A. Is the Royaumont Colloquium the Locus Classicus of the Divide Between Analytic and Continental Philosophy? Reply to Overgaard. *British Journal for the History of Philosophy*. 2013. Vol. 21, no. 1. P. 177–188. DOI: 10.1080/09608788.2012.689751.

7. Chase J., Reynolds J. Russell, Ryle and Phenomenology: An Alternative Parsing of the Ways. *Analytic Philosophy: An Interpretive History*. Ed. by A. Preston. New York: Routledge, 2017. P. 52–69.

8. Райл Г. *Понятие сознания*: пер. с англ. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.

Ryle G. *Ponyatiye soznaniya*: per. s angl. [The Concept of Mind: trans. from Engl.]. Moscow, 1999. 408 p. (In Russ.).

9. Борисов Е. В. Гилберт Райл и феноменология // *Топос*. 2007. № 3 (17). С. 94–99.

Borisov E. V. Gilbert Rayl i fenomenologiya [Gilbert Ryle and Phenomenology]. *Topos*. 2007. No. 3 (17). P. 94–99. (In Russ.).

10. Ryle G. *Autobiographical*. Ryle. Eds. O. P. Wood, G. Pitcher. London: Macmillan, 1970. P. 1–15.

11. Ryle G. Roman Ingarden: «Essentiale Fragen». *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1973. Vol. 4, no. 1. P. 72–75. DOI: 10.1080/00071773.1973.11006295.

12. Ryle G. Sein und Zeit. By Martin Heidegger. *Mind*. 1929. Vol. 38, no. 151. P. 355–370. DOI: 10.1093/mind/XXXVIII.151.355.

13. Райл Г. Мартин Хайдеггер. Бытие и время // *Топос*. 2007. № 3 (17). С. 100–116.

Ryle G. Martin Khaydegger. Bytiye i vremya [Sein und Zeit. By Martin Heidegger]. *Topos*. 2007. No. 3 (17). P. 100–116. (In Russ.).

14. Ryle G. *Phenomenology*. *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1932. Vol. 11, no. 1. P. 68–115. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/11.1.68.

15. Ryle G. *The Foundations of Phenomenology*. By Marvin Farber (Harvard University Press, 1943. Pp. 573. London: Humphrey Milford. English price, 33 s. 6d.). *Philosophy*. 1946. Vol. 21, no. 80. P. 263–269. DOI: 10.1017/S0031819100005556.

16. Ryle G. La Phénoménologie contre «The Concept of Mind». *Cahiers de Royaumont, Philosophie no. IV, La Philosophie Analytique*. Paris: Le Editions Minuit, 1962. P. 65–84. (In Fr.).

17. Райл Г. Феноменология против «Понятия сознания» // *Логос*. 2006. № 1 (52). С. 73–88. EDN: VQWUTL.

Ryle G. Fenomenologiya protiv «Ponyatiya soznaniya» [Phenomenology versus «The Concept of Mind»]. *Logos*. 2006. No. 1 (52). P. 73–88. EDN: VQWUTL. (In Russ.).

18. Ryle G. *Critical Essays: Collected Papers*. New York: Routledge, 2009. Vol. 1. 340 p.

19. Ryle G. Afterword. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1970. Vol. 1, no. 3. P. 13–14. DOI: 10.1080/00071773.1970.11006134.

20. Small R. Ryle and Husserl. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1981. Vol. 12, no. 3. P. 195–210. DOI: 10.1080/00071773.1981.11007543.

21. Thomasson A. L. Phenomenology and the Development of Analytic Philosophy. *The Southern Journal of Philosophy*. 2002. Vol. 40, no. S1. P. 115–142. DOI: 10.1111/j.2041-6962.2002.tb01926.x.

22. Brandl J. L. Gilbert Ryle: A Mediator Between Analytic Philosophy and Phenomenology. *The Southern Journal of Philosophy*. 2002. Vol. 40, no. S1. P. 143–151. DOI: 10.1111/j.2041-6962.2002.tb01927.x.

23. O'Connor J. K. Category Mistakes and Logical Grammar: Ryle's Husserlian Tutelage. *Symposium: Canadian Journal of Continental Philosophy / Revue canadienne de philosophie continentale*. 2012. Vol. 16, no. 2. P. 235–250. DOI: 10.5840/symposium201216237.

24. Mays W. Husserl on Ryle's Review of «Sein Und Zeit». *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1970. Vol. 1, no. 3. P. 14–15. DOI: 10.1080/00071773.1970.11006135.

25. *Finding Oneself in the Other* / Ed. G. A. Cohen. Princeton: Princeton University Press, 2012. 236 p.

26. Мамардашвили М. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5477> (дата обращения: 14.09.2025).

Mamardashvili M. Fenomenologiya — soputstvuyushchiy moment vsyakoy filosofii [Phenomenology Is an Accompanying Aspect of Any Philosophy]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5477> (accessed: 14.09.2025). (In Russ.).

27. Гуссерль Э. *Картезианские медитации*. Москва: Академический Проект, 2010. 229 с.

Husserl E. *Kartezianskiye meditatsii* [Cartesian Meditations]. Moscow, 2010. 229 p. (In Russ.).

28. PhilPapers: Online Research in Philosophy. URL: <https://philpapers.org/> (accessed: 14.09.2025).

ЛЕВШИН Сергей Вячеславович, старший преподаватель Департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

SPIN-код: 8787-4343

AuthorID (РИНЦ): 847498

Адрес для переписки: levshin.sv@dvfu.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

LEVSHIN Sergey Vyacheslavovich, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

SPIN-code: 8787-4343

AuthorID (RSCI): 847498

Correspondence address: levshin.sv@dvfu.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 18.09.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

И ВСЕ-ТАКИ КРИТИКОВАЛ ЛИ РАЙЛ ДЕКАРТА?

С. А. Федоров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

Многие исследователи, в том числе современные, расходятся во взглядах на вопрос о том, действительно ли Гилберт Райл в своей работе *Понятие сознания* (1949 г.) критиковал труды Рене Декарта? В статье содержится реконструкция и анализ антикартезианских позиций Райла. Выявляется, какой набор положений он причислял к так называемой 'интеллектуалистской легенде' Декарта. Дается сравнительный анализ основных положений 'интеллектуалистской легенды' и положений философии Декарта. Демонстрируется, что критика Райла имела, по преимуществу, целью не сами работы Декарта и только некоторые аргументы, сформулированные Райлом, уместны для критики трудов французского философа. В статье также представлены возможные ответы на эти критические аргументы на основании сочинений Декарта.

Ключевые слова: Райл, Декарт, картезианский дуализм, Понятие сознания, интеракционизм, интеллектуализм, категориальная ошибка.

Для цитирования: Федоров С. А. И все-таки критиковал ли Райл Декарта? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 113–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-113-119. EDN: HLCEFH.

© Федоров С. А., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

DID RYLE CRITICIZE DESCARTES AFTER ALL?

S. A. Fedorov

M. V. Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1, 119991

Many researchers, including contemporary ones, disagree on the question of whether Gilbert Ryle actually criticized the works of Renй Descartes in his book *The Concept of Mind* (1949). The article reconstructs and analyzes Ryle's anti-Cartesian positions. It identifies the set of propositions what Ryle counted as the ones of Descartes' so-called 'intellectualist legend'. The article provides a comparative analysis of the main propositions of the 'intellectualist legend' and the authentic propositions of Descartes' philosophy. It is demonstrated that Ryle's criticism was primarily aimed not at Descartes' writings themselves, and only some of the arguments formulated by Ryle are relevant to the critique of the French philosopher. The article also presents possible responses to these critical arguments based on Descartes' writings.

Keywords: Ryle, Descartes, Cartesian dualism, Concept of Mind, interactionism, intellectualism, category-mistake.

For citation: Fedorov S. A. Did Ryle criticize Descartes after all? *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 4. P. 113–119. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-113-119. EDN: HLCEFH.

© Fedorov S. A., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Понятие сознания Гилберта Райла является известным трудом в истории аналитической философии сознания, опубликованным в 1949 году. Однако до сих пор существуют сложности с определением того, что же именно Райл критикует в этой своей

работе. Многие из исследователей *Понятия сознания* указывают на то, что Райл критиковал «ортодоксию картезианской концепции ума и ментальности» <...> 'интеллектуалистскую легенду' Декарта» [1, p. 447], «'догму о призрак в машине' Декарта»

[2, р. 33], «интеллектуализм», порожденный «картезианским дуализмом» [3, с. 106], «дуализм Декарта» [4, с. 149], «'корневую метафору' — декартовское 'внутреннее око'» [5, с. 76], «картезианский 'миф о призраке в машине'» [6, р. 2], «миф Декарта» [7, р. 129]. И даже несмотря на то, что у нас вроде бы имеется приблизительное понимание того, что именно критикует Райл, тем не менее нам все-таки трудно четко определить цель 'атаки' британского философа, как выражается Деннет [2, р. 33]. Основываясь на свидетельствах перечисленных выше исследователей, мы вполне можем сказать, что предмет критики, как кажется, очень тесно связан с фигурой Декарта. Но так ли это? В какой мере критика Райла действительно направлена на труды французского философа?

Нельзя с полной уверенностью сказать, что предмет критики Райла — само учение Декарта: британский философ не ссылается на труды французского коллеги, и в описании предмета своей критики он очерчивает какую-то довольно туманную форму картезианского учения. Причем, возможно, эта форма является всего лишь обобщением взглядов «большинства философов, психологов и религиозных учителей» [8, с. 21], основателем которой, тем не менее, считается Декарт¹. Заметим, что Райл очень неконкретен в описании предмета своей критики. Все, на что указывает Райл, — «существует учение о природе и месте сознания» [8, с. 21]. Райл не ссылается ни на одного приверженца 'официального учения'² [8, с. 21]. В своей рецензии 1951 года на *Понятие сознания* Сьюзен Лангер указывает на то, что Райл не называет ни одного своего соперника, фактически тем самым не позволяя возразить ему [9, р. 147]. И все же, привлекая имеющийся исторический контекст, мы можем хотя бы немного прояснить для себя туманные формулировки Райла: известно, что в годы написания *Понятия сознания* достаточно активно шла дискуссия между интеллектуалистами и анти-интеллектуалистами [10, р. 18]. Вполне возможно, как считает Майкл Кремер, что Райл отчасти пишет *Понятие сознания* с целью высказать некоторую промежуточную позицию между интеллектуализмом и анти-интеллектуализмом. Интеллектуализм — позиция, согласно которой именно интеллект играет ведущую роль в формировании всех поведенческих актов, а также во всех мыслительных процессах [11, р. 522]. Анти-интеллектуализм — позиция, которая отрицает, что интеллект играет ведущую роль в формировании всех поведенческих и мыслительных актов.

В еще одной рецензии на *Понятие сознания*, опубликованной в 1970 году, Стюарт Хэмшир указывает, что Райлу было достаточно того, что «ложная доктрина известна хотя бы одному человеку (самому автору [*Понятия сознания*]) для того, чтобы, публично ее разрушив, распространить истину» [12, р. 20]. Немного ниже Хэмшир пишет: «Профессор Райл протестует (как он убежден) не против философской теории ума, но против универсальной особенности обыденного языка — а именно, что большинство его форм описания эволюционировали и продолжают эволюционировать через постоянный переход терминов от употребления в одном контексте к употреблению в ином контексте и, в частности, через переход от того, что изначально являлось физическими описаниями, к физиологическим описаниям» [12, р. 21]. Таким образом, мы видим, что не одна только дискуссия между интеллектуализмом и анти-интеллектуализмом,

но и эта универсальная черта обыденного языка могла являться мотивом Райла для написания *Понятия сознания* и предметом критической аргументации в данной работе. Но вопросы о том, распространяется ли критика Райла на учение Декарта и насколько эта критика уместна для философии французского философа, все еще остаются открытыми. Именно поэтому попытка выяснить, распространяется ли критика Райла на самого Декарта и уместно ли использовать его аргументы против учения французского философа, и является целью настоящего исследования.

Надо признать, что Райл все-таки выделяет некоторые основные положения 'официального учения' [8, с. 21]. Ниже мы будем рассматривать критику этих основных положений и сравнивать их с учением самого Декарта. Из-за того, что Райл не всегда конкретизирует то, на что направлены его аргументы, нам придется иногда формулировать какие-то из положений самостоятельно на основе аргументации британского философа. Критика Райла разделена на две части: в первой части он с помощью двух свидетельств пытается доказать, что 'официальное учение' в целом ошибочно, а во второй критикует отдельные положения 'догмы призрака в машине'. Мы сначала разберем первую часть критики, а потом перейдем ко второй. Опираясь при разборе критики мы будем на уже упомянутый текст Райла и на труды Декарта.

Райл выделяет следующие основные положения 'официального учения': человеческое существо состоит из ума и тела; человеческие тела подчинены механическим законам и являются наблюдаемыми; умы не-протяженны, не подчиняются законам механики и их деятельность приватна [8, с. 21]; мы имеем непосредственный доступ к содержанию нашего ума через сознание, самосознание и интроспекцию, причем доступ безошибочный; все текущие ментальные акты (мысли, чувства, воления, восприятия, воспоминания и т. д.) являются «внутренне 'фосфоресцирующими'» [8, с. 22]; каждому поведенческому акту должны предшествовать предварительные акты теоретизирования, без них никакая поведенческая активность невозможна [8, с. 36]; все существующее может иметь либо материальный, либо ментальный статус существования³; материальные объекты, находящиеся в пространстве, связаны механически, а духовные события, находящиеся в одном уме, никак каузально не связаны с духовными событиями, находящимися в других умах [8, с. 23]; ментальные и материальные события в человеке взаимодействуют как причина и следствие [8, с. 29]; это взаимодействие осуществляется посредством волевых актов, которые являются ментальными событиями [8, с. 71]; волевые акты также вводятся в 'официальное учение' для того, чтобы объяснить, почему мы характеризуем наши действия как 'добровольные', 'хорошие', 'безответственные' и т. д. [8, с. 74]. По мнению Райла, это учение приводит к вредоносным заблуждениям, уже прочно укоренившимся в традиции исследования сознания ко времени написания *Понятия сознания*. Он ставит своей целью опровергнуть картезианский дуализм (и вообще всякий интеракционизм) и прояснить то, что следует понимать под ментальными актами, с позиций логического бихевиоризма.

Картезианский дуализм является дуализмом субстанций. Это значит, что в мире существует множество субстанций, которые можно отнести либо к одному виду субстанции, либо к другому, потому что

эти виды несводимы друг к другу. Вид субстанции обладает своими исключительными свойствами. Субстанция — независимый и автономный предмет, и, так как предмет относится к определенному виду субстанции, он обладает его исключительными свойствами. Картезианский дуализм также считается интеракционизмом. Интеракционизм — вид дуализма, в котором как материальное, так и духовное оказывают друг на друга влияние, приводящее к порождению событий, которые могут быть материальными, хотя их причина — ментальное, или могут быть ментальными, хотя их причина — материальное.

Логический бихевиоризм, в свою очередь, — это доктрина, которая утверждает, что ментальные события являются удобными сокращениями для разговора об актуальных и возможных поведенческих событиях [13, р. 804]. Любой наш разговор о 'ментальных событиях' почти всегда сводим к разговору о публичном поведении. Иными словами, в логическом бихевиоризме термин 'ментальное' используется для обозначения определенных поведенческих актов. Райла в целом можно причислить к логическим бихевиористам, однако он считает, что не все, что можно сказать о ментальных событиях, переводимо на язык поведенческих актов.

Теперь мы переходим к рассмотрению первой части критики Райла. Мы будем излагать его свидетельства в пользу того, что 'официальное учение' является в целом ошибочным, а затем соотносить их с учением Декарта. В этой части критики Райл прямо указывает на Декарта, в отличие от второй части. Британский философ считает, что картезианский дуализм (как и любой интеракционизм) — следствие совершения категориальной ошибки, которую впервые совершает Декарт. Категориальная ошибка — ошибочное отнесение суждений, которые принадлежат к одному классу высказываний (описывающие, скажем, физические объекты), к другому классу высказываний (описывающие, скажем, абстрактные объекты). Это, в свою очередь, порождает неправильное представление о предметах, о которых идет речь в суждении, ставшем жертвой категориальной ошибки. Неправильное представление о предметах формируется потому, что мы используем понятия с определенным значением для обозначения этих предметов. Для большей ясности мы приведем иллюстрацию самого Райла, где иностранец, посетив университет и увидев множество учебных корпусов, общежитий, библиотеку, стадион и т. д., спрашивает о том, где же сам университет? Иностранец думает, что университет — это какое-то одно здание наподобие уже увиденных, в то время как на самом деле университет — высшее учебное учреждение (т. е. организация), функционал и предназначение которого реализуется в перечисленных зданиях. Так, сам объект, который обозначается словом 'университет', меняет свою сущность из-за совершения категориальной ошибки. Вместо того чтобы указывать на определенную организацию, реализующуюся в каких-то объектах, это слово начинает обозначать реальный объект [8, с. 26].

Райл указывает, что всегда был определенный класс слов (или определенная категория слов), с помощью которых описывалось ментальное поведение [8, с. 25]. В этот класс входили такие слова, как 'умный', 'добровольный', 'боится', 'верит' и т. д. — все они по Райлу описывают ментальные способности или действия определенного харак-

тера [8, с. 19, 25]. Например, выполнение деления в столбик является для Райла ментальным процессом [8, с. 31], причем это действие будет оставаться ментальным, даже если оно производится вслух, а в уме в это время ничего не происходит [8, с. 45]. Ментальная способность — это, к примеру, умение считать, или умение обучаться. Именно так Райл и понимает ментальное. Когда мы оцениваем человека как смышленного, мы оцениваем, как считает Райл, его способность к обучению, но не какой-то нематериальный акт. Категориальная ошибка, указывает Райл, совершается тогда, когда 'интеллектуалисты' специфически истолковывают эту категорию слов. То есть, если следовать мысли британского философа, в данной статье мы тоже совершаем категориальную ошибку, специфически истолковывая определенную категорию слов. Райл указывает последствие этого, как он считает, ошибочного акта истолкования: эти понятия начинают отсылать не к определенным действиям и ментальным способностям (как их понимает Райл), но к духовным событиям [8, с. 25], а их, согласно Райлу, не существует [8, с. 62]. Именно специфическое истолкование таких понятий и склоняет философов к попытке на основании употребления этих понятий дать характеристику и описание самих ментальных актов и их взаимодействия [8, с. 25].

Однако одной только категориальной ошибкой, как считает Райл, дело не ограничивается: в результате совершения категориальной ошибки Декарт создает представление об особых нематериальных объектах. И тогда появляется необходимость в описании того, какое место ментальные акты занимают в метафизической картине мира и как они взаимодействуют друг с другом и с материей. Здесь, указывает британский философ, Декарт вынужден прибегнуть к системе категорий, с помощью которых описываются материальные события, их место в устройстве универсума, а также способ их взаимодействия. 'Вещь', 'субстрат', 'атрибут', 'состояние', 'процесс', 'изменение', 'причина' и 'следствие' — это все категории, которые называет Райл и с помощью которых описывается материальное [8, с. 29]. В результате, как считает Райл, ментальные акты начинают описываться с помощью категорий, подходящих только для описания материальных тел [8, с. 30]. Благодаря подведению под эту систему категорий, согласно британскому философу, ментальное наделяется статусом *субстанции*, которая имеет свои *атрибуты* и которую представляет собой человеческий ум, где одно *состояние* сменяется другим, а по окончании одних *процессов* начинаются другие. Таким образом, согласно Райлу, это ложное представление о ментальном вписывается в метафизическую картину мира, меняя онтологический статус определенных феноменов (вроде тех же самых человеческих умов) с материального на ментальное. По этой причине, как считает Райл, и возникает необходимость в объяснении условий интеракции между материальным и ментальным, потому что наш ум сопряжен с телом, и они должны оказывать друг на друга какое-то воздействие (по крайней мере, именно это предполагает любой интеракционизм).

Ментальное, как его понимает Райл, нельзя подводить под вышеупомянутую систему категорий; оно описывается другой системой категорий⁴. Все споры вокруг того, является наша реальность ментальной либо материальной или смешением

ментального и материального, по Райлу, попросту абсурдны. Все потому, что ментальное, считает британский философ, не является субстанцией, независимой от материи, из нее ничего не может *состоять* [8, с. 31–32]. И если утверждение 'Все сущее состоит из материального' выражает допустимую идею, то утверждение 'Все сущее *состоит* из ментального', согласно Райлу, будет абсурдным точно так же, как и утверждение 'Вода в бойлере нагревается с помощью идеи добра'.

Вернемся, однако, к интеракции между ментальным и материальным. Первым свидетельством, как указывает Райл, в пользу того, что 'интеллектуалистская легенда' — это результат совершения категориальной ошибки, является главная теоретическая трудность интеракционизма, выражающаяся в проблеме интеракции сознания и тела [8, с. 29]. Она, в свою очередь, состоит в том, что мы не знаем, как ментальное и материальное могут взаимодействовать друг с другом, будучи совершенно отличными по своей природе. Райл считает, что проблема интеракции является следствием подведения ментальных актов под упомянутую выше систему категорий, потому что без этого мы бы никогда не подумали, что ментальное и материальное должны как-то взаимодействовать. Ментальное начинается мыслиться Декартом (и другими интеллектуалистами) как часть духовной субстанции, которая, как мы уже упомянули, не имеет ничего общего с материальной субстанцией.

Говоря о проблеме интеракции, заметим, что Декарт полагает, что тело и ум изначально обладают единством [14, с. 179], теснейшим образом друг с другом сопряжены [14, с. 65] и даже нераздельны [14, с. 61] и что лишь посредством размышления мы можем прийти к тому, что ум и тело реально отличны друг от друга [14, с. 492]. Отсюда можно сделать вывод, что, поскольку Бог является по Декарту создателем всех вещей [14, с. 198] и устанавливает между ними связь [14, с. 64], то он создал человека как единство двух субстанций, наладив между независимыми друг от друга началами сущего тесное взаимодействие, о чем Декарт пишет прямо в *Рассуждении о методе* [15, с. 277]. Поэтому Декарт, хоть и в очень неявном виде, разрешает проблему интеракции, но не прорабатывает ее на должном уровне, что можно отнести к слабым сторонам его философии. Однако в рамках картезианской метафизики интеракция ума и тела является проблематичной из-за того, что идея их единства не является умопостижимой. Мы можем чувствовать это единство или обладать опытом его переживания, именно поэтому мы можем знать о его наличии. Тем не менее мы не можем конкретизировать, в чем состоит его сущность: мы не можем сказать, являются ли ум и тело составной субстанцией, является ли это единство модусом или же отношением, реализованным между умом и телом [16, р. 19]. Хотя мы и можем сказать, что основанием для утверждения этого единства является не некоторое подобие категорий, с помощью которых мы описываем как ментальное, так и материальное. Этим основанием является наш ежедневный опыт: всякий раз, когда наше намерение протянуть руку сопровождается протягиванием руки, мы чувствуем единство ментального акта и публичного телесного акта [16, р. 25]. Эти акты опытно объединены в единое событие — поступок [16, р. 26]. И все же кажется, что признание Декартом умственной непостижимости взаимодействия ума и тела вполне подпадает под

то, что Райл считает главной теоретической трудностью интеракционизма.

Второе свидетельство, как указывает Райл, в пользу того, что 'догма призрака в машине' является результатом совершения категориальной ошибки — это противоречие в 'официальном учении', которое, с одной стороны, постулирует существование свободной воли, а с другой — приводит к детерминизму [8, с. 30]. Детерминизм — учение, согласно которому все жестко обусловлено с самого зарождения Вселенной; в детерминизме нет места для свободы, там все предопределено. Материальный мир — детерминированная система, в которой начальные условия Вселенной и физические законы определяют все дальнейшие материальные события. Напомним, что Райл считает, что упомянутая четверть абзацами ранее система категорий предназначена только для описания материального; 'причина' и 'следствие' — категории, с помощью которых мы описываем причинно-следственную связь материальных событий. Так как мы, вследствие совершения категориальной ошибки, прибегаем к этой системе категорий для описания взаимодействия ментальных актов, то ментальный мир приобретает тот же детерминированный характер. Здесь-то и обнаруживается противоречие, как считает британский философ, потому как в 'официальном учении' утверждается наличие свободной воли, что несовместимо с детерминизмом. Странно, но сам Райл позже подмечает то, что нельзя понимать слова однозначно и что многие из них имеют «ряд типологически различных смыслов», поэтому категории 'причина' и 'следствие' также не стоит применять исключительно к материальному [8, с. 86]. Поэтому остается неясным, насколько это свидетельство действительно указывает на то, что в 'интеллектуалистской легенде' была совершена категориальная ошибка.

Упомянем, что Декарт понимает свободу воли в более обыденном смысле, т. е. так, как каждый из нас испытывает ее на самом себе [14, с. 150]. В другом месте Декарт прямо указывает на то, что свобода воли не является и не может быть детерминированной [14, с. 47], мы не ощущаем «никакого внешнего принуждения» к совершению поступков [14, с. 294]. Декарт придерживался следующего взгляда относительно свободы воли: воля является свободной, когда она выбирает то, что интеллект воспринимает как наилучший поступок в данной ситуации [17, р. 187]. Это значит, что воля тем более свободна, чем сильнее она определяется интеллектом [17, р. 188]. При этом для воли идеи интеллекта не являются чем-то безусловным необходимым, воля вполне может не подчиняться интеллекту [17, р. 191]. Как мы видим, Декарт понимает причинно-следственную связь для ментальных актов не в терминах начальных условий и физических законов, а в терминах решений воли, которые могут зависеть от восприятий интеллекта, а могут и не зависеть, то есть причинно-следственные цепочки для ментальных актов не восходят прямоиком к зарождению Вселенной или к рождению индивида. Следовательно, мы не можем утверждать, что Декарт здесь допускает категориальную ошибку и совершает неправомерный перенос казуальной связи с отношений *событие—событие* в материальном мире на отношение акт—акт в ментальном мире.

Мы можем сделать вывод, что первая часть критики Райла распространяется на учение Декарта лишь отчасти и является уместной для него лишь

отчасти. По всей видимости, первая часть критики не имела специальной своей целью именно учение Декарта. Два свидетельства, указывающие на факт совершения категориальной ошибки, являются скорее общими, нежели подстроенными под философию Декарта и ориентированными на нее, и это с учетом того, что второе свидетельство не является уместным для учения французского философа.

Перейдем теперь ко второй части критики Райла. Он критикует приватность ментальных актов и то, что *теоретизирование* предшествует любому действию и что никакое действие невозможно без предварительного *теоретизирования* [8, с. 36]; то есть критикуется положение о том, что разумным может быть только то действие, которому предшествовало *внутреннее* обдумывание и которое параллельно с его совершением еще и обдумывается [8, с. 37–38]. Здесь Райл критикует интеллектуализм. Он указывает на то, что *теоретизирование* не определяет все остальные действия и стоит наравне с другими практиками [8, с. 35]. Здесь нужно прояснить, что под 'теоретизированием' Райл понимает особый вид осмысленной деятельности [8, с. 40]; теоретизирование направлено на выявление или восстановление в памяти 'знания что' [8, с. 38], и для него не является существенным, выполняете вы его вслух или про себя [8, с. 36]. 'Знание что', согласно Райлу, — это знание некоторого шаблона, инструкции или алгоритма, в соответствии с которым может быть осуществлено действие; это — теория, описывающая практику [8, с. 38–39]. Иными словами, для Райла, как это явствует из текста, операция теоретизирования есть некоторое рассуждение, декламация, повторение или вычисление, которые могут проговариваться про себя или произноситься вслух. Декарт действительно говорит, что «интеллектуальное восприятие всегда должно предшествовать решению воли» ради того, чтобы не заблуждаться [14, с. 49]. В этом случае мы действительно обнаруживаем, что, по мнению французского философа, разумному действию должен предшествовать интеллектуальный акт. Так что этот аргумент Райла против интеллектуализма уместен для критики философии французского философа. Но для того, чтобы определить, был ли Декарт не прав, необходимо понять, что именно понимает под разумным действием Райл, а что — Декарт⁵.

Таким образом, вторая часть критики Райла касается только так называемого *теоретизирования*, которое можно было бы, пусть и не в полной мере, но все-таки сопоставить с деятельностью интеллекта у Декарта. Но не следует забывать, что под ментальными актами французский философ понимает в том числе и волевые акты [14, с. 311]. Согласно Декарту, любому нашему действию будет предшествовать волевой акт [14, с. 545–546, 566], то есть некоторый ментальный акт. Относительно существования волевых актов можно выделить следующие возражения Райла: (1) уже разобранные нами возражение от невозможности каузальной связи между ментальными актами и материальными событиями [8, с. 74]; (2) никто не может дать ясный отчет о наличии, количестве, интенсивности и временной протяженности волевых актов, когда просят описать, скажем, сколько за это утро было совершено волений, каковы они были по характеру и были ли они вообще; из такой неспособности дать четкий отчет Райл выводит, что существование волевых актов на эмпирическом уровне не подтверждается никакими фактами [8, с. 73]; (3) Райл счита-

ет, что волевые акты были введены в 'официальном учении' в том числе для того, чтобы объяснить оценки наших действий, то есть объяснить, почему мы оцениваем наши действия как свободные или вынужденные, сложные или простые, храбрые или трусливые; однако волевые акты, как пишет Райл, не обеспечивают наши действия таким объяснением, поскольку они являются приватными, скрытыми от других людей, а на основании действий и отчетов человека мы судить никак о его воле не можем, как и о своей воле, потому что однозначной связи между моим волением и действием, которое якобы за ним следует, нет (ведь это действие могло быть совершено по другой причине) [8, с. 73–74]; (4) так как сами волевые акты могут описываться как добровольные, то им должны предшествовать предварительные волевые акты, а последним еще одни, и так до бесконечности; такой регресс редуцирует к абсурду 'официальное учение' [5, с. 40, 75].

Аргумент (2) вряд ли имеет хоть какое-то отношение к учению Декарта, и на деле является критическим замечанием более общего характера. Французский философ никак не высказывается относительно того, как мы можем давать отчет о наших волевых актах. Аргумент (3) не представляется возможным оценить в данной статье, поскольку для того, чтобы понять, зачем Декарт вводит волевые акты в свою онтологию, необходимо отдельное исследование. Аргумент (4) не имеет отношения к философии Декарта. Поскольку сам Декарт придерживался следующего взгляда относительно свободы воли: воля является свободной, когда она выбирает то, что интеллект воспринимает как наилучший поступок в данной ситуации [17, р. 187]. При таком понимании добровольный поступок является следствием воли, если эта воля свободна, а свободна она, если подчиняется интеллекту. Сам интеллект по своей природе — способность к формированию идей и выражений, которые при этом ни утверждают, ни отрицают [14, с. 46–47]. Декарт в целом не приписывает интеллекту какую-либо активность, и за волей остается возможность не подчиняться интеллекту. Деятельность интеллекта пассивна, а значит, она не может быть добровольной. Так как акт интеллекта не может быть добровольным, а акт воли является свободным, если в основе его действия лежит акт интеллекта, то и бесконечной редукции не возникает. В противном случае мы могли бы приписать интеллекту добровольность или свободу.

Далее, критикуя положение о приватности ментальных актов, Райл приводит аргумент к невозможности понимания других людей при условии приватности их ментальных актов. Здесь имеется в виду то, что раз ментальные акты являются скрытыми и являются причинами любого публичного действия, то мы не можем понимать мотивы, интересы и чувства других людей. Он пишет о том, что не может существовать необходимой корреляции между конкретными публичными действиями и конкретными ментальными актами, но тем не менее мы понимаем других людей, их мотивы, интересы и чувства [8, с. 60]. Райл возражает на часто приводимый против этого замечания контраргумент, который состоит в том, что мы могли бы понимать других людей по аналогии с собой, то есть на основе того, как коррелируют наши ментальные акты и наши действия, мы могли бы делать вывод об их соотношении у других людей; тем бо-

лее, что суждения по аналогии имеют место и в теории Декарта [14, с. 531]. Возражение Райла на этот контраргумент состоит в том, что подобный вывод по аналогии будет полностью ошибочным [8, с. 66]: это неправомерное обобщение, ведь суждение о других основывается только на своем опыте [8, с. 61–63]. Комментируя это критическое возражение Райла, мы вынуждены указать на то, что Декарт не поднимает вопрос о доступе к ментальным актам других людей [подробнее об этом см.: 18].

Затем Райл переходит к критике положения о том, что в случае осознания ум всегда осведомлен обо всем своем содержании, потому что ментальные акты являются 'фосфоресцирующими'⁶, и это осознание своего содержания является безошибочным [8, с. 157]. Он замечает, что осознание происходит параллельно с совершаемым действием. Для Райла осознание деятельности своего ума в 'официальном учении' является некоторым непрерывным мониторингом за всяким ментальным событием; осознание — постоянный элемент всех ментальных процессов [8, с. 162–163]. Позиция Декарта относительно осознания ментальных актов в целом такая же, хотя он ее не разъясняет четко [14, с. 565]. Тем не менее у нас есть основания предполагать, что осведомленность является рефлексивным свойством самих мыслей, то есть каждая мысль имеет два предмета: то, что эта мысль репрезентирует (например, мысленный образ слона репрезентирует реального слона), и саму себя благодаря этому рефлексивному свойству [19, р. 6]. В этом случае каждая мысль является осознанной, хотя анализ рассуждений Декарта позволяют усомниться в том, что французский философ действительно считает, что каждый ментальный акт непременно сопровождается осознанностью о нем [19, р. 8–13]. Позиция же Райла такова: осознание есть, но оно не может быть тем, чем его считают 'теоретики', поскольку его «предполагаемые объекты являются мифом» [8, с. 158, 163]. Британский философ выдвигает следующие возражения против указанного положения: (1) 'знать' — не самый подходящий синоним для 'осознавать'; предположим, что я вижу нечто, напоминающее силуэт человека, в таком случае для Райла утверждение 'Я вижу силуэт, напоминающий человека' не будет знанием, а вот утверждение 'Я вижу пальто' — будет; то есть мне недостаточно просто высказать, каково мое осознаваемое состояние по своему содержанию для того, чтобы знать, и тогда любой мой отчет о том, что я осознаю или осознавал, не является знанием [8, с. 164]; (2) если акт осознания является ментальным актом, то он тоже должен осознаваться, и так до бесконечности; а значит, снова регресс редуцирует к абсурду 'официальное учение' [8, с. 165].

Перейдем теперь к рассмотрению данных аргументов. Относительно аргумента (1) нужно сказать, что, конечно, осознание не может быть отождествлено со знанием. Однако Декарт вовсе не отождествляет их, хотя в некоторых случаях, когда мы осознаем то, что самодостоверно (например, что я мыслю), по Декарту это осознание вполне ведет к знанию о том, что я мыслю. Это заключение мы можем сделать на основании анализа *Второго Размышления*, поскольку Декарт может знать о своем существовании как вещи мыслящей, если только он знает, что он мыслит [14, с. 22–23]. По поводу аргумента (2) следует отметить, что он не уместен по отношению к учению Декарта: осознание не высокопорядковый ментальный акт, предметом

которого является первопорядковый ментальный акт. В пользу обратного мы не располагаем никакими косвенными свидетельствами в текстах Декарта. Поэтому осознание, как мы указали выше, в рамках учения Декарта, скорее всего, является свойством первопорядковых ментальных актов [15, р. 6]. В связи с этим в учении французского философа редукции актов осознанности к абсурду не возникает.

Подведем итог. Настоящее исследование показало, что предметом критики Райла в *Понятии сознания* была скорее некоторая очень обобщенная форма картезианского дуализма. Нами были выявлены ее основные положения. И мы показали, что только некоторые основные положения этой обобщенной формы картезианского дуализма имеют отношение непосредственно к трудам Декарта. Первая часть критики Райла, как мы уже отмечали, также имеет общий характер, то есть она не направлена конкретно на учение Декарта (впрочем, то же самое верно и для второй части его критики), более того, она лишь отчасти применима к тому, что мы можем обнаружить в работах французского мыслителя. Фактически из всей высказанной Райлом критики лишь проблема интеракции является хорошим аргументом против учения Декарта.

Перечислим более детально результаты исследования аргументов Райла во второй части критики. Критика интеллектуализма, или аргумент против того, что всякому разумному действию должен предшествовать ментальный акт, уместна для учения Декарта. Проблема отчета о волевых актах вряд ли может служить хорошим аргументом против учения Декарта, так как он просто не рассматривает такого рода проблему. Аргумент в пользу бесконечного регресса волевых актов не применим к философии Декарта. То же самое верно и для проблемы доступа к ментальным актам других людей. Французский мыслитель в своих работах ее попросту не рассматривает. Аргумент от ошибочного тождества знания и осознанности кажется нам не уместным для критики философии Декарта, как и аргумент от бесконечного регресса актов осознания, так как осознание попросту не является актом.

Таким образом, мы видим, что большая часть аргументов, направленная на то или иное основное положение 'официального учения' картезианства, просто не распространяется на философию Декарта. Тем не менее Райл все же формулирует ряд общих аргументов, которые мы вполне можем применить для критики трудов французского философа. На большую часть этих аргументов мы постарались ответить в статье. Без ответа остался аргумент против интеллектуализма Декарта. Но вопрос о том, насколько он опровергает то или иное положение в учении Декарта, нуждается в отдельном исследовании. Также без ответа остался аргумент о том, что волевые акты вводятся в 'официальное учение' для объяснения наших действий, но ничего, в сущности, не объясняют. Чтобы на него ответить, необходимо отдельное исследование, позволяющее нам понять, на каких основаниях французский философ вводит волевые акты в свою онтологию.

Примечания

¹ Является ли данное 'большинство' его современниками или нет, сам Райл не указывает.

² Райл использует термины 'официальная теория/учение', 'догма призрака в машине', 'интеллектуалистская легенда' и 'картезианский дуализм' как синонимы.

³ Конкретно это положение Райл характеризует как допущение.

⁴ Непосредственно в самом *Понятии сознания* Райл не указывает эту систему категорий.

⁵ В данной статье мы не будем рассматривать этот вопрос, так как он требует отдельного исследования.

⁶ Термин 'фосфоресцирующий' ('phosphorescent'), использованный Райлом в *Понятии сознания*, не стал общеупотребительным. Данный термин фактически обозначает то же эпистемическое свойство ментальных состояний, что и более распространенный и общепринятый термин 'светимость' ('luminosity'). Под 'светимостью' обычно понимается такое свойство наших ментальных состояний, что если мы находимся в ментальном состоянии, то мы находимся и в состоянии знать о том, что мы находимся в этом состоянии.

Список источников / References

1. Coleman S. Know-How, Philosophical Perspectives. *Encyclopedia of the Mind* / ed. by H. Paschler. San Diego: Sage Publications, 2013. P. 447–449.
2. Dennett D. C. *Consciousness Explained*. New York: Back Bay Books; Little, Brown and Company, 1991. 429 p.
3. Демин Т. С., Фролов, К. Г. Знание-что, Знание-как, сознание и искусственный интеллект // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 102–109. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109. EDN: DTOTRC.
4. Demin T. S., Frolov K. G. Znaniye-chto, Znaniye-kak, soznaniye i iskusstvennyy intellect [Knowledge-That, Knowledge-How, Consciousness and Artificial Intelligence]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 102–109. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-102-109. EDN: DTOTRC. (In Russ.).
4. Гусев А. А. Рецензия на книгу П. Н. Барышниковой «Вычислительные модели разума: От кода к смыслу» (М.: ЛЕНАНД, 2022. 320 с.) // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28, № 1. С. 148–153. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-148-153. EDN: YVJPQU.
5. Gusev A. A. Retseziya na knigu P. N. Baryshnikova «Vychislitel'nyye modeli razuma: Ot koda k smyslu» (M.: LENAND, 2022. 320 s.) [Book Review: P. N. Baryshnikov «Computational Models of the Mind: From Code to Meaning» (Moscow: LENAND, 2022. 320 p.)]. *Filosofiya nauki i tekhniki. Philosophy of Science and Technology*. 2023. Vol. 28, no.1. P. 148–153. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-148-153. EDN: YVJPQU. (In Russ.).
6. Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 408 с.
7. Yulina N. S. Ocherki po sovremennoy filosofii soznaniya [Essays on Contemporary Philosophy of Mind]. Moscow, 2015. 408 p. (In Russ.).
8. Brandt S. Ryle vs. Intellectualism: A Case Study in Philosophical Method. *Synthese*. 2025. Vol. 206, no. 2. P. 1–22. DOI: 10.1007/s11229-025-05112-5.
9. Lenz M. Taking "Descarte's Myth" Seriously: Rethinking the Rylean Narrative. *The Southern Journal of Philosophy*. 2025. Vol. 63, no. 2. P. 128–142. DOI: 10.1111/sjp.12619.
10. Райл Г. Понятие сознания. Москва: Идея-Пресс, 1999. 408 с. ISBN 5-7333-0011-6. EDN: VXKJID.
11. Ryle G. Ponyatiye soznaniya [The Concept of Mind]. Moscow, 1999. 408 p. ISBN 5-7333-0011-6. EDN: VXKJID. (In Russ.).
9. Langer S. K. In Praise of Common Sense. *The Hudson Review*. 1951. Vol. 4, no. 1. P. 146–149. DOI: 10.2307/3847134.
10. Kremer M. Ryle's "Intellectualist Legend" in Historical Context. *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2017. Vol. 5, no. 5. P. 16–39. DOI: 10.15173/jhap.v5i5.3204.
11. Kennedy R. Intellectualism. *The Cambridge Dictionary of Philosophy* / ed. by R. Audi. New York: Cambridge University Press, 2015. P. 522–522.
12. Hampshire S. Critical Review of the Concept of Mind / ed. by O. P. Wood. London: Macmillan, 1970. P. 17–44.
13. McLaughlin B. P. Philosophy of Mind. *The Cambridge Dictionary of Philosophy* / ed. by R. Audi. New York: Cambridge University Press, 2015. P. 802–813.
14. Декарт Р. Сочинения: 2 т. / сост. В. В. Соколова. Т. 2. Москва: Мысль, 1994. 632 с.
15. Descartes R. Sochineniya: 2 t [Writings: in 2 vol.] / compiled by V. V. Sokolova. Vol. 2. Moscow, 1994. 632 p. (In Russ.).
15. Декарт Р. Сочинения: 2 т. / сост. В. В. Соколова. Т. 2. Москва: Мысль, 1989. 656 с.
16. Descartes R. Sochineniya: 2 t [Writings: in 2 vol.] / compiled by V. V. Sokolova. Vol. 2. Moscow, 1989. 656 p. (In Russ.).
16. Simmons A. Mind-Body Union and the Limits of Cartesian Metaphysics. *Philosophers' Imprint*. 2017. Vol. 17, no. 14. P. 1–36.
17. Wee C. The Fourth Meditation: Descartes and Libertarian Freedom. *The Cambridge Companion to Descartes' Meditations* / ed. by D. Cunniff. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 186–204.
18. Lagerspetz O. Was Descartes Responsible for the Problem of Other Minds? *Philosophical Investigations*. 2025. Vol. 48, no. 3. P. 249–268. DOI: 10.1111/phin.12458.
19. Simmons A. Cartesian Consciousness Reconsidered. *Philosophers' Imprint*. 2012. Vol. 12, no. 2. P. 1–21.

ФЕДОРОВ Сергей Анатольевич, магистрант философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва.
Адрес для переписки: fass.peed2003@gmail.com

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 02.12.2025.

FEDOROV Sergey Anatolyevich, Master's Student of the Philosophy Faculty, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow.
Correspondence address: fass.peed2003@gmail.com

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 16.09.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 02.12.2025.

УДК/UDC 330.341.1:339.17

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-120-126

EDN: ZMKKRK

Научная статья / Original article

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ В СФЕРЕ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

А. С. Горда

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Исследованы актуальные вопросы цифровой трансформации бизнес-моделей в сфере розничной торговли. Установлено, что внедрение цифровых технологий меняет традиционные бизнес-процессы, открывая новые возможности для оптимизации, повышения эффективности и создания конкурентных преимуществ. Особое внимание уделено анализу внутренних и внешних факторов, влияющих на цифровую трансформацию. Внутренние факторы включают оптимизацию процессов, снижение затрат, внедрение инновационных продуктов и адаптацию организационных структур, а внешние — рост конкуренции, изменения в ожиданиях потребителей и появление новых технологий.

Определено, что цифровая трансформация бизнес-модели включает три этапа: адаптацию к внешним условиям, внутреннюю оптимизацию и глубинную перестройку. Обоснованы преимущества внедрения цифровых бизнес-моделей, включая автоматизацию процессов, повышение производительности, экономию ресурсов, доступ к глобальным рынкам, а также создание персонализированных предложений для потребителей. Особое внимание уделено платформенным бизнес-моделям, подписочным сервисам, облачным решениям, а также инновациям на основе дополненной и виртуальной реальности, которые обеспечивают развитие торгового бизнеса в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровые бизнес-модели, розничная торговля, цифровая трансформация, автоматизация бизнес-процессов, платформенные модели, облачные технологии, персонализация, ценное предложение.

Для цитирования: Горда А. С. Цифровая трансформация бизнес-моделей предприятий в сфере розничной торговли // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 120—126. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-120-126. EDN: ZMKKRK.

© Горда А. С., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

DIGITAL TRANSFORMATION OF BUSINESS MODELS OF ENTERPRISES IN THE RETAIL SECTOR

A. S. Gorda

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadskogo Ave., 4, 295007

The article demonstrates current issues of digital transformation of retail business models. The authors emphasize that digital technologies change business processes, opening up opportunities for optimization and efficiency improvement. Internal (optimization, innovation) and external (competition, consumer expectations, new technologies) factors influencing the transformation are analyzed. Moreover, the authors identify three stages of digital transformation such as adaptation, optimization, restructuring. The advantages of digital business models, such as automation, access to global markets and personalized offers, are substantiated. As a result, the article shows the importance of platform models, subscription services, cloud solutions and VR/AR technologies for the development of retail business in the context of digitalization.

Keywords: digital business models, retail, digital transformation, business process automation, platform models, cloud technologies, personalization, value proposition.

Введение

Применение цифровых технологий трансформирует традиционные бизнес-процессы предприятий розничной торговли, открывая новые возможности повышения эффективности, расширения рынков и улучшения взаимодействия с клиентами. В современных условиях хозяйствования цифровизация становится ключевым инструментом для создания конкурентных преимуществ и адаптации бизнеса к быстро меняющейся среде глобального рынка, так как цифровые бизнес-модели позволяют оптимизировать процессы торговли, обеспечивая удобство для потребителей через внедрение инноваций, таких как мобильные приложения, электронная коммерция, автоматизация складов и управления персоналом, применение многоканальных стратегий, которые стимулируют предприятия к разработке новых подходов по интеграции цифровых решений.

Пандемия COVID-19 значительно ускорила внедрение цифровых технологий в торговой сфере и послужила своеобразным драйвером внедрения и активного распространения новых бизнес-моделей. Следовательно, изучение инструментов и особенностей адаптации к цифровой экономике, разработка механизмов персонализации и интеграции каналов взаимодействия с потребителями приобретают особую актуальность. В результате исследование развития цифровых бизнес-моделей в сфере торговли является не только актуальной, но и необходимой задачей для разработки эффективных стратегий, направленных на обеспечение устойчивого развития торговых предприятий и повышения их конкурентоспособности в условиях цифровой трансформации.

Вопросы формирования и трансформации бизнес-моделей в условиях цифровизации исследованы такими учеными, как Р. Ф. Ананина [1], А. А. Веселая [2], Ю. В. Гусев, Т. А. Половова [3], Е. С. Кравченко, В. В. Овсянникова [4], А. А. Наумченко [5], А. В. Рачипа, М. А. Суржиков, С. И. Самыгин [6], О. А. Репушевская [7], Х. Э. Текеева, А. А. Аджиева [8], Д. Н. Ткач [9], Е. А. Ткаченко, А. А. Хуажев [10] и др. Проведенный анализ научных публикаций показал, что многие исследователи уделяют особое внимание изучению возможностей цифровых бизнес-моделей в сфере розничной торговли. Здесь следует выделить работы таких авторов, как А. А. Белоумцева, Т. В. Бубновская [11], Е. С. Кравченко, В. В. Овсянникова [12], С. А. Кумеков [13], Х. Лю [14], Д. Н. Ткач [15], Р. Ю. Черкашнев, С. В. Колмыкова, М. С. Сысоева [16] и др. Однако, несмотря на достаточное количество научных работ в сфере цифровой трансформации бизнес-моделей предприятий розничной торговли, быстрое развитие цифровых технологий и информационно-коммуникационных средств требует более глубокого исследования выбранной тематики с целью оперативного совершенствования бизнес-моделей таких предприятий и создания новых возможностей для их развития.

Цель исследования — определить влияние цифровой трансформации на развитие и совершенство-

вание бизнес-моделей предприятий розничной торговли.

Основная часть

В современных условиях для обеспечения прибыльности в современном экономическом бизнес-пространстве субъектам сферы розничной торговли следует обратить внимание и имплементировать в свою деятельность цифровые бизнес-модели.

Цифровая бизнес-модель — это стратегия создания ценности, основанная на использовании цифровых технологий и платформ для трансформации или совершенствования продуктов, услуг или бизнес-процессов хозяйствующих субъектов. В ее основе лежит идея, что базы данных, Интернет и современные технологии могут стать ключевыми инструментами повышения ценности как для клиентов, так и для самих предприятий. В свою очередь, это позволяет предприятиям предлагать, продавать и совершенствовать свои продукты или услуги с помощью цифровых решений.

Внедрение цифровых бизнес-моделей обеспечивает предприятиям розничной торговли ряд следующих преимуществ:

- автоматизация и цифровизация бизнес-процессов для оптимизации своей деятельности; сокращение затрат; экономия времени и ресурсов; повышение производительности;
- доступ к глобальной среде для расширения аудитории и охвата новых сегментов потребителей, которые ранее были за пределами досягаемости;
- использование цифровых решений, в частности, персонализированных предложений, улучшенных услуг или инновационных продуктов для предоставления потребителям дополнительной ценности;
- взаимодействие через цифровые каналы для выстраивания более тесной связи с потребителями; удовлетворения их потребностей; укрепления лояльности к бренду;
- использование цифровых моделей для обеспечения быстрого приспособления к изменениям на рынке и создания новых возможностей для развития.

Сегодня в мире уже существуют цифровые бизнес-модели, эффективность которых подтверждена на практике. Среди них следует выделить: платформенные модели, системы подписки и мульти-подписки, бизнес-экосистемы, онлайн-стратегии и облачные бизнес-модели. Перечисленные бизнес-модели являются ключевыми для адаптации субъектов хозяйствования к современным условиям рынка.

Платформенные бизнес-модели стали ключевым элементом цифровой экономики, создавая ценность путем взаимодействия между различными группами, нуждающимися друг в друге или содействующими друг другу. Они выступают посредниками, соединяющими рыночные стороны, обеспечивая взаимодействие и транзакции, формирующие новую ценность. В отличие от традиционных бизнес-моделей, базирующихся на контроле цепи поставок, платформы используют сетевые эффекты для быстрого масштабирования. Они создают цифро-

вые экосистемы, где развиваются дополнительные услуги и инновации. Многие компании благодаря платформенным бизнес-моделям достигли огромного масштаба деятельности и прибыльности, изменяя целые отрасли — от транспорта до медицины. В целом эти модели предлагают новый подход к организации и монетизации бизнеса.

Платформенные бизнес-модели позволяют одновременно обслуживать несколько различных групп клиентов. Например, Yandex Go объединяет водителей и пассажиров, создавая простор для их взаимодействия. Увеличение количества пользователей платформы повышает её ценность для каждого участника. Например, Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет становятся более привлекательными для покупателей и продавцов, когда на платформе появляется больше разнообразных товаров.

Цифровые платформы способны быстро расширяться с минимальными дополнительными затратами на обслуживание новых пользователей и проведение транзакций. Например, сервер может одновременно обслуживать огромное количество клиентов при небольшой величине затрат на дополнительно привлеченного клиента, что делает обслуживание каждого отдельного пользователя почти бесплатным. Платформы, выступая посредниками между спросом и предложением, собирают большие объемы информации о транзакциях и поведении пользователей. Собранные данные позволяют усовершенствовать услуги, развивать экосистему и обеспечивать лучший клиентский опыт [17].

Бизнес-модель системы подписки и мульти-подписки предусматривает регулярную оплату клиентами доступа к товарам, услугам или контенту в течение определенного периода времени. В системе подписки пользователь платит за один конкретный сервис или продукт, в то время как мульти-подписка дает возможность доступа к нескольким сервисам или продуктам в рамках единого пакета. Такая модель обеспечивает компаниям стабильный поток доходов, способствует долгосрочной лояльности клиентов и позволяет гибко адаптировать предложения в соответствии с их потребностями. Применение бизнес-моделей на основе подписки и мульти-подписки может дать предприятиям инструмент для расширения и развития.

Модель подписки обеспечивает предприятиям регулярный и прогнозируемый поток дохода, упрощающий бюджетирование, инвестирование в развитие и распределение ресурсов. Она способствует удержанию клиентов из-за долгосрочных отношений, снижая маркетинговые расходы и стабилизируя базу пользователей. Частые взаимодействия с потребителями позволяют собирать данные об их поведении и предпочтениях, что позволяет улучшать продукты, персонализировать маркетинг и обеспечивать рост продаж. Благодаря высокой масштабируемости модели предприятия могут поддерживать рост абонентской базы с минимальными капиталовложениями. Кроме того, долгосрочные подписки повышают пожизненную ценность клиента, а гибкость в предложениях позволяет быстро адаптироваться к изменениям. Перекрестные продажи и создание сообществ вокруг бренда увеличивают доход и способствуют лояльности клиентов. Модель также уменьшает неопределенность в планировании, что улучшает управление ресурсами и операционными процессами [18].

Цифровая экосистема — это современная бизнес-модель, включающая ряд платформенных орга-

низаций в общую интегрированную систему. Такая модель основана на интеграции комплекса приложений через открытую технологическую архитектуру (API). Практическое применение подобных платформ свидетельствует о высоком уровне цифрового развития компании, способствует росту его конкурентоспособности и масштабов деятельности. Сочетание экосистемы и платформенной системы формирует бизнес-модель, которая привлекает клиентов к использованию широкого спектра продуктов и услуг как самой компании, так и ее партнеров, способствуя лояльности и увеличению их взаимодействия.

Онлайн бизнес-модели предполагают создание маркетплейсов, финансовых сервисов, вебсайтов, обеспечивающих обмен данными, предоставление услуг или продажу товаров через специально разработанные веб-платформы и мобильные приложения. Данная модель похожа на платформенную, но отличается большей открытостью и меньшей уникальностью в разработке. Ее обычно используют предприятия, которые только начинают осваивать онлайн-продажи. Во многих случаях указанный этап служит промежуточным шагом по внедрению платформенной бизнес-модели [19].

Облачные бизнес-модели базируются на использовании облачных технологий для предоставления услуг и продуктов через Интернет. Они позволяют предприятиям масштабировать свои ресурсы в соответствии с потребностями, оплачивая только использованное, что делает их экономически выгодными. Благодаря централизации данных и удаленному доступу облачные модели обеспечивают оперативность, инновационность и удобство для пользователей. Их применение в различных формах, таких как SaaS, PaaS и IaaS, способствует адаптивности к рыночным изменениям и поддерживает быстрое внедрение новых решений, оставляя бизнес конкурентоспособным.

Понимая преимущества, которые получает хозяйствующий субъект от применения цифровых бизнес-моделей, следует выделить факторы, создающие основу для адаптации и обновления бизнеса в условиях современного рынка. В целом, факторы трансформации бизнес-моделей можно условно разделить на внутренние и внешние. К внутренним, в первую очередь, относят факторы, возникающие во внутренней среде предприятий. Они связаны с появлением инновационных технологий, новых подходов к взаимодействию с клиентами и сотрудниками, а также изменением организационных структур и моделей (увеличение доходов, уменьшение расходов, выход на новые рынки, оптимизация бизнес-процессов и т.п.). К внешним факторам следует отнести конкуренцию, ожидания клиентов, установление новых стандартов и возникновение инновационных бизнес-моделей. Взаимосвязь факторов трансформации и элементов трансформации бизнес-моделей представлена на рис. 1.

Под цифровой трансформацией бизнес-модели подразумевается гораздо больше, чем просто изменение самой модели. На первом этапе этот процесс направлен на адаптацию бизнес-модели к внешним условиям, на втором происходит сосредоточение на внутренних аспектах функционирования бизнес-модели, и только после этого на третьем этапе происходит глубинная и коренная ее перестройка. Данный процесс предполагает трансформацию элементов каждой отдельной группы — формирование лояльности потребителей, оптимизацию биз-

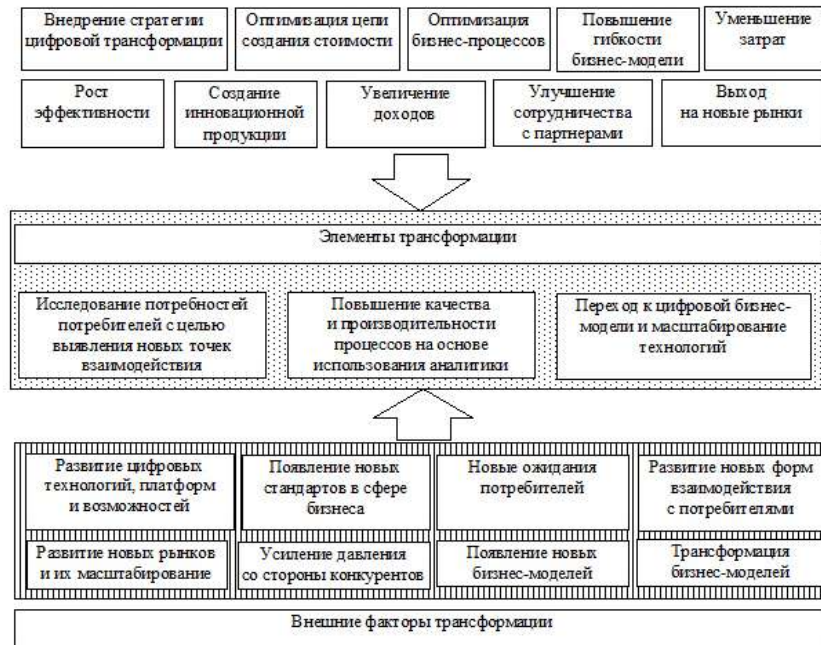

Рис. 1. Взаимосвязь факторов и элементов трансформации бизнес-моделей предприятий розничной торговли

Составлено автором по материалам [20, 22]

Fig. 1. Interrelation of factors and elements of transformation of business models of retail enterprises

Compiled by the author based on [20, 22]

Таблица 1. Преимущества цифровой трансформации бизнес-моделей предприятий розничной торговли
Table 1. Advantages of digital transformation of retail business models

Преимущество	Сущность
Удержание потребителей	Цифровые инструменты позволяют предприятиям анализировать поведение потребителей, сегментировать аудиторию и создавать персональные рекламные кампании. Распространена практика использования искусственного интеллекта и прогнозной аналитики для адаптации предложений, что повышает лояльность потребителей.
Инсайты о рынке	Анализ потребительских данных помогает получать полезную информацию о рынке, лучше понимать потребности потребителей и разрабатывать стратегии, которые способствуют росту доходов.
Эффективный маркетинг	Технологии CRM, аналитика данных и автоматизация позволяют создавать целевые маркетинговые кампании, понижать издержки на рекламу и лучше реагировать на конфигурации в поведении потребителей.
Оптимизация управления запасами	Цифровые технологии способствуют автоматизации процессов управления запасами, что повышает их эффективность, предотвращает дефицит товаров и сокращает время выполнения заказов.
Лучшее обслуживание потребителей	Интеграция многоканальной поддержки и чат-ботов позволяет потребителям получать помощь в режиме реального времени, минимизируя взаимодействие и повышая удобство, создавая экономически выгодный сервис для розничных продавцов.

Составлено автором
Compiled by the author

нес-процессов и модификацию самой бизнес-модели. Такой последовательный подход обеспечивает структурированность и эффективность трансформационного процесса.

Трансформация бизнес-модели обычно сопровождается стратегическим обновлением всей деятельности хозяйствующего субъекта. В этом контексте новая стратегия должна быть направлена на разработку или совершенствование ценностного предложения для потребителя, создавая новую ценность или значительно улучшая существующую. Это помогает минимизировать риски и угрозы, связанные с конкуренцией со стороны появления новых игроков как на рынке деятельности предприятия, так и на смежных рынках [20].

Говоря о цифровой трансформации бизнес-моделей в розничной торговле, следует отметить, что

она заключается во внедрении современных технологий для улучшения клиентского опыта, оптимизации бизнес-процессов, поддержки работников и создания более адаптивных бизнес-моделей, направленных на развитие. Согласно прогнозам, до конца 2025 г. более половины всех потребительских расходов будет происходить онлайн, а 60 % — через мобильные устройства. Успех смогут обеспечить только предприятия розничной торговли, которые адаптируются к цифровой революции и уделяют особое внимание мобильным решениям [21].

На основе проведенного анализа основных видов электронных бизнес-моделей можно сделать вывод, что цифровая трансформация в розничной торговле не ограничивается электронной коммерцией или мобильными покупками. Она включает в себя интеграцию таких инновационных техноло-

Таблица 2. Примеры цифровизации отрасли розничной торговли
Table 2. Examples of digitalization of the retail industry

Название	Механизм действия	Практическая реализация
POS системы	POS системы интегрируют искусственный интеллект и облачные вычисления для управления запасами, анализа клиентов и мобильного обслуживания. Они повышают продажи благодаря персонализированному сервису, упрощают покупки и улучшают сделки через CRM и ERP, обеспечивают надежные транзакции.	Target использует POS для анализа покупок и персонализации предложений. Starbucks интегрирует мобильные POS для скорых транзакций. Walmart использует данные POS для управления запасами и прогнозирования спроса.
Персонализированный опыт покупок	Аналитика и машинное обучение персонализируют предложения, повышая лояльность и вероятность покупки. Включает в себя целевую рекламу, рекомендации и интерактивный опыт онлайн и офлайн. Искусственный интеллект увеличивает конверсию, средний чек и оптимизирует маркетинг и запасы.	Amazon использует алгоритмы для персонализированных рекомендаций товаров. Netflix адаптирует рекомендации в соответствии с просмотрами клиентов.
Системы самообслуживания	Дает возможность преодолевать прежние препятствия, такие как сложность использования, ошибки и неудобство в упаковке. Современные автоматы самообслуживания обеспечивают быструю, удобную, что способствует их массовому применению.	Walmart и IKEA используют кассы/терминалы для самостоятельного оформления покупок. McDonald's интегрировал киоски самообслуживания для быстрого оформления заказов.
Оптимизация затрат	Использование больших данных для анализа покупательских привычек, прогнозирования в цепочке поставок способствует максимизации доходов и снижению издержек. Это становится критически важным в современной среде розничной торговли со стремительным развитием технологий и растущей конкуренцией.	Amazon использует аналитику для оптимизации логистики и управления запасами. Zara использует прогнозирование спроса, чтобы свести к минимуму излишки продукции и избежать дефицита. Costco вводит анализ затрат для снижения цен на товары и удержания клиентов.
Выставочные залы AR/VR	Благодаря AR/VR и связанным технологиям розничные продавцы получают возможность предоставлять клиентам цифровые прогнозы, чтобы увидеть примеры того, как потенциальные покупки могут выглядеть в их доме или на них самих.	IKEA использует AR для размещения мебели дома. Warby Parker, чтобы помочь онлайн-покупателям примерить очки. BMW для того, чтобы клиенты проходили виртуальные тест-драйвы. ASOS — для виртуальных примерочных.
Фирменные мобильные приложения	Фирменные мобильные приложения предоставляют клиентам эксклюзивные предложения и вознаграждения, а розничным торговцам — канал для прямого общения, маркетинга и продаж.	Target, Walmart, Urban Outfitters, Best Buy и т.д. используют приложения и мобильные приложения.
Геозонирование	Позволяет брендам предоставлять персонализированные предложения клиентам, находящимся в определенных локациях. Это повышает эффективность маркетинговых кампаний и улучшает опыт клиентов.	Meijer использует геозонирование в магазинах для предоставления виртуальных купонов и специальных предложений. GAP применяет геозонирование возле магазинов и рекламных щитов, чтобы предлагать виртуальные скидки, связанные с физической рекламой.
Оmnikanальная интеграция	Обеспечивает унифицированный опыт покупок как онлайн, так и в физических магазинах, позволяя клиентам взаимодействовать с брендом через разные каналы.	Sephora использует данную стратегию для интеграции покупок в приложения, на сайте и в магазинах, позволяя клиентам просматривать историю покупок и пользоваться рекомендациями.

Составлено автором по материалам [21]
Compiled by the author based on [21]

гий, как искусственный интеллект, анализ больших данных, дополненная и виртуальная реальность, модернизация операций и бизнес-моделей, поддержка конкурентоспособности, улучшенное клиентское обслуживание и стимулирование постоянных инноваций. Достоинства цифровой трансформации бизнес-моделей компаний розничной торговли представлены в табл. 1.

Обобщив преимущества, которые получают предприятия розничной торговли от цифровой трансформации традиционных бизнес-моделей, рассмотрим на примерах, как цифровые технологии уже изменили отрасль розничной торговли (табл. 2). Отметим, что современные потребители в процессе совершения покупок все больше склоняются к онлайн-среде, поэтому цифровая трансформация становится ключевым условием для розничного бизнеса, который стремится оставаться конкурентным. Предприятия, не адаптирующие собственные бизнес-модели к новым технологиям, рискуют по-

терять позиции на рынке в пользу инновационных и технологически развитых субъектов бизнеса. С целью обеспечения роста и успеха розничным торговцам в современных условиях важно следить за новыми тенденциями и внедрять современные технологии, ведь использование платформ цифрового внедрения помогает быстро адаптировать корпоративное программное обеспечение и повысить эффективность бизнес-процессов.

Цифровизация оказывает значительное влияние на традиционные бизнес-процессы предприятий розничной торговли, открывая новые возможности. Использование инновационных решений, таких как мобильные приложения, электронная коммерция, автоматизация складов и персонализация продаж, способствует оптимизации операционной деятельности хозяйствующих субъектов, что позволяет бизнесу быстро адаптироваться к изменениям рынка, обеспечивая удобство для клиентов и повышая его эффективность.

Выводы

В процессе проведенного исследования были обоснованы преимущества внедрения цифровых бизнес-моделей в деятельность предприятий сферы розничной торговли, среди которых удержание потребителей, инсайты о рынке, эффективный маркетинг, оптимизация управления запасами и улучшенное обслуживание клиентов.

Автоматизация и интеграция цифровых технологий позволяют предприятиям повышать производительность, экономить ресурсы и увеличивать прибыльность. Благодаря глобальному охвату рынков бизнес может расширять аудиторию и предлагать потребителям персонализированные продукты и услуги. Использование CRM-систем, аналитики больших данных и многоканального взаимодействия укрепляет лояльность клиентов и способствует долгосрочным отношениям.

В целях выявления роли и значения цифровых технологий в отрасли розничной торговли в статье представлены примеры эффективного внедрения инновационных бизнес-моделей, таких как платформенные экосистемы, подписки и мультиподписки, облачные технологии, а также цифровые экосистемы. Платформенные модели обеспечивают масштабирование через сетевые эффекты, а подписные сервисы стабилизируют доход и способствуют удержанию клиентов. Виртуальная реальность и мобильные приложения улучшают клиентский опыт, предлагая интерактивность и удобство и создавая единую цифровую экосистему.

Таким образом, существует необходимость практической реализации стратегических направлений цифровой трансформации традиционных бизнес-моделей предприятий розничной торговли, которая требует комплексного подхода, охватывающего не только внедрение технологий, но и адаптацию бизнес-стратегии, организационных структур и ценностных предложений. В современных условиях повсеместной цифровизации только торговые предприятия, постоянно следящие за новыми тенденциями и вовремя реагирующие на изменения рынка, способны обеспечить длительный рост и устойчивую конкурентоспособность.

Список источников / References

1. Ананина Р. Ф. Особенности применения бизнес-моделей в условиях цифровизации экономических отношений // Торговля, сервис, индустрия питания. 2021. Т. 1, № 3. С. 298–304. DOI: 10.17516/2782-2214-0021. EDN: GBMDTB.
2. Ананина Р. Ф. Особенности применения бизнес-моделей в условиях цифровизации экономических отношений [Features of the application of business models in the conditions of digitalization of economic relations]. *Torgovlya, servis, industriya pitaniya. Trade, Service, Food Industry*. 2021. Vol. 1, no. 3. P. 298–304. DOI: 10.17516/2782-2214-0021. EDN: GBMDTB. (In Russ.).
3. Веселая А. А. Разработка новой бизнес-модели предприятия в эпоху цифровизации // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2023. № 2. С. 84–86. EDN: AIDSXB.
4. Veselaya A. A. Razrabotka novoy biznes-modeli predpriyatiya v epokhu tsifrovizatsii [Development of a new business model of the enterprise in the era of digitalization]. *Vestnik Taganrogskego Instituta imeni A. P. Chekhova*. 2023. No. 2. P. 84–86. EDN: AIDSXB. (In Russ.).
5. Гусев Ю. В., Половова Т. А. Формирование архитектуры бизнес-модели предприятий в контексте сервисизации и цифровизации экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 11-1. С. 34–44. DOI: 10.34670/AR.2022.43.54.004. EDN: MYJPJY.

Gusev Yu. V., Polovova T. A. Formirovaniye arkhitektury biznes-modeli predpriyatiy v kontekste servisizatsii i tsifrovizatsii ekonomiki [Forming the architecture of the business model of enterprises in the context of servitization and digitalization of the economy]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022. Vol. 12, no. 11-1. P. 34–44. DOI: 10.34670/AR.2022.43.54.004. EDN: MYJPJY. (In Russ.).

4. Кравченко Е. С., Овсянникова В. В. Классификация бизнес-моделей предприятий сфер услуг в условиях цифровизации // Первый экономический журнал. 2024. № 1 (343). С. 65–72. DOI: 10.58551/20728115_2024_1_65. EDN: HAGYLE.

Kravchenko E. S., Ovsyannikova V. V. Klassifikatsiya biznes-modeley predpriyatiy sfer uslug v usloviyakh tsifrovizatsii [Classification of business models of service enterprises in the context of digitalization]. *Pervyy ekonomicheskiy zhurnal. First Economic Journal*. 2024. No. 1 (343). P. 65–72. DOI: 10.58551/20728115_2024_1_65. EDN: HAGYLE. (In Russ.).

5. Наумченко А. А. Трансформация бизнес-модели организации в условиях цифровизации экономики // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 10. С. 648–654. EDN: ZEAQPI.

Naumchenko A. A. Transformatsiya biznes-modeli organizatsii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Transformation of the business model of the organization in the context of digitalization of the economy]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki. Topical Issues of the Modern Economy*. 2022. No. 10. P. 648–654. EDN: ZEAQPI. (In Russ.).

6. Рачипа А. В., Суржиков М. А., Самыгин С. И. Цифровизация в управлении организацией: инновационные бизнес-модели // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 64–69. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-64-69. EDN: JIRBDQ.

Rachipa A. V., Surzhikov M. A., Samygin S. I. Tsifrovizatsiya v upravlenii organizatsiyey: innovatsionnyye biznes-modeli [Digitalization in organization management: innovative business models]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski. State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022. No. 3. P. 64–69. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-64-69. EDN: JIRBDQ. (In Russ.).

7. Репушевская О. А. Характеристика бизнес-моделей индустрии Sharing economy в условиях цифровизации экономики // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9, № 2. С. 146–150. DOI: 10.29039/2409-6024-2021-9-2-146-150. EDN: LPYEDN.

Repushevskaya O. A. Kharakteristika biznes-modeley industrii Sharing economy v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Characteristics of business models of the sharing economy industry in the context of digitalization of the economy]. *Russian Journal of Management*. 2021. Vol. 9, no. 2. P. 146–150. DOI: 10.29039/2409-6024-2021-9-2-146-150. EDN: LPYEDN. (In Russ.).

8. Текеева Х. Э., Аджиева А. А. Влияние цифровизации на традиционные бизнес-модели: анализ изменений, вызванных технологиями // Прикладные экономические исследования. 2024. № S1. С. 45–51. DOI: 10.47576/2949-1908.2024.71.49.006. EDN: YPQFIP.

Tekeyeva Kh. E., Adzhiyeva A. A. Vliyaniye tsifrovizatsii na traditsionnyye biznes-modeli: analiz izmeneniy, vyzvannykh tekhnologiyami [The impact of digitalization on traditional business models: an analysis of changes caused by technology]. *Prikladnyye ekonomicheskiye issledovaniya. Applied Economic Research*. 2024. No. S1. P. 45–51. DOI: 10.47576/2949-1908.2024.71.49.006. EDN: YPQFIP. (In Russ.).

9. Ткач Д. Н. Адаптация бизнес-моделей в ритейле в эпоху цифровизации и ускоренного развития онлайн-сегмента // Вестник Московской международной академии. 2022. № 2. С. 189–193. EDN: EREIEV.

Tkach D. N. Adaptatsiya biznes-modeley v riteyle v epokhu tsifrovizatsii i uskorennoy razvitiya onlayn-segmenta [The adaptation of business models in retail in the era of digitalization and accelerated development of the online segment].

Vestnik Moskovskoy Mezhdunarodnoy Akademii. 2022. No. 2. P. 189–193. EDN: EREIEV. (In Russ.).

10. Ткаченко Е. А., Хуазев А. А. Трансформация бизнес-моделей предпринимательских структур в условиях цифровизации // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2021. Т. 11, № 4-1. С. 235–244. DOI: 10.34670/AR.2021.42.33.028. EDN: SLVVNW.

Tkachenko E. A., Khuazhev A. A. Transformatsiya biznes-modeley predprinimatel'skikh struktur v usloviyakh tsifrovizatsii [Transformation of business models of entrepreneurial structures in the conditions of digitalization]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2021. Vol. 11, no. 4-1. P. 235–244. DOI: 10.34670/AR.2021.42.33.028. EDN: SLVVNW. (In Russ.).

11. Белоумцева А. А., Бубновская Т. В. Тенденции развития отрасли торговли в период цифровой трансформации экономики // *Креативная экономика*. 2024. Т. 18, № 6. С. 1467–1486. DOI: 10.18334/ce.18.6.121067. EDN: SVZKSW.

Beloumtseva A. A., Bubnovskaya T. V. Tendentsii razvitiya otrasli trgovli v period tsifrovoy transformatsii ekonomiki [Trends in the development of the trade industry during the digital transformation of the economy]. *Kreativnaya ekonomika. Creative Economy*. 2024. Vol. 18, no. 6. P. 1467–1486. DOI: 10.18334/ce.18.6.121067. EDN: SVZKSW. (In Russ.).

12. Кравченко Е. С., Овсянникова В. В. Теоретико-прикладные аспекты цифровизации цепочки создания ценности в предприятиях розничной торговли и сферы услуг на основе блокчейн-технологий // *Торговля и рынок*. 2021. № 3-2 (59). С. 148–161. EDN: JEBMSV.

Kravchenko E. S., Ovsyannikova V. V. Teoretiko-prikladnyye aspekty tsifrovizatsii tsepochnki sozdaniya tsennosti v predpriyatiyakh roznichnoy trgovli i sfery uslug na osnove blokcheyn-tehnologiy [Theoretical and applied aspects of digitalization of the value chain in retail trade enterprises and services based on blockchain technologies]. *Torgovlya i Rynok*. 2021. No. 3-2 (59). P. 148–161. EDN: JEBMSV. (In Russ.).

13. Кумексов С. А. Экономическая сущность розничной торговли в контексте перехода к цифровой экономике // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024. Т. 2, № 10 (151). С. 160–166. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.02.015. EDN: BRLHCY.

Kumekov S. A. Ekonomicheskaya sushchnost' roznichnoy trgovli v kontekste perekhoda k tsifrovoy ekonomike [The economic essence of retail trade in the context of the transition to the digital economy]. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*. 2024. Vol. 2, no. 10 (151). P. 160–166. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.02.015. EDN: BRLHCY. (In Russ.).

14. Лю Х. Эффективность организационно-экономических механизмов в сфере розничной торговли в условиях цифровизации // *Экономические науки*. 2023. № 228. С. 239–244. DOI: 10.14451/1.228.239. EDN: REDYIF.

Lyu Kh. Effektivnost' organizatsionno-ekonomicheskikh mekhanizmov v sfere roznichnoy trgovli v usloviyakh tsifrovizatsii [Efficiency of organizational and economic mechanisms in the field of retail trade in the context of digitalization]. *Ekonomicheskiye nauki. Economic Sciences*. 2023. No. 228. P. 239–244. DOI: 10.14451/1.228.239. EDN: REDYIF. (In Russ.).

15. Ткач Д. Н. Некоторые аспекты развития розничной торговли в условиях цифровых трендов // *Альманах «Крым»*. 2023. № 39. С. 57–62. EDN: GTREXT.

Tkach D. N. Nekotoryye aspekty razvitiya roznichnoy trgovli v usloviyakh tsifrovyykh trendov [Some aspects of retail development in the context of digital trends]. *Al'manakh "Krym". Almanac Crimea*. 2023. No. 39. P. 57–62. EDN: GTREXT. (In Russ.).

16. Черкашнев Р. Ю., Колмыкова С. В., Сысоева М. С. Дистинктивность интеграции цифровых экономических систем в деятельность специализированных розничных сетей // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2024. Т. 14, № 1. С. 118–132. DOI: 10.21869/2223-1552-2024-14-1-118-132. EDN: MUTPXJ.

Cherkashnev R. Yu., Kolmykova S. V., Sysoyeva M. S. Distinktivnost' integratsii tsifrovyykh ekonomicheskikh sistem v deyatel'nost' spetsializirovannykh roznichnykh setey [Distinctiveness of the integration of digital economic systems into the activities of specialized retail chains]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management*. 2024. Vol. 14, no. 1. P. 118–132. DOI: 10.21869/2223-1552-2024-14-1-118-132. EDN: MUTPXJ. (In Russ.).

17. Talin B. Platform Business Model explained. 2023. URL: <https://morethandigital.info/en/platform-business-model-explained/> (accessed: 18.06.2025).

18. Subscription business models — the basics: Types of model, how they work and how to choose one. 2024. URL: <https://stripe.com/au/resources/more/subscription-business-models-101-types-of-models-how-they-work-and-how-to-choose-one> (accessed: 18.06.2025).

19. Schmuck R. The use of online business models. *Procedia Manufacturing*. 2021. Vol. 54 (4). P. 45–51. DOI: 10.1016/j.promfg.2021.07.008.

20. Warner K. S. R., Wäger M. Building dynamic capabilities for digital transformation: an ongoing process of strategic renewal. *Long Range Planning*. 2019. Vol. 52 (3). P. 326–349. DOI: 10.1016/j.lrp.2018.12.001.

21. Dennis A. Digital Transformation in the Retail Industry in 2025. URL: https://whatfix.com/blog/retail-digital-transformation/?utm_source (accessed: 20.06.2025).

22. Liere-Netheler K., Packmohr S., Vogelsang K. Drivers of digital transformation in manufacturing. *Proceedings of the 51st Hawaii International Conference on System Sciences*. 2018. DOI: 10.24251/HICSS.2018.493.

ГОРДА Александр Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Мировая экономика» Института экономики и управления Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

SPIN-код: 1483-4490

AuthorID (РИНЦ): 827389

ORCID: 0000-0002-8899-8535

Адрес для переписки: alx7777@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: автор не имеет финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 30.06.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 08.10.2025.

GORDA Alexander Sergeevich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Global Economy Department, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

SPIN-code: 1483-4490

AuthorID (RSCI): 827389

ORCID: 0000-0002-8899-8535

Correspondence address: alx7777@mail.ru

Financial transparency: the author has no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 30.06.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 08.10.2025.

ВЕКТОРЫ УСКОРЕНИЯ СМАРТ-ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Э. Р. Аблитаров, А. О. Каминская, М. Ю. Дементьев

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

В статье сформулировано авторское определение смарт-индустриализации как целостной трансформации промышленного производства на базе цифровых технологий, данных и инноваций. Обобщен опыт применения кибер-физических систем и индустриального Интернета вещей для создания динамических цифровых двойников, обеспечивающих в реальном времени мониторинг и оптимизацию производственных процессов.

Определены ключевые векторы ускорения смарт-индустриализации предприятия: технологический (внедрение Internet of Things), искусственного интеллекта и предиктивного обслуживания), организационно-управленческий (применение Agile и Lean 4.0), кадрово-образовательный (непрерывное обучение и переквалификация) и экосистемный (взаимодействие в Point-to-Point Protocol и отраслевых консорциумах). Выявлены основные барьеры: высокие капитальные затраты, несовершенная ИТ-инфраструктура, дефицит квалифицированных кадров и отсутствие единой стратегии.

Предложены меры преодоления через поэтапные проекты «быстрых побед» для демонстрации эффективности, модульную модернизацию ИТ-инфраструктуры и формирование цифровых центров экспертизы. Установлено, что комплексная реализация обозначенных направлений позволит предприятиям значительно сократить сроки достижения результатов, повысить гибкость и устойчивость производства и укрепить технологический суверенитет на глобальных рынках.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, смарт-индустриализация, цифровая трансформация, бизнес, киберфизические системы, экосистема, цифровая инфраструктура, технологический суверенитет.

Для цитирования: Аблитаров Э. Р., Каминская А. О., Дементьев М. Ю. Векторы ускорения смарт-индустриализации предприятия // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 4. С. 127–133. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-127-133. EDN: KNNJZU.

© Аблитаров Э. Р., Каминская А. О., Дементьев М. Ю., 2025.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

VECTORS FOR ACCELERATING ENTERPRISE SMART-INDUSTRIALISATION

E. R. Ablitarov, A. O. Kaminskaya, M. Yu. Dementyev

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadskogo Ave., 4, 295007

The article articulates an original definition of smart industrialisation as a holistic transformation of manufacturing driven by digital technologies, data and innovation. It synthesises experience with cyber-physical systems and the Industrial Internet of Things in the creation of dynamic digital twins, which enable real-time monitoring and optimisation of production processes. The key acceleration vectors for enterprise smart industrialisation are identified as: the technological vector (deployment of Internet of Things, artificial intelligence and predictive maintenance); the organisational-managerial vector (adoption of Agile methodologies and Lean 4.0); the human-capital and educational vector (continuous training and reskilling); and the ecosystem vector (engagement in public-private partnerships and industry consortia). Major barriers are shown to include high capital expenditures, underdeveloped IT infrastructure, a shortage of qualified specialists and the absence of a unified strategy. To address these challenges, the paper proposes phased «quick-win» projects to demonstrate value, modular modernisation of IT infrastructure and the establishment of digital centres of excellence. It is demonstrated that the integrated implementation of these vectors can markedly shorten time-to-impact, enhance production agility and resilience, and bolster technological sovereignty in global markets.

Keywords: Industry 4.0, smart industrialization, digital transformation, manufacturing, cyber-physical systems, innovation ecosystem, IT infrastructure, technological sovereignty.

For citation: Ablitarov E. R., Kaminskaya A. O., Dementyev M. Yu. Vectors for accelerating enterprise smart-industrialisation. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2025. Vol. 10, no. 4. P. 127–133. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-4-127-133. EDN: KNNJZU.

© Ablitarov E. R., Kaminskaya A. O., Dementyev M. Yu., 2025.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

На рубеже четвертой промышленной революции радикально изменяются организационно-управленческие аспекты деятельности субъектов хозяйствования. Необходимость перехода к пятой промышленной революции и внедрения «смарт»-парадигмы — совокупности принципов самонастройки, самоадаптации, автономной конфигурации и самоконтроля системы — формирует смарт-предприятия — киберфизические производственные системы, первичные элементы смарт-индустрии, которые с помощью промышленного Интернета вещей в режиме реального времени отслеживают, моделируют, оптимизируют и контролируют производственные процессы и работу персонала [1, с. 311]. Однако существующие подходы к цифровой трансформации носят фрагментарный характер: они не обеспечивают согласованного учета технологических, организационно-управленческих, кадровых и экосистемных факторов, что затрудняет ускоренное развертывание смарт-индустриализации и приводит к «эффекту пилотной ловушки», когда локальные инициативы не масштабируются на все производство.

Решение обозначенной проблемы приобретает стратегическую важность в условиях усиливающейся глобальной конкуренции и роста неопределенности на мировых рынках, где способность предприятий быстро интегрировать технологии Индустрии 4.0 становится критическим фактором их конкурентоспособности и технологического суверенитета страны. Дефицит комплексных исследований, раскрывающих взаимосвязь между векторами ускорения смарт-индустриализации и барьерами ее реализации, обуславливает необходимость разработки методологически цельной модели, которая позволит предприятиям выстраивать эффективные «дорожные карты» цифровой трансформации, минимизируя издержки и сокращая сроки достижения экономических эффектов, что и обуславливает актуальность работы.

Анализ последних исследований и публикаций

Ведущие исследования по смарт-деятельности предприятия сосредоточены на уточнении понятийной базы и выявлении ключевых характеристик. Так, Д. С. Лавринов [1] выявил роль киберфизических систем в организации «умного» производства, а И. Н. Башинская и соавторы [2] предложили модель оценки устойчивости проектов цифровой трансформации. Т. В. Мезина [3] выделила ключевые предпосылки внедрения концепции Индустрии 4.0, а А. Ф. Дасив с соавторами [4] предложил модель цифровой (программно-информационной) среды для «умной» промышленности. В отчете экономической комиссии ООН для Африки [5] смарт-

индустриализация трактуется как инструмент торговой и инновационной политики, тогда как С. А. Грязнов [6] сформулировал принципы полностью интегрированных производственных систем.

Несмотря на существующие наработки, большинство исследований носит фрагментарный характер и не дает цельного понимания взаимосвязи между технологическими, организационно-управленческими, кадровыми и экосистемными факторами. А. Н. Сусанто и соавторы [7] подчеркивают недостаток комплексных моделей зрелости Индустрии 4.0, Э. М. Азизова [8] и Г. С. Мерзликина [9] отмечают разрыв между внедрением инноваций и оценкой их экономической эффективности, а материалы рейтинговых агентств [10] и отчеты международной консалтинговой компании «McKinsey» [11] демонстрируют «эффект пилотной ловушки» при локальных внедрениях.

А. В. Бабкин и соавторы [12] и Е. Н. Стрижкова [13] предложили методики диагностики цифровой зрелости, но и они требуют дальнейшей интеграции в полноценные «дорожные карты» смарт-индустриализации.

Целью статьи является выявление векторов ускорения смарт-индустриализации предприятия.

Изложение основного материала

В отечественном научном дискурсе сущностное осмысление категории «смарт-индустриализация» характеризуется тенденцией к неоправданному агрегированию, в результате которого нивелируется многообразие ее прикладных модификаций (смарт-фабрики, смарт-логистика, смарт-снабжение и др.). Указанная редукция обусловлена ограниченной степенью распространения и апробации соответствующих технологических решений в национальном промышленном комплексе, а также некритичным заимствованием англоязычного термина «smart industrialization» без лингвистико-концептуальной адаптации. Вследствие этого происходит концептуальное смешение рассматриваемой категории с традиционными моделями модернизации и цифровизации производства, что осложняет идентификацию ее специфических признаков и усиливает методологический разрыв между целостным видением смарт-индустрии и применяемыми научно-практическими подходами к индустриальному развитию. В табл. 1 представлены подходы к рассматриваемой категории.

Представленные подходы сходятся в том, что смарт-индустриализация связана с новым этапом промышленного развития на основе цифровых и интеллектуальных технологий. Авторами подчеркивается переход от традиционных промышленных моделей к «умным» — основанным на данных, знаниях и гибких инновациях. Общими чертами определений являются интеграция информационно-

Таблица 1. Дефиниция категории «смарт-индустриализация»
Table 1. Definition of the "smart industrialization" category

Автор	Определение категории «смарт-индустриализация»
И. Башинская, С. Мухамеджанулы, Ю. Малиновская и др.	— «это целенаправленное внедрение новейших достижений в инновационную сферу промышленного предприятия для эффективного использования ресурсов, повышения синергетической эффективности всех бизнес-процессов и достижения поставленных целей в краткосрочной и долгосрочной перспективе в условиях постоянных изменений среды. Другими словами, смарт-индустриализация предполагает не просто использование ИТ, а новый подход к организации всей деятельности предприятия» [2, с. 3]
Т. В. Мезина	— «это современная «новая индустриализация», которая является знаниеемкой и интеллектуальной; преобладание высококвалифицированного человеческого капитала и широкое использование результатов науки и инноваций в производстве» [3, с. 45]
А. Ф. Дасив, А. А. Мадых, А. А. Охтеня	— «это процесс промышленного развития, при котором модернизация производственной базы сопровождается созданием цифровой (программно-информационной) среды для «умной» промышленности» [4, с. 109]
Экономическая комиссия ООН для Африки	— «это способ задействовать торговую политику для стимулирования промышленного развития и увеличения добавленной стоимости» [5, с. 4]
С. А. Грязнов	— «это полностью интегрированная, совместно функционирующая производственная система, способная в реальном времени реагировать на изменяющиеся потребности и условия — как внутри предприятия, так и в цепочке поставок и в запросах клиентов» [6, с. 199]

Составлено автором
Compiled by the author

коммуникационных технологий в промышленность, повышение эффективности и адаптивности производств, а также опора на высококвалифицированные кадры и знания.

Различия в подходах проявляются в акцентах: одни авторы делают упор на технологический аспект — внедрение киберфизических систем, Internet of Things, автоматизации (определения через призму Индустрии 4.0 и «умных фабрик»). Другие — на организационно-экономический аспект: управление инновациями и ресурсами, синергия процессов и создание цифровой инфраструктуры на уровне предприятий и экономики в целом. Есть и политико-стратегический акцент: в контексте развивающихся стран смарт-индустриализация рассматривается как умное использование торговой и инновационной политики для индустриального рывка (вместо устаревших протекционистских мер). Тем не менее все подходы подразумевают качественный скачок промышленности за счет «умных» решений.

Исходя из вышеизложенного, смарт-индустриализация — это формат индустриального развития, при котором промышленное производство кардинально модернизируется на основе цифровых технологий, данных и инноваций, обеспечивая высокую адаптивность, эффективность и устойчивость промышленной системы. С научно-методической точки зрения, смарт-индустриализацию можно представить как синтез Индустрии 4.0 (кибер-физические системы, IoT, искусственный интеллект, большие данные) с концепцией устойчивого и знаниеемкого роста. В результате смарт-индустриализация означает целостную трансформацию индустрии: от способов производства и бизнес-моделей до структуры занятости — с упором на постоянное обучение, инновации и интеграцию всех элементов в единые умные сети. Такой подход методически обоснован теориями технологических укладов и инновационного развития: переход к шестому технологическому укладу, формирование «умных» производственных систем и экосистем подтверждает, что смарт-индустриализация представляет собой новую стадию индустриального прогресса, где главными

факторами являются информация, интеллект и интеграция процессов.

К характерным чертам смарт-производства относятся децентрализация управления, сквозная цифровизация процессов, роботизация и автономные операции, непрерывный обмен данными между людьми, оборудованием и системами, а также высокая адаптивность к изменениям среды [7, с. 339]. Их совместное воплощение позволяет превратить традиционное производство в интеллектуальное пространство, где весь цикл — от поступления сырья до выпуска продукции — прозрачен и управляем в режиме реального времени. Так, благодаря точному мониторингу активов, использованию искусственного интеллекта и цифровых платформ, организация может достичь полной видимости и контроля производственного процесса [8, с. 52]. В табл. 2 проиллюстрированы ключевые различия между традиционной индустриализацией и смарт-индустриализацией, подчеркивая преимущества последней.

Как видно из табл. 2, смарт-индустриализация обеспечивает принципиальные улучшения. Умное производство экономит ресурсы, осуществляет постоянный мониторинг процессов и анализ данных, улучшает качество продукции и оптимизирует планирование, максимально автоматизируя операции. В результате достигается сокращение простоев и времени обслуживания оборудования, рост производительности труда, снижение издержек и увеличение прибыли предприятия. Кроме того, цифровизация производства открывает новые возможности в разрезе качества: ускоряется выход продукции на рынок, улучшается обслуживание клиентов за счет индивидуализации и снижения доли брака, повышается безопасность труда и экологичность за счет более эффективного использования ресурсов [9, с. 26]. Таким образом, смарт-предприятие становится источником устойчивого конкурентного преимущества за счет интеграции инноваций в бизнес-модель.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, переход от традиционного производства к смарт-индустриализации сталкивается с серьезными вызо-

Таблица 2. Сравнительный анализ традиционной и смарт-индустриализации предприятия
Table 2. Comparative analysis of traditional and smart industrialization of the enterprise

Аспект	Традиционная индустриализация	Смарт-индустриализация (умное производство)
Управление производством	Централизованное, иерархическое управление	Децентрализованное, гибкое управление с помощью цифровых систем
Использование данных	Ограниченная, ретроспективная отчетность	Постоянный сбор Big Data, аналитика в реальном времени для решений
Автоматизация и технологии	Частичная автоматизация, разрозненные ИТ-системы	Полная интеграция ИИ, IoT, роботов (киберфизическая система)
Гибкость и кастомизация	Массовое производство, низкая адаптивность	Персонализация продукции, быстрое перенастроение под спрос
Кадры и компетенции	Традиционные рабочие специальности, ручной труд	Цифровые навыки, человек-машина сотрудничество, переподготовка персонала
Эффективность и качество	Ограниченный контроль, более высокий уровень брака	Проактивный контроль качества, предиктивное обслуживание, минимизация брака
Реакция на изменения	Медленная (постфактум корректировки)	Быстрая адаптация на основе данных и автономных решений
Результат для бизнеса	Экономия на масштабе, но инерционность изменений	Повышенная производительность, снижение затрат, рост прибыли

Составлено автором
Compiled by the author

вами и барьерами. Во многих организациях процесс цифровой трансформации происходит медленными темпами и фрагментарно [10]. Промышленность остается относительно консервативной и капиталоемкой сферой, где высоки требования к безопасности и надежности, поэтому предприятия осторожно внедряют новшества, предпочитая точечные решения. Такой подход приводит к упущенной выгоде: без комплексного внедрения современных цифровых инструментов по всей цепочке создания стоимости компании теряют потенциальную эффективность.

К ключевым факторам, тормозящим внедрение Индустрии 4.0, относятся технологические, экономические и организационно-социальные барьеры [11]. Технологические препятствия включают недостаточную готовность ИТ-инфраструктуры и производственного оборудования, проблемы совместимости новых решений с устаревшими (наследуемыми) системами, а также риски информационной безопасности и конфиденциальности данных. Кроме того, многим предприятиям не хватает отраслевых стандартов и референтных архитектур для интеграции разнородных цифровых компонентов.

Экономические барьеры связаны с высокими первоначальными инвестициями и неопределенностью окупаемости: дорогостоящие технологии не дают мгновенной отдачи, затрудняя обоснование вложений [12, с. 92]. Предприятия опасаются значительных расходов при неясных результатах, особенно малый и средний бизнес. Важно подчеркнуть: именно экономические ограничения формируют первичный барьер, определяющий саму возможность запуска программ цифровой модернизации. Пока не устранена неопределенность финансовой отдачи, любые инициативы остаются второстепенными и, как правило, не получают поддержки руководства.

Организационно-кадровые факторы включают сопротивление персонала переменам и риск автоматизации, дефицит квалифицированных специалистов по цифровым технологиям, недостаток знаний и понимания концепции Индустрия 4.0 на уровне менеджмента. Нередко отсутствует системная стра-

тегия цифровой трансформации и поддержка высшего руководства, из-за чего пилотные проекты остаются локальными инициативами и не масштабируются на всю организацию [13, с. 33]. Согласно данным консалтинговой компании «McKinsey», «...типичными критическими барьерами является как раз нехватка понимания и компетенций, недостаток кадров и отсутствие отраслевых стандартов для новых технологий» [11]. В результате многие предприятия застревают в состоянии «пилотного проекта», не переходя к полномасштабной трансформации производства. В табл. 3 обобщены основные препятствия на пути смарт-индустриализации и предлагаемые подходы к их нивелированию.

Преодоление указанных барьеров требует комплексного подхода, сочетающего управленческие, организационные и технологические меры. Необходимо, с одной стороны, обеспечить экономическую и кадровую готовность к изменениям, с другой — минимизировать технологические риски. Для компенсации высоких издержек целесообразно реализовывать пилотные проекты ограниченного масштаба с расчетом показателей эффективности, а затем тиражировать успешные решения на все производство [14, с. 100]. Одновременно нужно инвестировать в обучение персонала и привлечение экспертов: без компетентных кадров новые системы не смогут быть полноценно эксплуатированы. Организация внутренних центров экспертизы, партнерство с вузами и запуск программ повышения квалификации работников — эффективные шаги в этом направлении [15, с. 40]. Управленческие механизмы также включают формирование культуры инноваций и изменений: важно преодолеть сопротивление сотрудников через их вовлечение в проекты, разъяснение выгод и поддержку на всех уровнях.

После создания необходимых условий возникает задача: определить векторы ускорения смарт-индустриализации — ключевые направления, по которым предприятие должно двигаться, чтобы максимально быстро и эффективно перейти к умному производству. На рис. 1 отражены такие векторы, базирующиеся на стратегических решениях.

Таблица 3. Факторы, препятствующие смарт-индустриализации, и меры по их устранению
Table 3. Factors hindering smart industrialization and measures for their elimination

Препятствующий фактор	Влияние на внедрение	Подходы к преодолению (решения)
Высокие затраты и высокий срок окупаемости	Ограничение инвестиций в цифровизацию, ожидание быстрой окупаемости	Разработка этапных проектов с «быстрыми победами» для демонстрации эффекта; привлечение господдержки, налоговых льгот и механизмов государственно-частного партнерства для снижения финансовой нагрузки
Нехватка компетенций и кадров	Недостаток специалистов по ИИ, данным, IoT; сопротивление персонала новым технологиям	Программы обучения и переквалификации сотрудников, внедрение системы управления изменениями
Несовершенная ИТ-инфраструктура	Устаревшее оборудование не поддерживает новые технологии; разрозненность данных	Модернизация инфраструктуры по модульному принципу; использование промежуточных платформ интеграции и стандартов для совместимости; поэтапная замена оборудования
Отсутствие единой стратегии и поддержки	Цифровые инициативы не согласованы, отсутствие лидерства и видения	Формирование цифровой стратегии предприятия «сверху вниз»; активное участие руководства в проекте; создание отдельного подразделения по цифровой трансформации или должности CDO (Chief Digital Officer)
Опасения киберрисков и сбоев производства	Риск утечки данных, атак и непредсказуемых остановок при внедрении новых систем	Внедрение современной системы кибербезопасности, резервирование и отказоустойчивость; пилотное тестирование в контролируемых условиях; разработка регламентов и стандартов безопасного внедрения

Составлено автором
Compiled by the author

Рис. 1. Векторы ускорения смарт-индустриализации предприятия

Составлено автором

Fig. 1. Acceleration vectors for smart industrialization of enterprises

Compiled by the author

Рассмотрим представленные направления подробнее.

1. Технологический вектор. Предприятие формирует внедрение передовых технологий Индустрии 4.0, но делает это продуманно, исходя из стратегических приоритетов. Выбираются наиболее перспективные случаи применения (предиктивное обслуживание оборудования, цифровой двойник для оптимизации процессов, интеллектуальная система управления складом и цепочкой поставок). Практика смарт-фабрик показывает, что «...правильный выбор и комбинация таких пилотов, усиливающих эффект друг друга, критически важен» [7]. Далее осуществляется масштабирование: переход от единичных решений к интегрированной платформе. Современные предприятия строят единую цифровую экосистему (платформу), куда подключены станки, датчики, роботы, системы планирования и аналитики. Это обеспечивает синергетический эффект — данные свободно циркулируют между всеми узлами, приводя к появлению новых знаний и оптимизаций. В рамках технологического вектора важно также совершенствование процессов интеграции — применение стандартов Индустрии 4.0 (например, RAMI 4.0, MQTT, OPC UA) для бесшовного соединения оборудования разных производителей. Использование облачных и edge-вычислений,

сетей 5G для сверхбыстрой связи — все это ускоряет переход на новый уровень технической оснащенности производства.

2. Организационно-управленческий вектор. Ведущие предприятия внедряют гибкие методологии управления проектами и производством — Agile, бережливое производство в сочетании с цифровыми инструментами (концепция Lean 4.0). Это позволяет быстрее реализовывать инновации и адаптироваться к изменениям. Структура управления трансформируется от жесткой иерархии к сетевой модели: создаются межфункциональные команды, объединяющие ИТ-специалистов, инженеров и бизнес-экспертов для совместной работы над цифровыми инициативами. Появляются новые роли — директор по данным, аналитики данных, специалисты по ИИ, менеджеры по цифровым продуктам. В рамках этого направления пересматриваются бизнес-процессы: упраздняются избыточные звенья, вводятся цифровые каналы взаимодействия. Меняются и подходы к управлению производительностью: акцент смещается с контроля к проактивному принятию решений на основе аналитических инсайтов. Таким образом, организационный вектор обеспечивает, чтобы новые технологии не просто внедрялись, но и эффективно приживались, поддерживаемые правильной структурой и управленческими процессами.

3. Кадрово-образовательный вектор. Предприятие выстраивает систему непрерывного обучения сотрудников цифровым навыкам — от рабочих до менеджеров. Вводятся образовательные программы по работе с данными, основам программирования, методам бережливого производства с применением ИТ, безопасности в киберсреде и т. д. Также важна культура инноваций: руководство стимулирует инициативы «снизу», поощряет эксперименты и предложения работников по улучшению через цифровизацию. Формируются сообщества практик и пилотные площадки, где сотрудники могут опробовать новые технологии в небольшом масштабе. Инвестиции в интеллектуальный капитал дают эффект не сразу, но именно подготовленный становится движущей силой изменений.

4. Экосистемный вектор. Одно из направлений — участие в отраслевых экосистемах и консорциумах по развитию цифровых решений. В Европе и мире распространена практика государственных и частных партнерств (PPP) в формате инициатив «Фабрика будущего», Индустрия 4.0 Alliance и др., где бизнес, университеты и государство совместно работают над технологиями [7]. Для предприятия доступ к таким программам означает возможность получать экспертизу, софинансирование и готовые решения. Это приносит передовые технологии «под ключ» и снижает время внедрения. Таким образом, открытая инновационная экосистема значительно ускоряет его движение к статусу «умного предприятия».

Важно подчеркнуть, что представленные векторы развития не действуют изолированно — максимальный эффект достигается при их комплексной реализации. В совокупности они формируют стратегию стремительного перехода к умному производству.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать следующие выводы.

1. Векторы ускорения smart-индустриализации — это ориентиры, следуя которым предприятие последовательно устраняет барьеры и разворачивает умное производство. В результате проведенного анализа выделены четыре взаимосвязанных вектора ускорения smart-индустриализации предприятия — технологический, организационно-управленческий, кадрово-образовательный и экосистемный — каждый из которых оказывает существенное влияние на глубину и скорость цифровой трансформации. Систематизация позволила уточнить их содержание, взаимные связи и приоритетность внедрения на разных этапах «дорожной карты» цифровизации.

2. Наибольшие препятствия представляют собой высокие капитальные затраты и долгий срок окупаемости, несовершенная ИТ-инфраструктура, дефицит квалифицированных кадров и отсутствие единой стратегии. Доказано, что накопление фрагментарных инициатив без комплексного учета этих факторов приводит к «эффекту пилотной ловушки» и снижению общей результативности цифровых проектов.

3. Интеграция новейших технологий, организационная трансформация, развитие персонала и кооперация в инновационной экосистеме в совокупности позволяют существенно сократить путь от идеи цифровизации до ее практических результатов. В конечном счете, предприятие, успешно реализовавшее данные векторы, приобретает черты smart-предприятия — гибкого, высокопроизводи-

тельного, непрерывно обучающегося и способного динамично адаптироваться к вызовам рынка в цифровую эпоху.

Список источников / References

1. Lavrinov D. S. Cyber-physical systems and their role in the organization of smart manufacturing. *The World of Science without Borders: Proceedings of the 10th ALL-Russian Scientific and Practical Conference (with International participation) for Young Researchers*. Tambov, 2023. P. 311–313. ISBN 978-5-8265-2588-3.
2. Bashynska I., Mukhamejanuly S., Malynovska Yu. [et al.]. Assessing the outcomes of digital transformation smartization projects in industrial enterprises: a model for enabling sustainability. *Sustainability*. 2023. Vol. 15, no. 19. 14075. DOI: 10.3390/su151914075.
3. Мезина Т. В. Предпосылки внедрения концепции «Индустрия 4.0» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 6. С. 44–51. EDN: TVGXJZ.
4. Мезина Т. В. Предпосылки внедрения концепции «Индустрия 4.0» [Preconditions of implementation of the Industry 4.0 concept]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Ekonomika i pravo. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*. 2019. No. 6. P. 44–51. EDN: TVGXJZ. (In Russ.).
4. Дасив А. Ф., Мадых А. А., Охтен' А. А. Моделирование оценки уровня smart-индустриализации // Экономика промышленности. 2019. № 2 (86). С. 107–125. DOI: 10.15407/econindustry2019.02.0107. EDN: BSMTQO.
4. Dasiv A. F., Madykh A. A., Okhten' A. A. Modelirovaniye otsenki urovnya smart-industrializatsii [Modelling the assessment of smart-industrialization level]. *Ekonomika promyshlennosti. Economy of Industry*. 2019. No. 2 (86). P. 107–125. DOI: 10.15407/econindustry2019.02.0107. EDN: BSMTQO. (In Russ.).
5. Smart Industrialization through Trade in the Context of Africa's Transformation. URL: <https://hdl.handle.net/10855/23821> (accessed: 05.05.2025).
6. Грязнов С. А. Умная промышленность и умное производство // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-2 (55). С. 199–201. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-2-199-201. EDN: YXMQGE.
6. Gryaznov S. A. Umnaya promyshlennost' i umnoye proizvodstvo [Smart industry and smart manufacturing]. *Mezhdunarodnyy Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*. 2021. No. 4-2 (55). P. 199–201. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-2-199-201. EDN: YXMQGE. (In Russ.).
7. Susanto A. H., Simatupang T., Wasesa M. Industry 4.0 maturity models to support smart manufacturing transformation: a systematic literature review. *Journal RESTI (Rekayasa Sistem dan Teknologi Informasi)*. 2023. Vol. 7, no. 2. P. 334–344. DOI: 10.29207/resti.v7i2.4588.
8. Азизова Э. М. Влияние технологических инноваций на экономику // Студенческий. 2023. № 17-5(229). С. 11–13. EDN: MILCAB.
8. Azizova E. M. Vliyanie tekhnologicheskikh innovatsii na ekonomiku [Research on technological innovation in the field of security]. *Studencheskiy*. 2023. No. 17-5(229). P. 11–13. EDN: MILCAB. (In Russ.).
9. Мерзликина Г. С. Экономическая эффективность «умного» производства: от целевых установок к регламентации // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 17–27. DOI: 10.24143/2073-5537-2021-3-17-27. EDN: OEBWES.
9. Merzlikina G. S. Ekonomicheskaya effektivnost' «umnogo» proizvodstva: ot tselevykh ustanovok k reglamentatsii [Economic efficiency of smart production: from targets to regulations]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Seriya: Ekonomika. *Vestnik of*

Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2021. No. 3. P. 17–27. DOI: 10.24143/2073-5537-2021-3-17-27. EDN: OEBWES. (In Russ.).

10. Как умнеют российские заводы и фабрики // РосБизнесКонсалтинг (РБК). URL: <https://goo.su/KWy2e3> (дата обращения: 05.05.2025). (In Russ.).

Kak umneyut rossiyskiye zavody i fabriki [How Russian factories are getting smarter]. RosBiznesKonsalting. (RBK). *RosBusinessConsulting (RBC)*. URL: <https://goo.su/KWy2e3> (accessed: 05.05.2025). (In Russ.).

11. Transforming advanced manufacturing through Industry 4.0 // McKinsey Company. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/transforming-advanced-manufacturing-through-industry-4-0> (accessed: 05.05.2025).

12. Бабкин А. В., Шкарупета Е. В., Ташенова Л. В. Методика оценки конвергентности цифровой индустриализации и индустриальной цифровизации в условиях Индустрии 4 и 5.0 // *π-Economy*. 2023. Vol. 16 (5). С. 91–108. DOI: 10.18721/JE.16507. EDN: UIQYKW.

Babkin A. V., Shkarupeta E. V., Tashenova L. V. Metodika otsenki konvergentnosti tsifrovoy industrializatsii i industrial'noy tsifrovizatsii v usloviyakh Industrii 4 i 5.0 [Methodology for assessing the convergence of digital industrialization and industrial digitalization in the conditions of Industry 4 and 5.0]. *π-Economy*. 2023. Vol. 16 (5). P. 91–108. DOI: 10.18721/JE.16507. EDN: UIQYKW. (In Russ.).

13. Стрижакова Е. Н., Стрижаков Д. В. Цифровое развитие предприятия: диагностика и оценка // *Экономика науки*. 2024. Т. 10, № 2. С. 30–47. DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-2-30-47. EDN: EEFEUL.

Strizhakova E. N., Strizhakov D. V. Tsifrovoye razvitiye predpriyatiya: diagnostika i otsenka [Enterprise digital maturity: diagnostic and assessment techniques]. *Ekonomika nauki. Economics of Science*. 2024. Vol. 10, no. 2. P. 30–47. DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-2-30-47. EDN: EEFEUL. (In Russ.).

14. Fedyunina A. A., Gorodnyi N. A., Simachev Yu. V. How the adoption of Industry 4.0 technologies is related to participation in global and domestic value chains: Evidence from Russia. *International Journal of Innovation Studies*. 2024. Vol. 8, no. 2. P. 93–108. DOI: 10.1016/j.ijis.2024.01.002.

15. Капустина Л. М., Кондратенко Ю. Н. К вопросу о понятии «умного предприятия» в цифровой экономике // *Вопросы управления*. 2020. № 4 (65). С. 33–43. DOI: 10.22394/2304-3369-2020-4-33-43. EDN: CJHWYT.

Kapustina L. M., Kondratenko Yu. N. K voprosu o ponyatii «umnogo predpriyatiya» v tsifrovoy ekonomike [On the issue of the concept of “Smart Enterprise” in the digital economy]. *Voprosy upravleniya. Management Issues*. 2020. No. 4 (65). P. 33–43. DOI: 10.22394/2304-3369-2020-4-33-43. EDN: CJHWYT. (In Russ.).

АБЛИТАРОВ Эрнест Рефатович, магистрант группы Э-м-о-243 Института экономики и управления Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (КФУ им. В. И. Вернадского), г. Симферополь.

SPIN-код: 1864-6815

AuthorID (РИНЦ): 1222974

ORCID: 0009-0002-8956-9596

Адрес для переписки: ablitaroff@mail.ru

КАМИНСКАЯ Анна Олеговна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Экономика предприятия» Института экономики и управления КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь.

SPIN-код: 5402-3128

AuthorID (РИНЦ): 832795

ORCID: 0000-0002-3372-6508

Адрес для переписки: anna_kaminskaya329@mail.ru

ДЕМЕНТЬЕВ Михаил Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Экономика предприятия» Института экономики и управления КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь.

SPIN-код: 3110-4272

AuthorID (РИНЦ): 799481

ORCID: 0000-0002-6058-9721

Адрес для переписки: 79787925722@mail.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 08.10.2025.

ABLITAROV Ernest Refatovich, Master's Student, gr. Э-м-о-243, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (CFU), Simferopol.

SPIN-code: 1864-6815

AuthorID (RSCI): 1222974

ORCID: 0009-0002-8956-9596

Correspondence address: ablitaroff@mail.ru

KAMINSKAYA Anna Olegovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Enterprise Economics Department, Institute of Economics and Management, CFU, Simferopol.

SPIN-code: 5402-3128

AuthorID (RSCI): 832795

ORCID: 0000-0002-3372-6508

Correspondence address: anna_kaminskaya329@mail.ru

DEMENTYEV Mikhail Yurievich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Enterprise Economics Department, Institute of Economics and Management, CFU, Simferopol.

SPIN-code: 3110-4272

AuthorID (RSCI): 799481

ORCID: 0000-0002-6058-9721

Correspondence address: 79787925722@mail.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The article was submitted 16.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 08.10.2025.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ЗАЯВОК НА ТРЕТИЙ СОВМЕСТНЫЙ КОНКУРС РНФ И ВЬЕТНАМСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ (VAST)

Российский научный фонд совместно с **Вьетнамской академией наук и технологий (VAST)** открывают конкурс проектов фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований международными научными коллективами.

Срок приема заявок до 17:00 (мск) 22 декабря 2025 года

Гранты выделяются на осуществление научных исследований в 2027–2029 гг. по следующим отраслям знаний:

1. Математика, информатика и науки о системах.
2. Физика и науки о космосе.
3. Химия и науки о материалах.
4. Биология и науки о жизни.
5. Фундаментальные исследования для медицины.
6. Сельскохозяйственные науки.
7. Науки о Земле.
8. Инженерные науки.

Размер одного гранта составит от 4 до 7 млн рублей ежегодно.

Финансирование получают проекты, которым удастся получить положительную оценку независимых экспертов обеих стран.

Результаты конкурса будут подведены **30 июня 2026 года**.

Подробная информация и конкурсная документация доступны на сайте РНФ <https://rscf.ru/contests/>

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Серия Общество. История. Современность

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя и редакции: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 424;
тел. (3812) 65-32-08; e-mail: onv@omgtu.ru

Адрес типографии: 644050, Омская обл., г. Омск, пр. Мира, 11,
Омский государственный технический университет, корпус 6, каб. 333;
тел. (3812) 65-32-08.